

Лоис Макмастер Буджолд

Священная охота

Шалион – 3

Текст предоставлен издательством «АСТ» <http://www.litres.ru>
«Священная охота»: АСТ, АСТ Москва, Транзиткнига; Москва; 2006
ISBN 5-17-035654-4, 5-9713-2146-3, 5-9578-3899-3

Аннотация

Мир «меча и магии».

Мир высоких Домов, сражающихся меж собою уже столь давно, что и причин-то этих войн уже никто не помнит.

Мир, в котором внезапное убийство сосланного полубезумного принца, совершённое, по официальной версии, юной девой благородной крови, — искра, от которой может вспыхнуть пожар хаоса и междоусобицы Домов, равно претендующих на право наследовать корону умирающего монарха.

Предотвратить это можно, только найдя истинного убийцу принца.

И тогда в замок из столицы отправляется с тайной миссией лорд Ингри кин Волфклиф...

Лоис Буджолд

Священная охота

Глава 1

Принц был мёртв.

Стражники у ворот замка не посмели проявить неподобающей радости по этому поводу, поскольку король оставался ещё в живых. На их лицах, подумал Ингри, скорее было

написано тайное облегчение, да и это выражение исчезло, когда копыта коней эскорта Ингри прогрохотали по камням прохода, ведущего в узкий двор. Стражники узнали его — и поняли, кто его послал.

Ингри чувствовал, как во влажном воздухе тихого осеннего утра липнет к потному телу кожаный камзол. Булыжник двора дохнул на всадников холодом, сохранным высокими побелёнными стенами. Гонец, отправившийся налегке, доскакал отсюда, из охотничьего замка принца, до королевской резиденции в Истхеме всего за два дня. Ингри и его люди, хоть и более тяжело вооружённые, пробыли в пути ненамного дольше. Конюх подбежал, чтобы взять поводья коня, и Ингри спешился, поправляя португепю и лишь на мгновение задержав руку на надёжной рукояти меча.

Управитель покойного принца Болесо, рыцарь Улькра, рысцой выбежал из-за башни; кто знает, чем он занимался с тех пор, как отряд Ингри был замечен на дороге... Сутулый и дородный, Улькра совсем запыхался от спешки и беспокойства и неуклюже поклонился.

— Добро пожаловать, лорд Ингри. Угодно вам подкрепиться и утолить жажду?

— Мне ничего не нужно. А вот о воинах следует позаботиться. — Ингри кивнул в сторону полудюжины сопровождающих его всадников. Лейтенант отряда, рыцарь Геска, благодарно кивнул, и управитель, поманив слуг, распорядился увести коней и проводить солдат в замок.

Ингри следом за Улькрой поднялся по ступеням, ведущим к сколоченной из толстых дубовых плах двери башни.

— Что вы успели сделать?

— Я ждал распоряжений, — понизив голос, ответил управитель. Тревога прочертила на его лице глубокие морщины; Ингри не удивился: люди, служившие принцу, никогда особой инициативой не отличались. — Мы только перенесли тело на холод. Оставить принца там, где мы его нашли, было нельзя. А виновницу мы заперли.

Надо понимать, в предвидении неприятного расследования?

— Я сначала посмотрю на тело, — решил Ингри.

— Да, милорд. Сюда. Мы освободили одну из кладовок.

Они прошли через тесный холл. Огонь в огромном камине почти потух, и рдеющие под слоем серого пепла угли не разгоняли сумрака в неуютном помещении. Облезлая борзая грызла в углу кость и зарычала на вошедших. Мужчины спустились по лестнице и оказались в кухне, где повариха и судомойки при их появлении замолкли и съёжились. Ещё несколько ступеней вели в холодную кладовку, скупо освещавшуюся двумя подслеповатыми окошками, вырубленными высоко в каменной стене.

Маленькая комнатка была освобождена от мебели, в ней установили двое козел и положили на них доски; на них покоилась закутанная в саван фигура. Ингри по привычке коснулся лба, губ, пупка и паха и положил на сердце ладонь с растопыренными пальцами: по одному ритуальному жесту в честь каждого из пяти богов.

«Дочь-Мать-Бастард-Отец-Сын... Где же вы все были, когда такое случилось?»

Пока Ингри ждал, чтобы глаза привыкли к полумраку, Улькра сглотнул и пробормотал:

— Священный король... как он принял новости?

— Трудно сказать, — ответил Ингри с вежливой уклончивостью. — Меня послал хранитель печати Хетвар.

— Конечно.

Ингри мало что мог понять по выражению лица управителя, кроме очевидного: Улькра очень рад переложить ответственность за дальнейшее на чьи-нибудь плечи. Неловко нагнувшись, управитель откинул покрывало, скрывавшее его покойного господина. Ингри, хмурясь, взглянул на тело.

Принц Болесо кин Стагхорн был младшим из выживших... из всех сыновей священного короля — не позволил себе даже мысленной ошибки Ингри. Болесо был ещё совсем молодым человеком, хотя уже несколько лет назад достиг полной телесной силы. Высокий и мускулистый, он отличался, как и все члены семьи, длинным подбородком,

скрытым под короткой каштановой бородкой. Тёмные волосы теперь были спутаны и пропитаны кровью. Бьющая через край энергия принца иссякла, и, лишившись её, лицо потеряло прежнюю притягательность, так что Ингри даже удивился про себя, как мог он когда-то считать принца красивым. Ингри сделал шаг вперёд и обхватил обеими руками череп, нащупывая раны. Раны... Расколота кость под нажимом пальцев; лоб в двух местах был глубоко рассечён, на ранах запеклась почерневшая кровь.

— Каким оружием нанесены раны?

— Собственным боевым молотом принца. Он был на подставке вместе с латами, в спальне.

— Как неожиданно... и для самого Болесо тоже. — Ингри мрачно задумался о судьбе принца. Всю свою короткую жизнь Болесо, по словам Хетвара, то пользовался любовью и вниманием, то оказывался совершенно забыт и родителями, и слугами, и естественная надменность, присущая его происхождению, стала разъедаться опасной жадой почестей, славы, воздаяния за пренебрежение. Надменность — или это была тревога? — в последнее время скрылась под чем-то ещё, какой-то ужасной неуравновешенностью.

«А то, что лишается равновесия, — падает...»

На принце была короткая шерстяная вышитая мантия, отороченная мехом и вся теперь запятнанная кровью. Должно быть, он был в неё одет в момент смерти. Ничего больше видно не было... Никаких ран на бледной коже. Когда управитель сказал, что он ждал распоряжений, он явно чего-то не договаривал. Приближённые принца были так потрясены ужасным событием, что даже не осмелились ни обмыть, ни переодеть мертвеца. Тело принца покрывала пыль... нет, не пыль. Ингри провёл рукой по складке ледяной плоти и настороженно взглянул на появившиеся на пальце пятна — мутно-синие, лимонно-жёлтые и ядовито-зелёные там, где порошки смешались. Краска? Пудра? На тёмном мехе одежды тоже были заметны неясные разводы.

Ингри выпрямился, и его взгляд упал на что-то, что раньше показалось ему грудой мехов у дальней стены. Он подошёл поближе и опустился на колени.

Перед ним был мёртвый леопард. Точнее, самка леопарда, как обнаружил Ингри, перевернув зверя. Мех был мягким и шелковистым. Ингри коснулся холодного закруглённого уха, жёстких белых усов, золотистой шкуры, испещрённой тёмными пятнами, потом поднял тяжёлую лапу с кожистыми подушечками и мощными когтями. Когти были опилены. Вокруг шеи животного оказался туго затянут красный шёлковый шнур, его конец был обрезан. Ингри почувствовал, как у него на голове зашевелились волосы, но постарался скрыть свою реакцию.

Ингри поднял глаза. Наблюдавший за ним Улькра побледнел ещё сильнее.

— Это зверь не наших лесов. Откуда, ради всего святого, он взялся?

Улькра прочистил горло.

— Принц купил его у каких-то дартаканских купцов. Он собирался завести в замке зверинец или, может быть, натаскать леопарда для охоты. Так он говорил.

— Как давно это произошло?

— Несколько недель назад. Ещё перед тем, как здесь останавливалась его благородная сестра.

Ингри потрогал красный шнур и позволил бровям вопросительно подняться.

— А это как случилось?

— Мы нашли зверя повешенным на балке в спальне принца, когда мы... э-э... вошли туда.

Ингри сел на пятки. Он начинал догадываться, почему до сих пор ни один жрец из храма не был вызван для погребальных обрядов. Раскраска на теле, красный шнур, дубовая балка — ясный намёк на то, что зверь не просто был убит, а принесён в жертву — кем-то, кто был привержен древней ереси, запретной лесной магии. Знал ли об этом хранитель печати, когда посылал сюда Ингри? Если и так, то он и виду не подал.

— Кто повесил леопарда?

С явным облегчением — теперь он говорил правду, которая не могла ему повредить — Улькра ответил:

— Я не видел, так что ничего не могу сказать. Зверь был жив, привязан в углу и лежал совершенно спокойно, когда мы привели девушку. Никто из нас больше ничего не видел и не слышал... до тех пор, пока не начались крики.

— Чьи крики?

— Ну... этой девушки.

— Что она кричала? Или это были... — Ингри поспешно проглотил конец фразы: *просто крики*. Он догадывался, что подобное заключение чересчур обрадовало бы Улькру. — Какие-то слова она произносила?

— Она звала на помощь.

Ингри поднялся и отвернулся от пятнистого тела экзотического животного. Его кожаный дорожный костюм закрипел. Теперь его тяжёлый взгляд не отрывался от управителя.

— И что вы сделали?

Улькра отвернулся.

— Мы получили приказание охранять отдых принца... милорд.

— Кто слышал крики? Вы... кто-нибудь ещё?

— Двое телохранителей принца, которым было велено ждать его соизволения.

— Трое сильных мужчин, присягнувших охранять принца. Где вы находились?

Лицо Улькры могло быть высечено из камня.

— В коридоре. Рядом с дверью.

— В коридоре, меньше чем в десяти шагах от совершавшегося убийства... и никто ничего не сделал.

— Мы не смели... милорд. Ведь *он* нас не звал. Да к тому же и крики... смолкли. Мы решили, что девушка... э-э... покорилась. Вошла в спальню она достаточно охотно.

«Охотно? Или понимая безнадёжность сопротивления?»

— Это ведь не служанка-потаскушка. Девушка из свиты собственной сестры принца Болесо хоть и небогатая, но не бесприданница, доверенная её милости не кем-нибудь, а кин Баджербанком.

— Принцесса Фара сама уступила её брату, милорд, когда он попросил об этом.

Под нажимом, если верить сплетням.

— Это сделало её придворной дамой в этом замке, разве не так? — Улькра поморщился. — Даже последний слуга заслуживает защиты от своего господина.

— Любой аристократ в подпитии может ударить слугу и не рассчитать силу удара, — упрямо ответил Улькра. Ингри показалось, что интонация его слишком уж хорошо отрепетирована. Сколько раз повторял Улькра это оправдание в тишине ночи за последние полгода?

Отвратительный случай с убитым слугой послужил причиной ссылки принца Болесо в эту дыру. Всем известная страсть принца к охоте делала такое наказание сомнительным, но по крайней мере оно помешало жрецам вцепиться в редёющие волосы хранителя королевской печати. Слишком малая расплата за убийство, слишком большая — за несчастный случай; Ингри, который по поручению Хетвара осматривал комнату на следующее утро, прежде чем её привели в порядок, не счёл случившееся ни тем, ни другим.

— *Любой аристократ* не станет сдирать кожу с убитого и расчленять труп, Улькра. Не только вино оказалось повинно в том кошмарном поступке. Принц был безумен, и все мы это знаем. — И когда король и его приближённые позволили себя уговорить — последовали призывы к верности, соблюдению приличий и защите репутации высочайшего дома (о необходимости позаботиться о душе принца никто и не вспомнил), — скандал оказался замят.

Ожидалось, что Болесо вернётся ко двору ещё через полгода, должным образом раскаявшийся или по крайней мере притворяющийся таковым. Но Фара прервала своё

путешествие из земель своего супруга, графа-выборщика, к постели занедужившего отца, чтобы навестить брата, и тут-то её хорошенькая, как предположил Ингри, фрейлина попала на глаза скучающему принцу. Каких только сплетен не гуляло в свите принцессы, прибывшей в Истхом незадолго до того, как до столицы дошли трагические новости, — про несчастную девушку говорили, и что она пожертвовала добродетелью из страха перед неукротимым вожделением принца, и что она расчётливо воспользовалась возможностью удовлетворить свои амбиции.

Если тут был расчёт, то он не оправдался. Ингри вздохнул.

— Проводите меня в спальню Болесо.

Апартаменты покойного принца занимали верхний этаж центральной башни. Коридор, который вёл к спальне, оказался коротким и тёмным. Ингри представил себе мерцающий свет свечей, придворных, сбившихся в дальнем конце и ожидающих, пока прекратятся крики, и ему пришлось усилием воли разжать стиснутые зубы. На прочной двери изнутри оказался дубовый засов, да ещё и железный замок.

Убранство комнаты было по-деревенски простым: кровать под балдахином, коротковатая для высокого принца, несколько сундуков, подставка для лат и оружия у окна. Широкие доски пола кое-где прикрывали ковры, и на одном из них виднелось тёмное пятно. Немногочисленная мебель оставляла достаточно места, чтобы жертва попыталась увернуться... а потом, загнанная преследователем в угол, обернулась и замахнулась...

Окна справа от подставки с оружием были узкими, со вставленными в свинцовые переплёты толстыми неровными кружками стёкла. Ингри потянул створку, распахнул ставни и выглянул наружу. От скалы, на которой высился замок, разбегались покрытые зелёными лесами холмы, и в жидком осеннем солнечном свете над долинами поднимался туман, похожий на призрачные потоки. У подножия скалы виднелась деревушка с расчищенными вокруг полями — источник, несомненно, продовольствия, дров, слуг для замка, грубых и простых.

Падение с подоконника на камни внизу было бы смертельным, а перепрыгнуть на стену не удалось бы даже существу достаточно миниатюрному, чтобы протиснуться в окно. К тому же в темноте и под дождём... Бежать этим путём невозможно, разве что к собственной гибели. И стоит повернуться от окна, как под шарящей рукой перепуганной жертвы окажется подставка с оружием. Боевой топор с рукоятью, выложенной золотом, всё ещё оставался на ней.

Такой же выделки боевой молот валялся на смятой постели. Его зазубренная головка, очень похожая на лапу хищника, была покрыта засохшей кровью, как и ковёр на полу. Ингри отметил совпадение формы головки с ранами на голове принца. Молотом взмахнули, держа его двумя руками, со всей силой, которую мог породить ужас. Однако это была всего лишь сила женщины, в конце концов. Принц, наполовину оглушённый — и, несомненно, разъярённый, — продолжал приближаться. Второй удар оказался смертельным.

Ингри прошёлся по комнате, огляделся и бросил взгляд на балку. Улькра, стиснув руки перед собой, попятился. Прямо над кроватью свисал обрезанный красный шнур. Ингри поставил ногу на постель, вытащил кинжал, потянулся, срезал шнур и спрятал его за пазуху.

Спрыгнув на пол, Ингри повернулся к застывшему у двери Улькре.

— Болесо будет погребён в Истхеме. Прикажите обмыть его раны и тело — тщательно обмыть, уложить в соль и подготовить к перевозке. Найдите телегу и лошадей — лучше две пары, учитывая, какая грязь на дорогах — и умелого возницу. Пусть принца сопровождают его гвардейцы; их неумелость ему больше не повредит. Прикажите убрать комнату и навести порядок в башне, назначьте смотрителя и со свитой и ценными вещами отправляйтесь в столицу. — Ингри ещё раз оглядел комнату. Больше тут ничего не удастся обнаружить. — Сожгите леопарда. Развейте пепел.

Улькра сглотнул и кивнул.

— Когда вы пожелаете отправиться, милорд? Вы проведёте ночь здесь?

Следует ли ему, сопровождая пленницу, ехать вместе с медлительным кортежем или же

скакать вперёд? Ингри хотелось как можно скорее покинуть замок — хотелось так сильно, что даже мускулы сводило, — но с приближением осени дни стали коротки, и светлого времени оставалось уже немного.

— Прежде чем решать, мне нужно поговорить с узницей. Отведите меня к ней.

Идти пришлось недалеко: этажом ниже располагалась лишённая окон, но тёплая и сухая кладовка. Не темница и, безусловно, не комната для гостей: такой выбор ясно говорил о неопределённости положения девушки. Улькара постучал в дверь и крикнул:

— Миледи, к вам посетитель. — Отперев дверь, он широко распахнул её перед Ингри.

Из темноты сверкнули горящие глаза, словно там, как в полном шорохов лесу, таилась огромная кошка. Ингри отшатнулся, и рука его рванулась к рукояти меча. Клинок с шипением наполовину выскользнул из ножен; Ингри сильно ударился локтём о притолоку, так что боль пронизала руку от плеча до кончиков пальцев, и попятился назад, чтобы получить свободу манёвра.

Улькара в изумлении схватил Ингри за руку и вытаращил на него глаза.

Ингри замер на месте и поспешно высвободил руку, чтобы управитель не почувствовал, как он дрожит. Первым делом нужно было подавить неистовый порыв, пронзивший его тело, не дать проявиться его проклятому дару — соблазн не обрушивался на него так неожиданно с тех пор... в общем, уже давно.

«Я не позволю тебе, волк-у-меня-внутри! Ты не получишь свободы!»

Ингри решительно спрятал меч в ножны, медленно разжал пальцы и вытер ладонь о кожаные штаны.

Заставив свой разум вооружиться здравым смыслом, он снова заглянул в комнатку. С соломенного тюфяка на полу поднималась похожая на привидение молодая женщина. О её удобствах, похоже, достойным образом позаботились: на постели лежало стёганое покрывало, кувшин с водой и кружка позволяли утолить жажду, в углу виднелся накрытый крышкой ночной горшок. Эта темница удерживала пленницу, но пока ещё не наказывала.

Ингри облизнул сухие губы.

— Не вижу вас в этом закутке. — «А то, что видел, отвергаю». — Выйдите на свет.

Девушка подняла подбородок, встряхнула тёмной гривой волос и подошла. На ней было тонкое бледно-жёлтое полотняное платье с вышивкой вокруг выреза — если и не придворный наряд, то, уж во всяком случае, одежда высокопоставленной женщины. Тёмная полоса тянулась поперёк лифа. На свету в густых тёмных волосах вспыхивали красноватые блики. Сверкающие карие глаза исподлобья смотрели на Ингри. Для девушки пленница была довольно высокой: одного роста с жилистым и поджарым Ингри.

Карие глаза с тёмным ободком вокруг радужки, почти янтарные... вовсе не горящие зелёным светом... нет...

Бросив настороженный взгляд на Ингри, Улькара начал говорить, представляя их друг другу так формально, как если бы объявлял о прибытии на устроенный принцем пир:

— Леди Йяда, это лорд Ингри кин Волфклиф, прибывший по поручению хранителя печати Хетвара. Вы передаётесь на его попечение. Лорд Ингри, это леди Йяда ди Кастос, по матери кин Баджербанк.

Ингри заморгал. Хетвар называл её просто леди Йяда...

«Леди Йяда, не слишком значительная представительница рода Баджербанк, да помогут нам все пять богов...»

— Это ведь ибранское имя.

— Шалионское, — холодно поправила его девушка. — Мой отец был лордом-дедикатом ордена Сына, капитаном крепости квинтарианцев на западной границе Вилда. Там я и выросла. Отец женился на вилдианской леди из рода кин Баджербанк.

— Ваши родители... умерли? — неуверенно спросил Ингри.

Девушка с холодной иронией склонила голову.

— В противном случае я была бы под лучшей защитой.

Она не потеряла самообладания и не плакала... по крайней мере не плакала недавно. И

уж точно не была безумна. За четыре дня, проведённых в этом закутке, у неё было время обдумать своё положение, но девушка держала себя в руках, и лишь еле заметная дрожь в голосе выдавала страх или гнев. Ингри оглядел пустой коридор и перевёл взгляд на Улькру.

— Отведите нас куда-нибудь, где мы сможем сесть и поговорить. Куда-нибудь, где нам не помешают... и где будет светло.

— Э-э... — После минутного размышления управитель поманил их за собой. Он без колебаний, как заметил Ингри, повернулся к девушке спиной. Похоже, эта узница не кидалась на своих тюремщиков, не царапалась и не кусалась. Её шаги, когда она двинулась следом за Ингри, были твёрдыми. Свернув в другой коридор, Улька указал на скамью под окном, выходящим на задний двор замка.

— Это подойдёт, милорд?

— Да. — Ингри помедлил, глядя, как леди Йяда, грациозно подобрав юбки, усаживается на полированное сиденье. Следует ли ему удержать Улькру как свидетеля или отослать, чтобы поощрить девушку к откровенности? Не станет ли она снова агрессивной? Непрошенный образ Ульки в коридоре этажом выше, ожидающего, пока стихнут крики, смутил Ингри.

— Вы можете заняться своими делами, управитель. Вернитесь через полчаса.

Улька, хмурясь, неуверенно взглянул на девушку, потом с поклоном удалился. Люди Болесо, вспомнил Ингри, не имели привычки сомневаться в разумности приказов вышестоящих. Может быть, от тех, кто позволял себе такое, принц так или иначе избавлялся. Эти остались. Пена. Отбросы.

С некоторой неловкостью — скамья была короткой и сидеть приходилось слишком близко друг к другу — Ингри сел рядом с девушкой. Его предположение о том, что принц выбрал просто хорошенькую мордашку, оказалось ошибочным. Красота леди Йяды была сияющей. Если только Болесо в добавление к безумию не страдал ещё и слепотой, девушка должна была поразить его с первого взгляда. Широкий лоб, прямой изящный нос, скульптурных очертаний подбородок... одну щеку украшал огромный синяк, и на светлой коже шеи виднелось ещё несколько — синие, как сливы, отпечатки пальцев. Ингри поднял руку и коснулся синяков; девушка слегка поморщилась, но вытерпела обследование. Руки Болесо были, похоже, крупнее, чем у Ингри. Нежная кожа излучала завораживающее тепло. Глаза Ингри, казалось, затянул золотистый туман, и его пальцы стиснули горло леди Йяды. Ингри резко отдернул руку; тихий стон девушки заглушил его судорожный вздох.

«Что это было?..»

Чтобы скрыть смущение, Ингри бросил:

— Я — офицер на службе хранителя королевской печати. Мне поручено доложить ему обо всём, что я услышу или увижу. Вы должны правдиво рассказать мне о том, что здесь произошло. Начните с самого начала.

Леди Йяда откинулась на спинку скамьи, растерянность в её глазах сменилась напряжённым вниманием. Ингри уловил её запах — не аромат духов и не зловоние крови, а собственный запах женщины, и под её пристальным взглядом впервые задумался о том, как выглядит сам — и как пахнет. Конский пот, холодная сталь оружия, запыхлённая кожаная одежда... тёмная щетина на усталом лице. Меч и кинжал, опасно широкие полномочия... Как это она не отшатывается от него?

— С какого начала? — спросила она.

Мгновение он непонимающе смотрел на девушку.

— С вашего приезда в этот замок, мне кажется. — Разве было и иное начало? Нужно будет вернуться к этому вопросу позднее.

Леди Йяда сглотнула, потом взяла себя в руки и начала:

— Принцесса торопилась добраться до резиденции своего отца и выехала с совсем небольшой свитой. В дороге она плохо себя почувствовала. Ничего особенного, но её месячные сопровождаются жестокими головными болями, и если она не имеет возможности спокойно отдохнуть, то может разболеться всерьёз. Мы свернули сюда, поскольку никакого

пристанища ближе не оказалось, и к тому же принцесса Фара желала увидеться с братом. Думаю, она помнила принца по тем временам, когда он был моложе и не такой... трудный.

«До чего же тактично!»

Ингри не мог решить, является ли этот оборот речи образчиком дипломатии или проявлением суховатой иронии. Скорее просто осторожностью, если судить по замкнутому и напряжённому лицу, подумал он. Девушка, несомненно, напрягала ум, и ей было не до остроумия.

— Нас приняли радушно, если и не с той роскошью, к которой принцесса привыкла, то по крайней мере предоставив в наше распоряжение всё, что этот замок может предложить.

— Вы когда-нибудь раньше встречались с принцем Болесо?

— Нет. Я всего несколько месяцев как поступила на службу к принцессе. В её штат меня устроил отчим. Он сказал... — Леди Йяда запнулась. — Сначала всё казалось обычным... для охотничьего домика вельможи. Дни проходили спокойно: принц приглашал придворных сестры на охоту, а если вечерами мужчины и становились шумными и много пили, то принцесса и её дамы при этом не присутствовали: принцесса по большей части лежала в своих покоях. Я дважды передавала принцу её жалобы на шум, но он никакого внимания на это не обратил. Мужчины натравливали собак на дикого кабана, которого удалось поймать живьём, бились об заклад, и происходило всё как раз под окнами принцессы. Егеря Болесо очень беспокоились о собаках... Жаль, что здесь не было графа Хорсривера — он унял бы их одним словом: граф, когда пожелает, бывает очень резким на язык. Мы прожили здесь три дня, пока принцесса не была готова двинуться дальше.

— Принц Болесо ухаживал за вами?

Губы девушки сжались в тонкую линию.

— Я бы этого не сказала. Он вёл себя одинаково несносно в отношении всех женщин из свиты его сестры. Я ничего не знала о его... предпочтении до того утра, когда мы должны были отправиться в путь.

Девушка снова сглотнула.

— Моя госпожа, принцесса Фара, тогда сказала мне, что я должна остаться. Что, может быть, это и не очень мне по душе, но вреда не принесёт. Потом можно будет найти мне супруга. Я умоляла её не оставлять меня здесь. Принцесса не пожелала встретиться со мной глазами. Она сказала, что такая сделка не хуже любой другой, а по сравнению со многими ещё и лучше, и что я должна подумать о своём будущем. Что женщины, как и мужчины, должны служить своему господину. Я ответила, что сомневаюсь, чтобы большинство мужчин согласились... боюсь, я выразилась довольно грубо. После этого принцесса отказалась со мной разговаривать. Они уехали, оставив меня здесь. Я не стала хвататься за стремя принцессы — боялась вызвать насмешки людей принца. — Леди Йяда обхватила себя руками, словно пытаясь закутаться в своё поправленное достоинство. — Я говорила себе, что, может быть, принцесса права. Что такая судьба не хуже любой другой. Болесо не был уродлив или стар... и не казался больным.

Ингри не смог удержаться, чтобы не примерить перечисленные качества к себе. Можно было надеяться, что и он не попадал ни в одну из этих категорий. Впрочем, на память приходили и некоторые иные свойства... развращённость, например.

— Я не понимала, насколько он безумен, пока принцесса и её свита не уехали, а тогда было уже слишком поздно.

— Что случилось дальше?

— Вечером меня отвели к его покоям и втолкнули внутрь. Принц меня ждал. Он был одет в мантию, но под ней ничего не было, и всё его тело оказалось расписано красками из вайды, марены и крокуса... древними символами, которые иногда ещё бывают видны на старых деревянных постройках или в лесу — там, где раньше были капища. В углу был привязан леопард принца — ему дали какое-то снадобье, и зверь уснул. Принц сказал... как выяснилось... он вовсе не влюбился в меня. Даже вожеления он не испытывал. Ему понадобилась девственница для какого-то обряда, о котором он узнал... или придумал... —

не уверена, он к этому моменту говорил уже не очень ясно, — и я оказалась единственной подходящей, потому что другие две дамы, сопровождавшие принцессу, были одна замужняя, а другая — вдова. Я пыталась отговорить его, напомнить, что такие обряды — гнусная ересь и что он совершает ужасный грех против установленных его же собственным отцом законов... я пригрозила, что убегу и обо всём расскажу. Принц ответил, что затравит меня собаками, что они растерзают меня, как растерзали кабана. Я пообещала обратиться в храм в деревне. Принц заявил, что в храме служит всего лишь аколит и к тому же трус. Он сказал, что убьёт любого, кто даст мне убежище... даже этого священнослужителя. Он не боялся жрецов, говорил, что церковь — фактически собственность кин Стагхорнов и что любого священнослужителя он может купить за гроши.

При помощи обряда принц хотел пленить дух леопарда, как это, по преданиям, делали древние воины кланов. Я сказала, что у него ничего не получится. Болесо ответил, что уже делал подобное несколько раз и что намерен захватить духов всех обладающих мудростью животных. Он полагал, что это каким-то образом даст ему власть над Вилдом.

Ингри изумлённо перебил девушку:

— Древние воины Вилда забирали себе лишь по одному духу зверя — по одному на протяжении всей жизни. И даже это грозило безумием. Всегда имелась опасность неудачи... и даже хуже.

«Как мне известно по собственному нескончаемому опыту».

В бархатном голосе леди Йяды стало чувствоваться волнение.

— Болесо подвесил леопарда на шнуре, а меня ударил и швырнул на постель. Я сопротивлялась. Принц что-то бормотал — то ли заклинания, то ли проклятия, не знаю. Тут я поверила, что он уже делал подобное раньше, — его ум был настоящим зверинцем, полным завывающих хищников. Предсмертные конвульсии леопарда отвлекли Болесо, и мне удалось вывернуться. Я попыталась убежать, но бежать было некуда. Дверь была заперта. Принц сунул ключ в карман.

— Вы звали на помощь?

— Наверное... Я плохо помню. Потом оказалось, что я сорвала голос, так что, должно быть, я кричала. Не было никакой надежды вылезти в окно. Окутанный тьмой лес за ним казался бесконечным... Я звала на помощь дух отца, молила того бога, которому он служил...

Ингри не мог не подумать, что в таких отчаянных обстоятельствах девушке полагалось бы призывать свою истинную покровительницу — леди Весны, богиню, для которой девственность свята. Очень странно, что женщина молила о помощи Сына Осени.

«Впрочем, сейчас его сезон...»

Сын Осени был богом молодых мужчин, жатвы, охоты, товарищества — и войны. Может быть, оружия тоже?

— Вы повернулись, — сказал Ингри, — и вам под руку попалась рукоять боевого молота.

Карие глаза широко раскрылись.

— Откуда вам это известно?

— Я видел спальню.

— Ох... — Леди Йяда облизнула губы. — Я ударила его. Он кинулся на меня и... и зашатался. Я ударила его снова. Он остановился. Упал и не поднялся. Он не был ещё мёртв — его тело сотрясали судороги, когда я стала шарить в кармане мантии, чтобы достать ключ. Я едва не упала в обморок... во всяком случае, я помню, что стояла на четвереньках, а в комнате словно потемнело. Я... он... Наконец мне удалось отпереть дверь и позвать придворных.

— А они что? Рассвирепели?

— Скорее испугались, чем рассвирепели, я думаю. Они все препирались и винули друг друга, и меня, и вообще всех на свете. Даже самого Болесо. Прошло очень много времени, пока они сообразили, что нужно меня запереть и послать гонца.

— А вы что делали?

— По большей части сидела на полу. Меня ужасно мутило. Мне задавали такие глупые вопросы! Убила ли я его? Неужто они думали, будто он сам себя ударил? Я порадовалась своей темнице, когда меня наконец туда отвели. Не думаю, что Улькра заметил засов, которым я могла запереть дверь изнутри.

Да, любопытно... Самым безразличным тоном, какой он только мог придать своему голосу, Ингри спросил:

— Удалось принцу Болесо совершить над вами насилие?

Девушка подняла голову, и глаза её сверкнули.

— Нет.

В голосе леди Йяды прозвенела искренность и что-то похожее на триумф. В безвыходной ситуации, брошенная всеми, кто должен был оберегать её, девушка обнаружила, что сдаваться не обязательно. Многозначительный урок.

«И чрезвычайно опасный».

Всё таким же ровным голосом Ингри спросил:

— Принц сумел завершить обряд?

На этот раз леди Йяда заколебалась.

— Не знаю... Я не уверена, каковы были его намерения. — Она опустила глаза и стиснула руки. — Что теперь будет? Рыцарь Улькра сказал, что передаёт меня на ваше попечение. Куда вы меня отвезёте?

— В Истхом.

— Хорошо, — откликнулась она с неожиданной горячностью. — Священнослужители наверняка там мне помогут.

— Вы не боитесь суда?

— Суда? Я защищалась! Меня обманом заманили в этот кошмар!

— Возможно, — тихо ответил Ингри, — что найдутся могущественные люди, которые не захотят, чтобы вы об этом заявили. Подумайте сами. Вы ведь не можете доказать попытку изнасилования. Найдётся полдюжины свидетелей того, что вы пошли в комнату Болесо добровольно.

— Да, добровольно — если бы я бежала из замка, меня растерзали бы в лесу звери. Добровольно — чтобы не обречь на мучительную смерть любого, кто отважился бы мне помочь. — Девушка с внезапным изумлением уставилась на Ингри. — Вы мне не верите?

— Верю. — «О да, верю!» — Но не я буду вас судить.

Леди Йяда нахмурилась и прикусила губу так сильно, что кожа побелела. Через мгновение она решительно выпрямилась снова.

— В любом случае если насилие и происходило без свидетелей, то о незаконном обряде этого сказать нельзя. Все придворные видели леопарда. Они видели тайные символы на теле принца. Это уже не мои утверждения, а вполне материальные доказательства, которые каждый может потрогать собственными руками.

«Теперь уже нет».

Даже если она виновна, девушка сохранила невинность души. В этом Ингри не сомневался.

«Ах, леди Йяда, вы даже понятия не имеете, чему пытаетесь противостоять...»

Ингри услышал приближающиеся шаги. Подняв глаза, он увидел Улькру, который каким-то странным образом одновременно и подобострастно семенил, и грозно нависал над ними.

— Что вам будет угодно, милорд? — нервно пробормотал управитель.

«Быть в любом другом месте, только не здесь, и делать всё что угодно, только не то, что приходится».

Ингри два дня провёл в седле. Он слишком устал, неожиданно решил он, чтобы проскакать сегодня ещё хоть милю. Болесо вряд ли так уж не терпится быть погребённым и предстать перед божественным судом. А Ингри вовсе не горит желанием как можно скорее

доставить эту несчастную наивную девочку её земным судьям. Она не боится того, чего бояться следует... Да помогут ему пятеро богов, она, похоже, вообще ничего не боится.

— Дадите ли вы мне слово, — обратился он к леди Йяде, — что если я облегчу ваше заточение, вы не попытаетесь бежать?

— Конечно, — ответила девушка, словно даже несколько удивлённая тем, что ему понадобилось её об этом спрашивать.

Ингри повернулся к управителю.

— Поместите леди в удобную комнату. Верните ей все её вещи и найдите приличную служанку, если здесь таковую можно найти, чтобы помочь собраться в дорогу. Мы выедем в Истхом, сопровождая тело принца, завтра на рассвете.

— Да, милорд, — ответил Улькра, с облегчением склонив голову.

Ингри пришла неожиданная мысль.

— Скажите, управитель, не сбежал ли кто-нибудь из людей принца после его смерти?

— Нет, милорд. Почему вы спрашиваете?

Ингри неопределённо повёл рукой, не желая раскрывать причину своего любопытства. Настаивать на ответе Улькра не решился.

Ингри поднялся на ноги. Его мышцы, казалось ему, так же громко протестуют против любого движения, как и скрипучая кожа дорожной одежды. Леди Йяда благодарно поклонилась ему и последовала за управителем. Прежде чем свернуть на лестницу, она оглянулась через плечо и бросила на Ингри серьёзный доверчивый взгляд.

Его долг — доставить её в Истхом. Только и всего. Передать в руки... вовсе не дружественные руки. Пальцы Ингри стиснули рукоять меча.

«Только и всего».

Глава 2

Кортеж выехал из ворот замка в предрассветном тумане. Ингри приказал шестерым гвардейцам Болесо ехать впереди крестьянской телеги, которая лишь из милосердия могла быть названа катафалком, и шестерым — позади. На телегу взгромоздили поспешно сколоченный длинный ящик, наполненный солью грубого помола, которая должна была убереечь тело от разложения, — это и стало последним ложем принца. В грустной попытке придать процессии торжественность рыцарь Улькра велел накрыть гроб оленьей шкурой и увить опоры навеса над ним траурными лентами — взамен балдахина, который едва ли выдержал бы ухабы на местных дорогах. Если солдаты и попытались начистить оружие ради своей печальной вахты, их усилия пропали незамеченными в густом тумане. Ингри больше следил за тем, чтобы ящик привязали к телеге крепкими верёвками.

Возница, которого выбрал Улькра, был местным крестьянином, хозяином и телеги, и запряжённых в неё коней; он умело преодолел первые опасные повороты узкой дороги. Рядом с ним сидела его угрюмая жена, ловко управлявшаяся с деревянным тормозом, заставлявшим колёса отчаянно визжать на спусках. Эта степенная пожилая женщина окажется лучшей дуэньей для пленницы, подумал Ингри, чем чумазая и перепуганная служанка, которую предложил было Улькра; к тому же за женщинами присмотрит и возница. Ингри доверял собственным солдатам, но хорошо помнил о засове с внутренней стороны двери временной темницы; что бы ни думала по этому поводу леди Йяда, Ингри не сомневался: Улькра совсем не случайно выбрал именно такое помещение.

Побелённые стены и острые зелёные черепичные крыши башен замка растаяли как сон среди серых призраков деревьев. Дорога расширилась и сделалась более прямой. Ингри молча отсалютовал двоим своим солдатам, замыкавшим процессию, и направил коня мимо повозки и сопровождающих её людей принца туда, где четверо его воинов окружали леди Йяду.

Пленница ехала на собственной лошади — то ли из конюшен графа Хорсривера, то ли подаренной её семейством. Это была изящная гнедая кобыла, чистокровная и явно очень

резвая. Она застоялась в конюшне и теперь танцевала и фыркала, нервно прижимая уши. Вздумай леди Йяда дать кобыле шпоры и поскакать в сторону от дороги, догнать её было бы нелегко. Впрочем, всадница пока не проявляла никаких поползновений сделать это; она ловко сидела в седле, изредка натягивая поводья, чтобы не позволить своей лошади обгонять остальных. Этим утром леди Йяда была одета, как подобает знатной даме, выехавшей на охоту: в коричневый отделанный золотистой тесьмой жакет и юбку с разрезом, из-под которой выглядывали начищенные сапожки. Её строго зачёсанные назад волосы удерживала вязаная сеточка, а лёгкий шарф цвета сливок скрывал тёмные отпечатки пальцев Болесо на шее.

В намерения Ингри не входила праздная болтовня с пленницей, поэтому он ограничился вежливым кивком и направил коня к голове колонны. Некоторое время все ехали молча. С ветвей деревьев капала влага, и мелодичное журчание пересекавших дорогу ручьёв, для которых были проложены трубы из выдолбленных древесных стволов, казалось таким громким, что его не заглушали ни скрип колёс, ни удары копыт. Кортёж миновал последний поворот, дорога стала ровнее, лес отступил, и неожиданно путники оказались на залитом светом пространстве.

Солнечные лучи лились сквозь брешь в горной гряде на востоке, превращая влажный воздух в расплавленное золото и окрашивая дальние склоны яркой зеленью. О присутствии человека — вероятно, артели углежогов — говорила единственная струйка дыма, поднимавшаяся над густыми чащами, окружившими деревушку и распаханные вокруг неё поля. Этот пейзаж не слишком порадовал Ингри. Мрачно оглядев грязную дорогу впереди, он придержал коня, чтобы убедиться: кортеж благополучно миновал последние деревья. Когда Ингри снова развернул коня, он оказался рядом с леди Йядой.

Она смотрела вперёд, и в её глазах, которым яркий свет придал золотисто-карий оттенок, читалось спокойное удовольствие.

— Как же сверкают эти холмы! Я просто обожаю предгорья — между безжизненными вершинами и обработанными полями равнин.

— Здесь опасная и не слишком гостеприимная местность, — ответил Ингри, — но как только мы минуем пустоши, дорога станет лучше.

Леди Йяда искоса взглянула на Ингри и приподняла брови, увидев кислое выражение его лица.

— Вам не нравятся здешние места? Земли, составляющие моё приданое, столь же пустынно — они лежат к западу отсюда, там, где горы понижаются. — Она поколебалась, прежде чем продолжить: — Мой отчим разделяет ваше мнение об этих безлюдных дорогах, что и неудивительно: он горожанин, главный строитель храма в Баджербридже, и больше всего любит деревья в виде балок, досок и дров. Он всегда говорит, что лучше бы я сделала приданым своё лицо, а не те мрачные леса. — Леди Йяда неожиданно поморщилась, и свет в её глазах потух. — Он так радовался, когда одна из моих тёток Баджербанк нашла мне место в свите принцессы — благородной графини Хорсривер. И вот теперь...

— Он рассчитывал, что под присмотром принцессы вам будет легче заполучить супруга?

— Что-то в этом роде. Он надеялся, что мне улыбнётся удача. — Леди Йяда пожала плечами. — Только я уже успела понять, что высокородные лорды интересуются приданым ещё больше, чем сельские дворяне. Мне следовало предвидеть... — губы девушки твёрдо сжались, — следовало рассчитывать скорее на знатного соблазнителя. Врасплох меня застали еретические обряды и явное безумие принца.

Слушая леди Йяду, Ингри задумался о том, не был ли тем аристократом, которого привлекла красота фрейлины принцессы, сам граф Хорсривер. Уже четыре года женатый на дочери священного короля, он так и не обзавёлся наследником; может быть, для этого нашлась и другая причина, кроме невезения? Если так, вполне понятно желание принцессы избавиться от девушки при первой возможности, и ревность к прелестной сопернице могла заставить её закрыть глаза на ожидающую ту не слишком завидную участь... Знала ли Фара

об опасных планах брата?

«Ты хочешь сказать, о других планах, помимо изнасилования?»

«С какого начала?» — спросила леди Йяда вчера. Как будто могла выбирать из дюжины...

— Что вы думаете о графе Хорсривере? — осторожно поинтересовался Ингри. Граф владел многими землями, происходил из древнего рода, но больше всего значения в настоящий момент ему придавал его голос выборщика — одного из тринадцати, участвующих в избрании нового священного короля. Впрочем, подобные политические соображения казались неподходящими для этой хорошенькой головки, какой бы разумной она ни была.

На лице леди Йяды появилось задумчивое выражение, но никакого испуга или виноватого смущения Ингри не заметил.

— Не знаю. Он странный... Я чуть не сказала «молодой человек», хотя на самом деле он едва ли кажется молодым. Наверное, дело отчасти в ранней седине у него в волосах. Он очень умён, временами это даже смущает. И часто бывает угрюмым. Иногда он молчит целыми днями, словно погружённый в собственные мысли, и тогда никто не смеет заговаривать с ним, даже сама принцесса. Сначала я думала, что это следствие его увечья: искривлённой спины и странной формы лица, но на самом деле он, кажется, совсем не обращает на свою внешность внимания. Это ничуть его не останавливает... — Девушка взглянула на Ингри с запоздалой подозрительностью. — Вы хорошо знаете графа?

— Мы мало виделись с тех пор, как стали взрослыми, — ответил Ингри. — Я с ним в довольно близком родстве через его покойную мать. Я несколько раз встречался с ним, когда мы были детьми. — Ингри помнил юного лорда Венсела кин Хорсривера низкорослым неуклюжим мальчишкой, со слюнявым ртом и не особенно острым умом. Может быть, косноязычным его делала застенчивость; но Ингри тогда не испытывал симпатии к младшему кузену, который не мог за ним угнаться в играх, и не старался с ним подружиться. К счастью, думал теперь Ингри, в детстве он хоть не пытался мучить беднягу... — Его отец и мой умерли почти одновременно.

Только престарелый граф Хорсривер умер тихо и достойно — от самого обычного апоплексического удара. А не в расцвете лет, с пеной на губах, с лихорадочными стонами, эхо которых, казалось, разлеталось по коридорам замка из какой-то камеры пыток глубоко под землёй... Ингри решительно отогнал воспоминания.

Девушка искоса взглянула на него.

— Каким вы помните отца?

— Ему принадлежал замок Бирчгров, одна из крепостей старого графа Касгута кин Волфклифа. — «А я хозяином замка не являюсь». Заметит ли быстрый ум девушки несоответствие или она просто сочтёт его младшим сыном? — Бирчгров запирает долину реки Бирчбек там, где она впадает в Лур. — Всё это не было, конечно, ответом на заданный девушкой вопрос. Каким образом разговор коснулся этого опасного предмета? Тон леди Йяды, заметил Ингри, был таким же подчёркнуто безразличным, как его собственный, когда он спросил её о графе Хорсривере.

— Так мне и рассказал рыцарь Улькра. — Девушка вздохнула, глядя прямо перед собой. — Он также сказал, что, по слухам, ваш отец умер от укуса бешеного волка, когда пытался завладеть его духом, и что дух волка также достался и вам, только обряд прошёл не так, как следовало, и вы долго и тяжело болели. Близкие боялись за вашу жизнь и рассудок, поэтому Бирчгров унаследовал ваш дядя, а не вы. Потом семья отправила вас в паломничество, и вам стало лучше. Я не знала, что и думать: правда ли это всё, и если правда, то почему ваш отец решился на такой отчаянный поступок. — Только выпалив эту тираду, леди Йяда повернулась к Ингри; её взгляд был тревожным и вопросительным.

Конь Ингри фыркнул и вскинул голову, когда тот невольно рванул поводья. Усилием воли Ингри разжал пальцы, а мгновением позже — и стиснутые зубы. Потом наконец ему удалось прошипеть:

— Улькра — сплетник. Это большой недостаток.

— Он вас боится.

— Недостаточно боится, по-видимому. — Ингри резко развернул коня, притворившись, что ему нужно проверить, всё ли в порядке в кортеже, и вернулся в голову колонны уже по другой стороне дороги. Леди Йяда взглянула на него и открыла рот, словно собираясь заговорить, но Ингри сделал вид, что не заметил этого.

Необходимость отдавать распоряжения, когда кортеж достиг крутого подъёма, достаточно отвлекла Ингри, чтобы помочь ему восстановить спокойствие, или по крайней мере вытеснила ярость, заменив её тревогой. Дорога шла круто вверх по краю обрыва, копыта усталых коней скользили в грязи, и телега начала опасно крениться. Жена возницы завопила, предупреждая об опасности. Ингри спрыгнул с коня и возглавил наиболее сообразительных из солдат: они начали толкать неуклюжую повозку сбоку и сзади, не позволяя ей скатиться в пропасть.

Ингри расплатился за это ушибленным плечом и грязью на своём кожаном дорожном костюме; он едва не уступил соблазну предоставить телегу её собственной судьбе. Ингри видел внутренним взором, как она валится вниз, разламываясь на части, а гроб кувыркается среди камней и выбрасывает наружу голый труп Болесо в облаке соли. Только в этом случае телега потянула бы за собой и ни в чём не повинных трудолюбивых коней, а они в отличие от принца такой участи не заслуживали. К тому же, учитывая, что сам Ингри находился между телегой и обрывом, он сам оказался бы раздавлен, так что сопровождающим пришлось бы использовать надёжную кожу его одежды как вместилище для его останков. Эти мрачные мысли достаточно развлекли Ингри, чтобы снова в седло он сел хоть и запыхавшись, но в лучшем настроении.

В полдень кортеж остановился на широкой поляне рядом с дорогой, у древнего колодца. Солдаты достали хлеб и холодное мясо, которое получили в дорогу от повара в замке, однако Ингри, прикинув расстояние и остающееся до сумерек время, решил, что в первую очередь нужно позаботиться о лошадях. Животные были покрыты грязью, и по приказу Ингри недовольные приближённые принца стали помогать вознице распрягать их и чистить, прежде чем принялись за еду сами. Самые крутые подъёмы и спуски остались позади; немного отдохнув, решил Ингри, кони смогут тянуть телегу до темноты, когда можно было рассчитывать добраться до городка Ридмера, где имелась возможность раздобыть более подходящее транспортное средство.

Более нарядное транспортное средство, мысленно поправился Ингри. Провонявшая навозом телега представлялась ему вполне подходящим катафалком для Болесо. Оказавшись ближе к Истхому, нужно будет послать вперёд гонца, чтобы обеспечить смену лошадей, а также сообщить тем, кому принц небезразличен, о необходимости организовать пышную церемонию. Правда, этим людям скорее окажется небезразличен высокий ранг покойника и возможность продемонстрировать своё рвение. Да, гонца нужно послать сегодня же вечером.

Ингри вымыл руки в маленьком бассейне у колодца и получил от своего лейтенанта, рыцаря Гески, ломоть хлеба с олениной. Запустив в него зубы, Ингри оглянулся, высматривая пленницу и сопровождающую её женщину. Жена возницы копалась в корзине рядом с распряжённой телегой, а леди Йяда прохаживалась в стороне. Её костюм сделал бы её совершенно незаметной среди деревьев, окружающих поляну... Однако пленница, похоже, вовсе не думала о бегстве; вместо этого она наклонилась к развалинам какого-то строения рядом с колодцем и подняла каменную плитку, потом направилась к усевшемуся на поваленное дерево Ингри.

— Посмотрите, — сказала она, протягивая Ингри серый блестящий осколок.

Ингри взглянул на камень и увидел на выветрившейся поверхности спиральный узор.

— Точно такой же символ Болесо нанёс на своё тело — красной мареной, рядом с пупком. Вы его заметили?

— Нет, — буркнул Ингри. — Тело было уже обмыто.

— Ох... — растерянно протянула девушка. — Но он там был!

— Я не подвергаю сомнению ваши слова. — «Хотя другие, конечно, усомнятся. Понимает ли она это?»

Леди Йяда оглядела поляну.

— Как вы думаете, не было ли здесь когда-то лесного святилища?

— Очень может быть. — Ингри проследил за её взглядом: пни, оставшиеся от когда-то срубленных деревьев, молодая поросль... Для каких бы священных или святотатственных целей ни использовалось это место прежними хозяевами, по всей видимости, в последний раз здесь трудился топор обычных бродячих дровосеков. — Колодец наводит именно на такие мысли. Поляна была расчищена, заброшена, расчищена снова и, похоже, не один раз. — Всё это происходило, наверное, вследствие приливов и отливов борьбы дартаканских квинтарианцев против лесных ересей, так долго раздиравшей эти земли, — четыре столетия назад, когда Аудар Великий ещё только завоёвывал Вилд.

— Интересно, как выглядели те древние обряды, — задумчиво проговорила леди Йяда. — Жрецы порицают принесение в жертву животных, но... Когда я ещё ребёнком жила в квинтарианской пограничной крепости, я несколько раз бывала... бывала вместе со своей подругой на осенних празднествах местного народа. Жители болот не принадлежат к той же расе, что и вилдиане, и говорят на другом языке, но я почти могла вообразить, что вернулась в древние времена. Больше всего это походило на празднество или пикник на природе... Я хочу сказать, что люди пели гимны и совершали обряды, прежде чем убить животных, и какая разница, произносить молитвы после того, как мясо уже пожарено, или до того? Так по крайней мере говорила моя подруга, — добавила леди Йяда. — Жрец в крепости никогда с этим не соглашался, да и вообще они всё время спорили. Думаю, моей подруге очень нравилось дразнить того священнослужителя.

Квинтарианские священнослужители никогда не возражали против пиршества как такового: они боролись с тем, что кланы Древнего Вилда пользовались не только мясом своих священных животных. Колдуны оскверняли души воинов племени, вселяя в них духов животных, делая воителей яростными и непобедимыми, но одновременно лишая их возможности предстать перед богами в конце жизни. Впрочем, Ингри сомневался, чтобы на любом празднестве, разрешение посетить которое могла получить эта юная девушка, пожиралось что-нибудь, кроме мяса.

— Говорят, жители болот разрисовывают себя кровью.

— Это правда, — задумчиво ответила леди Йяда. — По крайней мере все гонялись друг за другом, разбрызгивая кровь, и очень веселились. Было много грязи и вони, выглядело это довольно глупо, но вполне безвредно. Конечно, то племя не приносило в жертву людей. — Девушка оглядела поляну, словно представив себе когда-то происходивший чудовищный обряд.

— Действительно, — сухо заметил Ингри, — в этом и состояло коренное отличие квинтарианцев от древних вилдиан. — Пусть обе стороны и почитали одних и тех же богов... — Так что когда Аудар, прозванный Великим, перебил четыре тысячи захваченных в плен воинов на Кровавом Поле, он, по преданию, и не думал возносить молитвы — что сделало бойню вполне соответствующей квинтарианской доктрине, а вовсе не ересью. Преступлением, может быть, но отнюдь не человеческим жертвоприношением. Как важно тонко разбираться в теологии!

Это избиение целого поколения молодых воинов, в которых жили духи животных, сломало хребет вилдианского сопротивления восточным завоевателям. На протяжении последующих полутора сотен лет земли Вилда, обряды, сам народ насильственно переделывались на дартаканский манер, пока огромная империя Аудара не распалась в кровавых междоусобицах его гораздо менее великих потомков. Ортодоксальное квинтарианство пережило вскормившую его империю. Преследуемые магические обряды с использованием животных и дарующие мудрость гимны лесных племён в обновлённом Вилде исчезли и были почти забыты, если не считать сельских суеверий, детских считалок и изредка возникающих слухов о привидениях.

Ну... не то чтобы совсем забыты... и не всеми.

«Отец, о чём ты думал? Почему взвалил на меня это богохульство? Чего ты пытался добиться?»

Всё те же старые, мучительные вопросы, на которые нет ответов... Ингри выбросил их из головы.

— Теперь все мы стали новыми вилдианами, — задумчиво сказала леди Йяда. Она коснулась своих по-дартакански тёмных волос и кивнула в сторону Ингри. — Почти у всех выживших вилдианских кланов есть дартаканские прародители. Мы все полукровки, до единого человека, и уж во всяком случае, до единого лорда. Так что мы унаследовали грехи и Аудара, и лесных племён. Насколько мне известно, в жилах моего отца-шалионца тоже была дартаканская кровь. Он всегда говорил, что происхождение аристократов очень смешанное, сколько бы они ни гордились своими родословными.

Ингри жевал свой хлеб с олениной и ничего не ответил.

— Когда ваш отец дал вам вашего волка, — начала леди Йяда, как...

— Вам бы лучше поесть, — перебил её Ингри, не успев прожевать. — Впереди у нас ещё долгий путь. — Он поднялся, отошёл от девушки и двинулся к корзинам с продовольствием. Есть он больше не хотел, но ещё больше не хотел выслушивать болтовню леди Йяды. Выбрав не самое червивое яблоко, Ингри принялся медленно грызть его. Всё время, пока кортеж оставался на поляне, он старался держаться подальше от девушки.

Во второй половине дня путники достигли местности, где холмы стали более округлыми, а селения — более частыми и окружёнными более просторными полями. Солнце коснулось вершин деревьев, когда кортеж встретил неожиданное препятствие: каменистый брод на реке, который отряд Ингри с лёгкостью преодолел на пути в замок, из-за дождей превратился в мутную бурную стремнину.

Ингри остановил коня и огляделся. Телега, на которой везли гроб Болесо, не была водонепроницаемой: её не обили шкурами, не обмазали дёгтем, — так что можно было не опасаться, что поток подхватит её и унесёт, утащив следом лошадей. А вот шанс, что телега пропустит воду и завязнет, был велик. Ингри приказал четверым всадникам тянуть за верёвки, привязанные к телеге, чтобы помочь направить её в нужную сторону, и махнул вознице; тот принялся погонять усталых коней, чтобы как можно скорее преодолеть преграду. Вода доходила до брюха лошадей, телегу начало сносить, но благодаря усилиям всадников её удалось удержать, и в конце концов упряжка выбралась на противоположный берег. Только тогда Ингри направил через брод леди Йяду.

Однако взгляд его всё ещё следил за продвижением телеги; Ингри резко обернулся, только когда гнедая кобыла поскользнулась, упала и скрылась под водой. Течение унесло леди Йяду так быстро, что она не успела даже вскрикнуть. Ингри выругался и ударил своего коня шпорами, посылая его вперёд. Он растерянно оглядывался, высматривая темноволосую головку в кипящей пене... одежда девушки наверняка сразу намокнет, юбки потянут её вниз... вон она!

Холодная вода плескалась вокруг колен Ингри; он повернул коня вниз по течению и увидел, как из бурлящего вокруг трёх валунов потока показалась голова, потом рука. Рука ухватилась за камень.

— Держитесь! — закричал Ингри. — Я сейчас вас вытащу!

Две руки... Леди Йяда подтянулась и, лёжа животом на камне, начала выползать из воды; к тому моменту, когда Ингри заставил своего фыркающего коня приблизиться к валунам, девушка, ловя ртом воздух, уже поднялась на ноги. С неё ручьём текла вода. Краем глаза Ингри заметил, что её кобыла, разбрызгивая грязь, выбралась на берег ниже по течению и ускакала в лес. Ингри выругался вполголоса и жестом послал одного из солдат следом за беглянкой.

Послушался ли тот его, Ингри уже не видел: теперь он мог дотянуться до леди Йяды. Он наклонился и протянул руку, девушка потянулась навстречу...

Багровый туман затопил его мозг, мешая видеть. Стиснув руки леди Йяды, Ингри нырнул в поток, столкнув девушку с камня. Под воду... нужно удерживать её, не позволяя вынырнуть... Вода хлынула Ингри в рот, он закашлялся и принялся отплёвываться, потом потерял опору и ушёл под воду с головой. Ничего не видя, он попытался оттолкнуться от дна. Какая-то дальняя часть его рассудка вопила:

«Что ты делаешь, глупец!»

Главное, удерживать её под водой...

Течение развернуло Ингри, он ударился головой обо что-то твёрдое, в багровом тумане вспыхнули зелёные искры... Он погрузился в беспамятство.

Сознание вернулось к Ингри вместе с паническим страхом. Однако холодный воздух коснулся его лица — каким-то чудом его голова оказалась над водой, — и он закашлялся, выплёвывая воду. Тело казалось удивительно слабым и тяжёлым, двигаться было трудно, словно в густом масле.

— Перестаньте вырываться! — прозвучал у самого его уха резкий голос леди Йяды. Что-то теснее обхватило его шею, и Ингри смутно понял, что это рука девушки. Он должен её спасти... утопить... спасти...

«Она умеет плавать!»

Запоздалое осознание этого так поразило Ингри, что он на мгновение даже перестал барахтаться. Что ж, он тоже немного умеет плавать: ему удалось однажды выжить во время кораблекрушения, цепляясь за плавающие вокруг доски. Теперь единственным, что плавало рядом, была, по-видимому, леди Йяда... Но ведь вес его оружия и сапог потянет их на дно... тут ноги Ингри коснулись чего-то твёрдого. Течение вынесло их в мелкую заводь, и леди Йяда вытащила его на благословенный безопасный берег.

Ингри вывернулся из её рук и на четвереньках отполз по замшелым камням подальше от реки. По его лицу текла розоватая вода, становившаяся всё более красной. Смахнув влагу с глаз, Ингри, моргая, огляделся. Их окружал густой лес. Ингри не мог судить о том, далеко ли их унесло течением, но ни брода, ни телеги, ни всадников видно не было. После удара головой о камень его трясло.

Леди Йяда, пошатываясь, выбралась из воды и двинулась к нему, протягивая руку, чтобы помочь подняться. Ингри с криком отпрянул и схватился за ствол тонкого деревца — отчасти чтобы иметь опору, отчасти...

— Не прикасайтесь ко мне!

— Что? Лорд Ингри, у вас рассечена голова...

— Не подходите ближе!

— Лорд Ингри, если вы только позволите...

Его голос прозвучал хрипло:

— Мой волк пытается вас убить! Он сорвался с привязи! Держитесь подальше!

Девушка остановилась и вытаращила на Ингри глаза. Её волосы растрепались, вода стекала с них сверкающими каплями, беззвучно капая на мох; Ингри не мог отвести зачарованного взгляда от этой капли, как от каких-то странных водяных часов...

— Три раза, — выдохнул он. — Это был третий раз... Вы что, не поняли: я только что пытался вас утопить! Волк дважды делал такие попытки раньше — когда я впервые увидел вас, я чуть не обнажил меч, чтобы убить на месте. Потом, когда мы сидели на скамье, я вас чуть не задушил.

Девушка побледнела, но продолжала пристально смотреть на Ингри. Она и не подумала с криками бежать прочь. Он хотел, чтобы она убежала, и не важно, будет ли она при этом кричать... лишь бы сумела ускользнуть...

— Бегите!

Вместо этого леди Йяда тоже оперлась на древесный ствол и начала снимать полные воды сапожки. Только после того как она справилась со вторым, она ответила:

— Это был не ваш волк.

Голова Ингри ещё кружилась после удара о валун, а в животе бурчало: похоже, он нахлебался воды, и его сейчас вырвет. Он непонимающе посмотрел на леди Йяду.

— Что?

— Это был не ваш волк, — повторила девушка. Она поставила сапожки рядышком на землю и ровным голосом добавила: — Я каким-то образом могу чувствовать вашего волка. Не чувствовать, конечно, на самом деле я просто не знаю, как иначе описать это чувство.

— Он... я... пытался вас убить!

— Это не был ваш волк. И вы сами тоже ни при чём. Запах был иным, все три раза.

Теперь Ингри мог только таращить глаза, не находя слов.

— Лорд Ингри... Вы так и не спросили меня, куда делся дух леопарда Болесо.

К ужасу Ингри, теперь он уже не просто таращился, а таращился, разинув рот.

— Он проник в меня. — Карие глаза смотрели на него в упор.

— Я... он... Извините меня, — прохрипел Ингри. — Меня сейчас вырвет.

Он попытался укрыться за своим тоненьким деревцем. Ему хотелось бы надеяться, что выворачивающие его наизнанку спазмы дадут ему время собраться с мыслями, но мысли, казалось, разбежались по всей речной долине. Он чуть не утопил свою пленницу, а теперь ещё и это... Сплошные наказания, и никакого вознаграждения.

Когда Ингри, спотыкаясь, вышел из-за дерева, леди Йяда спокойно выжимала воду из своего жакета. Ингри сдался и тяжело уселся на поваленное дерево. Оно было мокрым, ну да он был ещё мокрее: кожа его костюма мерзко чавкала и хлюпала.

На него взгляд, леди Йяда выглядела так же, как и раньше. Да, конечно, она была промокшей, грязной и растрёпанной, но солнце ласкало её своими закатными лучами, как возлюбленную. Тень её не напоминала тень огромной кошки. Никакого запаха, кроме собственного — мокрой кожи, пота, крови, — Ингри тоже не чувствовал.

— Не знаю, хотел ли Болесо, чтобы дух леопарда вселился в меня, — продолжала леди Йяда тем же ровным голосом, словно не заметив прервавшего разговор происшествия. — Это случилось, когда я коснулась умирающего принца в поисках ключа. Духи остальных животных остались привязаны к нему и вместе с ним ушли. Их он держал крепче... или просто не успел завершить обряд в отношении леопарда. Дух леопарда был ужасно испуган, он спрятался во мне, но всё равно я могла его чувствовать. Я не знала, что делать или что может сделать дух... Люди Болесо — глупцы. Я ничего не сказала им, а они не спросили.

— Ваша защита... Это может стать вашей защитой! — с неожиданным воодушевлением воскликнул Ингри. — Принца убил испуганный дух леопарда, вы были в этот момент одержимы им... Имел место несчастный случай.

Девушка моргнула, глядя на Ингри.

— Нет, — ответила она рассудительно, — я же только что вам объяснила: дух леопарда не вселился в меня до тех пор, пока я не коснулась уже умирающего Болесо.

— Но вы же можете описать всё иначе. Никто не сможет опровергнуть ваших слов.

Леди Йяда бросила на Ингри обиженный взгляд.

«Нужно будет ещё вернуться к этой теме».

— Ну ладно. А потом?..

— Той ночью, уже оказавшись взаперти, я видела очень яркие сны. Жаркие леса, прохладные долины... Я валялась в золотистой траве с другими молодыми кошками, пятнистыми, с мягким мехом, но с острыми зубами. Потом незнакомые люди... сети, клетки, ошейник. Путешествие на корабле, путешествие в повозке. Новые люди, жестокие или добрые. Одиночество. В этих снах не было слов, только чувства, образы, сильные запахи. Наводнение запахов, целый новый континент ароматов...

Сначала я подумала, что схожу с ума, но потом решила, что это не так. Кладовка, в которой меня заперли, очень походила на клетку, и люди — жестокие или добрые — приносили мне еду и убирали помещение. Всё было знакомым... даже успокаивающим.

На вторую ночь мне снова снились сны леопарда, но на этот раз... — Голос леди Йяды дрогнул, но тут же снова сделался ровным. — На этот раз мне явило себя Присутствие.

Ничего нельзя было увидеть в том тёмном лесу, но запахи были такими восхитительными... никакие благовония не сравнятся. Каждый осенний аромат леса и поля — яблоки и вино, копчёное мясо и сухие листья, холодный синий воздух... я вдыхала благоухание осенних звёзд и плакала от их красоты. Дух леопарда начал скакать от восторга, как собака, прыгающая вокруг хозяина, или кошка, которая трётся о щиколотку хозяйки. Он мурлыкал, выгибался, повизгивал.

После этого на дух леопарда сошло умиротворение. Он больше не казался ни яростным, ни испуганным. Он просто... лежит удовлетворённый и ждёт. Нет, даже более чем удовлетворённый: полный радости. Я не знаю, чего он ждёт.

— Чьё-то присутствие... — повторил Ингри. «Нет, она сказала иначе — Присутствие». — Как вы думаете — это был бог? То, что явилось вам в темноте?

Только разве он сомневался? Сияющая — так сам Ингри назвал леди Йяду, и это было совсем не зрительное впечатление, как Ингри ни пытался сам с собой спорить. Даже в первые моменты, полные растерянности, он не принял сияние за чисто физическую красоту.

На лице девушки внезапно отразилась ярость; она прошипела сквозь стиснутые зубы:

— Оно приходило не ко мне, Оно приходило к этой проклятой кошке. Я плакала и умоляла, чтобы Оно явилось мне, но Оно не пожелало. — В голосе леди Йяды появилась задумчивость. — Может быть, Оно и не могло. Я ведь не святая, достойная того, чтобы во мне поселился бог.

Пальцы Ингри нервно теребили мох. Рана на голове наконец перестала кровоточить, и кровь больше не стекала ему на брови.

— Ходили слухи — хоть квинтарианские жрецы это и отрицают, — что древние жители Вилда пользовались духами животных, чтобы общаться с богами.

Прелестный подбородок девушки решительно вздёрнулся, глаза сверкнули так яростно, что Ингри едва не отшатнулся. Только теперь — да и то всего на краткий миг — он увидел, какой же безумный страх скрывается, да и всё время скрывался, за её самообладанием.

— Ингри, будь вы прокляты, вы должны рассказать мне, обязательно должны рассказать, иначе я и вправду сойду с ума, — *как вы обрели дух вашего волка?*

Это было не праздное любопытство, подогретое услышанными сплетнями. Леди Йяда испытывала отчаянную потребность в знании. И как же много дал бы он сам, тогда, в первые минуты растерянности и страха, за опытного наставника, который научил бы его, что делать... Или хотя бы за такого же растерянного компаньона, разделяющего его ощущения, относящегося с доверием к его признаниям, а не отмечающего их, не называющего несчастную жертву безумной, осквернённой, проклятой? Всё то, что Ингри не мог бы объяснить даже симпатизирующему слушателю, эта девушка только что испытала на собственном опыте.

Ингри всё ещё казалось, что он вытягивает из колодца памяти ведро на верёвке, которая обжигает его руки; стиснув зубы, он начал:

— Мне было всего четырнадцать. Всё свалилось на меня без всякого предупреждения, меня подвергли обряду, ничему не научив. Мой отец уже несколько дней, а может быть, и недель был обеспокоен чем-то, чем ни с кем не желал делиться. Он подкупил храмового волшебника, чтобы тот совершил обряд. Мне неизвестно, кто и как поймал волков. Волшебник исчез сразу же после... то ли потому, что боялся наказания за неудачу, то ли потому, что намеренно предал нас. Я так и не смог ничего выяснить — да у меня тогда и не было сил задавать вопросы.

— Волшебник? — отозвалась леди Йяда; она стояла, прислонившись к стволу деревца. — Рядом с Болесо я не видела никакого волшебника... если только он не скрывался где-то неподалёку. Если сам Болесо был одержим демоном, я этого не заметила, да и не могла заметить: это ведь возможно только для человека, награждённого божественным даром, или для такого же волшебника.

— Нет, только жрец заметил бы... — Ингри заколебался. — В Истхеме какой-нибудь просвещённый священнослужитель наверняка заметил бы, если бы у Болесо на службе был

демон. Если же принц пленил его недавно, уже отправившись в изгнание... ему мог и не встретиться жрец, обладающий таким даром. — Впрочем, какова бы ни была одержимость Болесо, всё началось гораздо раньше, ещё прежде, чем он убил своего слугу.

— Я и предположить не могу, какими силами наградил Болесо тот зверинец, что обитал в нём, — сказала леди Йяда. — Теперь я знаю вещи, которые вижу не глазами. Леопард, похоже, дал мне какое-то понимание, способность воспринимать, но... — она горестно стиснула руки, — не выражаемые словесно. Почему ваш волк не оказывает вам такой же помощи?

«Потому что я десять лет и даже больше делал всё, чтобы изувечить его, крепко сковать. Я думал, будто нахожусь в безопасности, но теперь ваши вопросы пугают меня сильнее, чем волк-у-меня-внутри».

— Вы сказали, что было ещё что-то другое... какой-то запах, не мой и не волчий. Нечто третье.

Девушка с несчастным видом нахмурила брови, словно пытаясь дать описание чему-то, что невозможно выразить человеческим языком.

— Я как будто могу чувствовать души... или это может леопард, а до меня его знание доходит обрывками. Я могу обонять Улькру и знаю, что его можно не бояться. Некоторые придворные Болесо — другое дело, им мне лучше не попадаться. Ваша душа представляется мне двойственной: вы сами и что-то ещё в глубине, что-то тёмное, древнее, заплесневелое. Оно не шевелится.

— Мой волк? — Но его волк был совсем молодым...

— Я... может быть. Но есть ещё третий запах. Его источник обвивает вас, как растение-паразит, его побеги и корни питаются вашим духом. И оно *шепчет*... Думаю, это какое-то заклятие или одержимость.

Ингри долго молчал, всматриваясь в себя. Как может она отличать одно от другого? Дух его волка был, несомненно, чем-то вроде паразита.

— Оно всё ещё на прежнем месте?

— Да.

Голос Ингри прозвучал резко:

— Значит, как только моё внимание окажется чем-то отвлечено, я могу попытаться убить вас снова.

— Возможно. — Глаза девушки сузились, а ноздри раздулись, как будто она пыталась уловить что-то, для чего телесные чувства не годились. Так же бесполезно, как пытаться видеть пальцами, как пробовать нечто на вкус ушами... — Пока не удастся его выкорчевать.

— Почему вы не обращаетесь в бегство? — тихо спросил Ингри. — Вам следовало бы бежать прочь.

— Разве вы не понимаете? Мне нужно добраться до храма в Истхеме. И как раз вы везёте меня туда со всей возможной скоростью.

— Мне жрецы никогда не могли помочь, — с горечью сказал Ингри, — иначе я уже избавился бы от своего проклятия. Я многие годы пытался — обращался к теологам, к волшебникам, даже к святым. Я отправился в Дартаку, чтобы найти святого Бастарда, который, по слухам, изгонял демонов из человеческих душ и уничтожал незаконных волшебников. Даже он не смог избавить меня от духа волка, потому что, по его словам, дух принадлежит этому миру, а не другому. Даже Бастард, которому подчиняются легионы демонов хаоса и который может призывать и изгонять их по своей воле, не властен над ним. Если уж святые не могут помочь, обычные священнослужители и вовсе бесполезны. Они хуже чем бесполезны — они опасны. В Истхеме церковь — орудие тех, кто обладает властью, а вы, несомненно, их прогневили.

Взгляд леди Йяды был пронизывающим.

— Кто наложил на вас заклятие? Был ли это кто-то из власти имущих?

Ингри открыл рот, потом закрыл и задумался.

— Не уверен... не мог бы сказать. Всё в таком тумане... Я даже не помню — если что-

то не напоминает мне — о своих попытках убить вас. Мгновение невнимательности с моей стороны может оказаться для вас смертельным.

— Тогда я буду всё время вам напоминать, — сказала леди Йяда. — Теперь — когда мы оба знаем, в чём дело — это должно даваться легче.

Только Ингри открыл рот, чтобы возразить, как из лесу донёсся треск и окрик:

— Лорд Ингри!

Потом другой голос прокричал:

— Я слышал голоса на берегу! Сюда!

— Они приближаются! — Ингри заставил себя, шатаясь, подняться на ноги. — Бегите, прежде чем они нас найдут! — Он умоляюще простёр руки к девушке.

— В таком виде? — с возмущением спросила она, показывая на свою мокрую одежду и босые ноги. — Промокшая насквозь, без денег, без оружия? Я должна скрыться в лесу — и для чего? Чтобы меня растерзали медведи? — Она решительно покачала головой. — Нет. Болесо явился из Истхома. Ваше заклятие тоже оттуда. Именно там можно обнаружить источник всей этой скверны. Я не сверну с пути.

— Кто-нибудь в столице убьёт вас, чтобы заставить молчать. Попытки уже были предприняты. Могут убить и меня.

— Тогда будет лучше, если вы никому не проболтаетесь.

— Я не проболтаюсь... — возмущённо начал Ингри, но в этот момент появились спасатели — двое гвардейцев Ингри верхом продирались сквозь подлесок. Ингри и хотел бы продолжить разговор, но теперь не мог.

— Милорд! — радостно воскликнул Геска. — Вы спасли её!

Поскольку Йяда не стала исправлять эту ошибку, промолчал и Ингри. Стараясь не встречаться с девушкой глазами, он сделал шаг вперёд.

Глава 3

Когда они добрались туда, где на берегу ожидал кортеж, солнце уже скрылось за вершинами деревьев. К тому времени, когда Ингри и его пленница сменили промокшую одежду и сели на своих вновь пойманных коней, сквозь спутанные ветви только кое-где прорывались оранжевые лучи заката. Голова Ингри под наскоро сооружённой повязкой болела, ушибленное плечо задеревенело, но он прогнал даже мысль о том, чтобы ехать на повозке, сидя на гробу Болесо. В сгущающихся сумерках путники двинулись дальше по лесистой долине. Из канав поползли холодные щупальца тумана. Ингри как раз собрался отдать приказание зажечь факелы, когда далеко впереди на дороге показался свет, вскоре превратившийся в цепочку раскачивающихся фонарей. Ещё несколько минут, и стук копыт был заглушён приветственными криками. Гвардеец, которого Ингри отправил утром вперёд, чтобы подготовить в Ридмере встречу траурной процессии, привёл с собой не только жрецов из храма, но и упряжку свежих коней, а также кузнеца со всеми его инструментами. Ингри от всей души похвалил расторопного солдата, лошади были перепряжены, и кортеж двинулся дальше более быстрым шагом. Через несколько миль огни над стенами Ридмера указали дорогу к открытым, несмотря на ночное время, воротам города.

Ридмер был довольно крупным поселением с несколькими тысячами жителей, и в нём располагалось местное церковное управление. Тем не менее храм на центральной площади выглядел совсем по-деревенски: стены пятиугольного деревянного здания покрывала резьба, изображающая переплетающиеся растения, животных, сцены из мифов, а дранка на крыше явно только недавно сменила солому. Как бы то ни было, храм был вполне подходящим местом для того, чтобы оставить в нём на ночь тело Болесо. Взмолванный настоятель с помощью членов городского совета принялся распоряжаться церемонией; из толпы любопытных горожан удалось составить вполне приличный хор, и все знатные и богатые жители потянулись в храм, чтобы выразить свою верноподданническую скорбь. То обстоятельство, что гроб был закрыт, вызвало, как заметил Ингри, некоторое разочарование.

Ингри воспользовался своими ранами как предлогом уклониться от участия в церемонии.

Окружающие храм дома, по-видимому, были довольно спешно приспособлены для выполнения новых функций. Резиденция настоятеля располагалась в одном здании с конторой храмового нотариуса; библиотека и скрипторий оказались под одной крышей со школой леди Весны для городских детишек; госпиталь Матери Лета занимал помещение позади местной аптеки. Ингри проследил, как леди Йяду передали под надзор суровой храмовой служительнице, расплатился с кузнецом за новые колёса к телеге, а с возницей и его женой — за их труды, велел лейтенанту Геске разместить коней в конюшне, а солдатам и вознице найти ночлег, после чего наконец отправился в госпиталь, чтобы наложить швы на рану на голове.

К своему облегчению, Ингри обнаружил, что местная служительница Матери была не просто знахаркой или повитухой: на плече её зелёного одеяния виднелся шнур дедиката. Быстро и умело женщина зажгла восковые свечи, обмыла голову Ингри едким мылом и принялась зашивать рану.

Сидя перед ней на скамье, глядя на собственные колени и стараясь не морщиться при каждом уколе иглы, Ингри поинтересовался:

— Скажите, есть ли в храме Ридмера волшебники? Или святые? Или младшие святые? Или... или хотя бы учёные?

Женщина рассмеялась.

— Да откуда им тут взяться, милорд? Три года назад настоятель из ордена Отца привозил волшебника для расследования обвинения в магии против местной жительницы, только тот ничего не обнаружил. Настоятель как следует отчитал доносчиков и велел им оплатить свои дорожные расходы. Этот волшебник, скажу я вам, оказался совсем не таким, как я ожидала, — брюзгливым стариком в белых одеждах Бастарда, не слишком-то довольным, что его вытащили в такую даль посреди зимы. Вот в школе при храме, где я училась, был младший святой, — женщина вздохнула при воспоминании о тех временах, — и хотела бы я обладать хоть половиной его здравого смысла, не говоря уже о дарованных богами проницательности и искусстве. Что касается учёных, то, кроме матери Марайи, ведающей школой леди Весны, и самого настоятеля, никого не найдётся.

Ингри был разочарован, но не удивлён. И всё равно волшебника или святого... хоть кого-нибудь, способного подтвердить или опровергнуть тревожащие утверждения леди Йяды, найти нужно. И поскорее.

— Ну вот, — с удовлетворением кивнула служительница-дедикат, завязывая последний узелок. Когда она дёрнула нитку, Ингри чуть не вскрикнул и притворился, будто закашлялся. Ножницы щёлкнули, и это сказало ему, что пытка закончена. Ингри с трудом выпрямился.

У задней двери раздались голоса и шаги, и служительница Матери обернулась. В госпиталь вошли две жрицы, один из членов городского совета, леди Йяда и рыцарь Геска. Слуги несли следом постельные принадлежности.

— Это ещё что такое? — спросила целительница, бросая на леди Йяду подозрительный взгляд.

— С вашего позволения, дедикат, — поклонился член городского совета, — эта женщина переночует здесь, поскольку больных сейчас под вашим надзором нет. Сопровождающие её женщины будут спать в одной с ней комнате, а я — снаружи у двери. Этот человек, — он кивнул в сторону лейтенанта гвардейцев, — обещал выставить у дома часового.

Служительницу Матери такая перспектива явно не порадовала; сопровождающие леди Йяду женщины тоже смотрели мрачно.

Ингри обвёл взглядом помещение. Здесь было чисто, но уж очень голо...

— Здесь?..

Леди Йяда с иронией подняла брови.

— Согласно вашему приказу, меня не отвели в городскую тюрьму, за что я благодарна. Единственная свободная комната в доме настоятеля предназначена для вас. Гостиница

забита вашими гвардейцами, а зал в храме — свитой Болесо. Во время предписанного бдения, мне кажется, большая часть будет спать, а кое-кто — пить. Почему-то ни одна добропорядочная жительница Ридмера не пожелала пригласить меня в свой дом. Так что мне ничего другого не остаётся, как воспользоваться гостеприимством богини. — Улыбка леди Йяды была ледяной.

— Ох... — после паузы пробормотал Ингри, — понятно.

Горожанам, которые знали Болесо только по слухам, убийца золотого принца должна казаться... ну, едва ли не героиней. Она не только представлялась опасной преступницей, но на любого, кто был бы замечен в сочувствии ей, легла бы тень измены.

«Чем ближе к Истхому, тем ситуация будет становиться хуже».

Ингри, который не мог предложить более приемлемого решения, только неловко поклонился и позволил служительнице Матери проводить себя до двери.

— Отправляйтесь-ка вы теперь в постель, милорд, — посоветовала та, поднимаясь на цыпочки, чтобы ещё раз осмотреть наложенный ею шов; доброе расположение духа быстро вернулось к целительнице. — После такого удара по голове вам бы лучше полежать день или два.

— Мои обязанности, к сожалению, этого не позволяют, — вздохнул Ингри. Довольно неуклюже поклонившись служительнице Матери, он пересёк площадь, направляясь к дому настоятеля с намерением выполнить хотя бы первую часть предписания.

Священнослужитель, закончив чтение молитв над телом Болесо, ждал Ингри. Ему не терпелось обсудить дальнейшие церемонии, а главное, услышать новости из столицы. Настоятель выразил беспокойство по поводу ухудшающегося здоровья священного короля, и Ингри, который сам уже четыре дня не получал никаких известий, предпочёл ответить обнадеживающе, но уклончиво. Настоятель произвёл на него впечатление искреннего, добродетельного пастыря душ и истинной опоры своего провинциального храма, но человека, далёкого от учёности и тонкостей теологии. Это был не тот церковник, у которого можно было бы искать разрешения духовных проблем леди Йяды.

«Или моих собственных...»

Ингри решительно перевёл разговор на практические надобности для предстоящего путешествия в столицу, потом сослался на боль от ран и улизнул в свою комнату.

Это оказалась тесная, но благословенно уединённая каморка на втором этаже. Ингри на минуту распахнул окно, взглянул на тусклые масляные лампы у входа в храм и гораздо более яркие звёзды на небе, натянул одолженную настоятелем ночную рубашку и осторожно опустился на постель. Он попытался, несмотря на ноющее плечо и шум в голове, обдумать свалившиеся на него трудности, но скоро уснул.

* * *

Снились Ингри волки.

Он предполагал, что временем для совершения обряда должна была бы быть глухая полночь, но отец позвал его в зал замка в середине дня. В узкие щели окон, выходящих на бурный Бирчбек в шестидесяти футах под стенами замка, лился прохладный, лишённый теней свет, в подсвечниках на стенах горели восковые свечи, и их тёплое медовое сияние мешалось с сумраком пасмурного дня.

Лорд Ингалеф кин Волфклиф был спокоен, хотя напряжение последних дней оставалось заметно; сына он встретил обнадеживающей улыбкой. У юного Ингри от волнения и страха перехватило горло. Храмовый волшебник, Камрил, с которым Ингри познакомился только накануне вечером, стоял в готовности; на его обнажённом теле, прикрытом лишь набедренной повязкой, виднелись нанесённые краской древние символы. Ингри-подростку он казался старым, но теперь, во сне, Ингри понял, что на самом деле Камрил был совсем молод. Знание последующих событий заставляло Ингри высматривать в лице жреца признаки замысленного им предательства. А может быть, Камрил просто

переоценил свои силы, и к несчастью привели невезение и некомпетентность? Тревога в его бегающих глазах могла говорить и о том, и о другом — или обо всём сразу.

Потом взгляд юного Ингри остановился на волках — прекрасных и опасных, и отвести от них глаза он больше не мог. Седой охотник, присматривавший за животными, должен был умереть от бешенства за три дня до отца Ингри.

Старый волк был огромен и силен, и верёвки приводили его в ярость. Под густым серым мехом перекачивались могучие мышцы; на шкуре виднелись старые шрамы и новые порезы, так что мех покрывали пятна свежей крови. Зверь рвался с привязи и скулил. Его мучила болезнь, хотя тогда этого ещё никто не знал. Через несколько дней из пасти волка должна была хлынуть пена, открыв страшную истину, но сейчас волк просто пытался вылизываться, чему мешали кожаные ремни, стягивавшие его пасть. Волк глухо рычал.

Молодой волк, только что достигший зрелости, пытался от своего старшего товарища, явно испытывая страх; его когти отчаянно скребли по камням пола. Егерь считал это проявлением трусости, но потом Ингри пришёл к заключению, что зверь знал о заразе. В остальном же его поведение было поразительно покладистым: молодой волк вёл себя, как хорошо выдрессированная собака. Волк сразу обратил внимание на Ингри, потянулся к нему, принялся принюхиваться, проявляя несомненное обожание. Ингри влюбился в него с первого взгляда; ему ужасно захотелось погладить тёмный с металлическим отливом удивительно густой мех.

Волшебник велел Ингри и его отцу раздеться до пояса и встать на колени на холодном полу на расстоянии нескольких шагов, лицом друг к другу. Он пропел несколько фраз на древнем языке Вилда, старательно выговаривая слова и постоянно заглядывая в мятую бумажку, засунутую за пояс. Заклинание казалось Ингри почти понятным, но смысл его всё время мучительно ускользал...

По знаку Камрила старый егерь подтащил большего волка к лорду Ингалефу; при этом он выпустил из рук поводок молодого зверя, и тот сразу же подполз к Ингри. Ингри прижал его к себе; волк извернулся и лизнул его в лицо. Руки мальчика зарылись в густой мех, лаская зверя, который с тихим радостным повизгиванием принялся вылизывать его ухо. Шершавый язык щекотал кожу, и Ингри с трудом сдерживал неподобающий смех.

Пробормотав что-то над клинком, Камрил вложил жертвенный нож в руку лорда Ингалефа, потом поспешно отскочил: старый волк щёлкнул на него зубами. Лорд Ингалеф теснее обхватил начавшего вырываться зверя. При попытке запрокинуть голову волка ремни на морде соскользнули, и страшные клыки вонзились в левую руку лорда Ингалефа; волк затряс головой, терзая плоть. Выдохнув проклятие, лорд Ингалеф сумел навалиться на волка и своим сильным телом прижать к полу. Блеснул клинок, рассекая шкуру и мышцы. Хлынула алая кровь. Рычание смолкло, челюсти разжались, мохнатое тело безвольно обмякло и осталось неподвижным.

Лорд Ингалеф выпрямился, отшвырнув от себя нож и тело волка. Клинок зазвенел по камням пола.

— Ох... — выдохнул лорд Ингалеф; выражение его широко раскрытых глаз было загадочным. — Сработало! Как... как странно это ощущается...

Камрил бросил на него встревоженный взгляд, а егерь поспешил наложить повязку на искалеченную руку.

— Милорд, не следует ли... — начал Камрил.

Лорд Ингалеф резко мотнул головой и здоровой рукой показал на Ингри.

— Сработало! Продолжайте!

Волшебник взял второй нож, сверкающий недавно наточенным лезвием, с подушки, на которой он лежал, и снова начал что-то бормотать, потом вложил нож в руку Ингри и отступил в сторону.

Ингри неохотно стиснул рукоять, глядя в блестящие глаза своего волка.

«Я не хочу тебя убивать, ты слишком красив. Я хочу, чтобы ты остался со мной».

Могучие челюсти распахнулись, Ингри увидел сверкающие белые клыки, и сердце

мальчика замерло; однако волк только лизнул его руку. Холодный чёрный нос ткнулся в сжимающий нож кулак, и Ингри сморгнул слёзы. Волк уселся прямо перед Ингри и запрокинул голову, глядя в лицо своего убийцы с полным доверием.

Нельзя опозориться, нельзя причинить ненужные страдания, снова и снова нанося удары... Рука Ингри скользнула по шее волка, нащупывая твёрдые мускулы и мягкое биение артерии. Зал погрузился в серебристый туман. Ингри размахнулся, ударил, рванул нож из всех сил. Он ощутил, как плоть подалась и горячая кровь хлынула из раны, окропляя густой мех. Тело волка в его объятиях обмякло.

Тёмная волна затопила рассудок Ингри, как поток крови. Волк проживал одну жизнь за другой, охотился, выслеживал добычу... замки и битвы, конюшни и скакуны, сталь и пламя... охота за охотой, добыча за добычей, но всегда вместе с людьми, а не с волчьей стаей; память уходила всё глубже, туда, где ещё не было огня, а заснеженные леса, освещённые луной, тянулись бесконечно. Много, слишком много лет... глаза Ингри закатились.

Испуганные крики, голос отца: «Что-то пошло не так! Проклятие, Камрил, держите его!»

— У него судороги, он прикусил язык, милорд...

Потом он оказался в другом месте, в другом времени, и его волк был связан... нет, связан был он сам, и красный шёлковый шнур шелестел, прорастая сквозь него, как лоза. Его волк рвал красные щупальца клыками, но побеги снова вырастали с пугающей быстротой. Они опутали голову Ингри, мучительно сжали её...

Кошмар наполнили незнакомые голоса. Волк убежал. Воспоминание о сновидении поблекли и утекли как вода.

— Да он не может спать — глаза полуоткрыты, видите?

— Нет, не нужно его будить! Я знаю, что полагается делать в таких случаях: отвести обратно и уложить, иначе начнутся судороги или ещё что-нибудь.

— Тогда я не стану его трогать — у него же в руке меч!

— А как иначе его отведёшь?

— Принеси ещё свечу, женщина! Ох, да будут благословенны пять богов — вот его собственный человек!

Молчание, потом неуверенное:

— Лорд Ингри... лорд Ингри...

Пламя свечи раздвоилось, заколебалось... Ингри моргнул, охнул, попытался вырваться из плена сна. Голова у него раскалывалась. Он стоял на ногах. Шок от этого открытия заставил его наконец полностью проснуться.

Он стоял, и стоял в храмовом госпитале, если комнату за аптекой можно было так назвать. Он был одет в ночную рубашку настоятеля, выбивавшуюся из штанов, ноги его были босы, а правая рука сжимала обнажённый меч.

Вокруг Ингри толпились член городского совета, женщины, присматривавшие за леди Йядой, и гвардеец, стоявший на часах у дома. Впрочем, сказать, что они толпились вокруг, было бы неверно: ночевавшие в доме жались к стенам, а гвардеец заглядывал в дверь.

— Я... — Ингри пришлось сглотнуть и облизнуть сухие губы, прежде чем он смог выдать: — Я проснулся.

«Что я здесь делаю? Как я здесь оказался?»

По-видимому, он ходил во сне. Ему приходилось слышать о таком, хотя раньше с ним ничего подобного не случалось. И дело было не просто в том, что он блуждал в темноте: он сумел частично одеться, найти своё оружие, каким-то образом незаметно спуститься по лестнице, выйти в дверь — которая, несомненно, на ночь запиралась, так что требовалось нащупать и повернуть ключ, — пересечь площадь и войти в другое здание.

«Именно туда, где спит леди Йяда. Милосердные боги, пусть она спит дальше!»

Дверь в спальню была закрыта... Ингри с внезапным ужасом взглянул на меч, однако клинок был сух и чист. С него не капала кровь... пока.

Гвардеец, с опаской косясь на меч Ингри, подошёл и подхватил его под левую руку.

— С вами всё в порядке, милорд?

— Я вчера ударился головой, — пробормотал Ингри. — Снадобья, полученные от дедиката, вызвали странные сновидения. Простите меня...

— Не проводить ли мне вас... э-э... обратно в постель?

— Да, — с благодарностью ответил Ингри. — Да, будьте так добры. — Его язык с трудом выговорил редко произносимую фразу. Ингри бил озноб, и винить за это следовало не только ночной холод.

Он терпеливо вынес помощь гвардейца, когда тот вывел его из здания и провёл через тёмную безмолвную площадь к дому настоятеля. Слуга, который не слышал, как уходил Ингри, теперь проснулся и спросонья перепугался. Ингри снова пробормотал что-то о выпитом на ночь снадобье, к чему сонный привратник отнёсся с полным пониманием, и позволил гвардейцу отвести его в комнату, уложить и даже с сержантской заботливостью укутать одеялом. Потом воин на цыпочках удалился, прикрыв за собой дверь.

Ингри дождался, пока шаги часового стихли, выбрался из постели, нащупал огниво и с трудом трясущимися руками зажёл свечу. Посидев несколько минут на краю постели, чтобы прийти в себя, он обследовал каморку. На двери имелся замок, но его можно было открыть изнутри, а значит, воспрепятствовать своей попытке снова выйти Ингри мог, только выбросив ключ из окна или подсунув его под дверь. Утром это вызвало бы нежелательные объяснения. Ингри пожалел, что гвардеец, уходя, не запер его снаружи, но и это тоже привело бы утром к неловкости. Пришлось бы придумывать правдоподобные оправдания, а Ингри чувствовал себя совершенно неспособным к мыслительным усилиям. В конце концов он засунул меч и кинжал в сундук, расставил на крышке предметы, которые при падении произвели бы шум, и увенчал это неустойчивое сооружение жестяным умывальным тазом.

Задув свечу, Ингри улёгся, но, полежав некоторое время, снова поднялся, достал из седельной сумы моток верёвки, обвязал себе лодыжку, а другой конец затянул вокруг ножки кровати. Только после этого он снова неуклюже залез под одеяло.

Голова его болела, ушибленное плечо жгло как огнём. Ингри вертелся в постели, верёвка всё время мешала ему найти удобное положение. Ну, по крайней мере свою функцию она выполняла. От полного изнеможения Ингри начал засыпать, но тут же вздрогнул и проснулся. Так он и лежал, глядя в темноту и стиснув зубы. На веки его, казалось, налип песок.

«Лучше так, чем видеть сны».

Его снова посетило волчье сновидение — в первый раз за многие месяцы, хотя теперь он мог вспомнить лишь бессвязные обрывки. К тому же, похоже, сна ему следовало бояться не только по этой причине.

«Как я оказался в таком положении?»

Всего неделю назад он был счастливым человеком, по крайней мере достаточно довольным жизнью. В его распоряжении имелись удобные покои во дворце хранителя печати Хетвара, слуга, конь и оружие, пожалованные господином, жалованье, достаточное для удовлетворения его потребностей. Вокруг него кипела жизнь столицы. К тому же его положение в свите хранителя печати было хоть и необычным, но достаточно высоким. Он пользовался репутацией доверенного помощника — не совсем телохранителя, не совсем секретаря, но человека, которому поручались важные миссии, не нуждавшиеся в огласке. Как курьер Хетвара он доставлял тайные послания и завуалированные угрозы. Ингри не мог, подобно некоторым придворным, хвастаться своими подвигами, но он слишком многое уже потерял, чтобы слава представляла для него соблазн. Безразличие служило ему ничуть не хуже известности, а его господину служило даже лучше. Самой большой наградой для Ингри оказывалось обычно удовлетворённое любопытство.

Бастард и его ад, всего три дня назад он был спокоен! Он полагал, что доставка в столицу тела Болесо и его убийцы окажется безрадостным, но достаточно простым делом, ничуть не выходящим за пределы возможностей опытного, жёсткого, ловкого слуги короля,

которого не тревожит ни волк-у-него-внутри, ни другие сверхъестественные явления.

Верёвка снова помешала ему вытянуть ногу. Правая рука Ингри стиснула воображаемую рукоять меча. Будь проклята эта девчонка с её леопардом! Ну что ей стоило покорно лечь под Болесо, как любой соблюдающей собственные интересы шлюхе, раздвинуть ноги и не думать ни о чём, кроме драгоценностей и нарядов, которые она таким образом, несомненно, заработает! Скольких неприятностей можно было бы избежать! Ингри не пришлось бы лежать привязанным к собственной кровати, с кровавой вышивкой на голове, с мучительной болью в мышцах, дожидаясь свинцового рассвета.

Не пришлось бы гадать, не лишился ли он рассудка.

Глава 4

Из Ридмера кортеж выступил позже, чем рассчитывал Ингри, из-за того, что настоятель пожелал устроить Болесо торжественные проводы с хоровыми песнопениями. Новая повозка была вполне подходящей — крепкой и надёжной; её задрапировали траурными полотнищами, чтобы скрыть яркие краски, раз уж нельзя было избавиться от запаха пива, которое на ней раньше перевозили. Повозку тянули шесть лошадей — огромных серых тяжеловозов с мощными телами и огромными копытами, в гривы и хвосты которых вплели оранжево-чёрные ленты. Колокольчики на их блестящей упряжи обвязали чёрным сукном, за что Ингри, голова которого всё ещё раскалывалась, был искренне благодарен. По сравнению с тяжёлыми бочками, которые кони обычно перевозили, эта упряжка, решил Ингри, потащит повозку по холмам и долам, как детские санки.

Помогая Ингри сесть в седло, рыцарь Геска скривился, но, поймав взгляд начальника, от комментариев воздержался. Ингри побрился, его одежду храмовые служители привели в порядок, однако поделать с налитыми кровью глазами и серым опухшим лицом он ничего не мог. Стиснув зубы, Ингри выпрямился в седле, понимая, что придётся вытерпеть медленное шествие к городским воротам под колокольный звон и песнопения, сквозь клубы курений — именно такие проводы покойного принца город Ридмер считал подобающими. Ингри дождался, пока поворот дороги скроет кортеж от глаз горожан, и только тогда приказал вознице пустить коней рысцой. Тяжеловозы казались единственными жизнерадостными членами компании; застоявшись в конюшне, они взбрыкивали с неуклюжей игривостью и явно рассматривали поездку как какой-то лошадиный праздник.

Леди Йяда появилась столь же опрятной, как и накануне; её амазонка была ещё элегантнее прежней — голубовато-серая, отделанная серебряным шнуром. Девушка явно хорошо выпалась ночью. Ингри одновременно испытывал по этому поводу и облегчение, и раздражение: ему-то отдохнуть не удалось. Впрочем, свежий утренний воздух взбодрил его, насколько это было возможно.

Стал похож на человека, подумал он, и горькая шутка заставила его снова стиснуть зубы. Коснувшись бока своего коня шпорой, он поскакал вдоль колонны, проверяя, всё ли в порядке.

Новая дуэнья Йяды, пожилая служительница храма в Ридмере, ехала в повозке. Она с подозрением поглядывала на свою подопечную, проявляя гораздо большее недоброжелательство, чем деревенская женщина из окрестностей замка, которая лучше знала, что представлял собой Болесо. Ещё больше жрица, похоже, опасалась Ингри. Ингри мог только гадать, рассказала ли она леди Йяде о том, как ночью лунатик-Ингри явился в госпиталь.

Приближённые Болесо сегодня тоже казались не в духе: с приближением к Истхому они всё более опасались наказания, которое ожидало их за то, что они не уберегли своего отправленного в изгнание господина. Все они кидали мрачные взгляды на жертву-убийцу Болесо, и Ингри вознамерился держать их подальше и от выпивки, и от пленницы до тех пор, пока не сдаст всю компанию и их мёртвого предводителя под присмотр кому-нибудь другому. Накануне вечером Ингри отправил храмового курьера к хранителю печати Хетвару

с сообщением о продвижении кортежа. Если Хетвар оставит всё на его усмотрение, решил Ингри, Болесо будет доставлен к месту последнего упокоения галопом, с рекордной скоростью.

Хоть на самом деле и не галопом, всё же тяжеловозы бежали быстро. Расстилавшаяся вокруг местность становилась более обжитой: широкие дороги содержались в порядке, а редкие пастбища, окружённые непроходимыми лесами, сменились рощами посреди просторных полей, и на горизонте всегда можно было разглядеть не один хутор. Навстречу кортежу начали попадаться путники — не только крестьяне, но и богато одетые всадники или торговцы с навьюченными мулами; все они поспешно останавливались на обочинах, завидев траурную процессию. Исключением оказалось стадо тощих чёрных свиней, выбежавшее из дубового леса. Свинопас не ожидал повстречать торжественный кортеж, его полудикие свиньи сбились в кучу, и гвардейцы, кто весело, а кто раздражённо, принялись расчищать дорогу, с криками и проклятиями охаживая животных мечами в ножнах.

Ингри прислушался к себе: похрюкивающая добыча оставила его совершенно равнодушным, и это было хорошо. Он в мрачном молчании сидел на коне, ожидая, пока стадо снова скроется в лесной чаще. Леди Йяда, как он заметил, тоже спокойно ждала, хотя на лице её появилось странное выражение, как будто девушка пыталась разобраться в своих ощущениях.

В дороге Ингри не пытался с ней заговорить. Гвардейцы, выполняя его приказание, тесно окружали всадницу, а когда кортеж останавливался, чтобы дать отдых коням, за девушкой по пятам следовала храмовая служительница. Однако взгляд Ингри постоянно возвращался к леди Йяде, и он не раз встречался с ней глазами: леди Йяда серьёзно смотрела на него — не со страхом, а скорее озабоченно. Можно подумать, что это он её подопечный... Ингри чувствовал растущее раздражение. Ему казалось, что они теперь на одном поводке, подобно паре борзых. Усилие, которое ему приходилось делать, чтобы не заговорить с леди Йядой, требовало всей его энергии и внимания, и Ингри всё больше ощущал усталость.

Наконец долгий и утомительный день подошёл к концу, и копыта лошадей застучали по мощёной мостовой вольного королевского города Реддайка. Дарованные городу привилегии избавляли его от власти и местного графа, и настоятеля храма; правил здесь городской совет. К несчастью, церемонии от этого не стали менее пышными; Ингри пришлось терпеть, пока горожане торжественно вносили гроб с телом Болесо в храм — каменное строение в дартаканском стиле, с пятью приделами под единым куполом.

Поскольку город был довольно велик, в нём оказалась не одна гостиница, а целых три, и Ингри хватило догадливости велеть курьеру заказать в них комнаты. Средняя из гостиниц оказалась наиболее чистой, и Ингри лично проводил леди Йяду и её дуэнью на второй этаж, где для них были приготовлены спальня и маленькая гостиная. Он внимательно оглядел помещение. Небольшие окна выходили на улицу, и добраться до них снизу было бы нелегко. Засовы на дверях оказались сделаны из крепкого дуба.

«Хорошо».

Ингри достал из кармана ключи от комнат и вручил их леди Йяде. Служительница нахмурилась, но не посмела возражать.

— Держите двери постоянно на замке, — сказал Ингри, — и задвиньте засовы.

Брови леди Йяды поползли вверх, и она с недоумением обвела взглядом уютную комнату.

— Разве здесь есть что-то, чего следует особенно опасаться?

«Только то, что мы принесли с собой».

— Прошлой ночью я ходил во сне, — неохотно признался Ингри. — Прежде чем меня разбудили, я успел добраться до вашей двери. — Леди Йяда медленно кивнула и бросила на Ингри задумчивый взгляд. — Я буду в другой гостинице. Я знаю: вы дали мне слово не пытаться бежать, но всё равно я хочу, чтобы вы находились взаперти и не попадались никому на глаза. Вам лучше не выходить в общий зал. Я распоряжусь, чтобы ужин подали в ваши комнаты.

— Благодарю вас, лорд Ингри, — только и сказала девушка.

Коротко поклонившись, Ингри вышел.

В общем зале, куда вёл короткий коридор, Ингри обнаружил двоих приближённых Болесо и одного из своих гвардейцев, уже чокавшихся кружками с пивом.

— Вы остановились здесь? — спросил Ингри одного из солдат.

— Мы повсюду, милорд, — ответил тот. — Мы заполнили все гостиницы в городе.

— Это лучше, чем спать на полу в храме, — проворчал гвардеец.

— Точно. — Придворный Болесо отхлебнул одним глотком полкружки. Его дородный товарищ пробормотал что-то, что можно было счесть согласием.

Какой-то переполох и крики перед гостиницей привлекли внимание Ингри; он подошёл к занавешенному окну и выглянул наружу. Открытая тележка, запряжённая парой приземистых лошадок, приткнулась к обочине: одно колесо у неё слетело, заставив тележку пьяно накрениваться. Фонари на тележке раскачивались, тени плясали по стенам домов. Решительный женский голос сказал:

— Ничего страшного, голубушка. Бернан всё сейчас починит. Вот поэтому-то я...

— Велела захватить ящик с инструментами, — закончил за говорившую усталый мужской голос откуда-то из-за тележки. — Сейчас я до него доберусь, только вот это вытасю.

Появился слуга и подставил к накренившейся тележке деревянную лесенку. Вместе со служанкой они помогли спуститься на землю невысокой кругленькой фигуре, закутанной в плащ.

Ингри отвернулся от окна, безразлично подумав, что поздним путешественникам будет нелегко сегодня найти приют в Реддайке. Дородный придворный осушил свою кружку, рыгнул и спросил у трактирщика, как пройти в уборную. Пошатываясь, он двинулся впереди Ингри по коридору.

Туда как раз вошла женщина в плаще; её служанка что-то искала на полу, ругаясь себе под нос и загородив проход. Необъятных размеров плащ на женщине был в дорожной грязи, да и вообще видал лучшие дни.

Дородный придворный разразился руганью и заорал:

— Прочь с дороги, ты, толстая свинья!

Из складок плаща донеслось возмущённое «Ха!», женщина откинула капюшон и наградила наглеца уничтожающим взглядом. Её нельзя было назвать ни юной, ни старой; выющиеся светлые волосы матроны выбились из косы и свирепо торчали во все стороны, образуя нимб вокруг раскрасневшегося то ли от оскорбления, то ли от вечерней прохлады лица. Ингри насторожился: люди Болесо были не из тех, кому простолюдины могли противоречить, не опасаясь насилия. Однако глупая женщина словно не замечала кольчуги и меча, да и размеров противника и его сомнительной трезвости тоже.

Женщина расстегнула пряжку на плече и позволила плащу соскользнуть на пол; она оказалась одета в зелёное облачение ордена Матери... и была вовсе не толстой, а очень беременной. Если это акушерка-дедикат, подумал Ингри, то ей очень скоро понадобятся её собственные услуги. Женщина похлопала себя по плечу и зловеще откашлялась.

— Видишь это, молодой человек? Или ты так пьян, что у тебя глаза смотрят в разные стороны?

— Что я должен видеть? — буркнул дородный придворный, на которого какая-то нищая беременная акушерка не произвела никакого впечатления.

Женщина взглянула на своё обтянутое зелёной тканью плечо и раздражённо надула губы.

— Ох, проклятие! Херги, — она обернулась к служанке, которая только что поднялась на ноги, — они снова свалились! Надеюсь, я не потеряла их на дороге...

— Они у меня, госпожа, — пропыхтела служанка. — Сейчас я их приколю. Снова.

В руках служанка сжимала не один, а целых два шнура, говорящих о высоком ранге жрицы, и, высунув кончик языка, принялась прилаживать их на положенное почётное место.

Зелёно-жёлто-золотой шнур говорил о том, что женщина — целительница ордена Матери; другой — бело-серебряный — принадлежал волшебнице ордена Бастарда. При виде первого придворный Болесо если и не проявил уважения, то всё же насторожился; однако именно второй заставил его побледнеть.

Губы Ингри раздвинула первая за этот день улыбка. Он похлопал по плечу придворного.

— Лучше извинитесь перед просвещённой госпожой, а потом дайте ей пройти.

Толстяк скривился.

— Не может быть, чтобы это были её шнуры!

Кровь, похоже, отхлынула не только от его лица, но и от мозгов.

«Тому, кто не хочет признать ошибку, суждено её повторить...»

Ингри предусмотрительно отодвинулся в глубь коридора; это, кстати, позволяло ему лучше видеть то, что должно было последовать.

— У меня нет времени возиться с тобой, — раздражённо бросила волшебница. — Если ты желаешь вести себя как в свинарнике, то свиньёй ты и будешь до тех пор, пока не научишься приличным манерам. — Она взмахнула рукой, и Ингри с трудом удержался от того, чтобы не пригнуться. Его нисколько не удивило, когда толстяк упал на четвереньки, а его отчаянный крик перешёл в хрюканье. Волшебница фыркнула, подобрала юбки и ловко обошла его. Её служанка, качая головой, подняла плащ и последовала за госпожой. Ингри вежливо поклонился женщинам и двинулся следом за ними, не обращая внимания на отчаянное копошение на полу. Двое солдат обеспокоенно выглянули в дверь.

— Простите меня, просвещённая, — любезно обратился к жрице Ингри, — но долго ли продлится ваш весьма наглядный урок? Я спрашиваю только потому, что завтра утром этот человек должен быть в силах сидеть в седле.

Светловолосая женщина, нахмурившись, обернулась к нему; пряди её волос, казалось, старались разлететься во всех направлениях.

— Это ваш человек?

— Не совсем. И хотя я не несу ответственности за его поведение, я несу ответственность за то, чтобы он прибыл по назначению.

— Ах... Ну ладно, я, конечно, верну ему человеческий облик, прежде чем уеду. Да и вообще чары сами по себе утратят силу через несколько часов. А пока пусть остальные извлекут урок. Понимаете, я очень спешу. В Реддайк прибыла торжественная процессия, сопровождающая принца Болесо, который, как говорят, был убит. Вы не видели кортеж? Я ищу командира.

Ингри коротко поклонился.

— Вы его нашли. Я Ингри кин Волфклиф, к вашим услугам и к услугам богов, которым вы служите, просвещённая.

Долгое мгновение женщина пристально смотрела на Ингри.

— Да, так и есть, — сказала она наконец. — Хорошо. Та молодая женщина, Йяда ди Кастос... Вы знаете, что с ней случилось?

— Она на моём попечении.

— Вот как? — Взгляд стал ещё более пронзительным. — Где она?

— Ей отведены комнаты на втором этаже этой гостиницы.

Служанка с облегчением вздохнула; волшебница бросила на неё полный триумфа взгляд.

— Три — волшебное число, — пробормотала она. — Разве я не говорила?

— В этом городе всего три гостиницы, — рассудительно ответила служанка.

— Не посланы ли вы храмом, — с надеждой спросил Ингри, — чтобы взять всё в свои руки?

«И освободить от ответственности меня».

— Нет... по правде говоря, нет. Но я должна её увидеть.

Ингри заколебался.

— Кто она вам? Или вы ей?

— Старая приятельница, если она меня ещё помнит. Я просвещённая Халлана. Я узнала о её затруднительном положении, когда новость насчёт принца дошла до моей семинарии в Сатлифе... То есть мы узнали об убийстве Болесо и о предполагаемой виновнице, так что я решила, что она в затруднительном положении. — Взгляд, который женщина всё ещё устремляла на Ингри, не стал более доброжелательным. — Мы были уверены, что кортеж поедет этой дорогой, но я опасалась, что нам придётся догонять его.

Семинария в Сатлифе, городе милях в двадцати пяти к югу от Реддайка, была знаменита своими целителями и врачами; жрица, накануне наложившая шов на рану Ингри, должно быть, научилась своему искусству именно там. Ингри мог бы обшарить три соседних графства в поисках храмового волшебника и даже не подумать о том, чтобы заглянуть в Сатлиф... Вместо этого волшебница сама нашла его.

Может ли она чувствовать присутствие его волка? Несчастье навлёк на Ингри храмовый волшебник, а позже другой храмовый волшебник помог ему научиться держать зверя связанным. Не может ли случиться, что эта женщина послана... кем или чем, Ингри и предположить не мог, — чтобы помочь Йяде связать её леопарда? Каким бы невероятным ни казалось прибытие волшебницы, едва ли оно было совпадением... Мысль об этом заставила Ингри внутренне ошетиниться. Если уж на то пошло, он предпочёл бы совпадение.

Ингри сделал глубокий вдох.

— Думаю, у леди Йяды сейчас не много найдётся друзей. Она будет вам рада. Вы позволите мне проводить вас, просвещённая?

Женщина одобрительно кивнула.

— Да, будьте так добры, лорд Ингри.

Он провёл женщин по коридору к лестнице; позади них вообразивший себя свиньёй придворный всё ещё оставался на четвереньках, тыкался головой в дверь и хрюкал.

— Милорд, что нам с ним делать? — спросил Ингри его перепуганный приятель.

Ингри бросил на них беглый взгляд.

— Присматривайте за ним. Проследите, чтобы с ним ничего не случилось, пока не закончится наглядный урок.

Придворный посмотрел вслед удаляющейся волшебнице и сглотнул.

— Да, милорд. А... что-нибудь ещё?

— Можете раздобыть для него отрубей.

Волшебница, в сопровождении служанки поднимавшаяся по лестнице, обернулась, и её губы дрогнули. Потом, держась за перила, она тяжело двинулась дальше, и Ингри поспешил за ней.

К своему удовольствию, он обнаружил, что дверь в помещение леди Йяды заперта; Ингри негромко постучался.

— Кто там? — раздался её голос.

— Ингри.

Последовала пауза.

— Вы не бродите во сне?

Ингри поморщился.

— К вам посетительница.

Леди Йяда мгновение озадаченно молчала, потом раздался скрежет ключа в замке и скрип отодвигаемого засова. Дверь распахнула служительница-дуэнья, с удивлением воззрившаяся на волшебницу и её служанку. Ингри последовал за женщинами в комнату.

Леди Йяда, стоявшая у окна, растерянно смотрела на вошедших.

— Йяда? — столь же растерянно пробормотала волшебница. — О боги, дитя, как же ты выросла!

На лице девушки вспыхнула такая радость, какой Ингри ещё ни разу на нём не видел.

— Халлана! — воскликнула леди Йяда и кинулась вперёд.

Две женщины упали друг другу в объятия; раздалось радостное восклицание. Наконец

леди Йяда отстранилась, продолжая держать более низкорослую волшебницу за плечи.

— Как ты здесь оказалась?

— Новости о приключившемся с тобой несчастье дошли до семинарии Матери в Сатлифе. Я теперь там преподаю, знаешь ли. Ну и ещё, конечно, были сны.

— Как же ты туда попала? Ты должна рассказать мне всё, что с тобой случилось с тех пор... Ох, лорд Ингри, — девушка с сияющим лицом повернулась к нему, — это та самая моя подруга, о которой я вам рассказывала. Она была послана орденом Матери в крепость моего отца на западной границе, а орден Бастарда поручил ей исследования, так что она следовала обоим своим призваниям — собирала гимны мудрости жителей болот и лечила их, чтобы привлечь в крепость и обратить в квинтарианство. Тогда она, конечно, была моложе. А я... я была неуклюжим подростком. Халлана, я так до сих пор и не понимаю, как это ты позволяла мне целыми днями таскаться за тобой... только я так была тебе за это благодарна!

— Ну, если не считать того, что я вовсе не была невосприимчива к твоему обожанию... чего только не внушат человеку боги! — ты очень мне помогала. Ты не боялась ни болот, ни лесов, ни зверей, ни жителей болот. Ты готова была лезть в любую чащобу и безропотно терпела выговоры за то, что вся перемазалась и исцарапалась.

Йяда рассмеялась.

— Я всё ещё помню, как ты и тот противный педантичный жрец спорили за обедом о теологии. Просвещённый Освин так распалялся, что буквально вылетал из столовой. Будь я старше и не так поглощена собственными делами, я обеспокоилась бы состоянием его здоровья. Бедный тощий спорщик!

Волшебница хихикнула.

— Это шло ему на пользу. Освин был таким образцовым служителем Отца, всегда так беспокоился по поводу всяческих правил — если он им не следовал, то они должны были следовать за ним. Его всегда так раздражало, когда я говорила об этом.

— Ох, ты же выглядишь такой... ну-ка, скорее присядь! — Леди Йяда и служанка Херги общими усилиями усадили Халлану в самое лучшее кресло. Волшебница с благодарностью уселась, отдуваясь и стараясь поудобнее устроить свой огромный живот. Служанка кинулась подставлять ей под ноги скамеечку. Леди Йяда придвинула стул и села напротив, а Ингри устроился на скамье у окна, откуда мог за всем наблюдать: в тесной комнатке ему было бы слышно каждое слово. Дуэнья настороженно, но с почтением смотрела на жрицу.

— Ваше двойное служение — очень необычная вещь, просвещённая, — сказал Ингри, кивнув в сторону шнуров на плече Халланы. Удерживавшая их пряжка опять растянулась, и шнуры висели косо.

— О да. Это получилось случайно, если, конечно, можно говорить о случайности там, где проявляется воля богов. — Халлана пожала плечами, и шнуры свалились. Служанка со вздохом подняла их и вернула на место. — Я сделалась целительницей, как и мои мать и бабушка, и когда моё ученичество закончилось, начала работать в храмовом госпитале Хелмхарбора. Однажды меня позвали к умирающему волшебнику. — Халлана помолчала и проницательно взглянула на Ингри. — Что вам, лорд Ингри, известно о том, как становятся храмовыми волшебниками? Или волшебниками незаконными?

Брови Ингри поползли вверх.

— Человек вступает во владение демоном хаоса, которому каким-то образом удалось сбежать от Бастарда в материальный мир. Волшебник принимает его в свою душу и питает его. В обмен демон служит ему... или ей, — поспешно добавил Ингри. — Обретение демона делает человека волшебником примерно так же, как приобретение коня делает человека всадником, — по крайней мере так меня учили.

— Совершенно верно, — одобрительно кивнула Халлана. — Только, конечно, это не делает его сразу же умелым наездником. Управлению конём — или демоном — нужно учиться. Немногим известно, что храмовые волшебники иногда завещают демонов своему ордену, чтобы передать следующему поколению всё, что успели узнать. Поскольку, когда

волшебник умирает, если он не уносит демона с собой к богам, демон вселяется в любое находящееся рядом живое существо, которое может его питать... совершенно неподходящее дело — позволить могучему демону вселиться в бродячую собаку. Нечего улыбаться, такое случилось. Так вот, если всё сделать как следует, обученный демон может быть направлен в душу избранного наследника, не растерзав её при этом в клочья.

Йяда слушала как зачарованная, наклонившись вперёд и стиснув руки.

— Ты знаешь, мне ведь никогда не приходило в голову спросить тебя, как ты стала тем, кем стала. Я просто принимала это как нечто само собой разумеющееся.

— Тебе тогда было всего десять. В этом возрасте весь мир кажется тайной. — Халлана переменила позу, с трудом находя более удобное положение. — Орден Бастарда в Хелмхарборе подготовил жреца, очень учёного молодого человека, для восприятия могущества его учителя. Всё вроде бы шло как запланировано. Старый волшебник — он был совсем уже слаб, скажу я вам — мирно испустил последний вздох. Его преемник простёр руки и стал молиться, а глупый демон перепрыгнул через него и нырнул прямо мне в душу. Никто такого не ожидал, и уж меньше всех — высокомерный молодой жрец. Он был в отчаянии. Я тоже расстроилась. Как мне лечить людей, если во мне будет жить демон хаоса? Я некоторое время пыталась избавиться от него, даже совершила паломничество к святому, который, по слухам, обладал властью над сбежавшими демонами Бастарда.

— Не в Дартаку ли? — спросил Ингри.

Волшебница подняла брови.

— Откуда вы знаете?

— Счастливая догадка.

Халлана только фыркнула в ответ на эту неуклюжую отговорку.

— Ну так вот... Мы вместе совершили все обряды, но бог отказался забрать демона обратно.

— Дартака... — мрачно кивнул Ингри. — Кажется, я когда-то встречался с тем святым. Совершенно никчёмный человек.

— Вот как? — Взгляд Халланы снова сделался пронизывающим. — Ладно... Раз уж мне оказалась навязана эта тварь и я не смогла от неё избавиться, нужно было научиться управлять демоном, иначе он мог подчинить меня своей власти. Вот так я и прошла ученичество в ордене пятого бога. В крепость на границе я отправилась в период величайшего разочарования, решив пожить простой жизнью и попытаться снова найти призвание, которое я утратила. Ох, Йяда, я была так огорчена, когда через несколько лет узнала о смерти твоего отца... Он был благородным человеком во всех отношениях.

Леди Йяда склонила голову, и на лицо её набежала тень.

— Крепость не зря была окружена высокими стенами. Недовольные восстали, была совершена попытка усмирить их... я ведь видела только солнечную сторону жизни людей болот и их доброту. А они, в конце концов, были просто обычными людьми.

— Что случилось с тобой и с твоей благородной матерью, когда твой отец погиб?

— Она вернулась к своим родственникам — и моим тоже — на север Вилда. Через год она выбрала себе нового супруга, тоже служившего храму, хотя и не воина... её брат всё время подшучивал над этим. Она не любила моего отчима так, как любила отца, но он за ней ухаживал, да и обеспеченная жизнь её привлекала. А умерла она... э-э... — Йяда умолкла, бросив взгляд на живот Халланы, и прикусила губу.

— Я ведь целительница, — напонила ей жрица. — При родах?

— Через четыре дня. У неё началась лихорадка.

Дуэнья, зачарованно слушавшая разговор, осенила себя знаком Священного Семейства, поймала взгляд Ингри и смутилась.

— Хм-м, — пробормотала Халлана, — интересно, не было ли... Ладно, не важно — всё равно теперь поздно... А ребёнок?

— Мой маленький братишка выжил. Отчим его обожает. Как раз из-за него он так быстро женился снова.

Ингри впервые услышал о том, что у леди Йяды имеется такой близкий родственник.

«А я и не догадался спросить...»

— И оказалось, что тебе пришлось жить... не с теми, с кем ты ожидала, — задумчиво сказала Халлана. — И наоборот. Как к этому отнеслись твой отчим и его молодая жена?

Йяда пожала плечами.

— Они были достаточно добры ко мне. Моя мачеха замечательно ухаживает за братишкой.

— И на сколько же она... э-э... старше тебя?

Йяда сухо улыбнулась.

— На три года.

Халлана фыркнула.

— Значит, когда у тебя появился шанс найти себе другое пристанище, она была рада с тобой попрощаться?

— Ну, она не возражала. Должность при дворе принцессы Фары мне нашла жена моего дяди Бадженбанка. Тётушка твердила, что отчим и мачеха отвратительно вульгарны и мне лучше воспитываться подальше от них, чтобы ко мне не пристали манеры простолюдинки.

На этот раз волшебница фыркнула неодобрительно. Просвещённая Халлана, сообразил Ингри, не добавила, называя себя, к своему имени «кин» — обязательного свидетельства принадлежности к аристократическому роду.

— Но, Халлана, — продолжала Йяда, — хоть ты и целительница, я не могу себе представить, как тебе удаётся одновременно вынашивать ребёнка и держать в узде демона. Я всегда думала, что демоны ужасно опасны для беременных.

— Так и есть, — поморщилась Халлана. — Распространять хаос — естественное свойство демона: в этом источник его силы в материальном мире. Сотворение ребёнка, при котором материя рождает совершенно новую душу, — высочайшая и наиболее сложная из известных форм упорядочения хаоса. Учитывая, как много опасностей подстерегает младенца и без вмешательства демона, совершенно необходимо держать их подальше друг от друга. Это трудно. Настолько трудно, что некоторые жрецы не советуют волшебницам рожать детей или женщинам стремиться получить власть над демоном, пока они не состарятся. Ах, да что там... многие из жрецов — просто самодовольные дураки, но это уже другая тема. Как бы то ни было, я не сочла нужным отказываться от собственной жизни ради чьих-то теорий. Опасности, которым я подвергаюсь, не большие — и не иные, — чем те, которые угрожают любой женщине, если я окажусь достаточно искусной, чтобы управлять демоном. Ну, есть, конечно, опасность, что демон вселится в ребёнка, пока меня будут отвлекать роды. Ах, дети ведь и так сверхъестественные существа! Секрет безопасности заключается в том, чтобы... как бы объяснить? Чтобы избавляться от излишков хаоса — постоянно выбрасывать хаос из себя понемножку. Благодаря этому мой демон становится пассивен, а ребёнку ничто не грозит. — Нежная материнская улыбка озарила лицо Халланы. — К несчастью, в результате всем, кто меня окружает, в эти месяцы приходится нелегко. У меня имеется келья на землях семинарии, куда я стараюсь удалиться на время беременности.

— Ох... не чувствуешь ли ты себя там одинокой?

— Ничуть. Мой дорогой супруг каждый день приводит ко мне двоих старших детей, а вечерами является без них... За это время я успеваю так много прочесть, так много изучить: подобное уединение — вещь совершенно замечательная! Мне хотелось бы почаще оказываться в своей келье, но дюжина детей, пожалуй, была бы ошибкой... да и мой супруг, пожалуй, не согласился бы.

Служанка Херги, которая тихо и незаметно сидела у ног госпожи, захихикала совершенно непочтительным образом.

— Всё это, знаете ли, не особенно отличается от мысленной самодисциплины, которую должен соблюдать любой храмовый волшебник. Всё время приходится использовать хаос, никогда не пытаясь изменить его природу, ради достижения благих целей, — осторожно,

спокойно, не поддаваясь соблазну лёгких путей. Благодаря этому мне удалось спасти своё врачебное призвание: один блестящий мыслитель указал мне на то, что хирург разрушает, чтобы исцелить. Так я и научилась правильно использовать дарованную мне силу в области, к которой лежала моя душа. Я была так счастлива, что вышла замуж за того мыслителя.

Йяда рассмеялась.

— Я так рада за тебя! Ты заслуживаешь всего самого хорошего.

— Ах, только Отец знает, поддерживая равновесие своей справедливостью, чего мы заслуживаем. — Лицо волшебницы снова сделалось серьёзным. — Расскажи-ка ты мне, моя милая, что на самом деле случилось в том холодном замке.

Глава 5

Смех Йяды резко оборвался. Ингри, спокойно поднявшись, послал дуэнью вниз, за ужином, который ему не удалось заказать, велел ей увеличить количество блюд. Благодаря этому он избавился и от её заинтересованных ушей. Женщина выглядела разочарованной, но послушаться не посмела.

Ингри неслышно проскользнул на своё место у окна, не желая мешать леди Йяде исповедоваться подруге. Впрочем, на взгляд Ингри, волшебницу привели сюда гораздо более тайные причины, нежели дружба.

Он слушал внимательно, пытаясь обнаружить несоответствия, но рассказ Йяды ничем не отличался от того, что за последние дни услышал от неё он сам, только теперь всё описывалось по порядку. Впрочем, просвещённой Халлане девушка более откровенно призналась в испытанном ею страхе. Волшебница слушала с таким напряжением, что, когда дело дошло до снов, навеянных духом леопарда, лицо Халланы можно было бы счесть высеченным из камня. Йяда довела свой рассказ до своего чуть не кончившегося несчастьем падения на переправе и умолкла, искоса взглянув на Ингри.

— Думаю, будет лучше, если о дальнейшем расскажет лорд Ингри.

Ингри дёрнулся на своей скамье и покраснел.

На мгновение ему показалось, что красный туман вернулся, и его рука судорожно стиснула подоконник, рядом с которым он сидел. Он с ужасом осознал, что снова позволил себе непредусмотрительность: его подвела смутная уверенность в том, что волшебница в силах защитить и себя, и Йяду. Однако волшебники не были защитой от смертельного удара клинка. Он позволил себе находиться в обществе женщин, оставаясь вооружённым. А теперь ещё ему предстояло раскрыть самые страшные свои секреты...

— Я пытался её утопить, — выпалил Ингри. — Три попытки убить леди Йяду я предпринимал и раньше... по крайней мере насколько мне известно. Клянусь, такого намерения у меня не было. Леди Йяда говорит, что на мне лежит какое-то заклятие.

Волшебница надула губы и сделала долгий, задумчивый выдох. Потом она откинулась в кресле и закрыла глаза; лицо её стало совершенно неподвижным. Когда глаза её снова открылись, на лице её появилось какое-то странное выражение.

— Ни один волшебник в последние дни заклęcia на вас не накладывал. Вас ничто не связывает — никакие духовные нити к вам не тянутся. Никакой демон Бастарда в вашей душе не поселился, но что-то другое в ней скрывается. Что-то очень тёмное.

Ингри отвёл глаза.

— Я знаю. Это мой волк.

— Если та тёмная тварь — волк, то я — королева Дартаки.

— Мой волк всегда был странным... Однако он скован.

— Хм-м... Можно мне коснуться вас?

— Не знаю, насколько это... безопасно.

Брови Халланы поползли вверх; она оглядела Ингри с ног до головы, заставив его остро ощутить, как грязен его дорожный костюм и какая разбойничья щетина на лице.

— Пожалуй, отрицать опасность я не стану. Йяда, что ты видишь у него внутри?

— Видеть я ничего не вижу, — с несчастным выражением лица ответила девушка. — Похоже на то, что леопард чует волка, а я подслушиваю... поднюхиваю, если можно так выразиться. Каким-то образом до меня доходят эти незнакомые ощущения. Там действительно таится тёмный дух волка, который ты увидела, — по крайней мере пахнет он тёмным, как опавшие листья, старое кострище и лесные тени. И ещё что-то третье... шепчущее. У него очень странный запах. Едкий.

Халлана кивнула.

— Я вижу его душу — своим духовным зрением. Я вижу тёмного духа. Я не вижу и не слышу ничего третьего. Оно ни в коем случае не порождение Бастарда, не порождение духовного мира, которым правят боги. И всё же... его душа имеет странные извивы. Прозрачное стекло, которого не видит глаз, может быть обнаружено на ощупь. Я должна рискнуть проникнуть глубже.

— Не надо! — в панике воскликнул Ингри.

— Госпожа, следует ли... — пробормотала служанка, на лице которой отразилось беспокойство. — Особенно теперь...

Губы Халланы беззвучно произнесли что-то похожее на ругательство.

— Нужно подумать.

В этот момент раздался стук в дверь: вернулась дуэнья в сопровождении слуг, нагруженных подносами, и человека, которого Халлана назвала Бернаном; он тащил большой деревянный ящик. Бернан оказался жилистым пожилым мужчиной с внимательными глазами; его зелёный кожаный камзол был прожжён в нескольких местах, как у кузнеца. Бернан с явным удовольствием принимался за подносы, когда их проносили мимо, и не он один: аппетитный запах мяса со специями и жареным луком, доносившийся из-под крышек блюд, сразу напомнил Ингри, как он голоден и устал.

Лицо Халланы просветлело.

— Вот и хорошо, сначала поедим, а потом начнём думать.

Слуги быстро накрыли стол в маленькой гостиной, после чего волшебница отослала их, добавив, что предпочитает, чтобы ей прислуживали её собственные люди, и шёпотом поделившись с Ингри:

— Я сейчас устраиваю такой беспорядок, что не решаюсь есть при посторонних.

Ингри предусмотрительно отправил дуэнью ужинать в общий зал и не велел ей возвращаться, пока её не позовут. Бросив на Халлану любопытный взгляд, женщина неохотно удалилась.

Бернан доложил, что кони благополучно размещены в конюшне храма, колесо тележки починено, а на ночлег волшебницу ждёт к себе местная целительница, обучавшаяся когда-то в Сатлифе. Ингри, хоть ничего такого не планировал, оказался за столом с женщинами. Бернан поднёс всем чашу для омовения рук, а жрица быстро пробормотала молитву.

Херги повязала своей госпоже салфетку размером со скатерть и стала помогать, ловко подхватывая падающие кубки, опрокидывающиеся кувшины, разлетающиеся куски жаркого; чаще всего ей это удавалось, хотя и не всегда.

— Пейте своё вино, — посоветовала волшебница. — Через полчаса оно прокиснет. Мне нужно будет покинуть гостиницу до того, как хозяин обнаружит, что с пивом в бочках тоже не всё в порядке. Ну, зато все блохи, вши и клопы не переживут моего присутствия, так что, пожалуй, обмен будет равноценный. Лучше мне не задерживаться: иначе подохнут и все мыши, бедняжки.

Леди Йяда была, по-видимому, так же голодна, как и Ингри, и за столом на некоторое время воцарилось молчание. Халлана наконец нарушила тишину, решительно поинтересовавшись природой несчастья Ингри, связанного с волком. У Ингри, несмотря на голод, перехватило горло, но всё же он сумел пересказать Халлане свои путанные воспоминания о давних событиях — более подробно, чем поведал о них Йяде. Обе женщины слушали его заворожённо. Ингри несколько смущало то, что Бернан, удалившийся со своей тарелкой на скамью у окна, и Херги, умудрявшаяся что-то жевать, не прекращая ухаживать

за своей госпожой, тоже слушали его рассказ. Что ж, слуги храмовой волшебницы должны уметь хранить секреты...

— Проявлял ли ваш отец и раньше интерес к жертвоприношениям животных и древней магии Вилда? — спросила Халлана, когда Ингри кончил описывать обряд.

— Насколько мне известно, нет, — ответил Ингри. — Всё это показалось мне очень внезапным.

— И почему он совершил такую попытку именно тогда? — пробормотала Йяда.

— Все, кто что-нибудь знал, погибли или бежали, — пожал плечами Ингри. — К тому времени, когда я поправился достаточно, чтобы задавать вопросы, не осталось никого, кто мог бы мне что-то рассказать. — Его ум шарахался от разрозненных обрывков воспоминаний о тех мучительных неделях. Некоторым вещам лучше оставаться забытыми.

Халлана запустила зубы в кусок жаркого, прожевала и спросила:

— Как случилось, что вы научились держать своего волка связанным?

«Вот это и есть одна из таких вещей».

Ингри потёр шею, но это не принесло ему облегчения.

— Древний закон Аудара, который гласит, что тех, кто осквернён духами животных, следует сжигать заживо, ни разу не применялся на памяти даже стариков. Наш местный жрец, знавший меня с рождения, приложил все старания, чтобы избавить меня от такой участи. Как оказалось, следователь храма, посланный расследовать случившееся, постановил, что, поскольку преступление было совершено не по моей воле, а навязано мне лицами, повиноваться которым предписывал мне долг, — всё равно что отрубить человеку руку за то, что его ограбили. Так что я был формально прощён, и жизнь мне сохранили.

Йяда с острым интересом выслушала эти подробности — прецедент относился и к её случаю тоже. Её губы приоткрылись, но потом девушка только покачала головой и не сказала ни слова.

Ингри сочувственно кивнул ей и продолжал:

— И всё же меня не могли просто отпустить. Иногда я вёл себя как здравомыслящий человек, но бывали случаи... Я не могу ничего отчётливо вспомнить. Так что наш жрец принялся исцелять меня.

— Каким образом? — спросила волшебница.

— Первым делом, конечно, он заставлял меня молиться. Потом последовали ритуалы — те древние обряды, какие только ему удалось узнать. Некоторые, я думаю, он воссоздавал из обрывков. Ни один из них не подействовал. Потом жрец переключился на проповеди и увещевания: он и его аколиты читали их сутками, сменяя друг друга. Это было самым утомительным видом исцеления. Наконец мы решили изгнать волка силой.

— Мы? — подняла бровь Халлана.

— Это не было сделано... против моей воли. К тому времени я отчаялся.

— М-м-м... Да, могу себе представить... — Халлана сжала губы, потом после долгой паузы спросила: — Какую же форму приняло это изгнание?

— Мы перепробовали всё, кроме необратимых увечий. Голод, побои, огонь и вода. Всё это не смогло изгнать волка, но я по крайней мере научился владеть собой, и периоды помрачения стали короче.

— В подобных обстоятельствах, думаю, учились вы весьма быстро.

Сухой тон Халланы заставил Ингри бросить на неё настороженный взгляд.

— Такие меры явно действовали. Во всяком случае, лучше было тонуть в Бирчбеке, пока мои лёгкие не начинали разрываться, чем сутками выслушивать проповеди. Наш жрец не давал поблажки ни мне, ни своим аколитам, хотя это давалось ему нелегко. Он полагал, что по крайней мере этим возвращает долг моему отцу, которого он, как ему казалось, не удержал от ужасного греха.

Ингри сделал глоток из своего кубка.

— Через несколько месяцев было решено, что я достаточно оправился, чтобы получить свободу. К тому времени замок Бирчгров был передан моему дяде. Меня отправили в

паломничество в надежде, что удастся найти более полное исцеление. Я был этому рад, хотя по мере того как надежды таяли, а я повзрослел достаточно, чтобы избавиться от своих надзирателей, мои поиски сделались просто блужданиями. Когда у меня кончались деньги, я брался за всё, что подворачивалось под руку. — Любое занятие казалось лучше, чем возвращение домой. А потом наступил день, когда всё изменилось... Я повстречал лорда Хетвара, когда он был послан ко двору короля Дартаки. — О тех отчаянных усилиях, которые ему пришлось приложить, чтобы быть принятым хранителем печати, Ингри не стал упоминать. — Он удивился тому, что аристократ Вилда служит чужакам так далеко от дома, так что я рассказал ему мою историю. Его не смутил мой волк, и он предложил мне место в своей охране: так я оплатил бы своё путешествие обратно на родину. Я был ему полезен в дороге, и хранителю печати было угодно взять меня на постоянную службу. С тех пор я достиг более высокого положения, — Ингри с гордостью сжал губы, — за некоторые заслуги.

Он снова взялся за наперчённое мясо, а потом собрал с тарелки ароматную подливку кусочком свежего хлеба. Леди Йяда оторвалась от еды некоторое время назад и теперь сидела, погрузившись в задумчивость, водя пальцем по краю своего пустого кубка. Подняв взгляд и встретившись глазами с Ингри, она слабо улыбнулась ему. Халлана отмахнулась от Херги, которая протягивала ей второй пирожок с яблоками, и служанка сложила перепачканную салфетку.

Волшебница внимательно посмотрела на Ингри.

— Теперь чувствуете себя лучше?

— Да, — неохотно признался тот.

— Вы имеете какое-нибудь представление о том, кто накинул на вас эту узду?

— Нет. Думать об этом трудно. Меня, пожалуй, больше смущает то, что между припадками я её не чувствую. Я начинаю не доверять собственному рассудку. Такое ощущение, будто я пытаюсь разглядеть изнутри собственные глазные яблоки.

Ингри поколебался, но всё же взял себя в руки и спросил:

— Вы можете снять с меня заклятие, просвещённая?

Халлана неуверенно вздохнула; у неё за спиной Бернан делал Ингри отчаянные знаки, а Херги осмелилась даже запротестовать вслух.

— Вот что я могу сделать сейчас без всякой опаски, — сказала волшебница. — Добавить хаоса в вашу душу. Разрушит ли это власть той странной тьмы, которую чувствует в вас Йяда, я не знаю. Ничего более сложного попробовать я не рискну. Не будь я беременна, я могла бы попытаться... ладно, не важно. Да, да, я вижу тебя, Бернан, смотри не лопни, — бросила она взволнованному слуге. — Если я не выпущу хаос в лорда Ингри, мне придётся переморить мышей, а мыши мне нравятся.

Ингри потёр руками усталое лицо.

— Я согласен, чтобы вы попытались, но... сначала лучше меня сковать.

Халлана подняла брови.

— Вы считаете это необходимым?

— Предусмотрительным.

Слуги волшебницы, несомненно, одобряли предусмотрительность в любой форме. Пока Ингри складывал у двери меч и кинжал, Бернан открыл свой ящик с инструментами, порывлся в нём и достал два куска надёжной цепи. Получив разрешение Ингри, он надел ему на щиколотки стальные кольца, соединённые цепью, и стянул их болтами. То же самое Бернан проделал со скрещёнными запястьями Ингри и проверил надёжность оков, подёргав и покрутив цепи. После этого Ингри уселся на пол, опираясь спиной на скамью у окна, и Бернан скрепил между собой скобами цепи на ногах и руках Ингри. Тот чувствовал себя полным идиотом, сидя скрючившись и упираясь подбородком в колени. Зрители выглядели несколько смущёнными, но никто не стал возражать.

Просвещённая Халлана тяжело поднялась с кресла и, переваливаясь, подошла к Ингри. Взволнованные леди Йяда и Херги встали у неё по бокам. Волшебница засучила рукава,

сцепила пальцы и с лёгким треском суставов вытянула руки вперёд.

— Прекрасно, — сказала она весёлым голосом, ещё более зловещим из-за прозвучавшего в нём отработанного оптимизма целительницы. — Сразу скажите мне, если станет больно. — Она приложила тёплую ладонь ко лбу Ингри.

Первые несколько секунд исходящее от руки Халланы тепло было приятным, но вскоре стало обжигающим. Странная дымка сгустилась перед глазами Ингри. Неожиданно в его мозгу словно взревело пламя кузнечного горна, и образы перед глазами начали двоиться, изгибаться, меняться.

Комната всё ещё была доступна чувствам Ингри, но одновременно он находился в каком-то другом месте. И там...

Там он был обнажённым. Плоть над его сердцем вспучилась, потом лопнула. Изнутри проросла лоза... нет, вена, проросла и принялась извиваться, опутывая Ингри. Он почувствовал, как вторая жаркая выпуклость возникла на лбу; проросшая из неё лоза-вена потянулась вниз. Ещё одно щупальце высунулось из живота, другое — из гениталий. Их подвижные кровоточащие концы что-то бормотали. Ингри обнаружил, что изменился и его язык: он вывалился изо рта, превращаясь в пульсирующую извивающуюся трубку.

В принадлежащей материальному миру комнате тело Ингри начало биться и всё сильнее дёргать цепи. Глаза Ингри закатились, но он продолжал видеть наклонившуюся над ним просвещённую Халлану; волшебница отпрянула, когда из открытого рта Ингри вырвался вопль. Теперь её немного разведённые в стороны руки не касались его, но между ними продолжало бушевать лиловое пламя, спиралью ввинчиваясь в его чудовищно трансформировавшийся язык.

Длинное щупальце извивалось и дёргалось, его неразборчивый шёпот превратился в шипение, но пламя оно с жадностью пожирало. Другие четыре отростка также пришли в возбуждение; они продолжали бормотать, заливая Ингри кровью. Источаемый ими жаркий металлический запах и скользкие прикосновения доводили его до безумия. Тело Ингри в материальном мире выгнулось с силой, едва не переломавшей ему кости, волосы встали дыбом, гениталии напряглись. Ингри упал на бок и попытался, сотрясаясь конвульсиями, перекатиться по полу туда, где лежал его меч.

Йяда упала на колени; её глаза широко раскрылись. Во второй реальности появился леопард...

Его мех, как шёлк, переливался над мощными мышцами, белоснежные клыки сверкали, в янтарных глазах вспыхивали золотые искры. Подобно котёнку, играющему с клубком ниток, он вцепился в извивающиеся шипящие щупальца, рванул их когтями и начал грызть. Лозы-вены хлестали его, обжигая кислотой, оставляя чёрные полосы на прекрасной пятнистой шкуре. Леопард зарычал, и этот звучный рёв сотряс всё тело Ингри. Откуда-то из глубин его души ему ответило другое рычание.

Челюсти Ингри начали менять форму...

«Нет! Нет! Я отвергаю тебя, волк-у-меня-внутри!»

Ингри стиснул зубы. Он боролся с волком, боролся с опутавшими его щупальцами, боролся с собственным телом, которое продолжало стремиться к стене, у которой лежал меч.

«Бороться... Убить... Убить всех...»

Перекрученная цепь натянулась ещё сильнее, стальная скоба лопнула. Щиколотки и запястья Ингри оставались скованными, но теперь были свободны друг от друга. Тело его выпрямилось, теперь он мог выгибаться и перекатываться, поворачиваться и ползти. Меч был уже так близко... Вокруг раздавался топот охваченных паникой людей.

Руки Ингри в материальном мире были теперь такими же скользкими от крови, как его второе тело в призрачной реальности, орошаемое странной красной жидкостью, источником которой был он сам. К своему ужасу, Ингри почувствовал, что стальные кольца начинают соскальзывать с его окровавленных рук. Если ему удастся освободить правую руку, если он дотянется до меча... тогда никто не выйдет из этой комнаты живым. Возможно, даже он сам.

Первым делом он одним ударом разделается с этим надоедливой слугой, потом

прикончит визжащих женщин. Леди Йяда уже стояла на коленях, как ожидающая удара палача жертва; рассыпавшиеся волосы скрывали её лицо. Резкий взмах меча, и беременная жрица... Разум Ингри в ужасе отпрянул от представившейся ему картины.

Ингри издал жуткий вопль, такой яростный, что он вывернул наизнанку отрицание, превратив его в согласие.

«Помоги им! Спаси её, поддержи меня, волк! Бери мою силу, бери...»

Челюсти Ингри удлинились, сверкнули острые, как кинжалы, белые клыки. Он принялся рвать зубами лозы-вены, рыча и трясая головой, как делает волк, чтобы сломать хребет кролику. В рот ему хлынула горячая кровь, и он ощутил боль от собственных укусов. Он грыз и тянул, выдирая тварь из своего тела. И вот она оказалась не внутри, а перед ним, извиваясь, как какое-то отвратительное морское чудовище, которое вытащили на смертельный для него воздух. Он ударил гадину когтистой лапой. Леопард прыгнул и покатил вопящий красный клубок по полу. Тварь ещё недолго цеплялась за жизнь...

Потом всё кончилось.

Вторая реальность исчезла, леопард слился с леди Йядой, а его волк... куда он делся?

Тело Ингри обмякло. Он лежал на спине рядом с дверью, со всё ещё скованными щиколотками, но окровавленные руки его были свободны. Над ним стоял Бернан с бледным, как пергамент, лицом, сжимая трясущимися руками короткий стальной лом.

На мгновение воцарилась тишина.

— Ну, — раздался ясный напряжённый голос Халланы, — лучше нам больше такого не делать...

Из коридора донёсся топот, потом последовал стук в дверь и испуганный голос гвардейца спросил:

— Эй, там все живы? Лорд Ингри?

Его перебила дуэнья:

— Неужели это он так вопил? Ох, скорее, скорее ломайте дверь!

До находившихся в комнате донёсся третий голос:

— Если вы взломаете дверь в моей гостинице, придётся вам платить! Эй вы там! Откройте!

Ингри потрогал свою челюсть — нормальную человеческую челюсть, не волчью морду — и прохрипел:

— У нас всё в порядке...

Халлана стояла, расставив ноги и быстро дыша, и смотрела на Ингри широко раскрытыми глазами.

— Да, — крикнула она, — лорд Ингри споткнулся и опрокинул стол. Тут сейчас некоторый беспорядок. Мы сами всё сделаем, не беспокойтесь.

— Судя по вашему голосу, у вас не всё в порядке.

Ингри сглотнул, прокашлялся и постарался заставить свой голос звучать нормально:

— Я сейчас спущусь. Слуги просвещённой жрицы наведут... наведут тут порядок. Уходите.

— Мы перевязываем его порезы, — добавила Халлана.

Люди за дверью недоверчиво прислушались, потом начали спорить, но наконец ушли.

Все в комнате, за исключением Бернана, который всё ещё не выпускал из рук лом, облегчённо вздохнули. Ингри обессиленно растянулся на полу, чувствуя себя так, словно все его кости превратились в кашу. Через некоторое время ему удалось поднять руки. С левого запястья тяжело свешивалась цепь; окровавленная правая рука была свободна. Ингри бессмысленно смотрел на неё, не замечая ни содранной кожи, ни острой боли. Судя по тому, что из волос его текла липкая струйка, его яростные рывки привели к тому, что шов на голове разошёлся.

«Если так пойдёт дальше, я буду мёртв до того, как доберусь до Истхома, и неизвестно, переживёт меня леди Йяда или нет».

Йяда... Ингри в панике извернулся, чтобы окинуть взглядом комнату. Бернан с

угрожающим рычанием поднял свой лом. Йяда всё ещё стояла на коленях рядом с Ингри. Лицо её было смертельно бледным, огромные глаза потемнели.

— Нет, Бернан... — прошептала она. — С ним теперь всё в порядке. Заклятие снято.

— Мне приходилось видеть человека, страдающего падучей, — задумчиво произнесла Халлана. — Это определённо не тот случай. — Она обошла вокруг Ингри, разглядывая его поверх своего огромного живота.

Краем глаза наблюдая за ломом в руках Бернана, Ингри осторожно перекатился на бок, чтобы лучше видеть Йяду. От этого движения комната рывками закружилась вокруг него, и у Ингри вырвался хриплый стон. Впрочем, Йяда не отскочила от него. Она сидела на полу, опираясь на руки, и, поймав его взгляд, выпрямилась.

— Со мной ничего не случилось, — сказала она, хотя никто её ни о чём не спрашивал: все следили за гораздо более впечатляющими подвигами Ингри.

Теперь Халлана повернулась к девушке:

— Что с тобой происходило?

— Я упала на колени — в этой комнате, но одновременно я неожиданно оказалась в теле леопарда... Теле духа леопарда — мне было ясно, что не во плоти. Ох, как же он оказался могуч! И великолепен! Мои чувства необычайно обострились. Я всё могла видеть, но онемела. Нет, даже не онемела — я не знала, что такое слова. Мы были в каком-то другом месте, очень просторном — по крайней мере достаточно просторном, чтобы... Вы, — взгляд Йяды обратился на Ингри, — тоже были там, передо мной. Из вашего тела произрастали какие-то красные чудовища. Они казались частью вас, но одновременно нападали на вас. Я кинулась на них и попыталась перегрызть. Эти твари обжигали мне рот. Потом вы начали превращаться в волка... человека-волка, какой-то странный гибрид... казалось, вы не можете решить, кем быть. По крайней мере голова у вас стала волчья, и вы тоже принялись рвать мерзкие щупальца. — Девушка искоса с любопытством взглянула на Ингри.

Ингри не решился спросить: а была ли в галлюцинации леди Йяды на нём набедренная повязка... Недвусмысленное возбуждение его тела только теперь начинало сходиться на нет, под влиянием растерянности и боли.

— Когда мы вырвали из вас эти обжигающие, цепляющиеся щупальца, стало видно, что это не отдельные твари, а одна. Сначала она казалась клубком спаривающихся змей, выкатившимся весной из-под куста, потом перестала шипеть и исчезла, а я снова оказалась здесь, в этом теле. — Йяда поднесла к глазам изящную руку, словно ожидая увидеть кожистые подушечки и когти. — Если такое испытывали воины Древнего Вилда... то я начинаю понимать, почему они стремились к обладанию духами зверей. Не считая, конечно, сражения с этой тварью... да и то мы выиграли. — В сузившихся глазах леди Йяды, подумал Ингри, был не только страх, но и удивительное радостное возбуждение. — А ты видела моего леопарда? — обратилась леди Йяда к Халлане. — И исходящую кровью тварь, и волка?

— Нет, — огорчённо пропыхтела волшебница. — Ваши души были ужасно взволнованы, но чтобы заметить это, мне не требовалось второго зрения. Как ты думаешь, ты могла бы вернуться в то место? По собственной воле?

Ингри попытался покачать головой, обнаружил, что мозг словно болтается в черепе, и пробормотал:

— Нет!

— Я не уверена, — ответила Халлане Йяда. — Меня туда увлёл леопард. И нельзя сказать, что это было «то место» — мы оставались здесь.

Взгляд Халланы сделался, хотя такое и не казалось возможным, ещё более пронизывающим.

— Ты не ощутила присутствия кого-нибудь из богов — там, в «том месте»?

— Нет, — ответила Йяда, — нет. Раньше я не могла бы сказать с уверенностью, но после снов, подаренных мне леопардом... определённо нет. Я бы знала, если бы Он вернулся. — Несмотря на всё пережитое, на лице девушки расцвела улыбка. Улыбка

предназначалась не ему, понял Ингри, но всё равно ему захотелось подползти к Йяде. Ну уж это было бы безумием чистой воды...

Халлана расправила плечи, что, учитывая её положение и размеры, произвело устрашающий эффект, и поморщилась.

— Бернан, помоги лорду Ингри подняться. И сними с него цепи.

— Вы уверены, что это разумно, просвещённая? — с сомнением спросил слуга, бросая взгляд на лежащий в углу меч Ингри: кузнец отбросил его туда, изготовившись ударить Ингри ломом.

— Лорд Ингри, каково ваше мнение? Вы до сих пор не ошибались.

— Не думаю, чтобы я... мог двигаться. — Дубовый пол был жёстким и холодным, но у Ингри так кружилась голова, что он всё-таки предпочитал горизонтальное положение вертикальному.

Двое слуг против его воли подняли Ингри и подтащили к креслу, в котором раньше сидела жрица. Бернан с помощью молотка освободил его от цепей, а Херги, щёлкая языком, принесла таз с водой, мыло, полотенца и свою кожаную сумку, в которой оказались медицинские инструменты и лекарства. Женщина умело обработала раны Ингри, новые и прежние, и до него с опозданием дошло, что волшебница в её теперешнем состоянии, конечно, могла путешествовать только в сопровождении собственной акушерки-дедиката. Ингри предположил, что Херги — жена кузнеца, если таково было основное занятие Бернана.

Йяда добралась до собственного кресла; она явно не могла оторвать взгляда от ловких рук Херги; её губы вздрагивали при каждом движении иглы целительницы. Херги аккуратно наложила швы на рану на правой руке Ингри, смазала мазью и перевязала полосой чистого полотна; ссадины и царапины на левой руке были промыты и перевязаны тоже. Ингри решил, что теперь правая рука болит гораздо меньше, чем спина или щиколотки... впрочем, возможно, одна боль просто служила отвлечением от другой. У него мелькнула мысль, что следовало бы снять сапоги, пока это ещё возможно: иначе потом их придётся разрезать. Сапоги были хорошие, и лишиться их было бы жалко; цепи и так уже оставили на коже глубокие царапины.

— Так насчёт того места, где вы оказались... — снова начала Халлана.

— Оно не было реальным, — пробормотал Ингри.

— Ну да... Но всё-таки, пока вы были... э-э... в необычном состоянии, как вы воспринимали меня, если вообще воспринимали?

— Из ваших рук текло разноцветное пламя. Текло мне в рот. Оно вызвало неистовство у щупальца, которым стал мой язык, а уж оно передало его остальным... точнее, как мне кажется, другим частям твари. Получилось так, как будто ваше пламя выгнало чудовище оттуда, где оно пряталось. — Ингри пошевелил языком, удостовераясь, что от ужасного уродства действительно ничего не осталось, и с отвращением обнаружил, что лицо его покрыто липкой пеной. Он попытался вытереть её повязкой, но Херги перехватила его руку, не дав испортить свою работу. Неодобрительно покачав головой, она протянула ему влажную тряпку. Ингри начал стирать пену, стараясь не вспоминать о своём отце.

— Язык — собственный символ Бастарда в нашем теле, — задумчиво протянула Халлана.

Как лоб — символ Дочери, живот — Матери, гениталии — Отца, а сердце — Сына.

— Эти вены-щупальца... или что это было такое... части заклатья, похоже, росли из всех моих теологических мест.

— Это должно что-то означать. Интересно, что именно? Не существует ли манускриптов, посвящённых легендам Древнего Вилда, которые помогли бы разгадать загадку... Когда вернусь в Сатлиф, пороюсь в библиотеке, хотя, боюсь, там хранятся по большей части медицинские трактаты. Дартаканские жрецы-квинтарианцы во время завоевания больше интересовались уничтожением местной магии, чем сохранением хроник. Такое впечатление, что они стремились сделать древние силы леса недоступными даже для

самих себя. Впрочем, я не так уж уверена, что это было ошибкой.

— Когда я была в теле леопарда... когда я была леопардом, — сказала Йяда, — я тоже видела фантастические формы, но потом всё это оказалось от меня скрыто. — В голосе девушки проскользнуло лёгкое сожаление.

— Я, со своей стороны, — пальцы волшебницы забарабанили по ближайшей горизонтальной поверхности, которой оказался её собственный живот, — не видела ничего, если не считать успешной попытки лорда Ингри вырваться из цепей, которые удержали бы и лошадь. Если духи животных даровали древним воинам подобную силу, неудивительно, что они так высоко ценились.

Если древние воины расплачивались за это такой болью, то, на взгляд Ингри, может быть, и не стоило высоко ценить обретенные способности... Если воины лесных племён вели себя так же, как он... Ингри хотел спросить, какие звуки издавал, но это было бы слишком унижительно.

— Если бы было что видеть, я должна была бы увидеть, — с возрастающим волнением сказала Халлана. Она рухнула на ближайший стул. — Проклятие! Нужно подумать. — Через мгновение она, прищурившись, взглянула на Ингри. — Вы говорите, заклятие исчезло. Раз уж мы не можем сказать, что это было, можете вы теперь по крайней мере вспомнить, кто его на вас наложил?

Ингри наклонился вперёд и потёр глаза. Как он подозревал, они ещё больше налились кровью.

— Лучше бы мне снять сапоги. — По знаку Халланы Бернан опустился на колени и помог Ингри стянуть сапоги. Щиколотки Ингри и в самом деле распухли и посинели. Не поднимая глаз, Ингри наконец ответил Халлане:

— Я не ощущал заклятия, пока впервые не увидел Йяду. Оно могло быть наложено на меня когда угодно — неделю, месяц, год назад. Сначала я решил, что оно очень старое, — я винил своего волка... насколько вообще мог думать об этом. Если бы не слова леди Йяды... и то, что случилось только что, я мог бы продолжать так считать. Если бы мне удалось убить леди Йяду, я наверняка продолжал бы так полагать.

Халлана закусила нижнюю губу.

— Подумайте хорошенько. Приказание убить пленницу скорее всего было получено вами между тем временем, когда в столицу дошли вести о смерти Болесо, и вашим отбытием в охотничий замок. До того не было причины, после — времени. Кого вы видели в этот промежуток?

События, если смотреть на них с этой точки зрения, выглядели ещё более пугающими.

— Немногих. Вечером меня вызвал к себе лорд Хетвар. Курьер всё ещё был у него. Хранитель печати собрал глав кланов — принца Ригильда, королевского сенешаля, графа Баджербанка, Венцела кин Хорсривера, Альку кин Оттербайна, близнецов кин Боарфордов... Разговор был коротким: лорд Хетвар сообщил мне новость и дал инструкции.

— В чём они заключались?

— Доставить тело Болесо, привезти его убийцу... — Ингри колебался. — Сделать всё без шума.

— Что это значит? — с искренней озадаченностью спросила леди Йяда.

— Уничтожить все свидетельства опрометчивых поступков Болесо.

«В том числе и его последнюю жертву?»

— Что? Разве вы не обязаны вершить королевское правосудие? — с возмущением воскликнула Йяда.

— Строго говоря, я служу хранителю печати Хетвару, а его главная цель, — осторожно добавил Ингри, — охранять интересы Вилда и его королевского дома.

Йяда растерянно умолкла, хмурия брови.

Храмовая волшебница похлопала пальцем по губам. Она по крайней мере шокированной не выглядела. Однако когда она заговорила снова, стало ясно, что её быстрый ум уже устремился в другом направлении.

— Никакой дух не может существовать в мире материи без телесной поддержки. Волшебники придают силу заклинаниям с помощью своих демонов, что необходимо, но недостаточно: сами демоны, в конце концов, получают питание через тело волшебника. Однако наложенное на вас заклятие питалось вашей силой. Я подозреваю... м-м... Как ты сказала, Йяда, это магия-паразит. Заклятие каким-то образом было вызвано в вас, лорд Ингри, и с этого момента его поддерживала ваша собственная жизнь. Если это странное колдовство хоть сколько-нибудь схоже с моим, оно, как вода, стекает вниз: ничего не создаёт, только крадёт силы хозяина.

Интуитивно Ингри понял, что имеет в виду Халлана, но ему вовсе не хотелось, чтобы так о нём думала леди Йяда. Многие мужчины способны убить ради прихоти власть имущих, хотя единственное заклятие, которое для этого требуется, обычно заключается в звоне монет в кошельке. Ингри приходилось охранять своего господина и обнажать ради него меч... так не было ли это тем же самым?

— Но... — Прелестные губы леди Йяды крепко сжались. — У хранителя печати Хетвара есть, должно быть, сотни офицеров, солдат, наёмных убийц. Он послал с вами полдюжины своих гвардейцев. Тот... тот, кто наложил заклятие, мог воспользоваться любым из них. Почему за мной послали единственного человека в Истхеме, о котором известно, что в нём живёт дух волка?

На лице Халланы на мгновение появилось странное выражение — озарение, удовлетворение? Однако волшебница ничего не сказала, только откинулась на спинку стула — наклониться вперёд ей было бы затруднительно.

— Насколько широко разошёлся слух о вашем несчастье? — наконец спросила она.

Ингри пожал плечами.

— Сплетни общеизвестны, однако значение моей особенности придаётся разное. Моя репутация полезна для Хетвара: немногие решаются мне противоречить.

«Или долго терпеть моё общество, приглашать в свой дом, а главное, знакомить с представительницами своего клана. Что ж, к этому я давно привык».

Йяда широко раскрыла глаза.

— Вас выбрали потому, что вину можно было свалить на вашего волка! Выбор сделал Хетвар. Значит, он и есть тот, кто наложил заклятие!

Эта мысль Ингри не понравилась.

— Не обязательно. Лорд Хетвар обсуждал ситуацию ещё до того, как появился я. Любой, с кем он говорил, мог предложить мою кандидатуру. — Однако роль, которую Йяда приписала волку, была весьма вероятной. Ингри ведь и сам готов был бы обвинить в гибели своей подопечной волка-у-себя-внутри. Он сам бы вынес себе приговор и не был бы способен защищаться. Даже если бы он пережил покушение на леди Йяду... он вспомнил, как чуть не погиб накануне при переправе. Так или иначе, и жертву, и её палача заставили бы молчать.

Ингри пришёл к двум чрезвычайно неприятным заключениям. Первое заключалось в том, что ему по-прежнему предстояло везти леди Йяду туда, где её, возможно, ожидала смерть. Утонуть в реке, может быть, оказалось бы менее мучительно, чем погибнуть от яда в тюремной камере, и уж тем более такая смерть не была бы сопряжена с кошмаром несправедливого суда и последующей казни.

Второе же заключалось в том, что тайный могущественный враг окажется весьма недоволен, когда они оба явятся в Истхом живыми.

Глава 6

Ингри всю ночь мучили кошмары, хотя утром он не мог их вспомнить; проснулся он, чувствуя лёгкую лихорадку. Сквозь окошко крохотной, но всё-таки отдельной комнаты под самой крышей гостиницы пробивались солнечные лучи. Рассвело. Пора отправляться в путь.

Первое же движение пробудило боль во всём его избитом и исцарапанном теле, так что

Ингри поспешно отказался от намерения сесть. Однако и лёжа облегчения он не испытывал. Ингри осторожно повернул голову, и по шее словно пробежало пламя. Взгляд его упал на грудку посуды, которую он составил на полу у двери. Всё это неустойчивое сооружение выглядело нетронутым. Хороший знак.

Повязки на правой руке и на запястьях Ингри оставались на месте, хоть сквозь них и проступила кровь. Ингри пошевелил пальцами. Итак, прошлый вечер ему не примерещился, какими бы невероятными ни казались все вчерашние ужасы. По мере того как воспоминания возвращались, Ингри ощутил болезненную судорогу в животе.

Ингри со стоном заставил себя подняться и доковылял до умывальника. Зачерпнув левой рукой ледяной воды, он плеснул себе в лицо, но это ничему не помогло. Натянув штаны, он присел на край постели и попытался надеть сапоги, но на опухшие щиколотки налезать они отказались. Ингри признал своё поражение и уронил сапоги на пол. Он осторожно снова прилёг поверх сбитого одеяла. Всякие мысли в голове вытесняло что-то вроде гудения. Ингри пролежал ещё около получаса, судя по перемещению светлых квадратов по полу, и за всё это время единственным, о чём он оказался в силах подумать, было смутное огорчение невозможностью натянуть сапоги.

Скрипнула дверь, и за звоном рассыпавшейся посуды последовали изумлённые ругательства Гески. Морщась, лейтенант пробрался между раскатившимися по полу кружками и мисками. Геска был одет в кожаный дорожный костюм с накинутым поверх серо-голубым плащом гвардейцев Хетвара и явно привёл себя в порядок ради торжественного сопровождения траурного кортежа: светлые волосы были расчёсаны, добродушное лицо выбрито. На Ингри он посмотрел с ужасом.

— Милорд...

— Ах, Геска... — Ингри всё же удалось прохрипеть: — Как там наш свинский парень?

Геска покачал головой, всё ещё под впечатлением от увиденного.

— Иллюзия развеялась где-то к полуночи. Мы отправили его в постель.

— Проследи, чтобы он не попадался просвещённой Халлане.

— Ну, тут проблем не будет. — Геска встревоженно смотрел на синяки и забинтованные руки Ингри. — Лорд Ингри, что всё-таки случилось с вами вчера вечером?

Ингри заколебался.

— А что об этом говорят?

— Солдаты, сидевшие в зале, доложили мне, что вы заперлись с волшебницей, а потом часа через два из комнаты неожиданно донёсся ужасный шум — вопли и грохот, так что с потолка этажом ниже посыпалась штукатурка. Впечатление было такое, словно там кого-то убивали.

«Почти...»

— Волшебница и её слуги потом вышли из гостиницы, как будто ничего не случилось, а вы, хромая, отправились к себе, не сказав никому ни слова.

Ингри постарался, насколько возможно, вспомнить те отговорки, к которым прибегла Халлана.

— Да... Я нёс... нёс блюдо с окороком и нож и споткнулся о стул. — Нет, про стул она ничего не говорила... — Опрокинул стол и при этом порезал руку.

Геска сморщился: ему явно никак не удавалось соотнести описанное событие со странной коллекцией синяков и повязок на Ингри.

— Мы фактически уже готовы отправляться. Здешний жрец ждёт, чтобы благословить гроб Болесо. Вы будете в состоянии ехать верхом? После случившегося...

«Неужели я выгляжу так ужасно?»

— Ты передал моё письмо лорду Хетвару курьеру храма?

— Да. Женщина уехала на рассвете.

— Тогда... Скажи солдатам, что они пока свободны. Я жду инструкций. Лучше задержимся здесь и дадим лошадям отдых.

Геска молча поклонился, но по его глазам было件нятно, что лейтенант удивлён: зачем

было выжимать из людей и животных последние силы, чтобы неизвестно зачем потратить здесь сэкономленное время? Геска поднял с пола миски и кружки, поставил их на умывальник и, бросив на Ингри ещё один озадаченный взгляд, вышел.

Ингри написал последний отчёт хранителю печати сразу по прибытии в Реддайк, сообщая об остановке кортежа в этом городе и прося о том, чтобы его сменили под тем предлогом, что ему не по силам выполнение всех положенных церемоний. В письме, таким образом, не было ни слова о храмовой волшебнице. Ингри не упомянул и о происшествии на переправе; ни о чём, связанном с пленницей, Ингри не упомянул вообще. Обязанность докладывать лорду Хетвару обо всём происходящем вступила теперь в схватку с поселившимся в сердце Ингри страхом. Страхом и яростью...

«Кто и как наложил на меня это чудовищное заклятие? Почему кому-то понадобилось превращать меня в безмозглое орудие? И не может ли такое случиться снова?»

Собственная ярость пугала Ингри, хотя как раз страх и питал гнев, перехватывая горло и заставляя боль пульсировать в висках. Ингри откинулся на подушку, пытаясь вернуть себе трудно давшуюся самодисциплину, рождённую жреческими пытками в Бирчгрове. Постепенно ему удалось заставить мышцы расслабиться.

Прошлой ночью он выпустил своего волка на свободу. Он сам снял с него цепи. Был ли волк снова на привязи сегодня утром? И если нет, что дальше? Как ни болело всё тело Ингри, духовно он не ощущал разницы ни с каким другим утром своей взрослой жизни. Так чем же была его настороженность сейчас, в Реддайке, — просто данью старой привычке или проявлением здравого смысла? Объяснялось ли его нежелание делать хоть шаг в сторону Истхома в неведении простой предусмотрительностью? Физическое состояние Ингри давало ему благовидный предлог для промедления, но было ли оно укрытием охотника или прибежищем труса? Ингри никак не удавалось разорвать этот мучительный замкнутый круг мыслей.

Новый стук в дверь заставил Ингри отвлечься от бесплодного самокопания. Резкий женский голос произнёс:

— Лорд Ингри! Мне нужно вас видеть.

— Войдите, мистрис Херги. — Ингри с опозданием вспомнил о том, что так и не надел рубашку. Ну да Херги — опытная целительница-дедикат, а не робкая девица. Было бы, конечно, вежливее принять её сидя...

— Хм-м. — Губы Херги сжались в тонкую линию, когда она с деловым блеском в глазах оглядела Ингри. — Рыцарь Геска не преувеличивал. Что ж, ничего не поделаешь: встать вам всё-таки придётся. Просвещённая госпожа желает увидеться с вашей пленницей до своего отъезда, а я хотела бы отправиться в путь как можно скорее. Нам и сюда-то добраться было нелегко; я с ужасом думаю о том, что нам ещё предстоит. Так что вставайте. Ох, погодите-ка... лучше будет сначала...

Женщина поставила свою кожаную сумку на умывальник и стала рыться в ней. Найдя квадратную бутылку синего стекла, она вытащила пробку и налила в ложку отвратительного вида сироп. Ингри опёрся на локоть и только собрался спросить «Что это?», как ложка оказалась у него во рту. Жидкость была мерзкой на вкус, но Ингри пришлось проглотить её: выплюнуть снадобье под суровым взглядом Херги он не решился.

— Смесь настоя коры ивы и ромашки, спирт и ещё несколько полезных ингредиентов. — Целительница оглядела Ингри с ног до головы, надула губы и отмерила ему ещё одну ложку. Коротко кивнув, она заткнула бутылку пробкой. — Должно помочь.

— Какая гадость... — Ингри сглотнул поднимавшуюся к горлу желчь.

— Э, вы скоро перемените мнение, обещаю. А теперь давайте посмотрим, как держатся повязки. — Херги умело разбинтовала руки Ингри, смазала раны мазью и наложила свежие бинты, потом промыла шов у него на голове какой-то едкой жидкостью и одела Ингри, решительно отводя его руки, когда он пытался сделать это сам. — Не вздумайте запачкать новые повязки, лорд Ингри. И перестаньте сопротивляться. Вы меня только задерживаете.

Ингри не приходилось принимать такие услуги от женщины с шестилетнего возраста,

но теперь боль чудесным образом исчезла и сменилась ощущением расслабленности, словно он плыл по тёплым волнам. Ингри перестал сопротивляться умелым рукам Херги; к тому же он вдруг смутно понял, что напряжённая сосредоточенность целительницы к нему не имеет отношения.

— Просвещённая Халлана хорошо себя чувствует? После того, что случилось вчера вечером?

— Ребёночек повернулся. Теперь роды уже совсем скоро — может быть, завтра, может — через неделю. А отсюда до Сатлифа — двадцать пять миль по плохим дорогам. Вот я и хочу, чтобы она благополучно добралась до дома. Как можно скорее, лорд Ингри, так что не вздумайте её задерживать: что бы она у вас ни потребовала, выполняйте без споров, будьте так добры. — Херги свирепо шмыгнула носом.

— Хорошо, мистрис, — покорно ответил Ингри и, мгновение поколебавшись, добавил: — Ваше снадобье, похоже, здорово действует. Вы не оставите мне всю бутылку?

— Нет. — Целительница опустила на колени, чтобы обуть Ингри. — Ох, а ведь сапоги не налезут. Нет ли у вас с собой другой обуви? — Она решительно поднялась и принялась рыться в его седельной сумке, извлекла старые высокие ботинки на шнуровке и натянула на Ингри. — А теперь вставайте.

Резкая боль в руке, за которую его потянула Херги, показалась благословенно далёкой, как новости из чужой страны. Женщина безжалостно потащила Ингри за собой.

Просвещённая Халлана уже ожидала в зале той гостиницы, где содержали леди Йяду, на другом конце главной улицы Реддайка. Волшебница взглянула на повязки на руках Ингри и вежливо проговорила:

— Надеюсь, утром вы чувствуете себя лучше, лорд Ингри?

— Да, благодарю вас. Снадобье помогло, хотя из него получился странный завтрак. — Ингри улыбнулся, несмотря на опасение, что улыбка у него получится довольно бессмысленная.

— Ох, конечно... — Халлана взглянула на Херги. — Сколько ты ему дала? — Женщина в ответ показала два пальца. Ингри не мог решить, была ли гримаса Халланы одобрительной или осуждающей; Херги в ответ только пожала плечами.

Следом за женщинами Ингри поднялся в комнату на втором этаже. Дуэнья с некоторой опаской открыла им дверь. Ингри с сомнением огляделся, опасаясь увидеть следы своего вчерашнего неистовства, но обнаружил лишь полустёртые пятна крови на полу и выщербины в дубовых досках. Услышав об их приходе, из спальни вышла Йяда. Она была одета в тот же серо-голубой дорожный костюм, что и накануне, но сменила сапожки на более лёгкие кожаные туфельки. Ингри внимательно взглянул на неё; выражение бледного лица девушки было серьёзным и задумчивым.

Ингри с беспокойством задумался о собственном изменившемся восприятии. Йяда казалась ему не столько другой, сколько что-то приобретшей, обладательницей какой-то странной энергии. От неё исходил лёгкий тёплый запах, похожий на аромат нагретой солнцем сухой травы. Ингри почувствовал, как губы его приоткрылись, чтобы распробовать солнечную эманацию, — напрасная попытка, ведь это не было физическим ощущением.

Вокруг Халланы тоже чувствовалась головокружительная атмосфера сверхъестественного — частично из-за её беременности, но главным образом из-за окружающего её нематериального вихря, напомнившего Ингри порыв ветра после удара молнии: её приручённого демона. Две обыкновенные женщины — Херги и дуэнья — неожиданно показались плоскими и бесцветными, словно нарисованные углём на бумаге контуры.

Просвещённая Халлана обняла Йяду и вложила ей в руку письмо.

— Нам нужно как можно быстрее отправиться в дорогу, иначе мы не доберёмся домой до темноты, — сказала волшебница девушке. — Я бы предпочла вместо этого сопровождать тебя, но... Всё это очень меня беспокоит, особенно... — Кивком головы она указала на

Ингри, явно имея в виду заклятие, которое было на него наложено, и тот согласно кивнул. — Тут следует разбираться храму, даже не говоря о... ну, не важно. Да сохраняют тебя в пути пять богов! Это письмо к главе моего ордена в Истхеме: я прошу его обратить внимание на всё связанное с обвинением. Если повезёт, он продолжит с того места, где я вынуждена остановиться. — Халлана снова без особого доверия посмотрела на Ингри. — Я поручаю вам, милорд, позаботиться о том, чтобы письмо попало по назначению. И никуда больше.

Ингри махнул рукой, выражая неуверенное согласие, и губы Халланы сжались ещё сильнее. Будучи доверенным агентом Хетвара, Ингри знал, как вскрывать письма, не оставляя следов, и сейчас он был уверен: волшебница догадывается, что ему известны эти шпионские уловки. Однако Бастард — божественный покровитель шпионов, и у его жрицы наверняка найдётся козырь в рукаве. И к помощи какого из своих священных орденов она намерена прибегнуть? Во всяком случае, если Халлана и обеспечила своему письму магическую защиту, новые способности Ингри не позволяли ему её обнаружить.

— Просвещённая... — Голос Йяды неожиданно прозвучал тихо и неуверенно.

«Просвещённая, а не дорогая Халлана», — отметил Ингри.

Херги уже протянула руку, чтобы открыть дверь перед своей хозяйкой, и теперь недовольно нахмурилась, когда Халлана снова повернулась к девушке.

— Да, дитя?

— Нет... ничего. Пустяки. Это просто глупость с моей стороны...

— Позволь мне самой судить об этом. — Халлана опустила в кресло и ободряюще кивнула головой.

— Мне этой ночью приснился очень странный сон. — Йяда нервно стала прохаживаться по комнате, потом села на скамью у окна. — Новый.

— Странный?

— Необыкновенно живой. Я сразу вспомнила его утром, когда проснулась, а все остальные сновидения изгладились из памяти.

— Продолжай. — Лицо Халланы казалось высеченным из камня: с таким вниманием она слушала Йяду.

— Он был очень короткий: что-то вроде видения. Мне казалось, я вижу... не знаю, как сказать... посланца смерти в виде жеребца. Он был чёрный как уголь, без единого пятнышка или отблеска света на шкуре, с раздувающимися красными ноздрями, из которых шёл дым, с огненными гривой и хвостом. Жеребец скакал галопом, но очень медленно. От его копыт летели искры, а пылающие отпечатки подков превращали всё вокруг в пепел. И вообще кругом клубился пепел... Всадник был так же чёрен, как и конь.

— Хм-м... Кто ехал на коне — мужчина или женщина?

Йяда нахмурила брови.

— Этот вопрос кажется почему-то неправильным. Ноги всадника переходили в рёбра коня, словно их тела были одним целым. В левой руке всадник держал цепь и вёл на привязи огромного волка.

Брови Халланы поползли вверх, и она посмотрела на Ингри.

— Ты узнала этого... именно этого волка?

— Я не уверена. Может быть. Волк был чёрным с оловянным отливом, совсем как... — Голос Йяды стих, потом снова окреп. — Во сне по крайней мере он показался мне знакомым. — Карие глаза Йяды скользнули по Ингри, и их задумчивое выражение смутило его. — Только на этот раз он был волком целиком. На нём был ошейник с шипами, и шипы были обращены внутрь и впивались в шею. С его морды капала кровь, превращая пепел в лужицы чёрной грязи. Потом пепел забил мне глаза и рот, и больше я ничего не видела.

Просвещённая Халлана надула губы.

— Да, дитя, действительно, живой сон... Я должна буду всё обдумать.

— Ты предполагаешь, что он может быть вещим? Может быть, это просто следствие... — Йяда обвела рукой комнату, напоминая о странных событиях прошлого вечера, и искоса взглянула на Ингри сквозь ресницы.

— Вещие сны, — наставительно проговорила Халлана, — могут быть пророческими, содержать предостережение или указание. Как тебе кажется, твой сон из таких?

— Нет. Он был совсем кратким — я уже об этом говорила. Правда, очень напряжённым...

— Что ты чувствовала? Не когда уже проснулась, а во время сновидения? Ты боялась?

— Не то чтобы боялась... Во всяком случае, не за себя. Скорее я испытывала ярость... досаду. Я как будто пыталась догнать кого-то и не могла.

Некоторое время в комнате стояла тишина. Потом Йяда спросила:

— Просвещённая... что мне делать?

Халлана, чьи мысли явно были очень далеко, заставила себя улыбнуться.

— Ну, молитва никогда не помешает.

— Разве это ответ на мой вопрос?

— В твоём случае, возможно, как раз ответ. Твой сон не кажется мне утешением.

Йяда потёрла лоб, словно у неё болела голова.

— Не хотела бы я ещё увидеть подобные сны.

Ингри тоже хотелось спросить: «Просвещённая, что мне делать?» — но какой ответ, в конце концов, мог он от неё услышать? Остаться на месте? Но если он не явится в Истхом, Истхом явится к нему, со всеми положенными церемониями. Ехать дальше, как предписывает ему долг? Ни одна жрица храма не могла бы дать ему иного совета. Бежать и заставить Йяду бежать? Согласится ли она? Он однажды, в лесу у реки, уже предлагал ей это, и она вполне разумно отказалась. Но что, если организовать всё более ловко: ночью и так, чтобы никто не догадался, кто обеспечил ей коня, деньги, одежду... охрану?

«Об этом нужно будет ещё поговорить».

А может быть, можно поручить её покровительству жрицы, её подруги, — тайком переправить в Сатлиф? Будь такое убежище доступным, Халлана наверняка уже предложила бы... Готовые сорваться с языка слова Ингри превратил в кашель, опасаясь, что получит указание удалиться и молиться.

Херги помогла своей госпоже подняться из кресла.

— Да будет твоё путешествие благополучным, просвещённая, — сказала Йяда, криво улыбувшись. — Мне очень не хотелось бы думать, что из-за меня ты подвергаешься опасности.

— Не из-за тебя, дорогая, — рассеянно ответила Халлана. — Или по крайней мере не из-за тебя одной. Всё это оказалось гораздо более сложным, чем я ожидала. Мне необходимо посоветоваться с моим дорогим Освином. У него такой логический ум.

— Освином? — переспросила Йяда.

— Моим супругом.

— Погоди, — глаза Йяды сделались круглыми от изумления, — это ведь не тот... не тот Освин? Наш Освин, просвещённый Освин из пограничной крепости? Тот надутый сухарь? С руками и ногами, как палки, и шеей, как у цапли, проглотившей лягушку?

— Тот самый. — Супругу Освина ничуть не смутило такое нелестное описание; выражение её лица смягчилось. — Уверяю тебя, с возрастом он исправился. И он теперь почти лысый. И я тоже... ну, надеюсь, я тоже немножко исправилась.

— Ну и чудеса творятся на свете! Не верю своим ушам! Ведь вы же непрерывно спорили и ссорились!

— Только по поводу теологии, — мягко возразила Халлана. — Понимаешь, нам обоим это очень важно. Ну... Всё-таки по большей части мы расходились во мнениях насчёт богов. — Губы волшебницы дрогнули от какого-то невысказанного вслух воспоминания. — И раз мы разделяли одну страсть, со временем за ней последовали и другие. Освин отправился за мной в Вилд, когда срок его службы в храме закончился, — я ещё сказала ему, что он делает это, чтобы оставить за собой последнее слово. Таких попыток он не оставляет до сих пор. Освин теперь преподаёт в семинарии, а что касается споров — они для него величайшее блаженство. Я поступила бы жестоко, если бы лишила его такой возможности.

— Просвещённый господин здорово управляется со словами, — подтвердила Херги, — и мне представить страшно, что он мне скажет, если я не доставлю вас домой в целости и сохранности, как обещала.

— Да, да, дорогая Херги. — Улыбаясь, волшебница наконец заковыляла из комнаты под бдительным присмотром служанки. Проходя мимо, Херги одобрительно кивнула Ингри — благодаря его если не за содействие, то по крайней мере за молчание.

Ингри взглянул на Йяду: на лице девушки, смотревшей вслед подруге, было написано раскаяние. Йяда поймала его взгляд и грустно улыбнулась. Чувствуя странную теплоту, Ингри улыбнулся ей в ответ.

— Ох! — вскрикнула Йяда, невольно поднося руку к губам.

— Что такое? — озадаченно поинтересовался Ингри.

— Вы умеете улыбаться! — Судя по её тону, это было таким же чудом, как если бы Ингри вдруг отрастил крылья и взлетел к потолку. Ингри даже поднял глаза, представив себе такую картину. Крылатый волк? Ингри потряс головой, чтобы прогнать глупую мысль, но это вызвало только головокружение. Может быть, и хорошо, что Херги увезла с собой ту бутылку...

Йяда подошла к окну, выходившему на улицу, и Ингри присоединился к ней. Вместе они смотрели, как Херги осторожно сажает свою госпожу в починенную тележку под бдительным присмотром Бернана. Грум — или кузнец, или кто бы он ни был — взялся за вожжи, щёлкнул языком, и приземистые лошадки потрусили по улице и свернули за угол. Дуэнья начала возиться с седельными сумками, распаковывая вещи, приготовленные в дорогу, но, как и гроб Болесо, не погруженные из-за приказа Ингри задержаться на день.

Он стоял очень близко от Йяды, глядя через её плечо, — так близко, что мог бы коснуться нежной кожи там, где из сетки выбилось несколько прядей волос. Йяда не отодвинулась, хотя, оглянувшись, оказалась лицом к лицу с Ингри. В её взгляде не было ни страха, ни отвращения; только пристальное внимание.

И это при том, что она видела не только чудовище, рождённое заклятием, но и его волка; его скверна, его способность к насилию были теперь для Йяды не сплетней, не слухом, а непосредственно пережитым опытом. Который невозможно отрицать...

«Она и не отрицает. Так почему же она не отшатывается в ужасе?»

Ингри чувствовал растерянность. Ведь всё можно повернуть наоборот: как он-то сам относится к её леопарду? Он видел его — в той странной реальности — так же отчётливо, как она видела его компаньона-волка. Логически рассуждая, она осквернена так же, как и он. И тем не менее ночью ей являлся бог, и лёгкого касания его плаща было достаточно, чтобы вызвать восторженное возбуждение... Все теологические теории, которые жрецы храма вдабливали в упирающегося подростка-Ингри, таяли как снег под безжалостными лучами какого-то великого Факта, маячившего где-то на границе рассудка Ингри. Зверь Йяды был ослепительно прекрасен. Ужас, похоже, обрёл новый, очаровывающий оттенок, о чём Ингри никогда и не подозревал.

— Лорд Ингри, — заговорила Йяда, и её тихий голос взволновал кровь Ингри, — я хотела бы последовать совету просвещённой Халланы и вознести молитвы в храме. — Девушка бросила настороженный взгляд на дуэнью. — Без помех.

Мысли Ингри едва ли не со скрипом пришли в движение. Отвести пленницу в храм, оставив компаньонку в гостинице, было замечательной возможностью: в этот час храм будет безлюден, и они смогут поговорить, не скрываясь и в то же время наедине.

— Никто не удивится, если я провожу вас в храм, леди, молить богов о милосердии.

Губы девушки дрогнули.

— Скажите лучше о правосудии, и я соглашусь с вами.

Ингри отодвинулся от Йяды и согласно кивнул. Предоставив дуэнье освобождение от её обязанностей на час, Ингри следом за леди Йядой вышел из гостиницы. Осторожно ступив на мокрый булыжник, девушка взяла Ингри под руку и двинулась по улице, не глядя на спутника. Вскоре перед ними вырос храм, выстроенный из местного серого камня, —

типичный образец основательности времён царствования внука великого Аудара; впрочем, вскоре дартаканские завоеватели показали, что и они способны пасть жертвами кровавых междоусобиц.

Ингри и Йяда вошли через кованые ворота в обнесённый высокой стеной двор и оказались перед величественным портиком. Внутренность храма после яркого утреннего солнца казалась сумрачной и холодной; только узкие полосы света падали вниз через круглые окна, расположенные под потолком. Три или четыре коленопреклонённые или распростёртые фигуры виднелись перед алтарём Матери. Ингри почувствовал, как на мгновение напряглась рука леди Йяды: девушка сквозь арку бросила взгляд на установленный в зале Отца гроб Болесо, накрытый богато расшитым покрывалом; рядом с ним стоял караул из солдат городской стражи. Однако в этот час залы Дочери и Сына были безлюдны, и Йяда решительно направилась к алтарю Сына.

Девушка грациозно опустила на колени; Ингри последовал её примеру, хотя и далеко не с изяществом. Камень пола был таким жёстким и холодным... Йяда молча смотрела вверх. Какую молитву возносит она Сыну?

— Что, — тихо начал Ингри, — случится с вами, как вы думаете, по прибытии в Истхом? Что вы намерены делать?

Йяда искоса, не поворачивая головы, взглянула на Ингри. Таким же тихим голосом она ответила:

— Думаю, что меня допросят королевские судьи или храмовые следователи, а скорее всего и те, и другие. Не сомневаюсь, что жрецы проявят интерес, особенно после последних событий и письма просвещённой Халланы. Я намерена говорить чистую правду, потому что это моя лучшая защита. — Губы Йяды искривила лёгкая улыбка. — К тому же, говорят, так легче всего запомнить собственные слова.

Ингри только вздохнул в ответ.

— Каким вы представляете себе Истхом?

— Ну... я там никогда не бывала, но мне всегда казалось, что это великолепный город. Самым роскошным, конечно, должен быть королевский дворец, но принцесса Фара столько рассказывала и о причалах на реке, о стекольных мастерских, о школах при главном храме... и о Королевском колледже тоже. Дворцы, сады, лавки с модной одеждой, скриптории... Говорят, лучшие ювелиры и прочие ремесленники живут в столице. И ещё актёры разыгрывают представления — не только в дни священных праздников, но и для удовольствия знати в резиденциях вельмож.

Ингри решил испробовать другой подход.

— Случалось ли вам видеть, как стая стервятников кружит вокруг тела какого-нибудь крупного и опасного зверя — быка или медведя, — который умирает, но ещё жив? Большинство ждёт в сторонке, но некоторые подсакивают, вырывают клочок и тут же убегают. По мере того как идёт время, любители падали придвигаются всё ближе, и вид этого стягивающегося кольца привлекает издали родичей трупоедов, которые боятся упустить лакомый кусочек, когда наконец начнётся пиршество.

Леди Йяда с отвращением поморщилась и вопросительно взглянула на Ингри.

— И что?

Ингри позволил прозвучать в своём тихом голосе зловещей нотке:

— Сейчас Истхом очень похож на такую стаю. Скажите, леди Йяда, кто, по-вашему, будет избран следующим священным королём?

Йяда заморгала.

— Мне кажется, принц-маршал Биаст. — Старший и более вменяемый брат Болесо в последнее время под руководством советников отца зарабатывал себе воинскую славу на северо-западной границе.

— Так думали очень многие, пока священного короля не поразила долгая болезнь, а теперь ещё и паралич. Если бы удар случился лет через пять, королю, по мнению Хетвара, удалось бы ещё при своей жизни добиться избрания Биаста. Или же если бы старик

скончался скоропостижно — тогда Биаста удалось бы усадить на трон, воспользовавшись трауром, до того как оппозиция успела бы собраться с силами. Мало кто предвидел эту полужизнь-полусмерть, длящуюся месяцами и дающую возможность манёвра тёмным силам... впрочем, как и всем остальным. Люди стали задумываться, перешёптываться, испытывать искушение... — Священный король уже на протяжении пяти поколений избирался из представителей клана Стагхорнов, и другие кланы давно уже начали подумывать о том, что пришла их очередь занять престол.

— Кто же тогда?

— Если бы священный король скончался этой ночью, никто, даже хранитель печати Хетвар, не смог бы сказать, кого изберут на следующей неделе. А если уж этого не знает Хетвар, сомневаюсь, что кто-нибудь может что-нибудь предсказать с уверенностью. Однако, судя по тому, какие ходили слухи и кому вручались взятки, Хетвар полагал, что свою кандидатуру может неожиданно выставить Болесо.

Брови Йяды изумлённо поднялись.

— Это был бы никуда не годный кандидат!

— Глупый и управляемый, да, а значит, с точки зрения некоторых, идеальный. Я лично думаю, что эти люди недооценивали того, насколько опасным стало его сумасбродство, и пожалели бы, если бы добились своего. Так я думал ещё до того, как узнал, что в эту гремучую смесь добавилась и магия. — Ингри нахмурился. Уж не знал ли Хетвар о нечестивых развлечениях принца? — По крайней мере хранитель печати был достаточно обеспокоен, чтобы поручить мне доставить сто тысяч крон выборщику — старшему настоятелю храма в Уотерпике, — рассчитывая, что тот проголосует в пользу Биаста. Его преосвященство поблагодарил меня, как мне показалось, довольно двусмысленно.

— Хранитель печати подкупил старшего настоятеля!

Наивное изумление в голосе Йяды заставило Ингри поморщиться.

— Единственное, что в такой сделке было необычным, — это моё участие. Хетвар чаще пользуется моими услугами, чтобы передать угрозу. Тут у меня не много соперников. Я получаю особенно большое удовольствие, когда в ответ меня пытаются подкупить или припугнуть. Одно из немногих доступных мне развлечений — позволить устроить западню, а потом... разочаровать. Думаю, что, послав меня, Хетвар преследовал двоякую цель — по крайней мере настоятель очень нервничал. Этот факт Хетвар явно собирается использовать... ну, для чего он вообще использует такие вещи.

— Хранитель печати поверяет вам свои секреты?

— Иногда поверяет. Иногда нет. — «Как вот теперь, например». — Он знает, что у меня любознательный ум, и скармливает мне иногда лакомые кусочки. Но я не выпрашиваю их — иначе не получу ничего. — Ингри сделал глубокий вдох. — Ладно... Раз вы не восприняли мои намёки, позвольте мне высказаться прямо. Там, в замке, вы не просто защищали свою добродетель, и вы не просто нанесли обиду царствующему роду Стагхорнов, превратив смерть одного из его членов в публичный скандал. Вы разрушили политическую схему, которая кому-то стоила сотен тысяч крон и многих месяцев тайных приготовлений, и к тому же угрожаете сделать общим достоянием вину принца в незаконной магии самого опасного вида. Из того, что на меня было наложено заклятие, я делаю вывод, что в Истхеме имеется могущественная личность — или целая группа, — которой вовсе не хочется, чтобы вы кому бы то ни было сообщили правду о Болесо. Их попытка тайно разделаться с вами не удалась. Предполагаю, что следующая попытка будет не столь тайной. Уж не воображали ли вы, что будете героически разоблачать зло перед судьёй или следователем столь же мужественным и честным, как вы сами? Может быть, такие люди и существуют, не знаю; но одно могу вам гарантировать: вы будете иметь дело только с придворными совсем другого сорта.

Ингри, следивший краем глаза за леди Йядой, заметил, как гордо приподнялся её подбородок.

— Меня это... возмущает, — заключил Ингри. — Я отказываюсь быть участником

расправы. Я могу организовать ваше бегство — по торной дороге, с деньгами и без опасности повстречаться с голодным медведем. Сегодня ночью, если пожелаете. — Ну вот: его готовность изменить своему долгу теперь высказана вслух. Йяда всё ещё молчала, и Ингри мрачно смотрел в пол.

Когда девушка заговорила, её тихий голос вибрировал от с трудом сдерживаемых чувств.

— Какой удобный выход! Так вам не придётся никому противодействовать, не придётся ради собственной чести разглашать опасные истины. Для вас всё будет идти так же, как раньше.

Ингри резко поднял голову и увидел, как побледнела Йяда.

— Едва ли, — процедил он. — У меня на спине теперь тоже нарисована мишень. — Его губы раздвинулись в улыбке, от которой обычно шарахались даже смелые мужчины.

— И это доставляет вам удовольствие?

Ингри задумался.

— Во всяком случае, пробуждает интерес.

Йяда забарабанила пальцами по камню пола. Звук оказался похож на клацанье когтей.

— Ну, с политикой мы разобрались. А как насчёт теологии?

— А что?

— Ингри, рядом со мной прошёл бог! Почему так случилось?

Ингри открыл рот, но так и не нашёл, что ответить.

Йяда продолжала всё тем же яростным шёпотом:

— Всю свою жизнь я молилась, и все мои молитвы оставались без ответа. Я уже почти перестала верить в богов, а когда верила, то только проклинала их равнодушие. Они предали моего отца, который верно им служил. Они предали мою мать — или оказались бессильны, а это ещё хуже. И если бог прошёл рядом со мной, то ведь пришёл он не ради меня! Как это сочетается с вашими расчётами?

— Высокая придворная политика, — медленно проговорил Ингри, — самая безбожная из известных мне вещей. Если вы намерены явиться в Истхом, вы выбираете смерть. Мученичество, может быть, и великолепно, но самоубийство — это грех.

— А что ждёт в Истхеме вас, лорд Ингри?

— Мой патрон — сам хранитель печати. — «По крайней мере я надеюсь». — У вас не будет никого.

— Не может быть, чтобы все жрецы в Истхеме были развращены. И есть ещё родичи моей матери.

— Граф Баджербанк был на том совещании, где обсуждалось моё поручение. Вы так уверены, что он явился туда ради вас? Сомневаюсь.

Йяда подобрала юбки, чтобы не касаться ими Ингри.

— Теперь, — объявила она, — я буду молить богов указать мне путь. Лучше, если вы помолчите. — Девушка распростёрлась на полу в позе глубочайшего смирения, раскинув руки и отвернувшись от Ингри.

Ингри тоже улёгся и стал смотреть в потолок, чувствуя гнев, головокружение и боль. Действие снадобья Херги заканчивалось. Его печальные и далёкие от благочестия мысли начали путаться. Ингри позволил своим усталым глазам закрыться.

Через какой-то неопределённый отрезок времени голос Йяды ехидно поинтересовался:

— Вы молитесь или спите? И чем бы вы ни были заняты, не пора ли закончить?

Ингри открыл глаза и обнаружил, что Йяда стоит над ним. Значит, он задремал, раз не слышал, как она поднялась.

— Я в вашем распоряжении, леди. — Ингри попытался сесть, с трудом подавил стон и снова осторожно опустил на пол.

— Угу... Что ж, я не удивлена, знаете ли. Вы хоть взглянули потом на то, что сделали с теми бедными цепями? — Леди Йяда со вздохом протянула Ингри руку. Удивляясь силе девушки, он обхватил её запястье обеими руками; Йяда откинулась назад, как моряк,

вытягивающий якорь, и Ингри, шатаясь, поднялся.

Когда они вышли из-под портика на осеннее солнце, Ингри поинтересовался:

— И какое же указание вы получили в ответ на свои молитвы, леди?

Йяда закусила губу.

— Никакого. Впрочем, мои мысли пришли в больший порядок, так что по крайней мере такую пользу спокойная медитация мне принесла. — Брошенный на него искоса взгляд показался Ингри загадочным. — Ну, в некоторый порядок... Просто я... я не могу перестать думать о...

Ингри вопросительно хмыкнул.

— Я никак не могу поверить, что Халлана вышла замуж за Освина! — завершила фразу Йяда.

В зале гостиницы они обнаружили дуэнья, сидящую за одним столом с рыцарем Геской. Наклонившись друг к другу, они что-то обсуждали; перед ними стояли пивные кружки и тарелки с хлебными крошками, сырными корками и огрызками яблок. Прогулка под тёплыми солнечными лучами пошла на пользу мускулам Ингри, и он надеялся, что входит в зал твёрдыми шагами, а не хромает на обе ноги. При виде Ингри дуэнья и Геска подняли головы и умолкли.

— Геска, — спросил Ингри, вспомнивший, что ещё не завтракал, — как здесь кормят?

— Сыр превосходный, но пиво лучше не пить — оно прокисло.

Йяда широко раскрыла глаза, но от комментариев воздержалась.

— Ах... Спасибо, что предупредил. — Ингри наклонился и взял последнюю хлебную корочку с тарелки. — И о чём же вы двое тут беседуете?

На лице дуэньи отразился испуг, но Геска с некоторым вызовом ответил:

— Я рассказываю всякие истории про лорда Ингри.

— Истории про лорда Ингри? — спросила Йяда. — И много их?

Ингри с трудом удержался, чтобы не поморщиться.

Обрадованный интересом слушателей, Геска ухмыльнулся:

— Я как раз собрался рассказать, как на свиту Хетвара напали разбойники в Алденнском лесу, когда хранитель печати возвращался из Дартаки, и как он стал приближённым Хетвара. В конце концов, это ведь я дал хранителю печати добрый совет.

— Вот как? — пробормотал Ингри, пытаясь определить, чем вызвана нервная болтовня Гески.

— У нас был большой отряд, — продолжал Геска, обращаясь к женщинам, — и мы были хорошо вооружены, но напала на нас банда разбойников, которых в лесу собралось сотни две, — уволенных из армии солдат, дезертиров, бродяг. Они уже давно опустошали окрестности, а наш отряд показался им достаточно богатым, чтобы решиться напасть. Я сидел как раз позади Ингри в фургоне, когда началась схватка. Ну, разбойники скоро обнаружили, какую ошибку совершили. Поразительное владение мечом!

— Я не такой уж умелый воин. Это разбойники никуда не годились.

— Я не сказал «умелое» — я сказал «поразительное». Я повидал мастеров фехтования, и ни вы, ни я к ним не относимся. Но эти ваши приёмы... они не должны были сработать, а вот поди ж ты... Когда стало ясно, что никто не может справиться с вами, если вам хватает места, чтобы взмахнуть мечом, один из разбойников — настоящий медведь — попытался схватиться врукопашную. Я был тогда футах в пятнадцати от вас, да мне и приходилось решать собственные проблемы, а всё же я разглядел: вы подкинули меч в воздух, ухватили разбойника за голову, сломали ему шею, подхватили падающий меч и зарубили голову, кинувшегося на вас сзади, — и всё одним движением.

Ингри не сохранил воспоминаний об этом эпизоде, хотя схватку с разбойниками, конечно, помнил... по крайней мере её начало и конец.

— Геска, ты выдумываешь истории, чтобы похвастаться перед дамами. — Геска был лет на десять старше Ингри, и, возможно, немолодая дуэнья показалась ему подходящим

объектом для заигрываний.

— Ха! Если бы я вздумал хвастаться, я рассказывал бы про себя! Ну так вот: увидев такое, остальные разбойники разбежались. Тех, кто бежал недостаточно быстро, вы уложили... — Геска умолк, не докончив рассказа, и Ингри неожиданно догадался почему: когда он пришёл в себя после схватки, оказалось, что он методически приканчивает раненых. Руки у него были по локоть в крови... Побледневший Геска тогда схватил его за плечи и вскричал: «Ингри! Ради Отца, пощадите хоть некоторых, чтобы их можно было отправить на виселицу!» Ингри не то чтобы забыл... он просто избегал этих воспоминаний.

Чтобы замаскировать своё смущение, Геска отхлебнул пива, слишком поздно вспомнил, каково оно на вкус, и был вынужден проглотить мерзкое пойло. Скривившись, он вытер губы.

— Вот тогда-то я и порекомендовал Хетвару нанять вас на постоянную службу. Мои резоны были чисто эгоистическими: я хотел сделать так, чтобы вы никогда не оказались моим противником в схватке. — Геска улыбнулся Ингри, но глаза его остались серьёзными.

Ответная улыбка Ингри получилась такой же натянутой.

«Хитришь, Геска? Как это на тебя непохоже... И что ты пытаешься мне сообщить?»

Головная боль — результат удара о камень при переправе — возобновилась. Ингри решил, что лучше ему вернуться в собственную гостиницу и позавтракать там. Призвав дуэнью к выполнению долга и велев женщинам запереться в своей комнате, Ингри удалился.

Глава 7

Поев в общем зале своей гостиницы, Ингри поднялся в свою комнату и рухнул на постель. Он уже на сутки с лишним опаздывал с выполнением предписания ридмерской целительницы: отлежаться после удара по голове, — и теперь в душе смиренно перед ней повинился. Однако как бы плохо он себя ни чувствовал, уснуть Ингри не мог.

Какой прок строить планы организации тайного бегства Йяды под покровом ночи, если сама она отказывается бежать? Необходимо её принудить! Разве не грозит ей смерть на костре, если станет известно о поселившемся в ней духе леопарда? Ингри представил себе языки пламени, вздымающиеся вокруг её тела, их яростные оранжевые ласки, пылающее пропитанное маслом платье — так всегда одевают жертв, чтобы ускорить их конец... или судороги тела повешенной на дубовой перекладине виселицы Йяды — злобную и бессмысленную пародию на жертвоприношение Древнего Вилда. Может быть, королевские палачи повесят её, как её леопарда, на шёлковом шнуре, чтобы почтить её высокое происхождение? Хотя, как приходилось слышать Ингри, лесные племена не были знакомы с шёлком и вешали своих высокородных женщин на верёвке, свитой из блестящих волокон крапивы.

«Нужно найти себе другой предмет для размышлений...» Однако мысли Ингри отказывались покинуть этот мрачный замкнутый круг.

Сначала это были вестники, посланные к богам, — добровольные жертвы Древнего Вилда. Священные посланники, которые должны были доставить молитвы прямо на небеса в суровый час великой нужды, когда все обычные слова молящихся, казалось, падали в пустоту и растворялись в бесконечном молчании.

«Как это случилось с моими молитвами».

Но потом, под давлением на протяжении нескольких поколений напором на восточной границе, племена стали испытывать настоящий ужас. Битвы проигрывались, земли приходилось уступать; горести росли и мудрость слабела; в те дни, полные отчаяния, героических добровольцев становилось всё меньше, и качество стали заменять количеством.

Сначала в жертву приносили тех, кто не очень жаждал такой чести, потом — тех, кто вовсе её не желал; под самый конец жертвами становились пленные солдаты, заложники, захваченные маркитантки, а то и хуже. Священные деревья несли на себе небывалый урожай. Как гласили страшные рассказы квинтарианских жрецов, это были дети —

вражеские дети.

«Какой помрачённый ум способен назвать врагом испуганного ребёнка?»

Под конец, возможно, маги древних лесных племён задумались о том, что же за молитвы несли богам в своих кровотокающих сердцах эти нескончаемые жертвы...

«Проклятие, неужели нельзя подумать о чём-нибудь полезном!»

Резкие слова Йяды, сказанные в храме, впивались, казалось, в кожу Ингри, как жалящие насекомые.

«Вам не придётся никому противодействовать, не придётся ради собственной чести разглашать опасные истины...»

Священное Семейство, какой властью, по мнению этой глупой девчонки, он обладает в Истхоме? Его самого не трогают из милости, благодаря ограждающей руке Хетвара. Ингри, конечно, придаёт этой руке определённую силу, да, но это же можно сказать о любом другом гвардейце хранителя печати; может быть, Хетвар и ценит те уникальные возможности, которые несёт в себе сверхъестественный дар Ингри, но в сплетаемой хранителем печати политической сети Ингри — далеко не главная нить. Ингри никогда не был источником милостей, а потому сейчас ему не к кому было бы обратиться. Если у него и были возможности спасти или оправдать Йяду, они, несомненно, иссякнут, как только они минуют городские ворота.

Мысли Ингри становились всё более мрачными, как он с отвращением отметил, но выхода он так и не мог придумать. В конце концов Ингри задремал. Сон не принёс ему облегчения, однако это было всё-таки лучше, чем продолжать беспокойно ворочаться на постели.

Ингри проснулся, когда осеннее солнце скрылось за крышами, и отправился в гостиницу Йяды, чтобы проводить девушку в храм на вечернюю молитву.

При виде его Йяда, подняв бровь, протянула:

— Что-то вы вдруг сделались благочестивы, — но, глянув на его страдальческое лицо, смягчилась и позволила снова отвести себя в храм.

Когда оба они преклонили колени перед алтарём Брата — залы Матери и Дочери снова были полны молящихся, — Ингри тихо произнёс:

— Выслушайте меня. Я должен решить, едем ли мы завтра дальше или остаёмся здесь ещё на день. Вы не можете просто подставить шею палачу, не имея никакого плана, не попытавшись даже добросить до берега верёвку — иначе эта верёвка делается той самой, на которой вас повесят, а меня сводит с ума мысль о том, что вас принесут в жертву, как принесли вашего леопарда. Как мне кажется, вам обоим этого должно было хватить.

— Ингри, подумайте как следует! — так же тихо ответила Йяда. — Даже если предположить, что мне удастся скрыться, куда мне идти? Родичи моей матери не станут меня прятать, а бедный мой отчим слишком слаб, чтобы бороться с высокородными противниками; кроме того, в его доме в первую очередь и станут меня искать. А иначе... Женщина, никому не известная, без сопровождающих — я сразу покажусь подозрительной, стану удобной добычей для любого злоумышленника. — Похоже, Йяда тоже обдумала положение.

Ингри сделал глубокий вдох.

— А если с вами поеду я?

Последовало долгое молчание. Искося бросив взгляд на девушку, Ингри заметил, что она замерла, глядя перед собой широко раскрытыми глазами.

— Вы готовы на такое? Изменить своему долгу, своим товарищам по оружию?

Ингри стиснул зубы.

— Возможно.

— Но даже и в этом случае — куда мы направимся? Ваши родичи тоже, я думаю, нас не примут.

— Я ни при каких обстоятельствах не вернусь в Бирчгров. Нет. Нам придётся вообще

покинуть Вилд, перебраться через границу — может быть, в Альвианскую лигу или в Кантоны через северные горы. А может быть, в Дартаку. Я по крайней мере говорю и пишу на дартакане.

— А я нет. Я стану вашей бессловесной... кем? Обузой, служанкой, любовницей?

Ингри покраснел.

— Мы могли бы выдать вас за мою сестру. Готов поклясться, что буду обходиться с вами с почтением. Я не трону вас.

— До чего же трогательно! — Губы Йяды сжались в тонкую линию.

Ингри помолчал, чувствуя себя, как человек, пересекающий реку по льду, когда слышит под ногами первый тихий треск.

«Что, по её мнению, должны означать эти слова?»

— Как я понимаю, ибранский был родным языком вашего отца. Вы им владеете?

— Немного. А вы?

— Тоже немного. Тогда мы могли бы отправиться на Полуостров — в Шалион, Ибру или Брадгар. В этом случае вы не были бы бессловесны. — К тому же, как слышал Ингри, там всегда нашлась бы работа для солдата — пограничные стычки с еретическими прибрежными княжествами, исповедующими четырёхбожие, никогда не прекращались, а потому наёмникам не задавали вопросов: лишь бы они были квинтарианцами.

Йяда снова вздохнула.

— Я сегодня целый день думала о том, что сказала Халлана.

— О чём именно? Она говорила так много...

— Значит, нужно обратить внимание на то, о чём она умолчала.

Эти слова так сильно напомнили Ингри любимое изречение лорда Хетвара, что он вздрогнул.

— А разве такое было?

— Она сказала, что отправилась искать меня — в момент, крайне для неё неудобный и даже, может быть, опасный — по двум причинам: потому что до неё дошли слухи и «из-за снов, конечно». Только Халлана могла упомянуть о второй причине между прочим. То, что мне снились странные сны, кошмары почти такие же пугающие, как и моя жизнь наяву, я считаю результатом страха, усталости и... дара, который я получила по милости Болесо. — Йяда облизнула губы. — Но почему Халлане начала сниться я и мои злоключения? Она — до мозга костей жрица, совсем не еретичка, хоть и прокладывает свой собственный путь в теологии... Она говорила с вами о своих снах?

— Нет. Но я и не подумал спросить.

— Халлана задавала много вопросов, делала свои выводы, наблюдая за нами, но мне никаких указаний не дала. Это ведь тоже умолчание. Всё, что в конце концов я от неё получила, — это письмо. — Йяда коснулась вышитого жакета на груди. Ингри показалось, что он слышит хруст бумаги из какого-то внутреннего кармана. — По-видимому, она ожидает, что я передам его адресату. Поскольку письмо — единственная надежда, которую она мне дала, мне совсем не хотелось бы подвергать его непредсказуемым опасностям бегства с... с человеком, которого я впервые увидела четыре дня назад. — Йяда помолчала. — Особенно в роли вашей сестрёнки, да помилуют меня пять богов!

Ингри не понял, что так обидело девушку в его предложении, но что она отказывается от бегства, было ясно. Он тяжело бросил:

— Значит, завтра мы продолжаем путь в столицу, сопровождая гроб Болесо. — Это даст ему ещё дня три для того, чтобы придумать новые доводы или новый план, — чем не занятие для бессонных ночей...

«Какой уж там сон!»

Ингри проводил Йяду сквозь сгущающиеся сумерки в её гостиницу и передал на попечение дуэньи. Та теперь смотрела на него с откровенным подозрением, хотя от вопросов воздерживалась. Возвращаясь к себе, Ингри размышлял о том, не следует ли ему быть более внимательным к тому, о чём умалчивает Йяда. Таких моментов определённо хватало.

Подойдя к своей гостинице, Ингри заметил, как от стены отделилась тёмная фигура. Рука Ингри легла на рукоять меча, но тут человек вышел на свет от фонаря, и Ингри узнал Геску. Лейтенант поклонился и сказал:

— Пройдитесь со мной, Ингри. Я хотел бы сказать вам словечко наедине.

Брови Ингри поползли вверх, но он охотно повернул в сторону городской площади. Шаги двоих мужчин по булыжнику отдавались эхом; Ингри и Геска свернули на улицу, ведущую к воротам, потом уселись на скамью под навесом у колодца. Мимо них прошла служанка с двумя полными вёдрами на коромысле; по улице направлялась домой семья — женщина несла фонарь, а мужчина на плече — маленького мальчика. Малыш вцепился ручонками в волосы отца, и тот, смеясь, пытался освободиться. Увидев у колодца двоих вооружённых воинов, мужчина насторожился, но ленивые позы Ингри и Гески успокоили его, и семейство поспешило дальше. Вскоре шаги смолкли вдалеке.

Молчание затягивалось. Геска смущённо барабанил пальцами по скамье.

— Что-нибудь не в порядке в отряде? — решил помочь ему Ингри. — Или сложности с людьми Болесо?

— Хм-м... — Геска решительно расправил плечи. — Может, вы мне скажете... — Он снова заколебался, закусил губу, потом отрывисто бросил: — Уж не влюбились ли вы в эту проклятую девчонку, Ингри?

Ингри напрягся.

— Почему ты так решил?

В голосе Гески прозвучал лёгкий сарказм:

— Ну, если внимательно посмотреть на вещи... Что, в самом деле, могло бы навести на такую мысль? Может быть, дело в том, что вы при любой возможности беседуете с ней наедине? Или в том, что вы нырнули за ней в воду, как сумасшедший? Ещё вот вас поймали полуодетым, когда вы в полночь пытались проскользнуть к ней в спальню. А уж голодное выражение ваших глаз, когда вы думаете, будто никто на вас не смотрит? Разве не от любви круги у вас под глазами делаются всё темнее? Да, признаю: только Ингри кин Волфклиф способен воспылать страстью к девице, которая раскалывает черепа своим любовникам! — Геска фыркнул. — Для вас это, понятно, не препятствие, а приманка.

— У тебя, — сказал Ингри холодно, — сложилось совершенно неверное представление. — Его охватили растерянность и страх: уж очень правдоподобной выглядела игривая интерпретация событий с точки зрения Гески... и к тому же подобный повод был бы весьма убедителен как прикрытие для смертоносного действия заклятия... Следом пришло ещё более пугающее подозрение: а так ли уж ошибается Геска? — Да и любовник был всего один.

— Что?

— Которому она раскроила голову. — После минутного размышления Ингри добавил: — Впрочем, должен признать: хоть её охотничья добыча немногочисленна, зато очень весома. — Помолчав ещё мгновение, Ингри заключил: — В любом случае я ей не нравлюсь, так что твои опасения — чепуха.

— Ничего подобного. Она считает вас весьма привлекательным, хотя и мрачным.

— Откуда ты это взял? — Ингри стал поспешно перебирать события последних дней — разве Геска хоть раз разговаривал с пленницей?

— Она обсуждала вас с дуэньей... или дуэнья обсуждала вас с ней. Эта тётка любит поговорить, нужно только дать ей возможность. Со служительницами Матери такое случается.

— Со мной она не слишком разговорчива.

— Это потому, что вы её пугаете, а я нет. По крайней мере контраст в мою пользу — очень полезно, с моей точки зрения. Вам приходилось когда-нибудь подслушивать, как женщины говорят о мужчинах? Мужчины — примитивные хвастуны, когда заходит речь об их победах, но женщины... Я предпочёл бы живьём лечь под нож анатома Матери, чем выслушивать вещи, которые дамы изрекают в наш адрес, когда думают, будто никто другой

их не слышит. — Геску передёрнуло.

Ингри с трудом удержался, чтобы не спросить: «А что ещё говорила обо мне Йяда?» До него только теперь дошло, что девушке нужно было чем-то заполнить бесконечные часы, которые она проводила взаперти с приставленной к ней женщиной, а пустая болтовня скрывает опасные секреты лучше, чем молчание. Ингри заставил себя равнодушным тоном поинтересоваться:

— Есть ли что-нибудь ещё, о чём мне следовало бы знать?

— Ну как же! — Геска заговорил фальцетом, подражая женскому голосу. — Леди полагает, что ваша улыбка неотразима!

Собственную улыбку Гески Ингри счёл издевательской ухмылкой. Однако то ли сумерки ещё не настолько сгустились, чтобы скрыть свирепый взгляд Ингри, то ли его глаза загорелись в темноте угрожающим огнём, но Геска быстро поднял руку и заговорил серьёзным тоном:

— Послушайте, Ингри, мне не хотелось бы, чтобы вы наделали глупостей. Перед вами карьера на службе у хранителя печати, о которой я и мечтать не могу, и тут играет роль не только знатное происхождение. Я, может быть, когда-нибудь дослужусь до капитана гвардии. Вы — человек образованный, владеете двумя языками, и Хетвар разговаривает с вами как с равным — не только по крови, но и хитроумию — и ценит ваши советы. У меня, когда я вас слушаю, голова идёт кругом. Впрочем, я и не хотел бы ходить по дорожкам, которые суждены вам: у меня от высоты голова кружится. Но чего я не хотел бы ни в коем случае — это оказаться тем гвардейцем, которого пошлют вас арестовать.

Ингри немного смягчился.

— Что ж, это хорошо.

— Да.

— Мы выезжаем завтра на рассвете.

— Хорошо.

— Если я смогу натянуть сапоги.

— Я приду, чтобы помочь.

«А я отправлю эту любопытную сплетницу дуэнью обратно в Ридмер и найду на её место кого-нибудь другого... Или никого».

Женские пересуды и сами по себе раздражают, но что, если она начнёт болтать о странных событиях, сопровождавших визит Халланы?

«Что, если она уже распустила слухи?»

Ингри и Геска поднялись и двинулись обратно по еле освещённой улице. У дверей гостиницы Геска отсалютовал Ингри и отправился дальше, а Ингри задумчиво посмотрел ему вслед.

«Итак, Геска за мной следит».

Но с какой стати? Праздное — или злонамеренное — любопытство? Собственные интересы, как он говорит? Беспокойство за товарища по оружию? А если до него дошли странные слухи? Ингри подумал о том, что как бы ни скромничал Геска, притворяясь человеком необразованным, написать короткое сообщение вполне ему по силам. Фразы могут быть корявыми, выражения не слишком изысканными, грамматика хромающей, но практической цели — сообщить о своих наблюдениях — Геска достигнет.

И если перед Хетваром окажутся донесения обоих посланных — а такое было бы вполне в духе Хетвара, — то нежелание Ингри упомянуть о некоторых событиях окажется очень красноречивым.

Ингри выругался про себя и вошёл в гостиницу.

* * *

На следующий день осенние пейзажи проплывали мимо Ингри незамеченными: всё его внимание было поглощено Йядой, которая в сопровождении новой дуэньи — испуганной

молодой служительницы ордена Дочери, которую настоятель храма в Реддайке оторвал от её обычных занятий учительницы в местной школе — ехала рядом с катафалком.

В момент отъезда Йяда улыбнулась Ингри, и он чуть не улыбнулся в ответ, но тут вспомнил о насмешках Гески, и лицо его застыло в такой странной гримасе, что Йяда сначала широко раскрыла глаза, а потом поспешно отъехала в сторону. Ингри прищипорил коня и занял место во главе отряда, чувствуя, что мышцы лица начинает сводить судорога.

Ингри удивлялся собственному безумству, посетившему его накануне в храме. Конечно, Йяда должна была отказаться от плана бегства, даже несмотря на грозящую ей в столице опасность, с человеком, который уже три раза пытался её убить. Или пять раз? Как только ему пришло в голову предложить девушке подобный выбор?

«Думай же, думай!»

Может быть, она согласится, если найти ей другого сопровождающего? Но где взять человека, которому можно было бы доверять? Возникшее у Ингри видение: он похищает леди Йяду и скачет прочь, перекинув её через седло — даже ему самому показалось чем-то совершенно бессмысленным. Он знал, что его волк может дать ему необыкновенную силу, но на что способна Йяда с её леопардом, пусть она и женщина? Она уже прикончила Болесо — человека более физически сильного, чем Ингри, пусть на её стороне и была неожиданность нападения. Йяда сама от себя такого не ожидала, насколько Ингри понял... Если она пожелает воспротивиться Ингри... если он... если она... Эти странно захватывающие размышления были наконец прерваны воспоминанием о ещё одной шпильке Гески: «Для вас это приманка», — и Ингри нахмурился ещё сильнее.

«Да не влюблён я в неё ничуть, лопни твои глаза, Геска!

И вожеления не испытываю.

Почти».

Ничего такого, с чем он по крайней мере не мог бы справиться.

Остаток дня Ингри провёл, не улыбаясь Йяде, не глядя на неё, не разговаривая с ней и вообще никак не показывая, что замечает её присутствие. Такое поведение оказалось заразительным: Геска подъехал, собираясь что-то сказать, но, бросив единственный взгляд на Ингри, передумал и предусмотрительно переместился в другой конец колонны. Никто больше не пытался приблизиться к Ингри, а уж придворные Болесо шарахались от одного его взгляда. Немногие приказания Ингри выполнялись с похвальной поспешностью.

Выехали из Реддайки они поздно и продвигались медленно: лошади почти всё время шли шагом. В результате ни до какого крупного города добраться не удалось и пришлось остановиться на ночь в Миддлтауне — захолустном городке, который тем не менее от Истхома отделяло меньше миль, чем Ингри хотелось бы. Он безжалостно отправил свиту Болесо ночевать вместе с их покойным господином в местный храм, а единственную гостиницу занял сам со своей пленницей, её дуэньей и гвардейцами Хетвара. В сумерки Ингри обошёл городские стены — из-за размера Миддлтауна прогулка оказалась совсем короткой. Нечего было и думать о том, чтобы сегодня уединиться с Йядой в храме: тесное строение было набито битком. Для следующего ночлега, решил Ингри, нужно будет выбрать город побольше. А ещё через день... но больше ночлегов не предвиделось.

Геска предпочёл улечься в общем зале гостиницы, лишь бы не делить комнату с Ингри, и тот рано отправился в постель, чтобы дать отдых своему израненному телу.

Планируя проделать не такой уж длинный путь, Ингри на следующий день не стал требовать от своих людей особой спешки. Он ещё пил горький травяной чай в зале гостиницы, когда из своей комнаты в сопровождении новой дуэньи спустилась леди Йяда. На этот раз Ингри постарался ответить на её приветствие без гримас.

— Ваша комната была достаточно удобной? — с формальной вежливостью поинтересовался Ингри, искоса глянув на двоих гвардейцев, расположившихся за соседним столом.

— Да, удовлетворительной, — кивнула девушка. Её взгляд был хмурым, но Ингри счёл

это гораздо предпочтительнее повергающей его в растерянность улыбки.

Ингри собрался было спросить о том, что Йяде снилось, но спохватился: эта тема могла оказаться далеко не нейтральной. Может быть, потом он отважится ехать некоторое время с ней рядом: леди Йяда была, несомненно, способна понять намёк и вести беседу так, чтобы чужие и скорее всего недружественные уши не уловили ничего подозрительного.

Стук копыт и звон сбруи заставили Ингри и Йяду повернуться к окну.

— Эй, хозяин! — прокричал хриплый голос, и трактирщик поспешил наружу встречать новых гостей, по дороге отправив слугу в конюшню за грумами, которые должны были забрать лошадей прибывших господ.

Йяда насторожилась и следом за трактирщиком двинулась к двери. Ингри, допив содержимое своей кружки, последовал за ней; его левая рука по привычке легла на рукоять меча. На деревянное крыльцо они с Йядой вышли одновременно.

Перед гостиницей спешили четверо вооружённых всадников. Один из них явно был слугой, ещё двое носили знакомые мундиры, а четвёртый... у Ингри от удивления перехватило дыхание. Удивление сменилось настоящим шоком.

Граф-выборщик Венсел кин Хорсривер медлил в седле, сжимая поводья затянутыми в перчатки руками. Молодой граф был довольно щеделушен; из-под тёмно-красного кожаного камзола выглядывала расшитая золотом туника. Широкий куний воротник скрывал увечье молодого человека, одно плечо которого было заметно выше другого. Русые волосы, тронутые преждевременной сединой, неровными спутанными прядями падали на плечи. У Венсела было длинное лицо с выступающим лбом, которое не казалось уродливым только благодаря блестящим пронизательным голубым глазам, которые в этот момент пристально смотрели на Ингри. Появление здесь этим ясным осенним утром графа оказалось, конечно, неожиданностью, но шок, который испытал Ингри, был вызван другим.

Отчасти это был запах, улавливаемый не обонянием, отчасти какая-то не воспринимаемая зрением тень, нечто, что делало присутствие Венсела неизмеримо более ощутимым, чем присутствие всех, кто находился поблизости. Запах казался немного кислым, как запах мочи, тёплым и сладким, как запах сена...

«В нём обитает дух животного!

Как и во мне...

А я раньше никогда этого не замечал».

Ингри резко повернул голову и взглянул на Йяду. Лицо девушки тоже застыло от изумления.

«Она чувствует... обоняет... или видит? И для неё это, как и для меня, новость. Давно ли Венсел обзавёлся?..»

Эти неожиданные открытия, похоже, были взаимными: Венсел склонил голову к плечу, и глаза его расширились, перебегая с Ингри на Йяду. Челюсть у него отвисла, но граф быстро справился с собой и превратил гримасу в кривую улыбку.

— Ну-ну, — пробормотал он. Затянутая в перчатку рука поднялась к виску в воинском приветствии Ингри, потом коснулась сердца, когда Венсел поклонился Йяде. — Как странно мы трое повстречались. Я не сталкивался с подобной неожиданностью... дольше, чем вы можете себе представить.

Хозяин гостиницы принялся рассыпаться в приветствиях, но достаточно было еле заметного кивка графа, чтобы один из его гвардейцев отвёл трактирщика в сторону — несомненно, чтобы сообщить ему, какие услуги потребуются для его знатных гостей. С привычной вежливостью Ингри протянул руку, чтобы взять под уздцы лошадь графа, хоть и не испытывал никакого желания к нему приближаться. Животное фыркнуло и попятилось, так что Ингри пришлось крепче сжать повод. Лошадь была в пене — её явно всё утро гнали галопом.

«Что бы ни привело его сюда, времени Венсел не терял».

Продолжая пристально глядеть на Ингри, Венсел сделал глубокий вдох.

— Ты именно тот человек, который мне нужен, кузен. Лорд Хетвар внял твоей просьбе

освободить тебя от участия в церемониях, столь красноречиво выраженной в твоих лаконичных посланиях, так что мне поручено возглавить траурный кортеж. Это к тому же мой долг перед семьёй, поскольку я единственный её член, который не обессилел от горя, не сражён тяжёлой болезнью или не задержан бездорожьём на полпути от границы. Подобавший катафалк и свита следуют за мной и будут ожидать в Оксмеде. Я рассчитывал ещё вчера встретить вас там, но твои планы, похоже, переменялись.

Ингри облизнул губы.

— Это большое для меня облегчение.

— Я так и подумал. — Венсел перевёл взгляд на Йяду, и сарказм исчез из его голоса. — Леди Йяда, не могу выразить, как я огорчён случившимся... тем, какое зло вам причинили. Мне жаль, что меня не было в замке, чтобы это предотвратить.

Йяда склонила голову, принимая извинения, хотя и не выражая готовности простить.

— Мне тоже жаль, что вас там не было. Мне вовсе не хотелось испачкать руки царственной кровью... как и столкнуться с другими последствиями.

— Да, — протянул Венсел. — Кажется, нам нужно обсудить гораздо больше, чем я думал. — Он, не разжимая губ, улыбнулся Ингри и спешился. Теперь, став взрослым, Венсел был всего на пол-ладони ниже своего кузена; по каким-то непонятым Ингри причинам люди всегда считали его более высоким, чем он был на самом деле. Понизив голос, Венсел добавил: — Всякие тайные и странные вещи, о которых ты предпочёл не сообщать даже хранителю печати. Кто-нибудь, возможно, и осудил бы тебя за это, но будь уверен: я придерживаюсь другого мнения.

Венсел отдал несколько распоряжений своим гвардейцам; Ингри передал повод его коня слуге, и грумы поспешили увести лошадей в конюшню.

— Где мы могли бы поговорить? — спросил Венсел. — Без помех.

— В зале гостиницы.

— Веди, — пожал плечами граф.

Ингри предпочёл бы следовать за ним, но был вынужден идти вперёд. Оглянувшись, он заметил, как Венсел вежливо предложил Йяде руку, но девушка уклонилась от этой чести, притворившись, будто приподнимает юбку, чтобы подняться на крыльцо.

— Уходите, — приказал Ингри двоим заканчивавшим завтрак гвардейцам Хетвара; те вскочили при виде графа и изумлённо вытаращили глаза. — Можете забрать свою еду с собой. Побудьте снаружи и проследите, чтобы нас никто не тревожил. — Растерянную дуэнью Ингри тоже выпроводил и закрыл дверь.

Венсел бросил безразличный взгляд на старомодный зал гостиницы с его усыпанным тростником полом, засунул перчатки за пояс и сел за один из столов, указав Ингри и Йяде на скамью напротив. Ингри заметил, что руки графа, неподвижно лежащие на крышке стола, остаются напряжёнными.

Ингри не мог определить, дух какого животного несёт в себе Венсел. Конечно, насчёт Йяды он тоже ничего не знал, пока его собственный волк не вырвался на свободу. Даже теперь, если бы не труп леопарда и появление его духа во время их борьбы с заклятием, Ингри затруднился бы дать имя тому странному дикому существу, присутствие которого он ощущал в Йяде.

Гораздо больше волновал Ингри другой вопрос: когда? Когда Венсел обрёл магического помощника? Ингри виделся с графом всего один раз со времени своего возвращения из дартаканского изгнания четыре года назад. Венсел тогда только что женился на принцессе Фаре и вместе с новобрачной отправился в богатые семейные владения в нижнем течении Лура, в двухстах милях от Истхома. Потом, когда в середине зимы чета вернулась в столицу на празднование Дня Отца, Ингри был в отсутствии: выполнял поручение хранителя печати в Кантонах. Так что вместе они оказались только на пиру в королевском дворце, да и то увиделись мельком: король вручал сыну, принцу Биасту, маршальские копьё и знамя, Венсел принимал участие в церемонии, а Ингри был всего лишь одним из членов свиты хранителя печати.

При той мимолётной встрече граф любезно кивнул своему опозоренному и лишённому наследства родичу, не проявив ни удивления, ни отвращения, однако и не выказав никакого желания увидеться после пира. Ингри тогда подумал, что Венсел больше не тот невзрачный подросток, которого он помнил: должно быть, ноша, которая легла на его плечи после ранней смерти отца и династического брака, заставила его повзрослеть и придала странную серьёзность. Не скрывалось ли уже тогда за этой серьёзностью нечто странное? Следующая их встреча произошла в покоях Хетвара всего неделю назад. Венсел был молчалив и мрачен, как и остальные присутствующие, и старался не встречаться глазами с кузеном — чувствуя себя униженным из-за истории с фрейлиной своей жены, как решил тогда Ингри. Он не мог припомнить, чтобы во время той встречи Венсел произнёс хоть слово.

Венсел обратился к Йяде, огорчённо потупившись:

— Госпожа моя супруга причинила вам большое зло, леди Йяда, и я уверен, что справедливые боги послали ей обрушившееся на неё горе в наказание. Сначала она лгала мне, уверяя, что вы по собственной воле остались в замке Болесо, — до тех пор, пока гонец не принёс ужасное известие. Клянусь, я не давал ей повода для ревности. Я испытывал бы гораздо больший гнев, если бы её предательство так явно не несло в себе воздаяния. Фара всё время плачет, а я... я просто не знаю, как распутать весь этот клубок и спасти честь моего имени. — Только теперь он поднял голову.

Сила чувств, отражавшаяся во взгляде Венсела, решил Ингри, связана не только с замешательством, которое вызывает леопард Йяды.

«По-моему, принцесса Фара не так уж ошибается в своей ревности, как уверяет Венсел».

Четыре года брака, а великий и древний род Хорсриверов всё ещё не имеет наследника... Что за этим кроется — бесплодие, неприязнь или какое-то странное бессилие? Может быть, это и есть причина страхов Фары, обоснованных или нет?

— Я тоже не знаю, как вам быть, — ответила Йяда. Ингри не мог определить, что скрывается за холодностью её тона — подавленный гнев или страх, и искоса взглянул на Йяду. Её прелестное лицо было подчёркнуто неподвижным. Ингри внезапно очень захотелось знать, что именно видит девушка, глядя на Венсела.

Венсел, хмурясь, склонил голову.

— Так кто это такой? Наверняка не барсук... я предположил бы, что скорее рысь.

Йяда гордо подняла подбородок.

— Леопард.

От изумления рот Венсела приоткрылся.

— Как же... и откуда этот дурак Болесо взял... и почему... Миледи, мне кажется, вам следует рассказать мне обо всём, что случилось в замке.

Йяда взглянула на Ингри, и тот медленно кивнул. Похоже, Венсел так же впутан в эту историю, как и они с Йядой, а Хетвар ему доверяет...

«Только вот знает ли Хетвар о живущем в Венселе духе животного?»

Йяда коротко и ясно изложила события той ночи, строго придерживаясь фактов и не позволив себе ни намёка на собственные чувства и предположения. Голос её был ровен и спокоен.

Венсел выслушал её с напряжённым вниманием и тоже воздержался от комментариев. Обратив острый взгляд на Ингри, он резко спросил:

— Так где же волшебник?

— Что?

Венсел кивнул в сторону Йяды.

— Такое не случается само собой. Требовалось участие волшебника, незаконного, несомненно: он не только занимался запретной магией, но и помогал этому болвану Болесо в его делишках.

— Леди Йяда... На основании свидетельства леди Йяды у меня сложилось впечатление, что Болесо сам совершил обряд.

— В его спальне мы были наедине, — сказала Йяда. — Даже если я видела такого человека в замке, я никогда не догадывалась, что он может оказаться волшебником.

Венсел рассеянно почесал шею.

— Хм-м, возможно. И всё-таки... Болесо никогда не освоил бы такой обряд самостоятельно. Он поселил в себе много существ, вы говорите? О боги, ну и глупец! Нет, если его наставник не был с ним, он наверняка должен был побывать в замке незадолго до... Может быть, он переоделся или прятался в соседней комнате... Или сбежал.

— Я и в самом деле гадал, не было ли у Болесо сообщника, — признал Ингри. — Однако рыцарь Улькра утверждает, что ни один слуга после смерти принца не покинул замок. Да и лорд Хетвар наверняка даже меня не послал бы схватить столь опасного человека без поддержки слугителей храма. — Да, случись такое, на Ингри могло бы свалиться нечто не столь безобидное, как временное превращение в свинью.

«Нечто вроде заклятия?»

Что, если в конце концов его стремление убить было заложено не в Истхеме? Ингри постарался, чтобы выражение его лица не выдало этой новой мысли.

— Возможно, Хетвар и не мог заподозрить истинного положения вещей. — Но зачем тогда хранитель печати так настаивал на секретности? Только из политических соображений?

— Несомненно, донесение о трагедии, которое Хетвар получил в тот первый день, было искажённым и неточным, — скривился Венсел. — О леопарде, как и о других вещах, не было сказано ни слова. И всё же... Хотелось бы мне, чтобы ты схватил волшебника, кем бы он ни был. По крайней мере, — граф снова взглянул на Йяду, — признание такого человека могло бы помочь даме из свиты моей супруги, защищать которую — мой долг.

Неоспоримость этого довода заставила Ингри поморщиться.

— Сомневаюсь, что я остался бы в живых и в здравом уме, случись мне спугнуть волшебника.

— С этим можно поспорить, — возразил Венсел. — И уж ты-то должен был бы знать, кого следует искать.

Может быть, заклятие притупило ум Ингри? Или виновато всего лишь его собственное отвращение к порученному делу? Ингри откинулся на стуле и, не имея возможности отразить эту атаку, решил попробовать напасть с другого фланга:

— А с каким волшебником столкнулся ты? И давно ли?

Светлые брови Венсела поползли вверх.

— Разве ты не догадываешься?

— Нет. Я не чувствовал твоей... особенности ни у Хетвара, ни на награждении Биаста, когда мы с тобой виделись в последний раз.

— Правда? Я не был уверен, то ли мне удалось скрыть от тебя свою беду, то ли ты просто решил проявить сдержанность. Во всяком случае, я был тебе благодарен.

— Я ничего не почувствовал. — Ингри едва не добавил: «Мой волк был тогда связан», однако это означало бы признание в том, что теперь волк на свободе, а Ингри вовсе не был уверен в том, насколько может доверять Венселу.

— Приятно слышать. Ну, со мной это случилось примерно тогда же, когда и с тобой, если желаешь знать. Когда умер твой отец... или, может быть, я должен сказать: когда умерла моя мать. — Заметив вопросительный взгляд Йяды, Венсел пояснил: — Моя мать была сестрой отца Ингри. В результате я мог бы оказаться наполовину Волфклифом, если бы не все девицы из рода Хорсривер, становившиеся жёнами Волфклифов. Чтобы определить истинную близость нашего родства, требуются перо и бумага для подсчётов.

— Я знала, что вы родичи, но не предполагала, что настолько близкие.

— Да, между нами связи тесные и перепутанные. И я уже давно подозреваю, что все эти одновременно случившиеся трагедии каким-то образом связаны между собой.

— Я знаю, что тётушка умерла, пока я болел, — медленно проговорил Ингри, — но до сих пор не догадывался, что её смерть последовала так быстро за смертью моего отца. Никто

со мной об этом не говорил. Я предположил, что её свело в могилу горе или одно из тех загадочных недомоганий, что случаются у стареющих женщин.

— Нет. Это был несчастный случай. И произошедший в очень странный момент.

Ингри поколебался.

— Если говорить о связях... Ты видел волшебника, который поселил в тебе дух зверя? Может быть, и в твоём случае это был Камрил?

Венсел покачал головой.

— Что бы ни сделали со мной, это случилось, когда я спал. И если ты думаешь, что пробуждение моё было приятным...

— Ты не заболел и не впал в беспамятство?

— По-видимому, не столь сильно, как ты. С тобой явно что-то пошло не так... я хочу сказать, не считая того ужаса, который обрушился на тебя из-за случившегося с твоим отцом.

— Почему ты никогда ничего мне не говорил? Моё несчастье не было секретом. Как жаль, что я тогда не знал, что не одинок!

— Ингри, мне тогда было всего тринадцать, и я был перепуган до смерти. Больше всего я боялся, что моё осквернение станет всем известно и со мной начнут делать то же, что делали с тобой. Я знал, что не выживу. Я никогда не был таким сильным, как ты. От одной мысли о пытках, которым подвергали тебя, я чувствовал себя больным. Моей единственной надеждой было молчание. А к тому времени, когда мне стало ясно, что рассудка я не лишусь, и мужество начало возвращаться ко мне, ты уже уехал, отправился в изгнание, высланный своим перепуганным дядей. Как же я мог с тобой связаться? Послать письмо? Его наверняка перехватили бы и прочли. — Венсел глубоко вздохнул и заговорил уже более твёрдым голосом: — Как странно теперь обнаружить, что мы связаны подобным образом. Нас могут сжечь всех вместе, привязав к одному столбу.

— Меня не сожгут, — возразил Ингри и выругал себя за предательскую дрожь в голосе. — Храм меня помиловал.

— Власти, которые даровали такую милость, могут и лишить её, — мрачно сказал Венсел. — И всё равно остаёмся Йяда и я. Нас ждёт не объятие, лицом к лицу, чего боялась моя жена, а своего рода священный союз спиной к спине.

Эти слова не заставили Йяду поморщиться, но на Венсела она посмотрела с новым напряжённым интересом, сведя брови. Возможно, она заново оценивала человека, которого, как ей казалось, знает и который оказался совершенным незнакомцем.

«Как и для меня...»

Взгляд Венсела переместился на перевязанные руки Ингри.

— Что случилось с твоими руками?

— Споткнулся о стол и порезался ножом, — ответил Ингри как можно более равнодушно. Краем глаза он заметил, как Йяда с любопытством взглянула на него, и взмолился в душе, чтобы она не вздумала сообщить подробности происшествия. Пока, во всяком случае, Венселу об этом знать рано.

Вместо этого Йяда спросила:

— Что собой представляет ваше животное? Вы знаете?

Венсел пожал плечами.

— Я всегда считал, что это конь. Мне кажется, такое предположение соответствует обстоятельствам, какими бы странными они ни были. — Венсел задумчиво вздохнул, и его холодные голубые глаза оглядели Йяду и Ингри. — В Вилде уже много столетий не было воинов, в которых жили бы духи животных, за исключением, может быть, немногих отшельников в лесной чаще. А теперь имеется трое таких — и даже не в одном поколении, а в одной комнате. Мы с Ингри, как я давно подозреваю, связаны друг с другом, но вы, леди Йяда... Я не понимаю. Вы не вписываетесь в картину. Я очень хотел бы, Ингри, чтобы ты занялся поисками того таинственного волшебника. По крайней мере охота на столь важного свидетеля могла бы отсрочить суд над леди Йядой.

— Это было бы очень кстати, — с готовностью согласился Ингри.

Венсел с беспокойством оглядел комнату.

— Мы теперь в руках друг у друга. Я полагал, что ты верно хранишь мою тайну, Ингри, но, как выяснилось, ты просто о ней ничего не знал. Я так долго боролся со своим несчастьем в одиночку, что мне трудно научиться доверять другим.

Ингри с кислым видом кивнул.

Венсел расправил плечи, поморщившись, как будто они болели от напряжения.

— Что ж, мне нужно подкрепиться, а потом помолиться у останков моего родича-принца. Кстати, как сохраняется его тело?

— Оно засыпано солью, — ответил Ингри. — В замке оказался большой запас — для засолки дичи.

Слабая улыбка осветила лицо Венсела.

— Как же откровенно ты выражаешься!

— Я не приказывал освежать его и выпотрошить, так что результат окажется не очень хорошим.

— Ну, тогда удачно, что погода прохладная. Однако всё равно нам лучше поторопиться. — Венсел вздохнул, опёрся ладонями о стол и устало поднялся на ноги. На мгновение Ингри ощутил таящуюся в нём тьму, потом перед ним снова оказался просто измученный молодой человек, на которого так рано легла опасная ноша. — Потом поговорим ещё.

Граф вышел на крыльцо, и его гвардейцы вскочили на ноги, готовые сопровождать его в храм. Прежде чем покинуть зал гостиницы, Ингри коснулся руки Йяды, и девушка повернула к нему напряжённое лицо.

— Как вы считаете, что за животное обитает в Венселе? — спросил он, понизив голос.

— Говоря словами просвещённой Халланы, — прошептала Йяда в ответ, — если в нём живёт жеребец, то я — королева Дартаки. — Йяда прямо посмотрела в глаза Ингри. — Ваш волк не очень похож на обычного волка, и его жеребец — на обычного жеребца. Но одно я скажу вам, Ингри: они очень похожи друг на друга.

Глава 8

Ингри поднялся к себе, чтобы упаковать седельные сумки, потом решил найти Геску. Вещи лейтенанта исчезли из угла в зале, где раньше лежали, и Ингри двинулся по грязной центральной улице — больше похожей на деревенскую, чем на городскую, по его мнению, — в сторону маленького бревенчатого храма, где рассчитывал обнаружить Геску. Ингри раздумывал, в какой из полудюжины конюшен, используемых для коней отряда, искать лейтенанта, если его не окажется в храме, но это оказалось ненужным: Геска стоял под портиком и разговаривал с графом Хорсривером — может быть, выслушивал его распоряжения.

Геска оглянулся, услышав шаги Ингри, смутился и умолк; Венсел просто кивнул кузену.

— Ингри, — спросил Венсел, — где рыцарь Улькра и остальная свита Болесо? Остались в замке или следуют за вами?

— Следуют за нами — по крайней мере такое приказание я отдал. Быстро ли они двигаются, я не знаю. Улькра не может ожидать тёплого приёма в столице.

— Не важно. К тому времени, когда у меня появится время заняться ими, они, несомненно, уже будут здесь. — Венсел вздохнул. — Моим коням требуется отдых. Распорядись, пожалуйста, об отъезде в полдень. Так мы доберёмся до Оксмида до темноты.

— Как угодно, милорд, — поклонился Ингри и кивком указал на ворота неловко ёжащемуся Геске. Венсел коротким взмахом руки попрощался с ними и вошёл в храм.

— И что же граф Хорсривер пожелал тебе сказать? — тихо поинтересовался Ингри, когда они с Геской вышли на улицу.

— Ну, жизнерадостным его не назовёшь... Страшно подумать, какую жизнь он устроил

бы нам, если бы и в самом деле испытывал симпатию к своему зятю. Одно ясно: вся эта история ему не нравится.

— Это я уже понял.

— И всё-таки этот молодой человек многого стоит, несмотря на свою внешность. Я так подумал ещё на его свадьбе с принцессой Фарой.

— Как это?

— Э-э... Да ничего такого особенного он не делал... Он просто никогда...

— Что никогда?

Геска задумчиво поджал губы.

— Ну... трудно сказать. Он никогда ни в чём не ошибался, не нервничал, не опаздывал и не приходил раньше времени... никогда не бывал пьян. Такое трудно не заметить. Внушительный, вот как я его назвал бы. Кое в чём он напоминает мне вас... в тех случаях, когда требуются мозги, а не мускулы. — Геска поколебался и предусмотрительно решил не продолжать сравнений, чтобы окончательно не завязнуть в трясине.

— Мы с ним кузены, — равнодушно бросил Ингри.

— Конечно, милорд. — Геска искоса взглянул на Ингри. — Граф очень заинтересовался визитом просвещённой Халланы.

Ингри поморщился.

«Что ж, это было неизбежно».

Несомненно, он ещё услышит от Венсела множество вопросов по поводу событий в Реддайке.

В храме Миддлтауна служил всего лишь молодой аколит, который впал в панику при появлении траурного кортежа — о такой чести для своего храма он узнал всего за полдня. Однако ради каких бы церемоний ни прибыл граф Хорсривер, было ясно, что они начнутся не здесь. Отряд выступил в путь ровно в полдень; Венсел распоряжался с такой мрачной целеустремлённостью, какой Ингри даже в самом скверном настроении не смог бы достигнуть. Он мысленно поаплодировал кузену и оставил бледному аколиту достаточно увесистый кошелек, чтобы утешить его.

Миддлтаун ещё не успел скрыться за поворотом дороги, когда Венсел придержал своего гнедого, поравнялся с Ингри и буркнул:

— Проедем вперёд. Я хочу поговорить с тобой.

— Хорошо. — Ингри пустил своего коня галопом, ободряюще кивнув Йяде, которая ехала рядом с повозкой. Венсел удостоил девушку лишь загадочным взглядом.

Когда расстояние между всадниками и кортежем стало достаточным, чтобы никто не мог подслушать разговора, Венсел повернулся в седле, но спросил только:

— Где ты нашёл эту телегу для перевозки бочек с пивом?

— В Ридмере.

— Ха... По крайней мере эта часть похорон будет соответствовать вкусу бедняги Болесо. Украшенный серебром королевский катафалк едет из Истхома и будет ждать в Оксмиде. Надеюсь, ни один мост по дороге под ним не обвалится.

— Действительно... — Ингри постарался сдержать неуместную улыбку.

— Моя свита должна обеспечить мне в Оксмеде удобное размещение. И тебе тоже, если пожелаешь. Советую тебе воспользоваться этой возможностью. В городе нельзя будет найти пристанище ни за какие деньги, как только туда прибудет двор.

— Спасибо, — искренне поблагодарил кузена Ингри. Ему случалось слышать о дуэлях между отчаявшимися придворными за обладание сеновалом, когда во время королевских путешествий свите оказывалось негде разместиться. Уж Венселу-то достанется самое лучшее помещение.

— Расскажи мне об этой просвещённой Халлане, Ингри, — отрывисто бросил Венсел.

Что ж, по крайней мере он не стал упрекать Ингри в том, что тот не упомянул о волшебнице раньше. Ингри, впрочем, усомнился: следует ли ему испытывать облегчение по

этому поводу...

— Я счёл её именно той, кем она назвалась: приятельницей леди Йяды, знавшей её с детства. Она была целительницей в крепости ордена Сына на западной границе в то время, когда крепостью командовал отец леди Йяды, лорд-дедикат.

— Я слышал о лорде ди Кастосе, да. Йяда говорила о нём. Однако меня беспокоит странное совпадение. Волшебник, имевший какое-то отношение к неожиданной проблеме леди Йяды, исчезает из замка, и всего через несколько дней волшебник — или волшебница, также связанная с леди Йядой, посещает её в Реддайке. Так два это разных волшебника или один и тот же?

Ингри покачал головой.

— Не могу себе представить, как просвещённая Халлана могла бы тайно пробраться в замок Болесо. Уж незаметной её никак нельзя назвать. Халлана на последних неделях беременности, что, кстати, налагает большие ограничения на использование ею демона. Ради безопасности она живёт в отшельнической келье в Сатлифе. Признаю, моё доказательство косвенное, но я уверен: Болесо уже по уши погряз в своих ужасных экспериментах, когда полгода назад убил слугу. Это означает, что его подручный-волшебник должен был тогда находиться в Истхоме или где-то поблизости.

Венсел с сомнением нахмурил брови.

— Принимать правду за ложь такая же ошибка, как принимать ложь за правду, — продолжал Ингри. — Жрица с двойным посвящением — женщина в высшей степени необычная, но невозможно поверить, чтобы она была на побегушках у Болесо. Ей это не подходит, хотя бы потому, что она совсем не глупа.

Венсел склонил голову, обдумывая услышанное.

— Не была ли она тогда тем кукольником, который управлял марионеткой-Болесо?

— Менее невероятно, — неохотно признал Ингри, — но всё равно... нет.

Венсел вздохнул.

— Тогда попробуем упростить дело. Мы имеем двух разных волшебников, но не связаны ли они между собой? Не мог ли пособник Болесо после несчастья бежать к Халлане? Не сообщники ли эти двое?

Такая мысль смутила Ингри. Он неожиданно вспомнил, что предположение — ложный след? — будто заклятие было наложено на него в Истхоме, исходило от Халланы.

— По времени такое, пожалуй, было возможно.

Венсел печально хмыкнул, глядя вперёд между ушами своего коня.

— Насколько мне известно, просвещённая жрица написала письмо. Ты с ним уже ознакомился?

«Будь ты проклят, Геска!»

И будь проклята сплетница-дуэнья. Много ли ещё известно Венселу?

— Оно было передано не мне. Халлана вручила его леди Йяде. Запечатанным.

Венсел отмахнулся от этого возражения:

— Не сомневаюсь, что тебя обучили, как преодолевать подобные преграды.

— Конечно — когда дело касается обычных писем. Тут же речь идёт о послании храмовой волшебницы. И думать не хочется о том, что могло бы случиться с письмом — или со мной — при попытке его вскрыть. Может быть, вспыхнуло бы пламя. — Ингри предоставил Венселу самому решать, имеет ли он в виду, что сгорело бы — письмо или он сам. — И я не уверен, что передавать письмо Хетвару безопасно. По крайней мере будет нужно, чтобы вскрывал его храмовый волшебник. Только даже хранителю королевской печати может оказаться нелегко заставить жреца вскрыть письмо, адресованное главе его собственного ордена.

— Тогда придётся использовать незаконного волшебника. — Заметив кислый взгляд Ингри, Венсел пробормотал: — Ты должен признать, что Хетвар, если пожелает, сможет найти такого.

— Начни мы бесконечно множить гипотетических волшебников, как бы не пришлось

подвешивать их к балкам потолка, как окорока, чтобы все поместились. — И всё-таки, с горечью напомнил себе Ингри, странное заклятие, наложенное на него, так и оставалось необъяснённым.

Венсел коротко и невесело кивнул, потом, после короткого молчания, сказал:

— Ну, если говорить об окороках и о том, как их нарезают... Не то чтобы ты, кузен, так уж хорошо лгал — просто никто не решается уличить тебя во лжи. Возможно, это обстоятельство создало у тебя преувеличенное представление о собственной изворотливости. — Голос Венсела зазвучал более жёстко. — Что на самом деле случилось, когда вы заперлись в той комнате?

— Если бы было что-то, о чём я обязан доложить, мой долг — доложить первым делом лорду Хетвару.

Брови Венсела поползли вверх.

— Вот как? Первым делом? И всё-таки... ничего? Я видел твои отчёты Хетвару. Количество не упомянутых в них событий впечатляет. Леопарды. Волшебницы. Станные ссоры. Падение в реку. Твой романтический лейтенант Геска даже утверждает, будто ты влюбился — о чём тоже нет ни слова в твоих письмах, хотя это я и мог бы понять.

Ингри вспыхнул.

— Письма могут попасть не по адресу. Или оказаться прочитанными глазами врага. — Ингри в упор посмотрел на графа.

Венсел открыл и закрыл рот. Некоторое время ему пришлось заниматься только своим конём — на дороге оказалась глубокая лужа. Когда её удалось объехать и кузены снова поскакали стремя к стремени, Венсел сказал:

— Прости, если я кажусь тебе излишне обеспокоенным. Я могу очень многое потерять.

С фальшивой жизнерадостностью Ингри ответил:

— Ну а я, со своей стороны, уже всё потерял, граф-выборщик.

Венсел прижал руку к сердцу, признавая поражение, но тихо добавил:

— Я должен думать и о своей жене.

Теперь настала очередь Ингри смущённо замолчать. То, что брак Венсела был вызван политическими соображениями и до сих пор оставался бесплодным, не означало отсутствия супружеской любви — как с той, так и с другой стороны. Действительно, предательство принцессы Фары по отношению к своей фрейлине говорило о пламенной ревности, которая не могла быть порождена скукой и равнодушием. А дочь священного короля была ценным завоеванием для такого невзрачного молодого человека, как бы знатен он ни был.

— Кроме того, — легкомысленным тоном продолжал Венсел, — быть сожжённым заживо — весьма мучительная смерть. Не рекомендую. Думаю, что этот исчезнувший волшебник может оказаться угрозой нам обоим. Он знает многое, чего знать не должен бы. Нам нужно найти его первыми. Если окажется, что он не представляет опасности для нас лично, я буду рад передать его в руки Хетвара.

А если волшебник окажется опасен для него, что тогда намерен предпринять Венсел? И, о Священная Пятёрка, как именно?

— Оставляя в стороне вопросы долга, должен сказать, что это не тот арест, совершить который в моих силах — для собственного блага или нет.

— А если бы был в силах? Разве знание тебя не привлекает?

— Ради чего?

— Ради выживания.

— Мне и так удаётся оставаться в живых.

— Удавалось до сих пор. Однако помилование, дарованное тебе храмом, отчасти зависит и от уверенности в том, что твой волк скован, а он теперь на свободе.

Ингри настороженно взглянул на Венсела.

— Как это?

Губы Венсела скривила слабая улыбка.

— Я мог бы догадаться об этом по одному тому, как ты теперь воспринимаешь меня, но

в том нет необходимости: я могу видеть твоего зверя. Он смиренно лежит у тебя внутри — по многолетней привычке, — однако ничто не сдерживает его, и тебе достаточно его позвать... Рано или поздно какой-нибудь проникательный жрец заметит это или ты сам сделаешь ошибку, так что всё раскроется. — В тихом голосе Венсела прозвучало напряжение. — Есть альтернативы тому, чтобы отсечь себе руку из страха перед собственным кулаком, Ингри.

— Откуда тебе знать?

На этот раз Венсел колебался дольше.

— В замке Хорсривер замечательная библиотека, — уклончиво ответил он наконец. — Некоторые из моих предков собирали предания, а один был знаменитым учёным. В замке хранятся документы, которых, я уверен, нет больше нигде; среди них есть и такие, что были написаны сотни лет назад. Записи, которые жрецы Аудара без колебаний сожгли бы. Там есть совершенно поразительные свидетельства очевидцев — как-нибудь я тебе расскажу парочку исторических анекдотов... В общем, вещи достаточно захватывающие, чтобы побудить к чтению даже не слишком любознательного подростка... а потом, как оказалось, совершенно необходимые ему для того, чтобы выжить. — Венсел посмотрел Ингри в глаза. — Ты ответил на своё так называемое осквернение тем, что бежал прочь от любого знания. Я ответил на своё тем, что кинулся искать знания. Как ты полагаешь, кто из нас теперь лучше ориентируется в ситуации?

Ингри сделал долгий выдох.

— Ты даёшь мне много пищи для размышлений, Венсел.

— Ну так размышляй! Только на этот раз не отворачивайся от понимания, умоляю тебя. Не поворачивайся ко мне спиной, — добавил он тихо.

«Вот уж ни за что! Я просто не рискну».

Ингри кивнул Венселу, стараясь не выдать своих мыслей.

Кортеж достиг каменистого брода; к счастью, поток оказался не таким бурным, как тот, что пришлось пересекать три дня назад, но всё-таки Ингри всё внимание обратил на то, чтобы переправа прошла благополучно. Ещё через милю повозка с гробом едва не завязла в грязи, а потом конь одного из гвардейцев охромел, потеряв подкову. На привале, устроенном, чтобы напоить лошадей, двое из приближённых Болесо устроили драку — ссора между ними тлела уже давно, а теперь разгорелась ярким пламенем. Обычная угроза Ингри едва не оказалась бесполезной; когда драчунов растащили, Ингри отвернулся, побледнев от беспокойства (которое, к счастью, все приняли за гнев): в следующий раз ведь может случиться, что угрозы окажется недостаточно, и он будет вынужден действовать...

Ингри снова сел в седло, стараясь не показать, как встревожен. Невозможно было отрицать: Венсел погрузил его разум в хаос. От странного разговора с графом у Ингри осталось тревожное ощущение: они фехтуют в темноте, нанося удары наугад. Оба они открывали опасные секреты, делали обманные финты и парировали выпады... но на равных ли?

«Мне кажется, Венсел скрывает больше...»

Но ради справедливости нужно признать, что он вроде бы и открыл больше.

Раньше Ингри думал, что тревога по поводу наложенного на него заклятия — его самая неотложная проблема. Мысль о том, что известные Венселу легенды могут содержать ключ к этой тайне, вдвойне взволновала Ингри. Могло оказаться, что у него появился союзник. Однако в равной мере было возможно, что он обнаружил своего неизвестного врага. И как получается, что Венсел смотрит на незаконных волшебников как на мелкую неприятность, с которой ничего не стоит справиться? Ингри бросил взгляд на графа, который ехал во главе кортежа; тот допрашивал теперь одного из охранников Болесо, но до Ингри не доносилось ни слова. Солдат был крупным парнем, но сейчас он съёжился, словно стараясь сделаться меньше.

Венсел разбросал множество приманок, но всё же не новые тайны так занимали Ингри, захватывали и заставляли дрожать...

«Что известно Венселу о моём отце и своей матери, о чём я не знаю?»

Оксмид был больше Реддайка, но в его большом каменном храме покойного принца ожидали лишь весьма умеренные церемонии: весь город был охвачен лихорадочными приготовлениями к ожидавшимся на следующий день торжественным событиям. Ингри с огромным облегчением передал попечение о траурной процессии Венселу, который, в свою очередь, привлёк к делу своего распорядительного сенешаля, многочисленную свиту и толпу жрецов из храма. Принцесса Фара и её дамы, как с радостью узнал Ингри, не выехали навстречу кортежу, а ожидали его прибытия в столице. Сумерки ещё не сгустились, когда Ингри и гвардейцы хранителя печати вместе с пленницей покинули храм и следом за Венселом по извилистым улицам направились к отведённому им дому.

Выехав на многолюдную площадь, Венсел придержал коня, и Ингри тоже натянул поводья. Рынок на площади торговал допоздна, снабжая всем необходимым придворных и их слуг, уже начавших съезжаться для участия в конечном этапе последнего путешествия Болесо. Ингри не сразу понял, что привлекло внимание Венсела, но потом проследил за взглядом графа: на углу среди толчеи играл скрипач, положив у ног потрёпанную шляпу. Он явно был более искусен, чем большинство бродячих музыкантов, и извлекал из своего инструмента странную печальную мелодию, растворявшуюся в золотом вечернем воздухе.

После паузы Венсел заметил:

— Это очень старинный напев. Интересно, знает ли он, насколько старинный? И он играет... почти правильно.

Венсел не поворачивался к своим спутникам, пока скрипка не умолкла. Когда Ингри смог увидеть его лицо, он удивился странному выражению — напряжённому, но лишённому гнева или страха; казалось, Венсел едва сдерживает слёзы, скорбя по какой-то невозполнимой потере. Через мгновение Венсел прогнал с лица непонятное выражение и поехал дальше, не оглянувшись на скрипача и не послав никого бросить монету в его шляпу, хотя музыкант с надеждой смотрел в сторону знатных всадников.

Наконец они добрались до большого дома, который предназначался для Венсела; он располагался на тихой улице в богатом купеческом квартале. Блестящие медные гвозди украшали крепкие доски входной двери. Ингри передал повод своего коня Геске, вскинул на плечо седельные сумки и проследил, как служанка проводила леди Йяду и её дуэнью на второй этаж. Судя по растерянности служанки, она знала леди Йяду раньше, и случившееся с девушкой так же смущало домочадцев графа Хорсривера, как и их господина.

Прежде чем заняться пачкой донесений, прибывших в его отсутствие, Венсел сказал Ингри:

— Ужин будет подан через час — для тебя, леди Йяды и меня. Возможно, другой возможности поговорить без свидетелей нам долго не представится.

Ингри кивнул.

Его проводили в маленькую комнатку на верхнем этаже, где уже дожидались таз и кувшин с горячей водой. Комнатка явно принадлежала слуге того богатого купца, чей дом занял Венсел, но Ингри было всё равно: он был рад уединению в любом случае. Свита Венсела, должно быть, ютится в ещё большей тесноте или даже ночует на сеновале, да и Геске с его солдатами вряд ли досталось более удобное помещение. Ингри надеялся, что они найдут утешение в угощении, которое им приготовил повар графа Хорсривера.

Ингри быстро и тщательно вымылся. Его гардероб был слишком ограниченным, чтобы на одевание потребовалось много времени: он взял с собой только дорожную одежду, не рассчитывая на светские приёмы. Одевшись, Ингри бросил взгляд на постель, но преодолел искушение, не испытывая уверенности, что сумеет заставить себя снова встать. Вместо этого он спустился по узкой лестнице, намереваясь осмотреть дом и окрестные улицы и заодно проверить, если конюшня окажется рядом, распорядился ли Геска накормить коней. Однако на лестничной площадке Ингри помедлил, услышав из зала на первом этаже голос Венсела, и двинулся в том направлении.

Венсел разговаривал с дуэньей Йяды, слушавшей его с испугом в широко раскрытых

глазах. Услышав шаги Ингри, Венсел обернулся и поморщился.

— Вы свободны, — бросил он дуэнье, которая сделала реверанс и заторопилась в комнату, судя по всему, отведённую пленнице. Венсел знаком предложил Ингри идти вперёд, но у двери в столовую покинул его, чтобы посоветоваться о чём-то со своим клерком.

Ингри, как и намеревался, вышел из дома и в сгущающихся сумерках обошёл его со всех сторон. Когда он вернулся к парадному входу, его уже ждал слуга, который и проводил Ингри в комнату на втором этаже. Это оказалась не парадная столовая, почти не уступающая роскошью залу в графской резиденции, а уютный покой с окнами, выходящими на огородные грядки и конюшни. Тяжёлая дверь, на взгляд Ингри, должна была заглушать все звуки. Маленький круглый стол в комнате был накрыт на троих.

Йяда явилась в сопровождении служанки, которая присела перед Ингри и поспешно ретировалась. Йяда была одета в соломенно-жёлтое шерстяное платье с высоким воротом. Наряд производил впечатление изящной скромности, хотя Ингри заподозрил, что кружево воротника должно было в первую очередь скрыть позеленевшие синяки на шее девушки. Венсел вошёл сразу же следом за Йядой; ярко горевшие свечи заставили сверкать драгоценности на его богатой одежде. Не только богатой, но и чистой, отметил Ингри, пожалев, что в его собственных седельных сумках ничего подобного не оказалось.

Решив блеснуть изысканными манерами, Ингри церемонно усадил Йяду и придвинул кресло для Венсела, прежде чем сел сам. Сидя на равном расстоянии друг от друга, все трое чувствовали неловкость, пока слуги, которые явно получили ясные указания, не расставили накрытые крышками блюда и не удалились. Еда оказалась превосходной, хотя и в деревенском стиле: фаршированный фазан с бобами, ветчина с соусом и приправами, запечённые в тесте яблоки и кувшины с тремя сортами вина.

— Ах, — пробормотал Венсел, поднимая серебряную крышку с блюда, на котором оказался окорок, — могу ли я рискнуть попросить вас нарезать мясо, лорд Ингри?

Йяда бросила на Венсела настороженный взгляд. Ингри ответил кузену в равной мере напряжённой улыбкой и ловко отрезал несколько ломтей. После этого, спрятав руки под стол, он натянул манжеты на свои повязки и стал ждать, какую ещё колкость придумает Венсел. В результате за столом воцарилось молчание; все занялись едой.

Через некоторое время Венсел произнёс:

— До меня доходили только слухи о трагических событиях в Бирчгрове, в результате которых погиб твой отец, а ты... выжил. Рассказы были такими путанными... и, безусловно, обрывочными. Не мог бы ты ввести меня в курс дела полностью?

Ингри, с напряжением ожидавший вопросов насчёт Халланы, в растерянности заколебался, потом собрался с мыслями. Целые годы он хранил молчание обо всём, что тогда произошло, а теперь рассказывал о них в третий раз за одну неделю. От повторений его рассказ сделался более гладким, как будто описание медленно вытесняло в его уме само событие. Венсел ел и слушал, хмурясь.

— Твой волк отличался от того, которого выбрал твой отец, — сказал он, когда Ингри закончил рассказ, описав, насколько это было в его силах, беспорядок в своих мыслях, рождённый присутствием духа волка и начавшейся после случившегося лихорадкой.

— Ну да. Во-первых, он не был болен... по крайней мере так же, как другой волк. Я с тех пор гадаю, не страдают ли животные падучей или какой-то другой подобной болезнью.

— Откуда егерь твоего отца взял его?

— Не знаю. К тому времени, когда я поправился достаточно, чтобы начать задавать вопросы, егерь уже умер.

— Ха! А вот я слышал, — слегка подчёркнутое «я», многозначительная пауза... — что это был не тот волк, что изначально тебе предназначался. Мне говорили, что бешеный волк загрыз другого, пойманного с ним одновременно, накануне того дня, когда должен был состояться обряд, а нового нашли той же ночью сидящим у клетки — снаружи.

— Значит, ты слышал больше, чем рассказывали мне. Так могло случиться, я думаю.

Венсел нервно постучал ложкой по столу, потом спохватился и положил ложку на

место.

— Твоя мать что-нибудь рассказывала тебе о твоём жеребце, — поинтересовался Ингри, — в то утро, когда ты проснулся переменившимся?

— Нет. Тем утром она умерла.

— Но не от бешенства!

— Нет. И всё-таки я с тех пор всё думаю... Она умерла, упав с лошади.

Ингри надул губы; глаза Йяды широко распахнулись.

— Конь тоже погиб, — добавил Венсел. — Переломал ноги, и грум прирезал его... как мне сказали. К тому времени, когда я начал задавать себе вопросы, моя мать была давно похоронена, а от коня ничего не осталось. Я долго медитировал у могилы матери, но так и не ощутил её ауры. Ни призраков, ни ответов... Я очень тяжело пережил её смерть — такую скорую, всего через четыре месяца после смерти отца. И я заметил сходство с твоим случаем, Ингри... но если брат и сестра Волфклиф составили какой-то план, имели какую-то цель, никто ничего не мог мне сказать.

— Или они противостояли друг другу, — задумчиво сказала Йяда, переводя глаза с одного мужчины на другого. — Как два замка-соперника на противоположных берегах Лура: каждый возводит всё более высокие стены.

Венсел кивнул, признавая её возможную правоту, но было заметно, что такая мысль не очень ему понравилась.

— С тех пор ты должен был придумать не одну теорию, Венсел, — сказал Ингри.

Граф пожал плечами.

— Предположения, догадки, фантазии... Мои ночи были полны ими, пока я совсем не изнемог под этим грузом.

Ингри погонял вилкой по тарелке последнюю клёцку и тихо спросил:

— Почему же ты так ни разу и не поговорил со мной?

— Ты отправился в Дартаку. Насколько мне было известно, твоё изгнание могло стать вечным. Потом твоя семья потеряла всякий твой след. Ты мог погибнуть — никто ничего о тебе не знал.

— Да, но потом? Когда я вернулся?

— Мне казалось, что ты нашёл себе безопасное убежище под покровительством Хетвара. Ты был в большей безопасности, получив прощение от жрецов, чем я со своими секретами. Знаешь, я даже тебе завидовал. Разве поблагодарил бы ты меня, если бы я вернул тебя к сомнениям и неразберихе?

— Может быть, и нет, — неохотно признал Ингри.

В дверь комнаты резко постучали. Йяда вздрогнула, но Венсел просто крикнул:

— Войдите!

В дверь просунулась голова графского клерка, который доложил:

— Послание, которого вы ожидали, милорд, прибыло.

— А, хорошо, спасибо. — Венсел отодвинул кресло и поднялся на ноги. — Простите меня. Я вернусь через несколько минут. Прошу вас, продолжайте ужин. — Он показал на ожидающие на столе блюда.

Как только Венсел вышел, появились слуги, чтобы убрать пустые тарелки и подать новые блюда и вина; потом, молча поклонившись, они удалились. Ингри и Йяда посмотрели друг на друга и принялись исследовать блюда; на них оказались фрукты и сладости, и Йяда повеселела.

Ингри взглянул на закрытую дверь.

— Как вы думаете, принцесса Фара знает о жеребце Венсела?

Йяда выбрала себе медовый марципан и съела его, прежде чем ответить. То, как она нахмурилась, подумал Ингри, к качеству лакомства отношения не имело.

— Это объяснило бы некоторые вещи, которые были мне непонятны. Их отношения представлялись мне странными, хоть я и не ожидала, чтобы брак столь высокородной особы, как принцесса, оказался похож на брак моей матери — и первый, и второй. Пусть граф и

некрасив, думаю, Фара хотела бы, чтобы он был в неё влюблён и оказывал ей больше знаков внимания, чем он это делает.

— Он не особенно любезен?

— О, граф всегда вежлив. Холодно вежлив. Я никогда не могла понять, почему в его присутствии Фара казалась испуганной: ведь он не только руку на неё не поднимал, он ни разу голос не повысил. Однако если она боялась не его... или не только его, а за него, тогда, наверное, это всё объясняет.

— Так был он в неё влюблён?

Йяда нахмурилась ещё сильнее.

— Трудно сказать. Он так часто бывал мрачным, отстранённым и молчаливым, иногда по многу дней. Изредка, если в замке Хорсривер ожидалась гости, он встряхивался и блистал любезностью и остроумием — граф ведь действительно прекрасно образован. И всё же сегодня он с вами был более разговорчив, чем когда-либо за столом в присутствии своей жены. Впрочем... вы представляете для него интерес в той области, куда ей дороги нет. — Глаза Йяды скользнули по Ингри, и он понял, что девушка воспользовалась своим внутренним зрением.

«Теперь и вы тоже», — неожиданно осознал Ингри.

— У него было совсем мало времени на то, чтобы убедиться, что эта новая ситуация не угрожает его безопасности. Может быть, в этом и кроется объяснение того, почему он так настойчив. А ведь он давит на нас, вам не кажется? — По крайней мере Ингри явно чувствовал давление со стороны Венсела.

— О да. — Йяда задумчиво помолчала. — Или у него выплеснулось давно подавляемое желание... Ведь с кем до сих пор мог он даже заговорить о таком? Он обеспокоен, да, но и ещё... Не знаю, как сказать: взволнован? Нет, тут какое-то другое чувство, более тонкое и странное. Нельзя же предположить, что это радость... — Губы Йяды скривились.

— Конечно, нет, — сухо проговорил Ингри.

Дверь распахнулась, и Ингри поднял глаза. Это вернулся Венсел. Извинившись, он снова уселся за стол.

— Вы закончили свои дела? — вежливо поинтересовалась Йяда.

— Более или менее. Если я этого ещё не говорил, то позволь мне, Ингри, поздравить тебя с тем, как быстро ты справился со своей миссией. Не похоже, чтобы мне удалось повторить твой успех, к сожалению. Наверное, придётся отправить вас завтра с леди Йядой вперёд, поскольку её присутствие в траурной процессии... э-э... может вызвать неловкость. Это мероприятие превращается чуть ли не в парад — предстоит ехать шагом до самого Истхома, да помилуют меня пятеро богов.

— Куда меня поместят в Истхоме? — напряжённо спросила Йяда.

— Эта проблема всё ещё решается. К завтрашнему утру я буду знать. Вас не ждёт ничего ужасного, если мне удастся поставить на своём.

Ингри пристально оглядел своих собеседников, позволив себе воспользоваться своим новым зрением.

— Вы двое очень отличаетесь друг от друга. Твоё животное, Венсел, гораздо более тёмное. Дикая кошка Йяды напоминает мне тень, испещрённую солнечными пятнами, но твой зверь... он уходит вниз, всё глубже и глубже. — Далеко за пределы восприятия Ингри...

— Конечно. Думаю, что леопард был в самом расцвете сил, — сказал Венсел. Он улыбнулся Йяде, словно желая подчеркнуть, что его слова доброжелательны. — Его сила свежа и чиста. Воин Древнего Вилда был бы горд иметь такого зверя, если бы в те времена существовал клан кин Леопард.

— Но я ведь женщина, а не воин, — сказала Йяда, в свою очередь пристально взглянув на Венсела.

— Женщины Древнего Вилда принимали в себя священных животных. Разве вы об этом не знаете?

— Нет. — В глазах Йяды вспыхнул интерес. — Правда?

— О, обычно не как воительницы, хотя были и такие женщины. В некоторых племенах женщины становились знаменосцами, и тогда им воздавался самый высокий почёт. Однако был и ещё один вариант... ещё одна связь со священными животными, которую женщины выбирали чаще. Впрочем, говоря «чаще», я имею в виду пропорцию: ведь таких женщин было очень мало.

— Знаменосцами? — странным тоном переспросила Йяда.

— Ещё одна связь? — одновременно переспросил Ингри.

В ответ губы Венсела изогнулись в улыбке рыболова, удачно закинувшего удочку.

— Самые могучие воины Вилда создавались с помощью обряда, вселявшего дух священного животного в человека. Однако можно было создать и кое-что ещё, если дух животного при жертвоприношении вселить в другого зверя.

Йяда страхнула с себя зачарованность и спросила:

— Вы думаете, что Болесо пытался... нет, подождите!

— Я так ещё и не сумел понять, что затевал Болесо, но если он собирался следовать этой древней магии, то он всё понял неправильно. Животное в конце его жизни приносили в жертву, так что дух его вселялся в тело молодого зверя, всегда той же породы и пола. Всё то, чему научилось первое животное, передавалось вместе с его духом второму, а потом, в конце жизни второго, через жертвоприношение — третьему... и так далее. Так создавалась огромная плотность жизни, пока наконец в какой-то момент — через пять, шесть, десять поколений — зверь становился уже не зверем, а чем-то другим.

— Богом-зверем? — выдохнула Йяда.

Венсел развёл руками.

— Возможно — в каком-то смысле. Иногда говорят, что боги именно таковы: вся жизнь мира вливается в них через ворота смерти. Они вбирают в себя нас всех. И всё-таки боги нечто ещё более загадочное, потому что вбирают, не разрушая, и становятся более самими собой с каждым добавлением. Великие священные животные были чем-то иным.

— Сколько же времени требовалось, чтобы создать такое животное? — спросил Ингри. Его сердце билось всё быстрее, и он понимал, что учатившееся дыхание выдаёт его острый интерес. И что Венсел всё замечает...

«Почему мне вдруг стало так страшно от этой сказочки Венсела?»

Сама кровь Ингри, казалось, откликнулась на слова Венсела.

— Десятилетия, целые жизни... иногда столетия. Таких животных чрезвычайно ценили: они были ручными и необыкновенно умными, они понимали человеческую речь. Однако эта великая преимущество подвергалась многим опасностям, и не только по воле случая. Когда мужчина или женщина Древнего Вилда принимали в себя дух великого животного, они становились не просто могучими воинами. Они делали много могущественнее и опаснее. Немногие из священных созданий пережили нашествие Аудара. Многие принесли в жертву раньше времени, просто чтобы спасти от дартаканской армии. Жрецы Аудара особенно усердствовали в истреблении таких животных из страха перед тем, во что они могут превратиться. Или в кого они могли бы превратить нас...

— В волшебников? — выдохнула Йяда. — В волшебников Древнего Вилда? Не одним ли из них пытался стать Болесо?

Венсел взмахнул рукой.

— Давайте не будем путаться в названиях. Волшебник — даже незаконный, если он не связан правилами храма — это человек, одержимый демоном беспорядка и хаоса, священной тварью Бастарда, и магия, которой он владеет, имеет своим источником разрушение. Сила подобных демонов ограничена равновесием между миром материи и миром духов. Древние племена тоже имели таких волшебников, обязанных подчиняться власти белого бога.

Великие священные животные принадлежали этому миру, и боги никогда не держали их в своих руках. Они не были частью силы богов и не были источником разрушения. Явление нигде, кроме Вилда, неизвестное... Хотя их магия была чисто духовной, они могли

воздействовать и на тела, управляемые разумом и духом. Власть шаманов очень отличалась от могущества племенных волшебников, и они даже не всегда бывали союзниками, хоть и принадлежали к одному клану. Это было одним из противоречий, которые ослабили нас во время дартаканского нашествия. — Взгляд Венсела сделался далёким, словно он всматривался в те древние события.

Йяда переводила глаза с Венсела на Ингри.

— Ох... — выдохнула она.

Ингри чувствовал, как кровь отхлынула от его лица. Ему казалось, что стены его крепости рушатся от подкопов Венсела.

«Нет, нет! Всё это чепуха, бессмыслица, детские сказки! Венсел просто придумал жестокую шутку, чтобы посмотреть, проглотчу ли я наживку...»

Вслух же он прошептал:

— Каким образом?

— Каким образом этот мудрый волк явился к тебе, хочешь ты сказать? — Венсел пожал плечами. — Хотел бы я это знать. Когда Аудар Великий, — в его устах это имя прозвучало зловеще, — вырвал сердце Вилда при Кровавом Поле — там, где находилось святилище Священного древа, которое он осквернил, — даже тогда ему не удалось уничтожить всех. Некоторые из воинов и шаманов не присутствовали на обряде, случайно опоздав, и не попали в засаду.

Йяда бросила на Венсела ещё более острый взгляд. Тот явно видел, какой интерес пробудил у своих слушателей, и продолжал:

— Даже полтора столетия преследований после победы Аудара не уничтожили всех знаний, как ни старались жрецы. Кое-что сохранилось, хотя по большей части не в виде письменных свидетельств, как в библиотеке замка Хорсривер, — их, конечно, специально собирали некоторые из моих предков, но ведь нужно было иметь, откуда собирать... Однако в глухих уголках, в горах и в болотах, на бедных хуторах — Кантоны, например, быстро сбросили дартаканское ярмо — традиции, если и не породившие их знания, сохранялись долго. Они передавались от поколения к поколению как тайные семейные или деревенские обряды, пусть их смысла уже никто и не понимал. То, чего даже Аудар не смог добиться, свершило Время-разрушитель. Я не думал, что после всех безжалостных гонений священные животные сохранились, но, похоже, выжили по крайней мере... два. — Голубые глаза Венсела впились в Ингри.

Мысли Ингри металась и, казалось, отчаянно скребли когтями по полу клетки. Ему удалось выдать из себя только какой-то нечленораздельный звук.

— Чтобы тебя утешить, — продолжал Венсел, — могу сказать, что это объясняет твою долгую болезнь. Твой волк оказал на твою душу гораздо более сильное влияние, чем простые звери твоего отца или Йяды на них. Четыре столетия кажутся невозможно долгим временем — сколько же поколений волков они вместили? — и всё-таки... — Пристальный взгляд Венсела заставил Ингри поёжиться. — Да уж, действительно, вниз, всё глубже и глубже... ты очень точно подметил. Воины, принявшие в себя дух зверя, с лёгкостью управляли своими животными: ведь обычные звери с готовностью подчинялись более мощному человеческому разуму. В Древнем Вилде, если бы тебе было суждено вместить в себя великое животное, этому предшествовало бы долгое приготовление и обучение, и ты получил бы поддержку других таких же воинов. Тебя не бросили бы, тебе не пришлось бы на ощупь искать свой путь, спотыкаясь в ужасе и сомнениях, едва не впадая в безумие. Так что неудивительно, что ты ответил на это тем, что искалечил себя.

— Разве я искалечен? — прошептал Ингри.

«И каким же чудовищем я оказался бы, если бы не был искалечен?»

— О да.

Йяда, проницательно взглянув на Венсела, поинтересовалась:

— А вы — нет?

Тот поднял руки ладонями вверх.

— В меньшей мере. У меня свои тяготы.

«Насколько в меньшей мере, Венсел?»

Сейчас Ингри не столько волновала мысль о том, что он, возможно, обнаружил источник наложенного на него заклятия, как предположение, что он может видеть перед собой своё зеркальное отражение.

Венсел снова повернулся к Ингри.

— Как бы то ни было, твоё неведение оказалось для тебя спасительным. Если бы служители храма заподозрили, какого зверя ты на самом деле носишь в себе, они так легко не простили бы тебя.

— Не так уж легко мне это далось... — пробормотал Ингри.

Венсел помолчал, словно обдумывая новую мысль.

— Пожалуй... Связать великого зверя — это должно было потребовать немалых трудов. — На его губах промелькнула уважительная, даже боязливая улыбка. Потом Венсел взглянул на свечи, уже почти догоревшие в канделябре посередине стола. — Становится поздно. Завтра нас ждут новые заботы. Нам предстоит на некоторое время расстаться, но, Ингри, умоляю тебя: не делай ничего, что снова могло бы привлечь к тебе внимание, до тех пор, пока у нас не будет возможности поговорить.

Ингри едва позволял себе дышать.

— Я всегда думал, что мой волк — источник насилия, ярости, разрушения, убийства. Что ещё способен он... способен я совершить?

— Это будет следующим уроком. Я преподам его тебе, когда мы оба окажемся в Истхоме. А пока, если ты дорожишь жизнью, храни свой секрет — и мой тоже. — Венсел устало поднялся из-за стола и распахнул дверь перед Ингри и Йядой — ясное указание на то, что и ужин, и откровенная беседа закончены. Ингри, едва державшийся на ногах, мог только поблагодарить за это богов.

Глава 9

Кровать в комнате слуги закрипела под весом Ингри, который рухнул на неё и стиснул руки на коленях. Интроспекция была привычкой, которой он всегда избегал, боясь того, что может ему открыться. Этой же ночью он наконец заставил своё восприятие обратиться внутрь.

Ингри прорвался сквозь привычный смутный страх, как сквозь густой туман, отменя в сторону цепляющиеся побеги самообмана, мешавшие его внутреннему зрению. Тратить на них время и внимание он больше не хотел. Когда-то он воспринимал живущего в нём волка как нечто вроде закапсулированного комка в животе, лишнего органа, не выполняющего никакой функции. Этого комка, волка, теперь не было на прежнем месте. Не было его и в сердце, и в уме Ингри, хотя попытка заглянуть в собственный разум показалась ему похожей на попытку увидеть свой затылок. Зверь действительно не был больше связан. Так где же?..

«Он в моей крови», — понял Ингри. Не в какой-то части организма, а повсюду. Волк не скрывался теперь в Ингри; он был им. От него не избавиться, как если бы это был кулак, который можно отрубить, или глаз, который можно вырвать: такие простые хирургические меры не помогут.

Ингри открылась возможная причина того, почему жители болот устраивали такие кровавые жертвоприношения, — причина, даже для них самих теперь скрытая в глубине веков. Они вечно враждовали с жителями Древнего Вилда и бились с воинами, несущими в себе духов животных, и шаманами лесных племён. Среди их пленников, должно быть, иногда оказывались такие, которых опасно было оставлять в живых. Так не преследовали ли когда-то кровавые жертвы мрачную практическую цель?

Не могло ли чисто физическое разделение — крови и тела — служить и духовному, освобождая душу от греха?

Начавшийся ещё в древности путь вёл, казалось, в кровавую трясиину. Испытывая

скорее холодное любопытство, чем какое-либо иное чувство, Ингри порылся в седельной сумке и вытащил шнур, снятый с балки в спальне Болесо. Положив его на постель рядом со своим кинжалом, он поднял взгляд к потолку, на который единственная свеча бросала странные тени. Да, такое можно совершить, это величайшее принесение себя в жертву. Связать себе ноги, подтянуть за шнур к балке, завязать узел... повиснуть вниз головой. Полоснуть острым как бритва клинком по горлу. Ингри мог выпустить своего волка в горячем алом потоке, положить конец своим мучениям, прямо здесь и сейчас. Избавить себя от всякого осквернения окончательным и бесповоротным отказом подчиниться.

«Я могу отвергнуть тёмную силу»...

Вступив в ещё более непроглядную тьму.

Так что же, его душа, отвергнутая богами, просто тихо истаёт, как, по слухам, случается с разлучёнными с телом, проклятыми призраками? Такая судьба казалась не столь уж ужасной. Или... если он ошибается в цели обряда, превратится ли его растерянный дух под действием этой неизвестной силы в нечто... иное? Нечто невообразимое?

Знает ли об этом Венсел?

Все приманки, которые раскидал молодой граф, все его ухищрения ясно показывали, что Венсел думает об Ингри.

«В его глазах я добыча, и он следит, как я спасаюсь бегством».

Что ж, он мог лишить Венсела этого удовольствия.

Ингри поднялся, провёл рукой вдоль балки, нащупал узкую щель между нею и досками потолка, просунул в неё шнур и снова уселся, глядя на свисающую из теней петлю. Он коснулся шнура, и хотя разум его казался холодным и отстранённым, рука задрожала. Такое количество крови... на полу будет огромная лужа, которую утром придётся вытирать какой-нибудь перепуганной служанке. А может быть, кровь просочится сквозь пол в расположенную этажом ниже комнату? Сообщит о случившемся, капая в темноте, растекаясь по подушке или лицу спящего?

«Что это, гром? Уж не протекает ли крыша?»

Потом высекут огонь, и в ярком свете свечи станет виден алый дождь. Наверное, начнутся крики...

Не расположена ли этажом ниже как раз комната леди Йяды? Ингри прикинул расположение коридоров и двери, в которую ушла дуэнья. Может быть. Какое это имеет значение?

Ингри долго оставался неподвижным, еле дыша, балансируя на острие ночи.

«Нет...»

Кровь Ингри стремилась к Йяде, но не таким образом. Он вспомнил маленькое чудо, которым была её улыбка. Не обычная нервная вежливая гримаса, никогда не достигающая глаз, какой его приветствовало большинство женщин. Да, кажется, Йяда была единственной, кто улыбался ему глазами — без страха, без скрытого отвращения. Даже, пожалуй, с симпатией к человеку, которого она по непонятным причинам находила привлекательным. Его волк был не менее опасен для неё, чем для любой другой женщины из тех, на кого Ингри не смел поднять глаз, кого не смел коснуться; Йяда не была в безопасности... нет, тут дело заключалось в другом. Она была так же опасна для Ингри, как и он для неё.

Эти мысли произвели очень странное действие на сердце Ингри. Он всегда отметал поэтические описания — его сердце не перевернулось, не вывернулось наизнанку, не начало — уж это абсолютно точно — танцевать. Оно продолжало биться у него в груди как обычно, разве что чуть-чуть быстрее. Так почему же он так наслаждался незнакомым и опасным ощущением? Оно не было особенно приятным. Однако то, что Ингри лелеял в темноте своих снов, отличалось от грубой похвалы большинства известных ему мужчин, расписывавших наслаждения от удовлетворённого вожделения; он уже давно заметил это.

Рука Ингри выпустила шнур, пальцы разжались.

«Так если я всё-таки решу не устраивать тебе столь кровавого пробуждения, Йяда, что же дальше?»

Ингри дошёл до конца дороги отрицания; идти по ней дальше, не утонув в собственной крови, он не мог.

«Думаю, у меня есть три варианта выбора».

Увязнуть в кровавой трясине и никогда больше не вынырнуть из неё. Жить в бесчувственной неподвижности, как раньше, — хотя было ясно, что ни течение событий, ни безжалостный Венсел не позволят ему и дальше оставаться в параличе. Или... повернуть и двинуться по неизведанному пути.

«Так что же это всё значит? И не занялся ли мой разум исключительно поэтической чепухой?»

В спальне Ингри было так тихо, что он слышал шум крови в собственных ушах, похожий на дыхание животного.

Не может ли он перестать отвергать себя и отвергнуть взамен мнение других? Ингри попробовал на вкус непривычные фразы: «Нет, вы все ошибаетесь: и жрецы, и королевский двор, и народ на улицах. Вы всегда ошибались. Я не... не...»

«Не что? Неужели я только так и способен мыслить — этими отчаянными отрицаниями?»

Ах, проклятая привычка!

«Если я поверну и пойду по новому пути... Я ведь не знаю, куда он ведёт. Или где закончится. Или кого я там повстречаю».

Эта мысль испугала Ингри больше, чем петля, нож и видение пролитой крови.

«Впрочем, если мне удастся найти более непроглядную тьму, чем та, что уже окружает меня, я очень удивлюсь».

Ингри поднялся, сунул кинжал в ножны и спрятал шнур в седельную сумку, потом разделся и растянулся на постели слуги. Простыни были старыми, протёртыми и заплатанными, но чистыми: только в богатом доме даже слуги могли пользоваться такой роскошью.

«Я не знаю, куда иду, но я так устал находиться там, где я есть!»

После краткого свидания с Венселом на рассвете, посвящённого исключительно практическим вопросам, Ингри и леди Йяда отправились в путь. Гвардейцы Хетвара всё ещё сопровождали их, радуясь тому, что избавились от общества мёртвого принца, дюжины мрачных придворных и багажа. Ингри даже отправил обратно дуэнью-дедиката; её место заняла пожилая служанка дома Хорсриверов, сидевшая теперь за спиной Гески. Маленький отряд выехал из долины Оксмида и в свете рождающегося дня свернул на дорогу, извивающуюся по плодородным полям, составляющим графство Стагхорн.

Следуя примеру Хорсривера, Ингри бесцеремонно пустил коня вперёд, знаком предложив Йяде следовать за собой. Он, конечно, заметил, как прищурился Геска, но пренебрёг этим: лишь бы оказаться подальше от ушей любопытного лейтенанта.

Этим утром Йяда была необычно бледна и молчалива; под её глазами лежали тёмные тени. На поклон Ингри она ответила еле заметной улыбкой. Может быть, она наконец поняла, что впереди её ждёт западня? Теперь, когда слишком поздно...

— Мы не можем по-прежнему блуждать в потёмках, не составив никакого плана действий, — решительно начал Ингри. — Мой план вы отвергли. Можете вы предложить что-нибудь лучшее?

— Бегство — это не то, что я назвала бы планом. — Йяда искоса взглянула на Ингри. — И с каких это пор «я» превратилась в «мы»?

Ингри, сжав губы, промолчал.

«В первый же момент, когда я увидел тебя в замке, да помогут мне пять богов».

— После того, что случилось в комнате на втором этаже гостиницы в Реддайке, — произнёс он вслух.

Йяда примирительно кивнула.

— Есть проблема, которая касается нас обоих, помимо того судебного разбирательства,

которое вас ждёт, дева-кошка, — продолжал Ингри.

— О, это всё связано, лорд-пёс.

Губы Ингри помимо его воли дрогнули. Неужели он и в самом деле настолько редко улыбается, что это ощущение может казаться таким странным?

— Граф Хорсривер обещал сделать что может, чтобы защитить вас. Он сказал мне сегодня утром, что вы должны поселиться в столице в принадлежащем ему доме. Вас будут окружать его слуги. Это лучше, чем какая-нибудь сырая темница, и к тому же своего рода знак. Думаю, что угрожающее вам судилище состоится не сразу. Может быть, у нас есть немного времени.

— Он желает иметь меня под рукой, — задумчиво сказала Йяда.

— По просьбе Венсела хранитель печати Хетвар назначил меня вашим тюремщиком на это время. — Нет нужды говорить девушке, как захватило у него дух при таком неожиданном подарке судьбы. — Судя по письму, которое привёз мне курьер, Хетвар рад, что вы пока не будете привлекать к себе внимание.

Йяда вскинула глаза на Ингри.

— Значит, Венсел желает иметь под рукой нас обоих. Зачем?

— По-моему... — Ингри запнулся и неуверенно продолжал: — По-моему, он сейчас в некоторой растерянности. Так много всего происходит одновременно — и похороны, и горе его жены, а тут ещё болезнь священного короля и — да не допустит этого леди Лета, но такое кажется весьма вероятным — приближающиеся выборы. Биаст и его свита придут в Истхом, и принц наверняка привлечёт зятя к делам своей партии. А под всем этим кроются сверхъестественные секреты Венсела, старые и новые. Если Венселу удастся хоть один кусочек мозаики удержать на месте, пока у него не появится время им заняться, тем лучше. Для него. Что же касается меня, то я не собираюсь оставаться на месте без движения.

— Что вы намерены предпринять?

— Пока у меня есть всего одна идея. Если, как я подозреваю, в Истхеме имеется несколько влиятельных лиц, которые предпочли бы не предавать суд над вами огласке и замять скандал, может быть, она и сработает. Ваши родичи могли бы напомнить о древнем законе кланов и предложить заплатить цену крови.

Йяда втянула воздух и удивлённо подняла брови.

— Неужели храм согласится на то, чтобы его законники не участвовали в таком важном деле?

— Если главы кланов Стагхорн и Баджербанк придут к соглашению, у ордена Отца не останется выбора. Однако у меня есть некоторые сомнения, и первое из них вот какое: король сейчас не в состоянии рассматривать какие-либо предложения. Хетвар даже сомневался: понял ли старик, что Болесо... э-э... погиб. Биаст, когда придёт в столицу, может быть, и был бы готов вести переговоры, но ему будет не до того. В последнее время от суда в Истхеме было трудно добиться чётких решений, и ситуация, пожалуй, ещё ухудшится, прежде чем начнёт исправляться. Однако граф-выборщик Баджербанк — сила, с которой нельзя не считаться. Если его удастся убедить, что ради чести его дома он должен вам помочь, а Венсел поддержит вашу просьбу, то что-нибудь, возможно, и получится.

— Цена крови принца не может быть низкой. Она окажется не по карману моему бедному отчиму.

— Значит, Баджербанк должен будет развязать свой кошелек. Может быть, ему тайком поможет Венсел.

— Вам приходилось встречаться с графом Баджербанком? Не думаю, чтобы у него была репутация щедрого человека.

— Ну... — Ингри заколебался, потом честно ответил: — Да, он скуповат. — Ингри искоса взглянул на девушку, освещённую тёплыми лучами утреннего солнца. — Но если деньги...

— Взятка? — пробормотала Йяда.

— ...найдутся где-нибудь ещё, думаю, будет не так трудно уговорить его действовать

от имени клана. Земли, составляющие ваше приданое, — насколько они велики?

Ответила Йяда со странной сдержанностью:

— Примерно тридцать миль с запада на восток у подножий хребта Ворона и двадцать миль с юга на север — до самого водораздела у границ Кантонов.

Ингри растерянно заморгал.

— Это гораздо больше того, что я раньше понял из ваших слов. Лесные угодья — хороший источник дохода: они могут давать дичь, древесину, уголь, мачтовый лес для флота, может быть, ещё и полезные ископаемые... Вам хватит заплатить за принца, на мой взгляд! Сколько деревень и хуторов на ваших землях, сколько домовладений платят налоги?

— Ни одного. На этих землях никто не живёт, никто там не охотится, никто даже не заезжает туда.

Странное напряжение в голосе Йяды заставило Ингри насторожиться.

— Почему?

Йяда смущённо пожала плечами.

— Это — проклятые земли. Полные призраков шепчущие леса. Израненный лес — вот как они называются. Действительно, деревья там кажутся больными. Всех, кто туда попадает, преследуют видения крови и смерти, как говорят.

— Болтовня, — фыркнул Ингри.

— Я там была, — твёрдо ответила Йяда. — После того как моя мать умерла и наконец выяснилось, что я унаследовала эти земли, я отправилась туда, чтобы всё увидеть самой: я полагала, что имею на это право и что таков мой долг. Лесник не хотел меня туда сопровождать, но я настояла. Грумы моего отчима и моя горничная были в ужасе. Мы целый день ехали в глубь леса, потом остановились на ночлег. Земли так негостеприимны: сплошные ущелья и обрывы, камни и непролазные заросли, мрачные лощины и бурные потоки. В середине находится единственная плоская широкая долина, где растут огромные дубы, которым не одна сотня лет. Это самое мрачное место, проклятое святилище Древнего Вилда. Местные легенды говорят, что та равнина — как раз и есть место последней кровавой битвы, хотя на эту сомнительную честь претендуют ещё два графства у хребта Ворона.

— Многие древние святилища со временем превратились в крестьянские поля.

— Но не это. Той ночью мы там спали, хоть и против воли моего эскорта. И нам снились сны. Грумам привиделось, что их растерзали дикие звери, и они с криками проснулись. Моей горничной приснилось, что она тонет в крови. Утром все рвались поскорее оттуда уехать.

Ингри обдумал слова Йяды... а также её умолчания.

— Но сами вы не спешили покинуть долину?

На этот раз, прежде чем ответить, Йяда колебалась так долго, что Ингри чуть не повторил вопрос, но придержал язык. Его терпение было вознаграждено, когда Йяда наконец прошептала:

— Сны снились всем, но мне потребовалось некоторое время, чтобы понять: моё сновидение отличалось от остальных.

Молчание, напомнил себе Ингри, обладает собственной силой. Он решил подождать ещё. Йяда взглянула на него из-под ресниц, словно оценивая его способность воспринять рассказ о сверхъестественных событиях.

Начала она, по мнению Ингри, издалека.

— Случалось ли вам видеть раздающего милостыню человека, окружённого толпой изголодавшихся нищих? Они выются вокруг него, как ураган, и пусть каждый в отдельности слаб, все вместе они сильны и устрашающи. «Дай нам, дай, ибо мы голодаем!» Только сколько бы вы им ни давали, пока не отдадите всё, что имеете, этого всё равно не будет достаточно; они могут растерзать вас на части и сожрать, но всё равно не насытятся.

Ингри настороженно кивнул, не особенно понимая, к чему клонит Йяда.

— В моём сновидении ко мне из деревьев вышли люди. С окровавленными руками, многие обезглавленные, в ржавых доспехах Древнего Вилда. Некоторые несли символы

тотемов — черепа животных, изукрашенные разноцветными камнями, другие были одеты в шкуры — оленя и медведя, коня и волка, бобра и выдры, кабана и быка. Безликие, расплывчатые, страшно изувеченные... Огромная толпа вопила вокруг меня, как если бы я была их королевой, явившейся раздать какое-то странное богатство. Я не понимала их языка, а их знаки вызывали только растерянность. Я их не боялась, хоть истлевшие руки цеплялись за мою одежду, пока вся она не пропиталась холодной чёрной кровью. Они чего-то от меня хотели, но я никак не могла догадаться, чего именно. Однако я знала, что это им причитается.

— Ужасный сон, — сказал Ингри как можно более ровным голосом.

— Я их не боялась, но они разбили моё сердце.

— Они были так жалки?

— Нет... на самом деле нет. В своём сне я разорвала себе грудь, достала бьющееся сердце и протянула гиганту, которого сочла их предводителем. Он был одним из обезглавленных воинов — его голова в боевом шлеме висела на широком золотом поясе, и он держал древко с туго свёрнутым знаменем. Он низко поклонился мне, положил моё сердце на каменный алтарь и рассёк пополам обломком меча, который сжимал в руке. Половину он с великим почтением вернул мне, а вторую половину поместил на острие древка знамени, и толпа разразилась криками. Я не могла понять, была ли это клятва верности, требование жертвы или выкупа, до тех пор... — Йяда умолкла и сглотнула.

Потом она заговорила снова:

— До тех пор, пока Венсел прошлым вечером не сказал: «Знаменосец». Я почти забыла свой сон под грузом новых бед, но при этих его словах увиденное во сне снова предстало мне — так ярко, что это было похоже на удар. Вы и представить себе не можете, каким чудом мне удалось не упасть в обморок.

— Я... ничего такого не заметил. Вы просто выглядели заинтересованной.

Йяда с облегчением кивнула:

— Это хорошо.

— И что же нового вы в результате поняли в своём сне?

— Я подумала... Я думаю теперь, что той ночью мёртвые воины сделали меня своей знаменосцей. — Правая рука Йяды выпустила поводья и коснулась сердца в священном жесте; Ингри показалось, что пальцы её судорожно сжались. — И ещё я неожиданно вспомнила, что сердце — знак и символ Сына Осени. Сердце — символ мужества. И верности. И любви.

Ингри подумал о том, что начал разговор, имея в виду тонкую политику, намереваясь придумать основательный, разумный, практичный план. Как случилось, что он снова по пояс провалился в трясину сверхъестественного?

— Это был всего лишь сон. Давно ли он вам привиделся?

— Несколько месяцев назад. Мои спутники не могли дождаться, когда же мы вернёмся обратно, и подгоняли коней. А я ехала медленно и всё время оглядывалась назад.

— И что увидели?

— Ничего. — Йяда нахмурила брови, словно вспомнив о боли, которую испытала. — Ничего, кроме деревьев. Остальные боялись тех мест, но моё сердце они влекли. Мне хотелось вернуться — одной, если мой эскорт не пожелает меня сопровождать, и попытаться понять... Но прежде чем мне удалось улизнуть, меня отослали к принцессе, и... — Взгляд Йяды сделался напряжённым. — Но Израненный лес продать нельзя.

— Наверняка найдётся кто-нибудь, кто не слышал этих местных легенд.

Йяда покачала головой.

— Вы не понимаете.

— Разве эти земли майорат?

— Нет.

— Может быть, они заложены?

— Нет! И никогда не будут! Как смогла бы я их выкупить? — Йяда невесело

рассмеялась. — Меня не ожидает выгодный брак; скорее теперь мне вообще не найдётся супруга. Надежд на наследство у меня тоже нет.

— Но если такой ценой можно спасти вашу жизнь, Йяда...

— Вы не понимаете... Да помогут мне пять богов, я и сама не вполне понимаю, но мёртвые воины поручили мне этот лес. Я не могу сложить с себя ответственность, пока... долг не выплачен.

— Долг? Какой платы могут желать призраки? Или просто нечто вам привидевшееся? — раздражённо бросил Ингри.

Йяда огорчённо поморщилась и лёгким движением руки отмела его сомнение.

— Не знаю. Но чего-то они от меня хотели.

— Тогда придётся найти другой способ, — пробормотал Ингри.

«Или вернуться к этому разговору позднее».

Теперь была очередь Йяды бросить на Ингри задумчивый взгляд.

— И каковы же ваши планы насчёт поиска того, кто наложил на вас заклятие?

— Никакого плана у меня нет, — признался Ингри. — Хотя после Реддайка... хм-м... не думаю, чтобы новое заклятие могло быть на меня наложено так, что я ничего не замечу. И не воспротивлюсь. — Смущённый тем, с каким сомнением Йяда подняла брови, Ингри более решительно добавил: — Я намереваюсь быть начеку и не позволю больше себя использовать.

— Мне кажется... вы уверены, что мишенью для нападения была в самом деле я? Может быть, не вы должны были стать орудием моего уничтожения, а я — вашего? Кого вы оскорбили?

От этой неудобной мысли Ингри ещё больше нахмурился.

— Многих. Это моё призвание. Только я всегда полагал, что враг просто пошлёт наёмных убийц.

— Вы думаете, обычный наёмный убийца захочет с вами связываться?

Губы Ингри дрогнули в улыбке.

— Он мог бы назначить более высокую цену.

На губах Йяды тоже промелькнула улыбка.

— Может быть, ваш враг — скряга и не хочет платить целое состояние за убийство воина-волка.

Ингри усмехнулся.

— Боюсь, моя репутация более красочна, чем то может быть доказано с мечом в руке. Противнику нужно было бы послать просто достаточно много солдат или пристрелить меня сзади в темноте. Это не так уж и трудно сделать. Человека, когда он один, убить нетрудно, как бы мы ни хвастались своей ловкостью.

— Действительно... — печально пробормотала Йяда, и Ингри проклял свой болтливый язык. Через некоторое время девушка добавила: — И всё-таки это не бессмысленный вопрос. Что случилось бы с вами, если бы заклятие сработало?

Ингри пожал плечами.

— Я был бы опозорен. Изгнан со службы хранителю печати Хетвару. Может быть, казнён. Правда, если бы мы оба утонули, это сочли бы несчастным случаем. Несколько человек, наверное, порадовались бы, что я избавил их от дилеммы, но ожидать от них благодарности я не стал бы.

— Но одно можно сказать наверняка: как влиятельная сила в столице вы были бы устранены.

— Я не играю в столице никакой роли. Я просто один из довольно странных слуг Хетвара.

— До чего же благородно со стороны Хетвара так вам благодетельствовать.

Ингри только открыл и снова закрыл рот.

— М-м...

— Когда я в первый раз увидела зверя Венсела, я сразу подумала о графе как о

возможном авторе заклатья. Я ещё больше укрепилась в этой мысли, когда Венсел раскрыл свою тайну: он ведь практически прямо сказал, что считает себя шаманом.

«Так вы тоже об этом подумали?»

Йяда, напомнил себе Ингри, не знала Венсела в детстве, когда тот был болезненным вялым ребёнком. Но значит ли это, что она переоценивает — или сам Ингри недооценивает — его кузена?

— Только в этом случае, — продолжала Йяда, — непонятно, как нам обоим было позволено живыми покинуть его дом сегодня.

— Расправа была бы слишком очевидной, — ответил Ингри. — Наёмный убийца бывает единственным свидетелем своего преступления, но заклатье вообще никаких свидетелей не оставляет. Тот, кто его наложил, был то Венсел или нет, стремился к полной тайне. Вероятно... — Ингри нахмурился: его одолевали сомнения.

— Граф никогда не казался мне человеком, рядом с которым приятно находиться, но этот новый Венсел пугает меня до смерти.

— Ну, меня-то нет. — Ингри внезапно замер, вспомнив, как близко он подошёл к смерти от собственной руки всего двенадцать часов назад. Была бы его смерть в доме Венсела такой незаметной, чтобы не вызвать вопросов?

«На этот раз дело было не в заклатье. Я собирался сделать это по собственной воле. После того как Венсел припугнул меня моим волком».

— Что заставило вас так помрачнеть? — спросила Йяда.

— Ничего.

Губы Йяды раздражённо скривились.

— Ну конечно!

После нескольких минут молчания Йяда сказала:

— Мне непременно нужно узнать, что ещё известно Венселу о Кровавом Поле, или, как он называет то место, долине Священного древа, — раз уж он, по его словам, такой знаток Древнего Вилда. Порасспрашивайте его, если — точнее, когда — снова с ним увидите. Но только не рассказывайте ему о моём сне.

Ингри согласно кивнул.

— Приходилось ли вам обсуждать с ним ваше наследство?

— Никогда.

— А с принцессой Фарой?

Йяда поколебалась.

— Только в том смысле, что оно ничего не стоит как приданое.

Ингри побарабанил пальцами по затянутому в кожаный дорожный костюм бедру.

— И всё-таки это был всего лишь сон. Большинство душ должны были быть забраны богами в момент смерти, если поляна в вашем лесу действительно Кровавое Поле или место какого-то другого сражения. Те несчастные, от кого отказались боги, превратились в призраков и растаяли столетия назад — по крайней мере так учили меня жрецы. Четыреста лет — слишком долгий срок для того, чтобы призраки сохранились в неприкосновенности.

— Я видела то, что видела. — Тон Йяды не предполагал объяснений.

— Может быть, именно такое действие на души людей оказывает единение с духами животных. — Ингри, казалось, посетило вдохновение. — Вместо того чтобы истаять, как обычные призраки, они остаются прокляты навеки, обречены на холодную безмолвную пытку. Попадают в западню между миром материи и миром духов. Вся боль смерти остаётся с ними, вся радость жизни исчезает... — От внезапно охватившего его страха Ингри сглотнул.

Взгляд Йяды сделался отсутствующим.

— Надеюсь, что это не так. Те воины были изранены и измучены, но не показались мне мрачными — они, по-моему, находили радость во мне. — В углах глаз Йяды, обращённых на Ингри, собрались морщинки. — Вы только что сказали, что это был всего лишь сон, а теперь поверили в него и видите в нём будущее, на которое обречены. Нельзя идти по этой дороге в

обе стороны сразу, каким бы восхитительно мрачным ни делала вас перспектива беспросветного будущего.

Ингри от изумления только фыркнул, но губы его растянулись в лёгкой улыбке. Он немедленно вернул себе серьёзный вид.

— Так куда же, по-вашему, ведёт дорога?

— Я думаю... — медленно сказала Йяда, — что если бы я смогла вернуться туда, я узнала бы об этом. — Веки Йяды на мгновение опустились, потом она бросила на Ингри оценивающий взгляд. — Мне кажется, что и вы могли бы узнать тоже.

Разговор был прерван появлением на дороге свиты какого-то лорда, торопящегося на траурную церемонию в Оксмид. Ингри знаком велел своим людям отъехать на обочину, высматривая знакомые лица среди встречающих. С некоторыми он обменялся короткими приветствиями. Это были люди графов Боарфордов — братьев-близнецов, путешествующих вместе с супругами в украшенной коврами повозке, подпрыгивающей на рытвинах. Почти сразу за этим отрядом Ингри пришлось уступить дорогу процессии жрецов — дедикатов и настоятелей, богато разодетых и едущих на породистых конях.

Когда порядок восстановился, обнаружилось, что Геска следует вплотную за Ингри, глядя на него с мрачным подозрением. Ингри дал коню шпоры, и дальше путешественники скакали галопом.

Глава 10

День уже клонился к концу, когда Ингри и его спутники перевалили через низкие холмы к северо-востоку от столицы. Их взгляду открылся город и раскинувшаяся за ним к югу широкая равнина. Река Сторк серебрилась в лучах заходящего солнца, огибая подножие городской цитадели; дальше её извилистое русло скрывал осенний туман. По воде деловито сновали купеческие корабли — некоторые направлялись вниз по течению к холодному морю в восьмидесяти милях от столицы, другие везли товары с побережья в Истхом. Йяда привстала на стременах и стала разглядывать открывшийся вид.

Ингри всмотрелся в её лицо: Йяда казалась наполовину зачарованной, наполовину настороженной. Истхом, вероятно, был самым большим городом, который ей приходилось видеть, пусть дюжина провинциальных дартаканских городов и превосходила его размером, а уж столица Дартаки была больше Истхома раз в шесть.

— Столица делится на две половины — Храмовый город и Королевский город, — объяснил Ингри. — В верхней части, вон на тех скалах, расположен храм, резиденция верховного настоятеля и дворцы всех священных орденов. На берегу реки, в нижней части города, размещаются склады, жилища купцов, а вон там, за стеной, — верфи; там же в Сторк выходят трубы канализации. Резиденция священного короля и дворцы знати находятся в противоположном от причалов конце Королевского города. — Рука Ингри указывала на те части столицы, о которых он говорил. — В старые времена Истхом состоял из двух деревень, принадлежавших двум разным племенам. Они враждовали и сражались друг с другом, пока ручей, разделявший деревни, не заполнился кровью. Говорят, только внук Аудара, захватив эти земли и превратив Истхом в свой западный оплот, уничтожил все различия и застроил город новыми каменными зданиями. Теперь ручей почти нельзя разглядеть из-за окружающих его домов, да никто и не подумает умирать ради этой сточной канавы. Мне эту историю рассказал Хетвар; он считает её весьма нравоучительной, только я не очень уверен, какую он из неё извлекает мораль.

Отряд направился к восточным воротам столицы, ведущим в Королевский город. Местные каменщики отличались редким искусством, и вдоль извилистых улиц высились дома из золотистого камня; стёкла окон блестели из глубоких проёмов. Крыши из красной черепицы сменили дранку или всегда готовую вспыхнуть солому: раньше пожары чаще уничтожали поселения-близнецы, чем войны. Городские стены были хорошо укреплены, хотя городские дома, теснившиеся внутри, начали уже выплёскиваться за их пределы, делая

грозные укрепления довольно бессмысленными.

Наконец Ингри, Йяда и их эскорт свернули в узкую извилистую улицу в торговом квартале и спешили перед небольшим каменным домом в ряду таких же строений, примыкавших друг к другу, хотя явно выстроенных в разное время и разными мастерами. Ингри подумал, что граф Хорсривер, должно быть, владеет всеми домами на улице — эта ценная собственность скорее всего досталась ему как приданое принцессы Фары. Дом не был ни так велик, ни так богат, как тот, где они останавливались в Оксмиде, но выглядел достаточно удобным, тихим и уединённым.

Ингри спешил и передал коней — своего и Йяды — людям Гески.

— Передай милорду Хетвару, что я явлюсь к нему, как только удостоверюсь в должном присмотре за пленницей. И пришли сюда моего слугу Теско, если обнаружишь его достаточно трезвым. Пусть он захватит те вещи, которые мне понадобятся на ближайшие несколько дней, — в первую очередь чистую одежду. — Ингри поморщился: все кости у него болели, шов на голове чесался, сводя его с ума, дорожная кожаная одежда пропахла конским потом и была покрыта грязью. Леди Йяда, которая, стягивая перчатки, осматривалась вокруг, выглядела такой же свежей и элегантной, какой была утром.

Привратник распахнул перед ними дверь; служанка, выполнявшая роль дуэньи, вдвоём с горничной проводила Йяду в отведённую для неё комнату, а мальчик-слуга следом отнёс туда их багаж. Ингри опустил на пол седельные сумки и обвёл взглядом узкий холл.

Привратник неуклюже поклонился ему.

— Мальчик сейчас вернётся и проводит вас в вашу комнату, милорд.

— Это не к спеху, — хмыкнул Ингри. — Если мне предстоит нести ответственность за содержание здесь пленницы, мне лучше всё тут осмотреть. — Он двинулся к ближайшей двери.

Дом имел достаточно простую планировку. На первом этаже находились кладовые, кухня и каморка, где жили повариха и судомойка, столовая, гостиная и закуток под лестницей, в котором ютился привратник. Ингри выглянул в единственную ведущую наружу дверь: за ней виднелся огороженный со всех сторон двор с колодцем. На втором этаже оказались две спальни и комната, предназначенная для хозяйского кабинета. Поднявшись на площадку следующего этажа, Ингри за одной из дверей слышал женские голоса — там были покои, отведённые Йяде. Самый верхний этаж занимали помещения для слуг.

Спустившись вниз, Ингри обнаружил, что мальчик-слуга тащит его седельные сумки в одну из спален на втором этаже. Мебели там было мало — узкая кровать, умывальник, единственное кресло и покосившийся гардероб. Ингри усомнился в том, что в доме кто-то жил до того, как гонец, посланный графом Хорсривером, явился сюда прошлой ночью с распоряжениями. Лёгкие шаги и скрип кровати этажом выше сказали Ингри, что комната леди Йяды находится прямо над его спальней. Такая близость была и обнадеживающей, и смущающей. Услышав на лестнице шаги, Ингри распахнул дверь.

Йяда как раз подняла руку, чтобы постучаться к нему. В другой руке она держала немного помятое письмо просвещённой Халланы. Позади девушки виднелась дуэнья — шпионка Венсела? — с подозрением поглядывавшая на свою подопечную.

— Лорд Ингри, — проговорила Йяда, вернувшись к формальному тону, — просвещённая Халлана поручила вам доставить это письмо. Вы это сделаете? — Её пристальный взгляд безмолвно напомнил Ингри о словах волшебницы: «Тому, кому оно адресовано, и никому другому».

Ингри взял письмо и взглянул на нацарапанное на нём имя.

— Вы знаете, кто это, — он вгляделся пристальнее, — просвещённый Льюко?

— Нет. Но если Халлана доверяет ему, он должен быть надёжным человеком и обладать острым умом.

«Разве это что-то доказывает? Халлана и мне доверяла».

Служитель храма, и умный, и порядочный, может оказаться врагом для осквернённых древней магией...

Ингри по-прежнему было до смерти любопытно узнать, что сообщает о нём и о странных событиях в Реддайке Халлана. Единственным способом выяснить всё это, не вскрывая письма самому, было присутствовать при том, как его вскрыет адресат. И если он доставит послание по пути во дворец Хетвара, он избежит необходимости скрывать его существование или лгать своему господину, а Хетвар не сможет потребовать у него письмо. Если хранитель печати будет недоволен, Ингри сможет притвориться, будто не сомневается: добросовестное выполнение поручения — именно то, чего ожидал бы Хетвар от своего верного помощника.

— Да. Я передам письмо.

Йяда закивала, и Ингри подумал: не прочла ли она эти его мысли по глазам. А может быть, девушка так же пронизательно судила о людях, как и Халлана...

— Не выходите из дома, — добавил Ингри. — Так лучше для вашей безопасности. И закройте дверь своей комнаты тоже. Полагаю, что все удобства, которые может предоставить этот дом, в вашем распоряжении. — Ингри бросил взгляд на стоящую позади Йяды дуэнью, и та почтительно поклонилась, подтверждая его слова. — Я не знаю, что потребует от меня лорд Хетвар, так что ужинайте без меня, когда пожелаете. Я вернусь, как только смогу.

Ингри сунул письмо за пазуху, вежливо поклонился Йяде и спустился по лестнице. Ему хотелось вымыться, надеть чистую одежду и поесть, но все эти приятные вещи приходилось отложить.

Поручив привратнику передать распоряжения своему слуге на случай, если Теско появится до его возвращения, Ингри вышел из дома.

Знакомые запахи и звуки странно приободрили его. Ингри шёл по извилистым мощённым булыжником улицам, потом пересёк полусасыпанный ручей и стал взбираться по крутой лестнице, ведущей в Храмовый город. После двух крутых поворотов он, запыхавшись, оказался перед воротами в башне и через них вошёл в верхнюю часть города. В тёмном углу у маленькой часовни, в которой прохожие оставляли подношения, чтобы обеспечить безопасность столицы, мерцало несколько свечей, и Ингри задумчиво сделал священный знак Пятёрки. Выйдя снова на вечерний свет, Ингри свернул направо.

Ещё через несколько минут он вышел на площадь перед храмом, миновал колонны портика и оказался на священной территории.

Двор был открыт свету небес, и посередине его на плитах очага ровно горел священный огонь. Сквозь арку, ведущую в один из пяти увенчанных огромными куполами приделов храма, Ингри увидел приготовления к какой-то церемонии — по-видимому, похоронам: перед алтарём Отца стоял катафалк, окружённый скорбящими родственниками. Ещё несколько дней, и вокруг тела принца Болесо тоже будут проводиться те же обряды.

Служители храма выводили во двор священных животных, которым предстояло совершить своё маленькое чудо — сообщить о том, кто из богов готов забрать душу усопшего. Каждого зверя служитель в одеждах соответствующего цвета должен был подвести к катафалку, а жрец по поведению животного решить, в чьи руки попадает ожидающая решения душа. От этого зависели не только молитвы плакальчиков, но и более материальные вещи — на какой алтарь попадут и соответственно какому ордену достанутся приношения родственников покойного. Ингри был бы склонен смотреть на обряд с цинизмом, если бы не то обстоятельство, что ему не раз приходилось видеть, каким неожиданным для всех участников оказывался результат божественного выбора.

Женщина в зелёном одеянии ордена Матери принесла большого зелёного попугая, который, сидя у неё на плече, издавал встревоженные крики. Молодая служительница в голубых цветах леди Весны крепко прижимала к себе сойку, а лохматый серый пёс лежал у ног пожилого жреца Отца. Парень в красно-коричневой мантии ордена Сына привёл брыкающегося рыжего жеребёнка, шкура которого отливала медью, а белки выкаченных глаз сверкали в отблесках огня. Животное фыркало и вырывалось, едва не сбивая с ног служителя, и Ингри, осмотревшись, понял причину этого.

Следом за остальными во двор медленно вышел огромный белый медведь — высотой

не уступающий пони, а в ширину вдвое его превосходящий. Глаза-щёлки медведя имели цвет замёрзшей мочи и отличались примерно такой же выразительностью. От ошейника животного тянулась длинная толстая серебряная цепочка, и конец её держал служитель в белых одеждах Бастарда. Молодой человек явно с трудом сдерживал страх и постоянно переводил взгляд с медведя на идущего рядом мужчину огромного роста, бормочущего какие-то успокоительные слова.

Этот гигант производил не меньшее впечатление, чем медведь. Он был не только высок, но и широкоплеч, а густые рыжие волосы, завязанные в хвост, падали ему на спину, еле удерживаемые массивными серебряными пряжками — такими же массивными, как позвякивающие на руках браслеты. Блестящие голубые глаза смотрели на окружающих с дружелюбным смущением, и Ингри затруднился бы сказать, отражается ли в этих глазах сообразительность или тупость. Одежда великана — камзол, штаны и развевающийся плащ — была скроена просто, но окрашена в ослепительно яркие цвета и расшита замысловатыми узорами. На огромных сапогах сверкали серебряные накладки, а рукоять длинного меча украшали грубо огранённые драгоценные камни. В ножнах на поясе висел не кинжал, а топор, тоже с рукоятью в драгоценных камнях; лезвие его выглядело острым как бритва.

Темноволосый человек в такой же, хоть и менее яркой, одежде прислонился к колонне, сложив на груди руки; он тоже был высоким, хоть и на голову ниже своего спутника. На происходящее он смотрел с выражением глубочайшего сомнения, не обращая никакого внимания на умоляющие взгляды, которые бросали на него храмовые служители.

Ингри отвернулся от занятой сцены и переключил внимание на женщину в белой мантии Бастарда; на плече её виднелись шнуры жрицы, а руки были полны свежевystиранного белья: женщина явно спешила по какому-то хозяйственному делу. Ингри еле успел ухватить её за рукав, прежде чем жрица скрылась в ведущем куда-то в глубь храма проходе. Жрица неохотно остановилась и недовольно взглянула на Ингри.

— Простите меня, просвещённая. Я привёз письмо для просвещённого Льюко и должен вручить его ему в собственные руки.

Выражение лица жрицы тут же сделалось если не более дружелюбным, то, во всяком случае, весьма заинтересованным. Она оглядела Ингри с ног до головы, и он подумал, что сейчас вполне похож на усталого после долгой дороги гонца.

— Тогда идите за мной, — сказала жрица и резко развернулась, направившись туда, откуда пришла. Хоть ноги у Ингри и были длинными, ему пришлось приложить немалые усилия, чтобы не отстать.

Женщина провела Ингри через незаметную боковую дверь на лестницу, ведущую ко дворцу верховного настоятеля; по узкому извилистому проходу они вышли к длинному двухэтажному каменному зданию. Войдя в него и поднявшись по ещё одной лестнице, они попали в путаницу коридоров, и Ингри порадовался, что жрица не ограничилась указаниями, а решила его проводить. Они миновали несколько хорошо освещённых комнат, где трудились писцы, судя по склонённым головам и скрипу перьев.

Дойдя наконец до нужной двери, жрица постучала в неё. Спокойный мужской голос откликнулся:

— Войдите!

За дверью оказалась узенькая комнатка; впрочем, возможно, она казалась узкой из-за обилия заполняющих её вещей. Вдоль стен тянулись забитые книгами полки; книги лежали и на столах, вперемешку с бумагами и множеством самых разнообразных предметов. В углу на подставке виднелось седло.

Человек, сидевший в кресле у окна за одним из столов, оторвался от бумаг, которые просматривал, и вопросительно поднял брови. Он тоже был одет в белые одежды ордена Бастарда, однако его мантия выглядела поношенной, а на плече отсутствовали говорящие о ранге шнуры. Пожилой жрец был худым и высоким, с коротко остриженными седыми волосами. Ингри принял бы его за клерка или секретаря какого-нибудь вельможи, если бы не то почтение, с которым служительница Бастарда склонилась перед ним.

— Просвещённый, этот человек привёз для вас письмо. — Она взглянула на Ингри. — Как ваше имя, сэр?

— Ингри кин Волфклиф.

Женщине его имя явно ничего не сказало, но брови человека за столом поднялись ещё выше.

— Спасибо, Марда, — сказал он, вежливо отпуская жрицу. Та снова почтительно поклонилась и вышла, закрыв за собой дверь.

— Просвещённая Халлана поручила мне доставить вам это письмо, — сказал Ингри, делая шаг к столу и протягивая конверт.

Просвещённый Льюко отложил свои бумаги и резко выпрямился.

— Халлана! Надеюсь, с ней ничего не случилось?

— Нет... то есть с ней было всё в порядке, когда я её видел в последний раз.

Льюко настороженно взглянул на письмо.

— Дело... сложное?

Ингри помедлил, прежде чем ответить.

— Халлана не показывала мне письма. Но я думаю, что сложное.

Льюко вздохнул.

— Ну, всё-таки это не ещё один белый медведь... Не думаю, чтобы Халлана подарила мне белого медведя. Вернее, надеюсь...

Ингри на мгновение забыл о цели своего прихода.

— Я видел белого медведя во дворе храма. Он... э-э... производит большое впечатление.

— Он совершенно устрашающий, на мой взгляд. Грумы просто рыдали. Да помилует нас Бастард, неужели они в самом деле собираются использовать его во время похорон?

— Именно так это выглядело.

— Нам следовало просто поблагодарить князя и отправить медведя в зверинец. Куда-нибудь подальше от столицы.

— Как он здесь оказался?

— В качестве сюрприза. Его привезли на лодке.

— Какого же размера должна быть для этого лодка!

Льюко улыбнулся изумлению Ингри и сразу стал выглядеть на несколько лет моложе.

— Я её вчера видел: она привязана у причала ниже по течению. Совсем не такая большая, как можно было бы ожидать. — Льюко провёл рукой по волосам. — Что касается медведя, то это дар, а может быть, взятка. Его привёз этот рыжеволосый великан с какого-то острова в холодном южном море — то ли князь, то ли пират, кто его разберёт. Князь Джокол, которого его преданная команда ласково называет Джокол Раскалыватель Черепов, как мне говорили. Я полагал, что белого медведя нельзя приручить, но этот князь растил своего любимца с тех пор, когда тот был крошечным медвежонком, — что делает его дар, пожалуй, ещё более ценным. Страшно представить, что за путешествие они проделали — те моря знамениты своими штормами. Подозреваю, что этот князь совершенно безумен. Как бы то ни было, на содержание медведя он пожертвовал храму несколько больших слитков чистого серебра — что, похоже, и лишило зрителя храмового зверинца решимости отказаться от такого дара. Или взятки.

— Взятки ради чего?

— Раскалыватель Черепов желает увезти на свой обледенелый остров вместо белого медведя священнослужителя-квинтарианца. Каждый жрец должен быть горд и счастлив совершить такой подвиг ради веры. Храм объявил, что добровольцы могут прибыть в столицу. Об этом объявляли дважды... Если никто не объявится ко времени отплытия князя, придётся принимать меры — возможно, вытаскивать подвижника из-под кровати. — На лице Льюко снова промелькнула улыбка. — Я могу позволить себе посмеиваться: меня-то не пошлют. Ну ладно... — Льюко снова вздохнул, придвинул к себе письмо — так, чтобы восковая печать оказалась сверху — и низко склонился над ним.

Веселье покинуло Ингри, он снова насторожился. Его кровь — *та самая* кровь, — казалось, быстрее побежала по жилам. Льюко не носил на плече шнура волшебника, от него не пахло демоном... и тем не менее храмовые волшебники перед ним отчитывались... обращались к нему с самыми сложными своими проблемами...

Льюко положил руку на печать и на мгновение закрыл глаза. Что-то словно вспыхнуло вокруг него; Ингри ничего не увидел и ничего не учуял, но волосы у него на голове зашевелились. Он почувствовал что-то похожее на тот мучительный трепет, который ощутил однажды в прошлом; тогда источник был гораздо мощнее, но восприимчивость Ингри — слабее. В конце своего бесплодного паломничества в Дартаку, в присутствии сухонького, сгорбленного, усталого, совершенно обыкновенного с виду человека, который спокойно сидел перед Ингри, а через него мира материи касался бог...

«Льюко не волшебник, он святой, по крайней мере отмеченный богом».

И он знает, кто такой Ингри; похоже, он живёт здесь в храме уже давно, судя по состоянию его кабинета, а Ингри никогда раньше его не видел... или не замечал. Определённо, Льюко не бывал среди тех настоятелей, которые являлись к хранителю печати или в королевский дворец: помнить их всех входило в обязанности Ингри.

Льюко поднял глаза; теперь в них уже не было заметно веселья.

— Вы служите хранителю печати Хетвару, не так ли? — мягко поинтересовался он.

Ингри кивнул.

— Это письмо было вскрыто.

— Но не мной, просвещённый.

— Кем же?

Ингри лихорадочно думал. Письмо попало от Халланы к Йяде, потом к нему... Йяда? Наверняка нет. Оставляла ли его где-нибудь Йяда, вынимала ли из кармана своей амазонки? Она была в этой одежде всё время, за исключением... за исключением того ужина с графом Хорсривером. А Венсел выходил из-за стола, чтобы ознакомиться со срочным сообщением... ну да! Графу ничего не стоило заставить дуэнью позволить ему порыться в вещах пленницы, но неужели Венсел рассчитывал, что какой-то шаманский трюк позволит ему провести волшебника?

«Но ведь Льюко не волшебник... или всё-таки волшебник?»

— Без доказательств любое моё предположение может оказаться клеветой, просвещённый, — уклончиво ответил Ингри.

Взгляд Льюко стал пугающе пронзительным, и Ингри испытал облегчение, когда внимание жреца снова переключилось на письмо.

— Что ж, посмотрим, — пробормотал Льюко и вскрыл письмо, сломав печать.

Несколько минут он внимательно читал послание, потом потряс головой и поднялся, чтобы наклониться ближе к окну. Дважды он переворачивал исписанный лист вверх ногами, а один раз, искоса взглянув на Ингри, поинтересовался:

— Говорит ли вам что-нибудь фраза «разорвал свой цеп»?

— Э-э... может быть, «цепи»?

— Ах, конечно! — обрадовался Льюко. — Так гораздо понятнее. — Он стал читать дальше. — А может быть, и нет...

Он дочитал до конца, нахмурился и начал читать письмо заново, рассеянно махнув рукой куда-то в угол:

— По-моему, где-то там есть складной стул. Присядьте, лорд Ингри.

К тому времени, когда Ингри разыскал стул, разложил его и уселся, Льюко оторвался от письма.

— Жаль мне того шпиона, которому пришлось расшифровывать это, — с сочувствием сказал он.

— Халлана пользовалась шифром?

— Нет. Просто такой у неё почерк. Да ещё, как я понимаю, писала она в спешке. Нужна привычка — а уж у меня она есть, — чтобы всё это разобрать. Что ж, мне случалось тратить

силы, получая за труды меньшую награду. Не от Халланы — она всегда пишет о важных вещах, это один из её не слишком удобных для окружающих талантов. Её ласковая улыбка прячет священное неистовство. И безжалостность. Спасибо Отцу за смягчающее влияние Освина... хоть оно и невелико.

— Вы хорошо её знаете? — поинтересовался Ингри.

«И знаете ли, почему этот образец добродетели пишет именно вам из всех служителей храма в Истхеме?»

Льюко свернул письмо и постучал им по столу.

— Я был назначен её наставником, много лет назад, когда она так неожиданно сделалась волшебницей.

Но ведь учить волшебника может только другой волшебник. Значит... Как прыгающий по воде камешек, ум Ингри скользнул мимо двух настойчивых вопросов и остановился на третьем:

— Как может человек сделаться бывшим волшебником? И не пострадать при этом? — Ингри помнил, что в обязанности того дартаканского святого входило лишать силы незаконных волшебников, которые, как говорили, отчаянно сопротивлялись этой процедуре. Льюко совсем не походил на такого ренегата.

— Есть способ отказаться от подобного дара. — На лице Льюко было написано наполовину сожаление, наполовину радость. — Если человек своевременно решит проделать всё необходимое.

— Разве это не мучительно?

— Я не говорил, что дело лёгкое. — Голос Льюко стал ещё тише. — На самом деле тут требуется чудо.

Так что же представляет собой этот человек?

— Я уже четыре года служу в Истхеме. Удивительно, что наши пути ни разу до сих пор не пересекались.

— Но это не так. В определённом смысле... Я очень хорошо знаком с вашим делом, лорд Ингри.

Ингри напрягся: ведь Льюко недаром выбрал такое слово — «дело».

— Вы были тем храмовым волшебником, которого посылали на расследование в Бирчгров? — Ингри нахмурился. — Мои воспоминания о том времени перепутаны и отрывочны, и вас я не помню.

— Нет, то был другой человек. Моё участие заключалось в другом. Храмовый следователь привёз мне из замка пепел, чтобы я восстановил записку с признанием.

Ингри нахмурил брови.

— Разве это не такая задача, которую просвещённая Халлана назвала бы слишком крутой для храмовой магии? Разве по силам кому-нибудь восстановить порядок из хаоса?

— Ну, в определённой мере... Увы, месяц работы и, возможно, год моего служения — и, как выяснилось, ради совершенной малости. Я был в ярости. Что вы помните о просвещённом Камриле? Молодом священнослужителе, которого совратил ваш отец?

Ингри напрягся ещё больше.

— После знакомства, которое длилось в течение часа за ужином и ещё четверти часа во время обряда... не слишком много. Всё внимание Камрила было поглощено моим отцом. Я для него был незначительным добавлением. И откуда вы, в конце концов, знаете, кто кого совратил? — язвительно заключил Ингри.

— Это-то было ясно. Менее ясно — как удалось уговорить Камрила. Он согласился не за деньги и, думаю, не потому, что ему угрожали. Была какая-то причина — Камрил, наверное, думал, будто совершает доброе дело, чуть ли не героическое, но что-то получилось ужасно неправильно.

— Как вы можете судить о том, что было у него на сердце, раз вы даже не знаете, о чём он думал?

— Ну, об этом мне гадать не пришлось — всё было написано в его письме. Как только

мне удалось его восстановить... Три страницы, кричавшие о горе, вине, раскаянии. И ни единого факта, о которых мы бы уже не знали, — поморщился Льюко.

— Если Камрил написал признание, то кто его сжёт? — спросил Ингри.

— Об этом я могу только гадать. — Льюко откинулся в кресле, пронизательно глядя на Ингри. — И всё же я уверен в своей догадке больше, чем во многих вещах, в отношении которых имеются неопровержимые свидетельства. Известна ли вам разница между волшебником, который повелевает своим демоном, и волшебником, который находится у него в подчинении?

— Халлана говорила о чём-то подобном. Мне это показалось ужасно сложным.

— Изнутри-то нет. Разница очень проста. Пропасть между человеком, который пользуется силой в своих целях, и силой, которая использует в своих целях человека... иногда не шире муравьиного шага. Я знаю, я сам однажды подошёл опасно близко к этой пропасти. Я уверен: после несчастья, погубившего вашего отца, а вас... вас сделавшего тем, чем вы стали, власть над Камрилом захватил демон. То ли волшебника ослабило отчаяние, то ли с самого начала демон был сильнее — этого теперь никто не узнает, но в глубине души я уверен: последним, что сделал Камрил, было написанное им признание, а первое, что сделал демон, захватив власть, — это сжёт его.

Ингри раскрыл рот, потом закрыл его. Он уже давно отвёл Камрилу роль предателя, и теперь ему неприятно было осознать, что молодой волшебник, в свою очередь, мог оказаться каким-то странным образом предан.

— Так что, видите ли, — мягко продолжал Льюко, — судьба Камрила занимает меня... более того, не даёт мне покоя. Боюсь, что не могу, увидев вас, не вспомнить о ней.

— Не удалось ли служителям храма узнать, жив Камрил или мёртв?

— Нет. Было одно сообщение о незаконном волшебнике в Кантонах лет пять назад, которым мог оказаться Камрил, но след его оказался потерян.

Ингри начал произносить вопрос: «Кто...», но передумал и спросил:

— Что вы такое?

Льюко развёл руками:

— Теперь всего лишь простой храмовый надзиратель.

«Надзиратель над кем?»

Может быть, над всеми храмовыми волшебниками Вилда? «Всего лишь» и «простой» казались совсем не подходящими к данной ситуации словами.

«Этот человек может быть для меня очень опасен, — напомнил себе Ингри. — Он уже знает слишком много».

И, к несчастью, узнает ещё больше... Льюко снова взглянул на письмо и начал задавать Ингри вопросы о том, что произошло в Реддайке. Удивляться тут было нечему, да Ингри и не сомневался: большая часть событий описана Халланой.

Ингри обо всём рассказал — честно и подробно, но так немногословно, как только мог. Беда заключалась как раз в деталях, каждая новая фраза была чревата новыми вопросами. Однако сжатый отчёт Ингри как будто удовлетворил священнослужителя; по крайней мере то, как освободился волк Ингри, Льюко обсуждать не стал.

— Кто, по-вашему, наложил на вас это заклятие, создал эту странную алую тварь, лорд Ингри?

— Я очень хотел бы это знать.

— Что ж, теперь это хотим узнать мы оба.

— Я рад, — сказал Ингри и, к своему удивлению, обнаружил, что так оно и есть.

Затем Льюко спросил:

— Что вы думаете насчёт леди Йяды?

Ингри сглотнул; его разум походил на птицу, которую подстрелили в полёте.

«Он спрашивает, что я думаю о ней, а не что чувствую», — твёрдо напомнил себе Ингри.

— Она, несомненно, проломила Болесо голову. И он, несомненно, этого заслуживал. —

За этой краткой эпитафией последовало молчание, показавшееся Ингри бесконечным. Может быть, Льюко тоже знает, каким полезным инструментом может оказаться молчание? — Милорд Хетвар не желает скандала в связи со смертью принца, — добавил Ингри. — Думаю, что возможные последствия нравятся ему даже меньше, чем вам. — Льюко продолжал молчать. — В Йяде теперь живёт дух леопарда. Он... прекрасен. — «О пятеро богов, я должен сказать что-нибудь Йяде в защиту...» — Думаю, что она более осенена богом, чем о том догадывается.

На это ответ последовал. Льюко выпрямился в кресле, его взгляд стал холодным и пронизывающим.

— Откуда вы это знаете?

Вызов, прозвучавший в словах священнослужителя, заставил Ингри вздёрнуть подбородок.

— Оттуда же, откуда я знаю это про вас, благословенный. Я чувствую это в своей крови.

Искра, пролетевшая между ними, показала Ингри, что он вступил на запретную территорию. Однако Льюко откинулся на спинку кресла и сложил руки домиком.

— В самом деле?

— Я же не полный идиот, просвещённый.

— Я думаю, что вы далеко не идиот, лорд Ингри. — Льюко постучал пальцем по письму, отвёл глаза, потом снова взглянул на Ингри. — Да, думаю, мне следует выполнить категорическое требование моей Халланы и обследовать эту девицу. Где её содержат?

— Её скорее разместили, чем содержат — пока что. — Ингри описал Льюко дом в купеческом квартале.

— Когда ей будет предъявлено обвинение?

— Думаю, что после похорон Болесо — они состоятся совсем уже скоро. Я буду знать больше после того, как поговорю с хранителем печати Хетваром. Именно к нему я и обязан явиться, покинув вас. — Ингри надеялся, что Льюко поймёт намёк. Да, ему необходимо уйти отсюда, пока вопросы священнослужителя не сделались слишком неудобными... Ингри поднялся.

— Постараюсь побывать у леди Йяды завтра, — сказал Льюко, тоже поднимаясь.

Ингри удалось заставить себя быть любезным.

— Благодарю. Буду вас ждать. — Поклонившись, он вышел из комнаты, горячо надеясь, что не кажется улепётывающим, как кролик.

Закрыв за собой дверь, Ингри тяжело перевёл дух. Был ли этот Льюко потенциальным союзником или потенциальным врагом? Ингри вспомнил прощальное напутствие Венсела: «Если дорожишь жизнью, храни и свои, и мои секреты». Было ли это угрозой или предостережением?

По крайней мере ему в разговоре с Льюко удалось избежать всяких упоминаний о графе Хорсривере. В письме о Венселе не могло идти речи — его появление осложнило жизнь Ингри уже после расставания с Халланой, благодарение богам. Но что будет завтра? Что будет через полчаса, когда Ингри в своей дорожной одежде предстанет перед Хетваром, чтобы доложить о своём путешествии и всех происшествиях?

Хорсривер. Халлана. Геска. А теперь ещё и Льюко. Хетвар. Ингри почувствовал, что начинает путаться в том, кому из них что сообщал.

Сориентировавшись, Ингри вернулся к тому проходу, что вёл во двор храма, стараясь, чтобы шаги его звучали уверенно.

Только тогда до него дошло, что, доставив письмо Халланы Льюко, он также — без всякой помощи заклатья, — возможно, выполнил волю своего неведомого врага.

Глава 11

Как раз когда Ингри вошёл в проход, ведущий во двор храма, до него донеслись

отчаянные крики. Ингри ускорил шаги — сначала из любопытства, потом в панике: крики сменились визгом. Всюду звучали испуганные голоса. Когда Ингри выбежал в центральный двор, рука его сжимала рукоять меча; он завертел головой, высматривая источник переполоха.

Из арки, ведущей к алтарю Отца, выплеснулась странная толпа. Впереди всех бежал огромный белый медведь, стиснув зубами ногу покойника — старика в одеждах богатого торговца. Закостенелый труп подскакивал и дёргался, как огромная кукла, когда медведь с рычанием мотал головой. Вцепившись в конец серебряной цепи, за ним бежал, спотыкаясь, аколит Отца. Те родичи усопшего, что были посмелее, высыпали следом, выкрикивая советы и требования.

Перепуганный аколит, что-то бормоча срывающимся голосом, попробовал приблизиться к зверю, дёрнул за цепь, ухватил руку трупа и потянул на себя. Медведь встал на дыбы, и огромная лапа нанесла удар. Аколит с визгом отлетел назад, прижимая руку к окровавленному боку.

Ингри обнажил меч и кинулся вперёд, резко затормозив перед разъярённым зверем. Краем глаза он заметил князя Джокола, вырывающегося из рук пытающегося удержать его спутника.

— Нет, нет, — кричал рыжеволосый гигант голосом, в котором звучала мука, — Фафа просто решил, что ему дали еду. Ах, не причиняйте ему вреда!

Говоря «ему», как, изумлённо моргнув, понял Ингри, Джокол имел в виду медведя...

Медведь выпустил добычу и снова поднялся на задние лапы. Он поднимался всё выше... выше... выше... Ингри пришлось запрокинуть голову, чтобы расширившимися глазами охватить нависающее над ним чудовище — разинутую пасть, массивные плечи, могучие растопыренные лапы со страшными жёлтыми когтями...

Всякое движение вокруг для Ингри замедлилось. В нём вспыхнуло другое восприятие — в чёрной ярости в его помутившийся разум ворвался волк. Крики во дворе храма превратились в далёкий рокот. Меч в руке стал невесомым, его остриё поднялось и описало зловещую сверкающую дугу. Взгляд Ингри наметил путь стали — в сердце медведя и обратно, прежде чем зверь даже заметит это движение, завязнув в другом, более медленном течении времени.

Именно в этот момент Ингри скорее ощутил, чем увидел вспыхнувшее вокруг медведя еле заметное сияние бога — как если бы в темноте погладили кошку, и от её шкурки полетели искры. Красота этого сияния поразила Ингри. Его обострившиеся чувства сделали отчаянное усилие в безнадёжной попытке сохранить тающее видение бога, и неожиданно разум Ингри переселился в медведя.

Он увидел свою внезапно укоротившуюся фигуру — двойной образ человека в кожаной одежде с мечом в руке и огромного, тёмного, яростного волка с серебристым мехом, в ореоле яркого света. Так же как сердце Ингри рванулось вслед за сиянием бога, чувства ошарашенного медведя потянулись к Ингри, и на мгновение тройственный круг замкнулся.

Смеющийся голос бога прошептал: «Как я посмотрю, у зверёныша Брата шкурка стала погуще. Это хорошо. Пожалуйста, продолжайте...» Разум Ингри словно взорвался под давлением этих слов, услышанных не ушами, а каким-то иным способом.

На мгновение медведь замер, и его воспоминания хлынули в Ингри. Направляющаяся к алтарю Отца процессия, все эти животные вокруг... Смердящий страх аколита... но и успокоительный знакомый запах хозяина, дающий опору в этом непонятном мире камня. Надоедливые голоса... Смутное ощущение движения, остановка... да, его недавно кормили, и он позволил вывести себя сюда... А потом медвежье сердце возрадовалось, ощутив всеобъемлющее присутствие бога. Зверь со счастливой уверенностью двинулся к катафалку. И вдруг растерянность и боль: человек на конце цепи стал тянуть его куда-то в сторону, мешая его счастью. Медведь рванулся вперёд, надеясь завершить данное ему богом задание. Другие мелкие существа забегали вокруг, загораживая дорогу. Алая ярость, как волна

прилива, затопила его существо, и он схватил этот странно пахнущий кусок холодного мяса и побежал туда, куда манил его смеющийся свет божества... божества, которое непонятно как было всюду и нигде...

Чудовищный медведь зарычал от боли и горя, нависая над Ингри, как лавина из меха и мускулов.

Ингри показалось, что из глубины его существа — из сердца, живота, гениталий — вырвалось единственное слово: «*Лежать!*» Приказание пролетело через отделяющее его от медведя пространство, как камень, выпущенный из катапульти.

Меч Ингри, взметнувшийся для удара, теперь прочертил серебряную дугу и упал на камни у его ног. В те же камни ткнулся и нос медведя. Огромный зверь распростёрся перед Ингри, закрыл передними лапами голову и оттопырил задние. Жёлтые глаза смотрели на Ингри с растерянностью и благоговением.

Ингри огляделся. Аколит в окровавленных белых одеждах на четвереньках отползал в сторону, глядя на Ингри ещё более вытаращенными глазами, чем раньше — на медведя. Медвежьи когти лишь слегка задели его бок — иначе ему бы несдобровать. Ярость медведя всё ещё кипела в мозгу Ингри. Переступив через свой зазвеневший по камням меч, он шагнул к аколиту, сгрёб его за шиворот и прижал к камням священного очага. Служитель был такого же роста, как Ингри, и шире его в плечах, но и не пытался сопротивляться его хватке. Ингри пригнул аколита к языкам пламени; ноги того болтались, не доставая до пола, а визг сделался таким высоким, что стал неслышным.

— Сколько тебе заплатили за то, чтобы ты скрыл благословение бога? Кто посмел совершить подобное святотатство? — прорычал Ингри в испуганное лицо аколита. Его напряжённый низкий голос отдался от камня стен, как шелест бархата, а в его собственных ушах прозвучал как кошачье мурлыканье.

— Прости... прости меня! — проверещал аколит. — Арпан... Арпан сказал, что вреда не будет...

— Врёт он! — взвизгнул служитель в одеянии ордена Отца и попытался улизнуть, волоча за собой своего серого пса и с опаской косясь на огромного белого медведя.

Аколит в белых одеждах взглянул в глаза склонившегося над ним Ингри и умоляюще прошептал:

— Я во всём признаюсь! Только не надо... не надо...

«Чего не надо?»

Ингри усилием воли заставил себя выпрямиться и разжать руки. Аколит встал на ноги, но колени его подогнулись, и он, дрожа, свернулся окровавленным клубком у священного очага.

— Нидж, ты дурак! — завопил служитель Отца. — Заткнись!

— Я не могу противиться! — простонал служитель Бастарда. — У него глаза светятся серебром, и голос такой страшный — колдовской!

— Тогда тебе лучше бы послушаться, — проговорил без всякой симпатии кто-то у Ингри за плечом.

Резко обернувшись, Ингри увидел просвещённого Льюко, запыхавшегося и встревоженного, внимательно оглядывающего странную сцену.

Ингри глубоко вздохнул, отчаянно стараясь унять колотящееся сердце и вернуть времени нормальное течение. Свет, тени, цвета, звуки — всё это обрушивалось на него, как удары боевого топора, а люди вокруг, казалось, пылали, как факелы. До Ингри постепенно дошло, как же много народа собралось во дворе храма, таращась на него и разинув рты: человек тридцать родственников умершего, жрец, проводивший обряд, пятеро служителей разных богов, князь Джокол и его встревоженный спутник, а теперь ещё и просвещённый Льюко... который единственный из всех совсем не казался ошеломлённым.

«Я позволил своему волку вырваться на свободу, — со смутным ужасом подумал Ингри. — В присутствии сорока свидетелей. Во дворе главного храма Истхома.

По крайней мере мне, кажется, удалось развеселить бога в белом...»

— Просвещённый, просвещённый, помоги мне, будь милосерден... — бормотал пораненный аколит, цепляясь за полу мантии Льюко. Тот посмотрел на него с растущим отвращением.

Теперь уже дюжина людей кричала одновременно; раздавались обвинения в подкупе и угрозах, необидительные оправдания. Родственники усопшего разделились на две группы. Судя по обрывкам споров, долетавших до Ингри, речь шла о наследстве; впрочем, ком взаимных упреков стремительно рос: люди припоминали друг другу старые обиды, оскорбления и несправедливости. Несчастный жрец, назначенный проводить обряд, сделал несколько слабых попыток восстановить порядок среди своей паствы, одновременно отдавая распоряжения служителям, которые и не думали его слушать. Потерпев неудачу и в том, и в другом, жрец выбрал себе более лёгкую жертву.

Он накинулся на князя Джокола и дрожащей рукой указал на медведя.

— Убери отсюда эту тварь! — прорычал жрец. — Сейчас же убирайся отсюда и не вздумай вернуться!

Огромный рыжеволосый воин был, казалось, готов расплакаться.

— Но мне же обещали жреца! Мне он обязательно нужен! Если я не привезу на свой остров жреца, моя прекрасная Брейга не выйдет за меня замуж!

Ингри сделал шаг вперёд и вложил в свой голос всю властность самого доверенного помощника хранителя печати Хетвара... и, может быть, что-то ещё:

— Храм Истхома предоставит тебе жреца-миссионера в обмен на твои серебряные слитки, князь Джокол. Или, может быть, я не расслышал обещания вернуть их? — Ингри обратил на смутившегося жреца тяжёлый взгляд.

Просвещённый Льюко спокойным тоном, удивительно отличавшимся от криков вокруг, пообещал:

— Храм выполнит своё обещание, князь, как только мы разберёмся в этом прискорбном внутреннем происшествии. Похоже на то, что твоего замечательного медведя пытались использовать для бессовестного жульничества. А сейчас не мог бы ты ради безопасности отвести Фафу на свою лодку? — Повернувшись к Ингри, Льюко тихо сказал: — А вы, милорд, очень обяжете меня, если проводите их и проследите, чтобы они благополучно добрались до места и по дороге не съели никого из бедных маленьких детей.

Ингри с облегчением вздохнул, получив шанс сбежать.

— Конечно, просвещённый.

Льюко опустил глаза и добавил:

— И позаботьтесь о своей руке.

Ингри проследил за его взглядом: из-под повязки на правой руке по пальцам снова текла кровь. Должно быть, только начавшая заживать рана снова стала кровоточить, пока Ингри наказывал провинившегося аколита. Ингри тогда ничего не почувствовал.

Когда Ингри поднял голову, на него был устремлён пылающий взгляд голубых глаз. Джокол, склонив голову, быстро обменялся несколькими словами со своим темноволосым спутником, потом поклонился Льюко и Ингри.

— Да. Нам этот человек нравится, верно, Оттовин? — Он толкнул Оттовина локтём в бок, отчего менее стойкий человек не удержался бы на ногах, направился к медведю и взялся за серебряную цепь. — Пойдём, Фафа.

Медведь тоненько взвыл и завозился, но остался лежать.

Льюко положил руку на плечо Ингри и почти неслышно прошептал:

— Позвольте ему встать, лорд Ингри. Думаю, зверь уже успокоился.

— Я... — Ингри подошёл к медведю и поднял с камней свой меч. Медведь снова завозился и прижался чёрным носом к сапогу Ингри, жалобно глядя на него сверху вниз. Ингри сглотнул и хриплым голосом пробормотал: — Встань.

Ничего не произошло. Медведь заскулил.

Ингри потянулся в глубь своего существа и из самых глубин извлёк то же самое слово; только теперь оно имело вес, превратившись в песнопение, от которого собственные кости

Ингри завибрировали.

— Встань.

Огромный зверь развернулся, как пружина, и подбежал к хозяину. Джокол упал на колени и начал гладить любимца. Его большие руки зарылись в густой мех. Рыжеволосый гигант бормотал какие-то ласковые слова на языке, незнакомом Ингри, а белый медведь тёрся головой о вышитый камзол, пачкая его слюной.

— Пойдём, мой добрый друг, друг Фафы, — сказал Джокол, поднимаясь и махнув рукой Ингри. — Пойдём, и ты поделишь со мной чашу.

Дёрнув за цепь, Джокол оглядел продолжавшую препираться толпу, презрительно фыркнул и двинулся к воротам. Верный Оттовин поспешил следом. Ингри присоединился к островитянам, заняв такую позицию, чтобы между ним и медведем оказался Джокол.

Маленькая, но впечатляющая процессия покинула храм, предоставив просвещённому Льюко успокаивать возбуждённых людей. Ингри услышал, как тот сказал провинившемуся аколиту и всем вокруг: «Это был просто отблеск света». Оглянувшись через плечо, Ингри встретился с Льюко глазами, и жрец одними губами произнёс: «Завтра». Ингри подумал, что это не слишком обнадеживающее обещание наверняка будет выполнено.

«У него глаза светятся серебром, и голос такой страшный — колдовской...»

Ингри ощутил знакомую боль — наказание аколита не пошло на пользу его спине, да и пораненной руке тоже; к этому добавился звон в ушах и жжение в сорванном горле.

Память помимо воли вернула Ингри к его давним мучениям в Бирчгрове. Багровая боль, когда его голову держали под водой, а лёгкие готовы были разорваться... невозможность даже застонать в этом ледящем холоде... Из всех способов побороть волка этот оказался самым эффективным, и озабоченные жрецы прибегали к нему часто, до тех пор, пока ясность сознания не вернулась к Ингри. Умение молчать, удивительное в таком ещё почти ребёнке, было выковано и закалено в холоде реки: более негибкое, чем воля его учителей, более сильное, чем страх смерти.

Ингри стряхнул тревожное воспоминание и озабочился тем, чтобы выбрать дорогу к причалу по самым малолюдным улицам. Предостережение Льюко перестало казаться шуткой, когда их окружила толпа возбуждённых детей, визжащих от восторга и тычущих в медведя пальцами. Джокол широко улыбнулся, а Ингри замахал руками, отгоняя любопытных. Его обострившиеся чувства наконец успокоились, сердце перестало колотиться. Джокол и Оттовин переговаривались на своём непонятном диалекте, бросая в сторону Ингри выразительные взгляды.

— Благодарю тебя за помощь бедняжке Фафе, лорд Ингрири... — обратился к Ингри Джокол. — Ингорри.

— Ингри.

Джокол виновато сморщился.

— Боюсь, я очень глуп в твоём языке. Ну, может, со временем мой рот научится...

— Ты хорошо говоришь по-вилдиански, — дипломатично ответил Ингри. — Я подартакански говорю не так свободно, а твоего языка не знаю вообще.

— Ах, дартаканский... — пожал плечами Джокол. — Трудный язык. — Его голубые глаза сощурились. — А писать ты можешь?

— Да.

— Это хорошо. Я не могу. — Великан печально вздохнул. — Она все перья ломает. — Он показал Ингри свою могучую руку. Ингри кивнул, выражая сочувствие: он ничуть не усомнился в словах островитянина.

Белый медведь ковылял быстро, и вскоре процессия добралась до ворот в городской стене, ведущих к причалу. Целая роща мачт вырисовывалась на фоне рдеющего закатного неба. По большей части у набережной теснились плоскодонные речные баржи, но среди них виднелось и несколько морских кораблей, поднявшихся по Сторку. Такие суда не плавали выше Истхома: дальше холмы стискивали реку, и через пороги и перекаты можно было только сплавлять плоты и бочки, когда вода стояла достаточно высоко.

Ладья Джокола, привязанная к далеко выступающему в воду причалу, была совсем на другие корабли не похожа. Она была не меньше сорока футов в длину, а в середине раздавалась изящно, как женские бедра. Нос и корма одинаково загибались и были украшены искусно вырезанными головами морских птиц. Палубы ладьи не имела, и команде в плавании приходилось терпеть все капризы погоды, хотя сейчас позади единственной мачты был раскинут большой шатёр.

На реке ладья казалась достаточно большой, но, на взгляд Ингри, для открытого моря была безумно мала. Это впечатление ещё усилилось, когда через борт перелез белый медведь и с усталым вздохом плюхнулся посередине ладьи на, по-видимому, своё привычное место. Ладья закачалась, но постепенно остановилась; Джокол накинуд цепь на крюк, вбитый в мачту. Оттовин с опасливой улыбкой показал Ингри на шаткую доску, служившую сходнями, — сам он пробежал по ней с привычной лёгкостью. В сумерках сияние ламп, горевших в шатре, казалось удивительно гостеприимным; их вид напомнил Ингри о маленьких деревянных корабликах со свечами, которые они с отцом пускали по реке в День Сына. То были счастливые времена — волки ещё не сожрали их мир.

Две дюжины островитян радостно приветствовали и своего князя, и медведя, к которому явно привыкли. Все это были сильные мужчины, пусть никто из них и не мог равняться ростом с Джоколом; почти все они были так же молоды, как их вождь, хотя Ингри заметил несколько седых голов. У кого-то, как у Джокола, волосы были стянуты в хвост, у других — заплетены в косы, а один парень был острижен наголо: судя по его покрытой сыпью и воспалённой коже, это было скорее всего отчаянной попыткой справиться с паразитами. Все спутники Джокола носили добротную одежду и, судя по количеству оружия, вместе с вёслами аккуратно уложенного вдоль бортов, все были хорошо вооружены. Слуги, воины, матросы, гребцы? Ингри решил, что все они одинаково делали всю необходимую работу: тут не было места бессмысленному делению — бурное море такого бы не позволило.

Доставив медведя, Ингри хотел бы уйти, но подумал о том, что, как человек хранителя печати Хетвара, не должен отказываться от гостеприимства Джокола, чтобы не вызвать дипломатических осложнений. Он только надеялся, что ритуал будет коротким. Джокол жестом пригласил Ингри в шатёр, который оказался достаточно просторным. Он был сделан из шерсти, пропитанной для защиты от влаги жиром; Ингри решил, что его нос скоро привыкнет к запаху. Внутри на козлах были установлены два стола со скамьями по бокам и ещё одной в глубине — к ней-то Джокол и провёл Ингри. Сам князь и его помощник Оттовин уселись с двух сторон от гостя; остальная команда суежилась вокруг, быстро расставляя блюда с угощением.

Светловолосый молодой человек с рыжеватой бородкой, окружавшей, как ореолом, его подбородок, поклонился сидящим во главе стола и принялся раздавать деревянные чаши. Другой дружинник шёл за ним следом и наполнял чаши какой-то беловатой жидкостью — сначала чашу гостя, потом Джокола, потом Оттовина. От чаш поднимался густой пар. Оттовин, чей вилдианский заметно уступал умениям Джокола, помогая себе знаками, объяснил Ингри, что напиток приготовлен не то из молока, не то из крови кобылицы. Попробовав его, Ингри решил, что неверно понял: речь, должно быть, шла о кобыльей моче... По крайней мере, судя по попытке изобразить ржание, которую в пояснение предпринял Оттовин, лошади явно имели отношение к напитку. Что ж, решил Ингри, ради вежливости он выпьет, давась, эту гадость, а потом распроцается. Можно сослаться на необходимость явиться к Хетвару и дипломатично улизнуть.

Дружинники установили перед шатром жаровню и устроили импровизированную кухню; долетевший оттуда запах жарящегося мяса неожиданно заставил Ингри проглотить слюну.

— Мы будем есть мясо скоро, — заверил его Джокол с улыбкой хозяина, стремящегося угодить гостю.

Поесть Ингри где-нибудь всё равно было нужно: появляться перед хранителем печати

после того, как он на голодный желудок осушил чашу этого крепкого питья, было бы неблагоприятно. Он кивнул, и Джокол хлопнул его по плечу и широко улыбнулся.

Однако улыбка Джокола погасла, когда его взгляд упал на кровоточащую правую руку Ингри. Князь ухватил за рукав пробежавшего мимо дружинника и тихо отдал ему какой-то приказ. Через несколько минут явился пожилой воин с миской горячей воды, корпией и бинтами. Потеснив на скамье Оттовина, он знаками попросил Ингри показать свою пораненную руку и выразительно покачал головой, когда, сняв заскорузлую повязку, обнаружил свежую рану и прежние багровые синяки. Оттовин, наклонившийся, чтобы лучше видеть, тихо присвистнул и сказал что-то на своём языке; в ответ Джокол только хмыкнул и любезно поднёс к губам Ингри чашу с напитком, прежде чем лекарь принялся стягивать и сшивать края раны. К тому времени, когда дело было сделано, рука забинтована, а дружинник с поклоном удалился, Ингри хотелось только одного: положить идущую кругом голову на колени и закрыть глаза. Было ясно, что в ближайшем будущем никуда он с ладьи не уйдёт.

Как и обещал Джокол, еда появилась быстро и в изобилии. К удовольствию Ингри, не было подано ни сушёной рыбы, ни сухарей, ни других отвратительных припасов мореходов: провизия явно была только что куплена на городском рынке. Повара во дворцах столичной знати могли бы, возможно, приготовить и более изысканные блюда, но угощение было вкусным и вовсе не похожим на походный рацион, которого ожидал Ингри. Сосредоточившись на еде, Ингри не успел остановить дружинника, наполнявшего чаши, как только питьё в них убывало.

Уже давно наступила ночь, когда сидящие за столом начали сопротивляться попыткам заново наполнить их тарелки. Осуществление задуманного Ингри плана — дать времени и еде возможность протрезвить его достаточно, чтобы можно было отправиться во дворец хранителя печати — явно затянулось... Свет ламп озарял разгорячённые и лоснящиеся от жира лица вокруг.

Гул голосов смолк, когда один из дружинников обратился к Джоколу с какой-то просьбой. Тот улыбнулся и покачал головой, но потом кивнул и указал на Оттовина.

— Они желают услышать сказание, — шепнул Джокол Ингри. Оттовин поднялся, поставил одну ногу на скамью и прочистил горло. — Этой ночью мы их много услышим.

Чаши были наполнены новым напитком. Осторожно попробовав его, Ингри нашёл, что на вкус он напоминает смесь сосновых иголок с ламповым маслом; даже дружинники Джокола пили его понемногу.

Оттовин начал напевный речитатив, ритмично отдававшийся от стенок шатра. Слова мелодичного языка островитян дразнили Ингри — они были почти узнаваемы, а иногда из плавного потока выныривали знакомые созвучия. Были ли то заимствования из вилдианского языка или просто совпадения, Ингри определить не мог.

— Он рассказывает историю Йетты и трёх коров, — шепнул Ингри Джокол. — Это любимое сказание моих людей.

— Ты можешь перевести? — прошептал в ответ Ингри.

— Увы, нет.

— Слишком трудно?

Голубые глаза Джокола потупились, и гигант покраснел.

— Нет, слишком непристойно.

— Как, неужели ты не знаешь всех этих коротеньких словечек?

Джокол радостно хихикнул, откинулся на спинку скамьи, скрестил ноги и стал отбивать такт рукой. Ингри догадался, что ему только что удалось удачно пошутить — несмотря на языковой барьер и даже никого не обидев. Он пьяно ухмыльнулся и отхлебнул ещё жидких сосновых иголок. Тут дружинники, теснившиеся на скамьях, разразились громким хохотом, и Оттовин поклонился и сел. Ему вручили полную чашу, и он осушил её — этого, по-видимому, требовала традиция — одним глотком. Островитяне одобрительно завопили, потом начали выкрикивать имя своего князя; тот кивнул и, в свою очередь,

поднялся на ноги. Всякое движение и разговоры смолкли, стало так тихо, что Ингри даже мог слышать плеск волн за бортом.

Джокол сделал глубокий вдох и начал. После нескольких первых фраз Ингри понял, что слышит стихи — ритмичные и музыкальные. Вскоре ему также стало ясно, что выступление Джокола не будет ни коротким, ни простым.

— Сказание о подвигах, вот что это, — сообщал Ингри шёпотом Оттовин, прикрыв рот рукой. — Хорошо! Теперь он редко сочиняет что-то, кроме любовных песен.

Звук голоса Джокола убаюкивал Ингри, как покачивание колыбели или ровный шаг лошади под седлом. Ритм ни разу не нарушился; Джокол ни разу не задумался, подыскивая нужное слово. Слушатели иногда хихикали, иногда охали, в остальном же сидели неподвижно, как зачарованные. Рты их были приоткрыты, глаза блестели.

— Неужели он всё это выучил наизусть? — изумлённым шёпотом спросил Ингри у Оттовина, но, встретив недоумённый взгляд, прибег к языку знаков, постучав себя пальцем по лбу. — Все слова у него в голове?

Оттовин с гордостью улыбнулся.

— И эти, и многие, многие сотни других. Почему, по-твоему, мы зовём его Раскальвателем Черепов? Он заставляет наши головы лопаться от своих сказаний. Моя сестра Брейга станет счастливейшей из женщин, да.

Ингри откинулся на спинку скамьи, отхлебнул ещё сосновых иголок и задумался о природе слов... и догадок.

Наконец Джокол закончил своё невероятно длинное повествование, и дружинники разразились восхищёнными воплями, ещё усилившимися, когда князь осушил чашу. Немедленно раздалось требование новой саги и разгорелся шумный спор о том, какой именно, но Джокол, скромно улыбнувшись, отказался продолжать.

— Скоро, скоро! Новая песнь для вас будет готова скоро! — пообещал он, похлопав себя по губам, и с задумчивой улыбкой опустил на скамью.

Теперь пришла очередь кого-то из дружинников; на этот раз сказание не было стихотворным, и, судя по хохоту слушателей, достаточно непристойным, чтобы князь Джокол постеснялся его перевести.

— Ах, — сказал он, наклоняясь к Ингри, чтобы снова наполнить его чашу, — ты становишься не таким мрачным. Это хорошо! А теперь я сложу в твою честь сказание об Ингорри.

Джокол поднялся на ноги; лицо его было серьёзным и сосредоточенным. Снова полились стихи, суровые и временами зловещие, судя по уважительному и даже боязливому вниманию слушателей. Ингри скоро догадался, что Джокол повествует о мошенничестве во время похорон и о том, как Ингри спас от медведя провинившегося аколита и вообще восстановил порядок: его имя и имя Фафы повторялись в каждой строфе. Имена богов также звучали совершенно отчётливо, как, к ужасу Ингри, и слово «колдовской». Судя по настороженным взглядам, которые стали бросать на Ингри дружинники, на диалекте острова это слово значило то же самое, что и на вилдианском...

Ингри с интересом смотрел на Джокола, размышляя о том, каким человеком нужно быть, чтобы на закате увидеть безобразную сцену в храме, а к полуночи превратить её в героическую поэму. Вот это импровизация! Такие сказания ночью у лагерного костра лишали слушателей сна и заставляли вздрагивать от каждого шороха... Судя по звучанию стихов и сопровождающим их жестам, Джокол оказался очень наблюдателен... не то чтобы собственные воспоминания Ингри были такими уж точными. Впрочем, как будто никаких упоминаний о волке не было...

На этот раз, когда Джокол закончил повествование, раздалось не восторженные крики, о что-то похожее на благоговейный вздох. Потом началось заинтересованное обсуждение, а из задних рядов, как догадался Ингри, донеслось несколько критических замечаний. Улыбка Джокола, когда он поднял чашу, была лукавой.

После этого воспоминания Ингри о пиршестве сделались отрывочными. Новое

угощение и новая выпивка... о желаниях его не спрашивали. Некоторые дружинники расстелили свои подстилки и захрапели на них, не обращая внимания на шум. Ингри подумал, что так же, возможно, они спали и во время штормов. Оттовин, добросовестный помощник Джокола, отвратил возможное несчастье, запретив пьяное состязание: дружинники вознамерились кидать боевые топоры в живую мишень. Джокол, промочив пересохшее горло ещё одной чашей сосновых иголок, расправил плечи и с любопытством улыбнулся Ингри; тот ответил ему тем же.

— Завтра вечером, — сказал Джокол, — я заставлю их слушать любовные песни, в честь моей прекрасной Брейги. Иначе — никаких сказаний. Ты, лорд Ингорри, молод, как и я, — скажи, у тебя есть любимая?

Ингри растерянно заморгал, поколебался, но ответил:

— Да. Да, есть. — Он тут же подскочил на месте, изумлённый тем, что произнёс такие слова.

«Проклятие на эту кобылью мочу!»

— Ах! Это хорошо. Счастливцев! Но ты не улыбаешься. Она что, тебя не любит?

— Я... я не знаю. У нас другие тревоги.

Брови Джокола поползли вверх.

— Родители мешают? — с сочувствием спросил он.

— Нет. Это не... Дело в том... Ей может грозить смертная казнь.

Джокол взглянул на Ингри с изумлением и сделался серьёзным.

— Не может быть! За что?

Должно быть, винные пары, мешавшие ему ясно мыслить, решил потом Ингри, заставили его видеть в этом сумасшедшем южанине такого подходящего слушателя, по-братски готового разделить самые сокровенные тайны его сердца. Может быть... может быть, к утру никто уже и не вспомнит этих слов...

— Ты слышал о смерти принца Болесо, сына священного короля?

— Ох, конечно.

— Она раскроила ему голову его собственным боевым топором. — Такое утверждение показалось Ингри недостаточно ясным, и он пояснил: — Он пытался её изнасиловать. — Все сверхъестественные подробности не имели значения.

Джокол присвистнул и сочувственно пощёлкал языком.

— Печальная история. — Через секунду он добавил: — Девица, судя по всему, хорошая, сильная. Однажды моя прекрасная Брейга и Оттовин убили двух конокрадов, которые проникли на ферму их отца. Оттовин тогда был меньше.

«Ну и братец!»

— И что из этого вышло?

— Ну, я предложил ей выйти за меня замуж. — Джокол расплылся в улыбке. — Лошади-то были мои. Цена крови конокрадов оказалась невысокой — они ведь совершили позорное деяние. Я добавил её к свадебному дару, чтобы порадовать отца Брейги. — Джокол ласково взглянул на своего будущего шурина, который наполовину соскользнул со скамьи и теперь похрапывал, подложив руку под голову.

— У нас в Вилде правосудие совершается не так легко, — вздохнул Ингри. — Да и цена крови принца мне не по карману.

Джокол с интересом взглянул на Ингри.

— У тебя нет земли, лорд Ингорри?

— Нет. У меня есть только рука, которая держит меч. Да и то... — Ингри пошевелил своей забинтованной рукой и печально вздохнул. — Больше ничего.

— Думаю, у тебя есть кое-что ещё, лорд Ингорри. — Джокол постучал себя пальцем по голове. — У меня хорошее ухо. Я знаю, что услышал, когда мой Фафа поклонился тебе.

Ингри окаменел. Его первым испуганным желанием было всё отрицать, но под пронизательным взглядом Джокола солгать он не сумел. Однако необходимо было предотвратить опасные сплетни на эту тему, даже и облечённые в стихотворную форму...

— Об этом, — сказал Ингри, прижав руку к губам, а потом к сердцу, чтобы обозначить вещи, которые нельзя произнести вслух, — следует молчать, иначе жрецы объявят меня вне закона.

Джокол надул губы и нахмурился, обдумывая услышанное.

Пропитанные алкоголем мысли Ингри плескались у него в голове, но вынесли на берег его рассудка новое опасение. На лице Джокола не было написано ни испуга, ни отвращения, только живой интерес, и ведь даже хорошее ухо не сможет узнать того, чего никогда раньше не слышало...

— То, что тогда было... — Ингри показал на своё горло и на грудь, — ты когда-нибудь слышал подобное?

— Ну да, — закивал Джокол.

— При каких обстоятельствах? Где?

Джокол пожал плечами.

— Когда я просил лесную колдунью благословить моё путешествие, она говорила точно таким же голосом.

Эти слова, казалось, кололись так же, как сосновые иголки в напиток.

«Лесная колдунья... Лесная...»

Однако Джокол, по-видимому, не имел отношения к сверхъестественному: от него не пахло демоном, в нём не скрывался дух зверя, его не терзало, как мерзкий паразит, никакое заклятие. Он смотрел на Ингри с добродушием, которое так легко — и так смертельно опасно — принять за тупость.

За стенками шатра что-то стукнуло, раздался серебристый звон, потом низкое рычание и полупридушенный вопль.

— Фафа по крайней мере бдительно несёт стражу, — удовлетворённо пробормотал Джокол, поднимаясь на ноги. Он толкнул Отговина носком сапога, но его будущий родич только повернулся на другой бок и что-то буркнул во сне. Джокол подхватил Ингри своей огромной рукой под локоть и повлёк за собой.

— Я не могу... — начал было Ингри, — ик...

Ладья раскачивалась у него под ногами, хотя полотнища шатра висели неподвижно в безветренном воздухе ночи. Лампы еле горели... Джокол с понимающей улыбкой поддерживал Ингри, пока они не вышли из шатра. Фафа, натянув свою цепь, принялся к человеку, испуганно прижавшемуся к борту.

Джокол успокоительно пробормотал что-то на своём языке в ухо медведю, и тот потерял интерес к возможной добыче, снова растянувшись у мачты. Ингри споткнулся: на этот раз ладья действительно начала раскачиваться, и Джокол еле успел поддержать его.

— Лорд Ингри... — проговорил из темноты задыхающийся голос Гески. Потом лейтенант выпрямился, прочистил горло и выбрался на освещённую оранжевым светом лампы доску, служившую сходнями. Глаза его сверкнули белками, когда он оглянулся на Фафу.

— Ох, — пробормотал Ингри, — Геска! Берегись медведя. — Ингри улыбнулся собственному остроумию. Не только же здоровенному островитянину блистать умением обращаться со словами. — Да. Я как раз собирался повидаться с лордом Хетваром... Хетваром.

— Лорд Хетвар, — сообщил Геска ледяным тоном, вновь обретая достоинство, — лёг спать. Он велел мне — после того как я вас найду — сообщить, что утром вам надлежит явиться к нему, не откладывая.

— Ах... — глубокомысленно пробормотал Ингри, — тогда мне лучше сейчас немного поспать. Верно?

— Да, пока есть возможность, — буркнул Геска.

— Твой друг? — поинтересовался Джокол, кивнув в сторону Гески.

— Более или менее, — ответил Ингри, размышляя: «более» или «менее»? Однако у Джокола, похоже, сомнений не возникло, и он передал Ингри с рук на руки его

лейтенанту. — Нет нужды...

— Лорд Ингорри, — прервал его Джокол, — благодарю тебя за компанию... и за всё остальное тоже. Человек, который способен перепить моего Оттовина, всегда желанный гость на нашем корабле. Надеюсь, мы ещё увидимся — в Истхеме.

— Я... я тоже. Передай от меня привет дорогому Фафе. — Ингри попытался непослушным языком выговорить ещё какую-нибудь любезность, но Геска решительно потянул его к сходням.

Спуск на берег представлял собой нешуточный вызов, потому что доска, служившая сходнями, оказалась подвержена тем же странным колебаниям, что и ладья, будучи при этом значительно уже. Ингри после краткого размышления решил проблему, опустившись на четвереньки. С успехом преодолев опасность свалиться в Сторк, он сел на берегу и торжествующе сказал Геске:

— Видишь? Не так уж я пьян. Джокол ведь князь, знаешь ли. Вот ради дипломатии я и...

Геска с кряхтением поднял Ингри на ноги и закинул его руку себе на плечо.

— Замечательно. Расскажите всё это завтра хранителю печати. А я спать хочу. Пошли.

Ингри, разум которого немного прояснился, хоть тело и отказывалось слушаться, попытался переставлять ноги одну за другой, так что им с Геской удалось миновать ворота и двинуться вверх по тёмной извилистой улице.

Геска ворчливо сказал:

— Я разыскивал вас по всему городу. В доме, где вы оставили пленницу, мне сказали, что вы отправились в храм, а в храме — что вас увёл пират.

— Да нет, хуже, — ухмыльнулся Ингри, — поэт.

Геска взглянул на него с таким выражением, словно голова у Ингри была приставлена задом наперёд.

— Три человека в храме сказали мне, что вы зачаровали огромного белого медведя. Один считал это чудом Бастарда, двое других утверждали обратное.

Ингри вспомнил родившийся в нём голос и поёжился.

— Ты же знаешь, какую чепуху несут перепуганные люди. — Ноги понемногу начинали его слушаться, и он снял руку с плеча Гески. Как бы то ни было, если грозный медведь снова не вмешается в таинство похорон, что-либо подобное едва ли повторится. Никакой голос бога не звучал сейчас в ушах Ингри, а животные явственно отличались от людей. — Не будь таким доверчивым, Геска. Можно подумать, что стоит мне сказать, — Ингри нащупал в глубине собственного существа тот глубокий бархатный рык, — «стой!», и ты вдруг...

Тут до Ингри дошло, что он продолжает путь в одиночестве.

Он обернулся. Геска застыл на месте, освещённый слабым светом уличного фонаря.

Холодный комок повернулся у Ингри в животе.

— Геска! Это не смешно! — Он вернулся и, сердито бросив: «Прекрати!», толкнул лейтенанта в плечо. Тот слегка пошатнулся, но не двинулся с места. Ингри протянул забинтованную руку, которая, однако, дрожала, и схватил Геску за подбородок. — Ты издеваешься надо мной?

Широко раскрытые, полные ужаса глаза Гески моргнули — это было единственным его движением.

Ингри облизнул губы и сделал шаг назад. Горло у него перехватило, казалось, он не сможет выдать ни звука. Ему пришлось два раза глубоко вздохнуть, прежде чем удалось снова найти в себе тот же голос.

— Двигайся.

Паралич покинул Геску. Он судорожно вздохнул, попятился к ближайшей стене и выхватил меч. Тяжело дыша, они смотрели друг на друга. Ингри внезапно почувствовал себя даже чересчур трезвым. Он успокоительным жестом протянул руки ладонями вперёд, моля богов, чтобы Геска не кинулся на него.

Геска медленно вернул меч в ножны и через несколько мгновений хрипло сказал:

— Дом, где содержится пленница, за углом. Теско ждёт вас, чтобы уложить в постель. Дойдёте один?

Ингри сглотнул; ему пришлось сделать большое усилие, чтобы не шептать.

— Думаю, что дойду.

— Хорошо. Хорошо. — Геска попятился вдоль стены, потом повернулся и поспешно нырнул в темноту, оглянувшись через плечо.

Стиснув зубы, еле позволяя себе дышать, Ингри двинулся в другую сторону и свернул за угол. Фонарь у входа в дом Хорсривера бросал ровный свет, освещая ему дорогу.

Глава 12

Ингри не пришлось колотить в дверь, чтобы разбудить слуг: привратник, хоть и в ночной рубашке и с накинутым на плечи одеялом, вышел на первый же тихий стук. Решительный вид, с которым он снова запер двери, был ясным намёком на то, что привратник рассчитывает: это беспокойство было последним за ночь. Ингри ждала горящая свеча в стеклянном подсвечнике, чтобы он не споткнулся на лестнице.

Поблагодарив привратника, Ингри начал преодолевать ступени. Сверху, с площадки, навстречу ему лился свет: на столе горела лампа, а на ступени следующего лестничного марша стояла свеча. Рядом с ней, обхватив колени руками, сидела леди Йяда, закутавшись в халат из какой-то тёмной материи. Ножны меча Ингри задела за стену в узком пространстве лестницы, и этот звук заставил девушку поднять голову.

— С вами всё в порядке! — хриплым голосом прошептала Йяда, протирая глаза.

Ингри от неожиданности заморгал и поспешно огляделся. Последний раз, когда женщина в беспокойстве ждала его, случился... в незапамятные времена. Поблизости не было видно ни дуэньи, ни его слуги Теско.

— А разве мне что-то грозило?

— Приходил Геска, часа три или больше тому назад, и сказал, что к лорду Хетвару вы так и не явились.

— Ох... Да, меня отвлекли.

— Я воображала себе всякие ужасы, случившиеся с вами.

— А в их число не входил огромный белый медведь и пират-поэт?

— Нет...

— Тогда не такие уж ужасы вы себе воображали.

Брови Йяды поползли вверх. Она поднялась и сделала шаг с лестницы на площадку; благоухающее, несомненно, спиртным дыхание Ингри заставило её отшатнуться и помахать в воздухе рукой, разгоняя винные пары.

— Вы пьяны?

— По моим стандартам, безусловно. Хотя я в состоянии ходить, разговаривать и с ужасом ожидать завтрашнего дня. Я провёл вечер, пируя с двадцатью пятью безумными южными мореходами и белым медведем на их ладье. Они меня накормили. Вы Теско не видели?

Йяда кивнула в сторону закрытой двери покоев Ингри.

— Он явился с вашими вещами. Думаю, он уснул, дожидаясь вас.

— Неудивительно.

— Что с письмом? Я тревожилась, не попало ли оно не в те руки.

Ох... Так это о письме она беспокоилась, поэтому и дожидалась тут в темноте...

— Благополучно доставлено. — Ингри на мгновение задумался. — Ну, доставлено во всяком случае. Насколько благополучно... Я не рискую гадать, не грозит ли нам опасность со стороны Льюко. Он одевается как храмовый клерк, хотя таковым и не является.

— Вы однажды говорили о том, какого сорта храмовые клерки займутся моим делом... Что вы думаете о нём? Он честен или нет?

— Я... не думаю, что его можно подкупить. Отсюда, однако, не следует, что он окажется на вашей стороне. — Ингри поколебался. — Его коснулся бог.

Йяда склонила голову к плечу.

— Вы сами сейчас выглядите так, словно вас коснулся бог.

Ингри вздрогнул.

— Как вы можете это определить?

Белые пальцы Йяды протянулись в танцующих тенях к его лицу, словно обводя его контуры.

— Я однажды видела, как одного из солдат моего отца после падения тащила лошадь. Он не особенно пострадал, но поднялся совершенно потрясённым. Ваше лицо более сосредоточено и не покрыто кровью и грязью, но выражение глаз такое же. Слегка безумное.

Ингри почти прижался щекой к её руке, но леди Йяда слишком быстро её убрала.

— У меня выдалась очень странная ночь. Что-то случилось в храме. Льюко завтра придёт повидаться с вами, кстати. И со мной тоже. Думаю, я в беде.

— Тогда сядьте и всё мне расскажите. — Йяда потянула Ингри вниз и заставила сесть рядом с собой на ступеньку. Глаза её были огромными и тёмными от новой тревоги.

Ингри, запинаясь, рассказал девушке о происшествии во дворе храма, о встрече с белым медведем и его богом. За время рассказа Йяда дважды охнула и один раз захихикала, а описание Джокола, его лады и его стихов выслушала с зачарованным выражением лица.

— Я подумал, — говорил Ингри, — что поведение Фафы — дело рук белого бога, который разгневался на нечестных служителей. Но сейчас, когда я возвращался с Геской, это случилось опять. Колдовской голос... Я не знал, что им обладает мой волк... или я. Пятеро богов, я теперь не могу быть уверен, что не зазеваюсь и такое снова не случится. У меня никогда раньше не было подобной способности.

— Жители болот, — задумчиво сказала Йяда, — утверждают, что их гимны были когда-то колдовскими... Давным-давно.

— Или где-то в дальних краях. — «Лесная колдунья на южном острове...» — То, что происходит с нами, происходит здесь и сейчас, и это смертельно опасно. Хотел бы я знать: известно ли Венселу о колдовской силе? И обладает ли ею он сам? Почему он не воспользовался ею в отношении нас? Кстати, думаю, что он вскрыл и прочёл письмо Халланы, пока мы сидели за ужином. Просвещённый Льюко говорит, что письмо было вскрыто.

Йяда резко выпрямилась и судорожно вздохнула.

— Ох! О чём говорилось в письме?

— Я его не читал, но, как я понял, в нём подробно описаны события в Реддайке. Так что по крайней мере с того момента, когда он снова присоединился к нам за ужином, Венсел знал о заклятии и знал, что я это от него скрыл. Вы не почувствовали перемены в нём, когда он вернулся?

Йяда нахмурила брови.

— Пожалуй, он показался мне более откровенным. Может быть, в надежде на то же самое с вашей стороны?

Ингри пожал плечами.

— Возможно.

— Ингри...

— М-м?

— А вы что-нибудь знаете о знаменосцах?

— Не больше, чем о шаманах. Я читал некоторые дартаканские сообщения о битвах с воинами Древнего Вилда. Дартаканцы не питали пламенной любви к их знаменосцам. Воины, несшие в себе духов животных, да и все воины кланов вообще отчаянно защищали свои штандарты. Если знаменосец не желал отступать, воины бились вокруг него — или неё, если Венсел говорит правду — до последнего человека. Поэтому-то солдаты Аудара всегда старались повергнуть знамёна врага на землю как можно скорее. В летописях говорится, что

долгом знаменосца, среди прочего, было перерезать горло тем собственным воинам, которые были ранены слишком тяжело, чтобы их можно было унести с поля битвы. Это считалось почётной смертью. Раненый, если он был ещё в силах говорить, должен был благословить знаменосца и поблагодарить его меч.

Йяда поёжилась.

— Об этом я не знала.

Её взгляд на мгновение сделался отсутствующим; Ингри не мог догадаться, какие мысли сейчас занимают девушку. Воспоминание о сновидении в Израненом лесу? Но ведь воины, уже погибшие, едва ли могли бы ожидать столь ужасной услуги от своей знаменосицы...

— Попробуйте узнать, — сказала Йяда, — что известно Венселу, когда будете расспрашивать его про Священное древо.

— М-м... Вот ещё одна встреча, перспектива которой меня не радует. Не думаю, что Венсел будет мной доволен после сегодняшнего представления. Хотя всё это и походило на фарс, я привлёк к себе внимание жрецов. Я боюсь Льюко.

— Почему? Если он друг и наставник Халланы, он не может быть бесчестным человеком.

— Ох, не сомневаюсь, что он может быть верным другом, но и беспощадным врагом тоже. Очень неприятно было бы, окажись он на стороне наших противников. — Может быть, он так думает просто по привычке? Ингри вспомнил искренне желающих ему добра жрецов в Бирчгрове, подвергавших его пыткам ради здоровья его рассудка. Те события сделали боль для Ингри единственной, хоть и ненадёжной границей между его друзьями и его врагами.

— На чьей стороне, по-вашему, вы сами? — нетерпеливо спросила Йяда.

Мысли Ингри были остановлены на полном скаку.

— Я не знаю. Каждая стена, на которую я опираюсь, уходит в сторону, и я двигаюсь по кругу. — Ингри поднял голову и увидел совсем рядом глаза Йяды, янтарные в колеблющемся свете. Зрачки Йяды были огромными, они, казалось, впивают в себя Ингри. Он мог бы упасть в них, как в глубокий колодец, и, в свою очередь, выпить до дна. Да, Йяда обладала притягательной красотой, под которой таилось волнующее свободолюбие духа леопарда. Однако помимо этого... было и что-то ещё. Ингри хотелось дотянуться до этой тайны, тайны столь важной. — Я на той стороне, где ты. И не только ты.

— Тогда, — выдохнула Йяда, — это же можно сказать и обо мне.

Ох... Ни время, ни его сердце, конечно, не остановились, и всё же Ингри на мгновение почувствовал себя так, словно сделал шаг с огромной высоты, но не начал падать. Веса не было.

— Милая моя мыслительница...

На то, чтобы преодолеть малое расстояние — не больше ширины ладони, — которое разделяло их губы, не потребовалось и секунды. Глаза Йяды широко раскрылись.

Её губы были именно такими нежными, как он и ожидал, и тёплыми, как солнечный свет. Первое прикосновение было робким и целомудренным, но тело Ингри сотряс оглушительный удар, прокатившийся по всем его членам. Руки Ингри дрожали, и он унял дрожь, обвив одной рукой талию Йяды, а другой зарывшись в её распущенные тёмные волосы. Тёплые ладони легли ему на плечи, пальцы судорожно впились в мышцы. Губы Йяды ответили на его поцелуй.

Следом за тем первым ударом Ингри окатила волна желания, воспламенив его чресла, заставив вспомнить, сколько времени прошло с тех пор, как он так обнимал женщину... Нет, так он женщину никогда не обнимал! Поцелуй внезапно сделался страстным, а вовсе не целомудренным. Он не мог оторваться от губ Йяды, и её белые руки всё крепче стискивали его. Их сердца начали биться в едином ритме.

И тут они проникли сквозь друг друга...

Волшебный поцелуй неожиданно перестал для них быть просто красивой фразой. В этом поцелуе на самом деле не было никакой романтики — он пугал до потери дыхания.

Йяда задохнулась, Ингри охнул, и они отстранились друг от друга, хотя продолжали держаться за руки — не как влюблённые, скорее как люди, цепляющиеся друг за друга, чтобы не утонуть.

Глаза Йяды, и раньше широко раскрытые, теперь стали огромными — одни зрачки с узенькой золотой полоской вокруг.

— Что ты?.. — выдохнула девушка в тот же момент, когда Ингри прошептал:

— Что ты сделала?

Одна рука Йяды прижалась к сердцу под тёмной тканью одежды.

— Что это было?

— Не знаю. Я никогда... не чувствовал...

Скрипнули половицы, что-то звякнуло... Ингри отпрянул от Йяды в тот момент, когда дверь его комнаты распахнулась. Йяда обхватила себя руками, словно ощутив внезапный холод, и шёпотом бросила неподобающее короткое слово. Ингри только успел бросить на неё лукавый взгляд, когда из комнаты на еле освещённую лестничную площадку выглянул заспанный Теско.

— Милорд? — вопросительно протянул он. — Я слышал голоса... — Парень удивлённо заморгал, увидев сидящую на ступеньке пару.

Йяда поднялась, взяла свою свечу, подарила Ингри безмолвный пламенный взгляд и упорхнула наверх.

На мгновение позволив себе безответственное мечтание, Ингри представил себе, как обнажает меч и обезглавливает слугу. К несчастью, площадка была слишком тесной для такого взмаха. С долгим вздохом Ингри прогнал видение и поднялся на ноги.

Теско, возможно, почувствовал неудовольствие Ингри из-за его несвоевременного вмешательства и с настороженным поклоном распахнул дверь перед своим господином. Неуклюжего парня приставили к Ингри, когда он ещё только стал доверенным лицом Хетвара. Ингри привык сам о себе заботиться, так что обращался со слугой с равнодушием, которое постепенно преодолело изначальный ужас Теско перед устрашающей репутацией хозяина — пожалуй, даже слишком. В тот день, когда Ингри обнаружил, что Теско прикарманивает то небольшое, чем он владеет, он подтвердил свою репутацию наглядной демонстрацией, после чего остальные слуги Хетвара принялись вовсю дрессировать своего младшего собрата: ведь если бы Ингри выгнал Теско, заменить его пришлось бы кому-нибудь из них.

Ингри позволил Теско стянуть с себя сапоги и отдал некоторые распоряжения на утро. После этого он рухнул на кровать, но уснуть не смог.

Он был слишком возбуждён, чтобы спать, слишком пьян, чтобы мыслить ясно, и слишком измучен, чтобы подняться с постели. Кровь, казалось, пенится в его жилах, поёт в ушах. Ингри с острым вниманием вслушивался в каждый шорох с верхнего этажа. Продолжает ли Йяда дышать в том же ритме, что и он? Ингри всё ещё был возбуждён, но что-нибудь предпринять по этому поводу боялся: если Йяда так же ощущает каждый удар его сердца, как он — её...

Они, конечно, шли к этому моменту полного слияния уже не один день. Ингри чувствовал себя так же связанным с Йядой, как если бы они были парой гончих на одной сворке.

«Ну так кто же охотник? И что собой представляет дичь?»

Тяжкий звон сковывающей их цепи отдавался в костях Ингри — цепи тоньше паутинки и крепче стали.

Ингри не было нужды вслушиваться в скрип кровати, на которой ворочалась Йяда. Он знал о ней всё с такой же точностью, как знал положение собственного тела, и даже протянул в темноте к ней руку.

«Это же иллюзия. Я просто схожу с ума от безответного вожделения...»

Только теперь вожделение не казалось таким уж безответным. На лице Ингри на мгновение появилась совершенно идиотская улыбка.

Должно быть, он всё-таки уснул, потому что Теско пришлось вытащить его из постели на пол, чтобы разбудить. Руки у слуги дрожали: он испытывал ужас перед сонным Ингри, но не меньший — перед возможностью ослушаться приказа. Продрав глаза, Ингри заверил Теско, что ослушание обошлось бы ему дороже. Через некоторое время ему удалось сесть, хоть всё тело у него и болело.

Ингри позволил Теско помочь себе в умывании, бритьё и одевании — чтобы не задеть рану на правой руке: новая повязка, наложенная лекарем на ладье, была насквозь пропитана сочащейся кровью, но времени менять её уже не было. Грязный бинт с левого запястья Ингри решил снять: та рана почти зажила, остались лишь розовые шрамы, коричневые струпья и позеленевшие синяки. Рукав тёмно-серого камзола, который Ингри носил в городе, достаточно хорошо их скрывал. Натянув сапоги, надев португепю с мечом и сунув за пояс кинжал, Ингри счёл себя выглядящим достаточно пристойно, если не считать покрасневших глаз и бледного лица.

Он с отвращением отказался от хлеба, с жадностью выпил кружку чая и спустился по лестнице. Подняв глаза, он обнаружил, что два этажа для него не препятствие.

«Йяда всё ещё спит. Это хорошо».

Воздух снаружи был холодным и влажным, света хватало только на то, чтобы Ингри мог разглядеть дорогу. На противоположный конец Королевского города он добрался с головой всё ещё тяжёлой, но всё же благодаря прогулке соображающей несколько лучше.

Рассвет возвращал миру цвета. Надёжный камень широкого фасада дворца Хетвара приобрёл оттенок свежего масла. Ночной привратник сразу же узнал Ингри, выглянув в скважину тяжёлой резной двери, и распахнул одну створку, чтобы тот мог войти в сумрачную тишину богатого жилища. Ингри отмахнулся от пажа, который хотел доложить о нём, и решительно поднялся по лестнице в кабинет хранителя печати. Вокруг бесшумно суетились слуги, распахивая ставни, растапливая камин, таская воду на кухню.

Ингри удивлённо заморгал и замедлил шаги, когда, свернув за угол коридора, обнаружил, что у кабинета Хетвара, прислонившись к стене, стоит знаменосец принца-маршала Биаста, лорд Симарк кин Стагхорн. Они с Ингри обменялись приветствиями как старые знакомые.

— Принц здесь? — тихо спросил Ингри.

— Угу.

— Давно вы прибыли?

— Мы были у ворот столицы два часа назад. Принц бросил повозки и свиту в болоте возле Ньютемпла. Мы скакали всю ночь. — Симарк повёл плечами, и с его одежды посыпались комья высохшей грязи.

— Это вы, Ингри? — донёсся из кабинета голос Хетвара. — Идите сюда.

Симарк, подняв брови, посмотрел на Ингри; тот поспешно проскользнул в кабинет. Сидевший за своим столом хранитель печати знаком велел ему закрыть за собой дверь.

Ингри поклонился принцу-маршалу, который сидел, вытянув перед собой ноги в заляпанных грязью сапогах, в кресле напротив Хетвара, потом — хранителю печати. Оба они ответили на его приветствие, и Ингри, заложив руки за спину, стал ждать вопросов.

Биаст выглядел таким же усталым, как и его знаменосец. Принц Биаст был немного ниже ростом, чем его младший брат Болесо, и не такой широкоплечий, но всё равно, как и все Стагхорны, отличался атлетическим сложением, тёмными волосами и длинным подбородком — бритым в отличие от привычки других членов семьи. Глаза Биаста были проницательны, и если он и обладал таким же темпераментом и чувственностью, как младший брат, эти качества находились под жёстким контролем. Биаст сделался наследником своего отца всего три года назад, после безвременной кончины старшего сына короля — Бизы. Пока на него не легли многотрудные обязанности наследника, средний принц стремился к военной карьере, и походы оставляли ему мало времени и для придворной дипломатии, в чём был силён Биза, и для сомнительных развлечений Болесо.

Хетвар был уже одет для выхода — не со своей обычной простотой, а в траурный придворный наряд; поверх отделанного мехом камзола лежала тяжёлая цепь, говорящая о его ранге. По-видимому, он собирался вскоре присоединиться к погребальной процессии Болесо перед тем, как она достигнет столицы. Хранитель печати был человеком среднего роста, среднего сложения, среднего возраста; потворство плоти не входило в число его слабостей, несмотря на все соблазны, окружающие его при дворе. Ингри подумал о том, что просвещённому Льюко свойственны такие же обманчиво мягкие манеры, скрывающие негибкую властность. Эта мысль показалась ему любопытной и тревожной.

Чего были лишены и принц-маршал, и хранитель печати — так это какого-либо намёка на сверхъестественную силу, что было совершенно очевидно для вновь обретённого Ингри внутреннего чувства. Это открытие не принесло ему особого облегчения. Магическая власть иногда проявлялась; материальная же власть проявлялась всегда, и в этом кабинете было трудно забыть о том, что и принц, и Хетвар обладают ею в полной мере.

Хетвар провёл рукой по редющим волосам и бросил на Ингри суровый взгляд.

— Вам давно уже было пора сюда явиться.

— Да, сэр, — без всякого выражения ответил Ингри.

Тон Ингри заставил хранителя печати поднять брови, и он посмотрел на Ингри с пристальным вниманием.

— Где вы были вчера вечером?

— А что вам об этом сообщали, милорд?

Губы Хетвара дрогнули: осторожность Ингри его позабавила.

— Мой камердинер утром рассказал мне какую-то совершенно невероятную историю. Надеюсь, слухи о том, что вчера вы заколдовали огромного белого медведя во дворе храма, не соответствуют действительности. Что на самом деле там произошло?

— Я зашёл в храм, чтобы выполнить поручение, по пути сюда, милорд. Действительно, служитель не сумел удержать новое священное животное, которое его и поранило. Я... э-э... помог справиться со зверем. Когда жрецы вернули его бывшему хозяину, просвещённый Льюко велел мне проводить их через город к пристани — ради безопасности. Это я и сделал.

При упоминании имени Льюко глаза Хетвара блеснули. Так, значит, ему известно, кто Льюко такой...

— Хозяин зверя, Джокол, — продолжал Ингри, — называет себя князем южных островов, и я счёл недипломатичным отказаться от его гостеприимства. Напитки этих островитян оказались крепкими, а сказания — длинными. Когда Геска спас меня от них, было слишком поздно являться к вам.

Биаст фыркнул, бросив выразительный взгляд на бледное лицо Ингри; рассказ Ингри явно его позабавил. Прекрасно. Лучше быть героем пересудов о пьяной глупости, чем виновным в незаконной магии и странных чудесах.

— Просвещённый Льюко присутствовал при происшествии с медведем, — продолжал Ингри, — и только его свидетельство я назвал бы надёжным.

— У него своеобразные обязанности в храме.

— Так я и понял, милорд.

Неожиданно замершие руки Хетвара оказались единственным признаком того, какое впечатление произвели на него эти слова. Хранитель печати нахмурился и пожал плечами.

— Достаточно рассказов о прошлом вечере. Как мне сообщили, ваше путешествие с гробом Болесо было не таким благополучным, как вы сообщали в своих письмах.

Ингри склонил голову.

— Что содержалось в донесениях Гески?

— Донесениях Гески?

— Разве он вам не докладывал?

— Он доложил мне о прибытии вчера вечером.

— Не раньше?

— Нет. А в чём дело?

— Я заподозрил, что он пишет кому-то донесения. Я решил, что он докладывает вам.

— Вы видели эти письма?

— Нет.

Брови Хетвара поползли вверх.

Ингри сделал глубокий вдох.

— Во время путешествия произошли некоторые события, о которых даже Геска не знает.

— Например?

— Известно ли вам, милорд, что принц Болесо баловался запретной магией? Приносил в жертву животных?

При этих словах принц Биаст резко вздёрнул голову; хранитель печати поморщился и признал:

— Рыцарь Улькра сообщал мне о некоторых странностях. Оставить такого энергичного молодого человека без дела было, возможно, ошибкой. Надеюсь, вы уничтожили ненужные следы, как я приказал: нет смысла пачкать имя умершего.

— Это не были праздные развлечения. Принц Болесо предпринимал серьёзные и успешные попытки, пусть и необдуманные и неуместные; они прямиком вели к тому, что я могу назвать только буйным помешательством. Это обстоятельство заставляет меня, естественно, гадать, как долго подобные святотатства продолжались. Венс... Можно предположить, что принцу в какой-то момент помогал незаконный волшебник. По свидетельству леди Йяды Болесо высказывал какие-то безумные предположения о том, что нечестивые обряды дадут ему сверхъестественную власть над кланами Вилда. Принц повесил леопарда в ту ночь, когда пытался изнасиловать её; леди Йяда убила его, защищаясь.

Хетвар встревоженно взглянул на Биаста, который внимательно слушал, всё больше хмурясь.

— По свидетельству леди Йяды... — проговорил хранитель печати. — Полагаю, вы видите, какие с этим связаны проблемы.

— Я видел леопарда, шнур, на котором он был повешен, следы раскраски на теле Болесо, беспорядок в его спальне. Улькра и слуги могут всё это подтвердить. Я вполне верю девушке. Я поверил ей сразу же, но позже другие события подтвердили, что в этом я прав.

Хетвар махнул рукой, предлагая Ингри продолжать. Выражение его лица никак нельзя было назвать довольным.

— Мне стало ясно... как выяснилось... — Найти слова оказалось труднее, чем Ингри ожидал. — Кто-то в Истхеме... или где-то ещё... составил заговор, чтобы разделаться с моей пленницей. Мне неизвестно, кто и почему. — Говоря это, Ингри краем глаза следил за Биастом; принц выглядел изумлённым. — Мне удалось узнать только одно — каким образом.

— И кто же был этот убийца?

— Я.

Хетвар заморгал.

— Ингри!.. — начал он с угрозой.

— Чтобы понять это, мне потребовалось четырежды покушаться на её жизнь; разобраться во всём мне помогла храмовая волшебница, которую мы повстречали в Реддайке, некая просвещённая Халлана. Она когда-то была ученицей просвещённого Льюко, кстати. На меня было наложено заклятие. Халлана говорит, что обычный демон тут ни при чём и с силами белых богов это тоже никак не связано.

Хетвар оглядел Ингри с ног до головы.

— Поймите, друг мой, я не обвиняю вас — пока — в том, что вы бредите, но мне непонятно, как кто-нибудь, не говоря уж об обычной молодой девушке, смог бы выжить в схватке с вами.

Ингри поморщился.

— Как оказалось, леди Йяда умеет плавать... и обладает другими талантами тоже.

Волшебница в Реддайке разрушила заклятие, к счастью для нас всех. — Это было достаточно близко к истине. — На мой взгляд, все эти события выглядят чрезвычайно странно.

— На взгляд Гески тоже, по-видимому, — пробормотал Хетвар.

Совершенно спокойным ровным голосом Ингри сказал:

— Я нестерпимо разъярён тем, что кто-то так меня использовал.

Он хотел, чтобы его голос всего лишь передал умеренное неудовольствие, однако по жару, охватившему всё его тело, и дрожи в руках понял, насколько близки к истине его слова. Биаст фыркнул, озадаченный странным противоречием между смыслом сказанного и тоном, но Хетвар, внимательно наблюдавший за Ингри, замер на месте.

— Я гадал, не вы ли этот кто-то, милорд, — продолжал Ингри с тем же смертельно опасным спокойствием.

— Нет, Ингри! — воскликнул Хетвар; глаза его широко раскрылись, но руки остались лежать на крышке стола и не потянулись к рукояти церемониального меча. Ингри мог видеть, какого усилия это стоило хранителю печати.

На протяжении четырёх лет Ингри наблюдал, как Хетвар говорит правду или лжёт — в зависимости от потребностей момента. Так что же было ему выгоднее сейчас? Голова Ингри раскалывалась, а кровь, казалось, кипела в жилах. Был ли Хетвар злоумышленником, чьим-то орудием, невинным человеком? Ингри сообразил, что ему нет нужды гадать.

— Скажите правду!

— Не делал я этого!

Упавшая тишина была похожа на удар топора. Биаст неожиданно оказался словно приклеенным к своему креслу.

«Может быть, мне было бы лучше откусить себе язык...»

— Это очень приятно узнать, — поспешно сказал Ингри, намеренно придавая себе менее напряжённую позу. «Скорее, скорее нужно выпутываться из этой неловкости!» — Как здоровье священного короля?

Однако молчание всё ещё длилось; Хетвар пристально смотрел на Ингри и, не отводя от него глаз, только сделал повелительный жест в сторону растерянного Биаста.

Тот вопросительно взглянул на хранителя печати и облизнул губы.

— Я побывал у постели отца, прежде чем приехать сюда. Его состояние хуже, чем я думал. Меня он узнал, но говорит он совсем неразборчиво, а к тому же ужасно пожелтел и ослаб. Он снова уснул почти сразу же... — Принц помолчал, и голос его зазвучал ещё печальнее. — У него кожа как бумага. Он ведь всегда... он никогда... — Биаст умолк — прежде чем, как подумал Ингри, голос ему совсем изменит.

— Вы должны, — сказал Ингри, тщательно подбирая слова, — подумать об опасности того, что выборы состоятся очень скоро.

Хетвар кивнул. Биаст тоже кивнул, но очень неохотно. Опущенные веки только отчасти скрывали панику, отразившуюся в глазах принца; его взгляд в сторону Хетвара явно содержал вопрос: позволено ли его странному воину-волку так свободно рассуждать о высокой политике. На мрачном лице хранителя печати ответа он не прочёл.

— Я практически уверен, — продолжал Ингри, — что запретные эксперименты Болесо имели целью захват королевской власти.

— Но он же младший сын! — воскликнул Биаст и поспешно поправился: — Был...

— Такое бывает возможно исправить... Благодаря магии вас можно было бы убить, не попавшись. Как я убедился на собственном опыте.

Хетвар неожиданно впал в глубокую задумчивость.

— Дело в том, — пробормотал он, — что было куплено и продано больше голосов, чем имеется выборщиков. Я никак не мог понять, в чём тут ловушка.

— Насколько можно быть уверенными в том, что принц-маршал унаследует престол? — спросил Ингри Хетвара, дипломатично поклонившись Биасту. — Если священный король умрёт, когда так много знати собралось в Истхоме на похороны Болесо,

выборы могут произойти очень быстро.

Хетвар пожал плечами.

— Хокмуры и их союзники из восточных провинций давно готовятся именно к такой ситуации, как нам хорошо известно. Их клан потерял престол четыре поколения назад, но они всё ещё жаждут власти. Они не заполучили, насколько я могу судить, достаточно голосов, но если учесть колеблющихся... Если Болесо тайком пытался сплотить именно их, то после его смерти они снова рассеялись.

— Считаете ли вы, что теперь колеблющиеся примкнут к партии его брата? — Ингри бросил взгляд на Биаста, который всё ещё с несчастным видом переваривал намёк на братоубийство.

— Может быть, и нет, — протянул Хетвар, нахмутив брови. — Члены клана Фоксбриар, хоть и знают, что их лорду не победить, способны воспользоваться неразберихой. Если выборщики долго не смогут прийти к определённому решению, как бы дело не дошло до мечей.

Биаст всё ещё оставался хмурым, но при этих словах его рука решительно сжала рукоять меча. Этот жест не прошёл мимо внимания хранителя печати; он предостерегающе поднял руку.

— Если бы принц Биаст был устранён... — осторожно заговорил Ингри, — впрочем, даже не важно, был бы он устранён или нет... мне кажется, что заклятие, способное заставить убить, с тем же успехом может тайно заставить проголосовать за нужного человека.

Ингри думал, что Хетвар и до сих пор относился к его словам с полным вниманием; как оказалось, он ошибался.

— Действительно, — выдохнул хранитель печати. Более неподвижным он уже не мог сделаться, но теперь от его неподвижной фигуры веяло леденящим холодом. — Скажите, Ингри... вы способны ощущать подобные заклятия?

— Теперь способен.

— Хм-м... — Хетвар окинул Ингри оценивающим взглядом.

«Значит, теперь я спасён. По крайней мере в том, что касается угрозы со стороны Хетвара. Может быть».

Хетвар издал наполовину вздох, наполовину стон и снова пригладил волосы.

— А я-то ещё думал, что разбираться предстоит только с подкупом, принуждением, угрозами, двуличием... — Новая мысль заставила его глаза сузиться. — И кого вы подозреваете в незаконной магии? Раз уж не меня?

Ингри вежливо склонил голову — принося извинения, но не признавая своей вины. «Если дорожишь жизнью, храни и свои, и мои секреты...»

— У меня нет достаточных доказательств. Такое обвинение очень серьёзно.

Хетвар поморщился.

— Ваш дар к преуменьшению, как я смотрю, не изменил вам. Этим придётся заняться храму, знаете ли.

Ингри с несчастным видом кивнул. Он хотел, чтобы маг — даже в мыслях он предпочитал не уточнять: волшебник или шаман, — который наложил на него заклятие, был повержен, но совсем не стремился разделить его участь. Впрочем, знать, что Хетвар по крайней мере будет той стеной, которая защитит его тылы, было огромным облегчением. Ингри только надеялся, что не разрушил её, испытывая на прочность.

И если Хетвар — не сообщник человека, злоумышлявшего на жизнь Йяды, то, может быть, мольба о справедливости будет услышана? Когда ещё у Ингри появится шанс встретиться с Биастом лицом к лицу? Он сделал глубокий вдох.

— Остаётся ещё дело леди Йяды. Если вы желаете прикрыть безумие и богохульство Болесо, то суд над ней — последнее, чего можно хотеть. Позвольте расследованию вынести решение о самозащите, а ещё лучше — о несчастном случае, и отпустите её.

— Она убила моего брата, — возразил Биаст, хотя и не с такой горячностью, как мог

бы.

— Тогда пусть она заплатит пристойную цену крови, как это было принято в Древнем Вилде, — не слишком высокую, конечно. Честь будет спасена, а тайна сохранена, — добавил Ингри осторожно.

— Такой прецедент едва ли хорош для члена королевской семьи, — покачал головой Хетвар. — Это всё равно что объявить охоту на Стагхорнов, а то и всех знатных лордов. Имелись очень веские причины для того, чтобы орден Отца затратил столько усилий для искоренения этого обычая. Богатые могли бы без страха покупать жизни бедняков.

— А разве сейчас это не так? — спросил Ингри.

Хетвар предостерегающе кашлянул.

— Гораздо предпочтительнее, чтобы её казнь свершилась быстро и безболезненно. Может быть, можно даровать ей милость — отсечение головы мечом вместо виселицы или костра.

«А я — ваш доверенный меченосец».

— В этом деле всё более запутано, чем кажется на первый взгляд. — Ингри не хотелось разыгрывать эту карту, но суровое выражение лиц Хетвара и принца привело его в ужас. Он посеял идею в их головах; может быть, нужно время, чтобы она укоренилась. «Неужели её жизнь должна оказаться в опасности только потому, что я побоялся заговорить?» — Я думаю, что её коснулся бог. Преследовать её опасно.

Биаст фыркнул.

— Коснулся убийцы? Сомневаюсь. Если так, пусть боги пошлют ей защитника.

Ингри с трудом сдержался: у него было такое ощущение, будто он получил удар под ложечку.

«Похоже, что именно это они и сделали. Не очень хорошего, правда. Можно было бы ожидать, что боги окажутся способны на большее...»

Вслух Ингри сказал другое:

— Как случилось, милорды, что трон священного короля так обесценился? Когда-то он был действительно священным. Как смеем мы превращать его в товар, который можно покупать и продавать тому, кто даст большую цену? С каких пор принёсшие клятву богам воины сделались торговцами?

Эти слова задели Хетвара; он явно возмутился.

— Я использую все дары, которыми меня благословили боги, в том числе разум и способность предвидеть. Моя задача диктует, какими инструментами мне пользоваться. Я служил Вилду ещё до вашего рождения, Ингри. Золотого века никогда не существовало — всегда был только железный.

— Боги в этом мире не имеют других рук, кроме наших. Если их подведём мы, на кого же им рассчитывать?

— Ингри, перестаньте! — Биаст тёр лоб, как будто у него болела голова. — Хватит. Чтобы участвовать в процессии, мне нужно ещё умыться и переодеться. — Он поднялся и, морщась, расправил плечи.

Хетвар немедленно поднялся тоже.

— Конечно, принц-маршал. Мне тоже следует отправляться. — Он, хмурясь, повернулся к Ингри. — Мы продолжим этот разговор, когда вы вернёте себе доброе расположение духа, лорд Ингри. До того не обсуждайте ни с кем эти темы.

— Побеседовать со мной желает просвещённый Льюко.

Хетвар шумно выдохнул воздух.

— Льюко, ну как же. Он редко бывает покладистым, как говорит мой опыт.

— Противиться храму я могу, только подвергаясь огромной опасности.

— Вот как? Это новый поворот. Я полагал, что вы противитесь, кому только пожелаете. Кто из них первым опустил бы глаза, Ингри не был уверен, но принц Биаст уже подошёл к двери, и Хетвар поневоле последовал за ним.

— Вы лучше не лгите Льюко, — махнул хранитель печати рукой. — Позже я с ним

поговорю. И с вами тоже. — Опустив глаза, Хетвар добавил: — И не закапайте мой ковёр.

Ингри вздрогнул и схватился левой рукой за правую. Бинты промокли насквозь.

— Что случилось с вашей?.. Нет, расскажете мне потом. Явитесь на траурную церемонию в храм. Оденьтесь соответственно, — распорядился Хетвар.

— Милорд... — Ингри поклонился удаляющейся спине хранителя печати. Симарк, которому надоело ждать и который отправился разглядывать гобелены в зале, поспешил присоединиться к принцу.

Итак, Хетвар собирается поразмыслить, прежде чем действовать. Ингри не видел в этом особенно обнадеживающего знака.

Было уже позднее утро, и в Истхоме кипела жизнь, когда Ингри вышел на улицу и свернул к реке. Йяда уже проснулась — он чувствовал это сердцем. Проснулась, и в данный момент ничем особенно не обеспокоена. У Ингри стало немного легче на душе. Без ставшей его постоянным состоянием паники он позволил своим ногам самим выбирать скорость передвижения, и они решили не спешить. Является ли эта странная восприимчивость взаимной? Нужно будет спросить Йяду. Ингри устало потащился в сторону дома.

Глава 13

Привратник снова распахнул дверь перед Ингри. Тот сразу же взглянул на ведущую на верхний этаж лестницу. Йяда была у себя, запершись с дуэньей, как ей и было велено. Ингри пришло на ум, что если слуг Хорсривера и одного несколько потрёпанного воина и хватит, чтобы не дать сбежать кроткой наивной девушке, такие защитники окажутся печально беспомощными в случае нападения извне. Ингри, возможно, удалось бы уложить одного убийцу — ну, нескольких, — однако целеустремлённому врагу было бы достаточно послать многочисленный отряд, и трагический исход был бы обеспечен.

Что же касается незаметного, магического нападения... тут исход не был столь очевиден. Не окажется ли колдовской голос средством защиты? Бурление в крови странной силы всё ещё смущало Ингри. Граф Хорсривер в отличие от него самого наверняка знает обо всех новых способностях Ингри. Уклончивое обещание Венсела чему-то научить его и привлекало, и смущало.

Привратник протянул Ингри слегка помятый листок бумаги.

— Это для вас принёс посланец из храма, милорд.

Сломав печать, Ингри обнаружил короткую записку от просвещённого Льюко; почерк был крупный и твёрдый.

«Как выяснилось, сегодня мне придётся заняться вопросами дисциплины среди служителей храма, нарушения которой вы вчера помогли обнаружить, за что я очень благодарен. Я нанесу визит вам и леди Йяде завтра сразу же после похоронных обрядов».

Ингри хорошо понимал, что жрецы храма постараются как можно скорее разделаться с жутьничеством своих аколитов — ведь им предстояли церемонии государственной важности. Пожалуй, лёгкое раздражение, которое сквозило в кратких строках записки, не было плодом его воображения. В сердце Ингри облегчение мешалось с разочарованием. Льюко смущал его, но кто лучше него смог бы объяснить Ингри, что значил смеющийся голос, который прозвучал в его ушах во время вчерашней суматохи во дворе храма? Тайная надежда на то, что Льюко объявит загадочное явление простой галлюцинацией, чем дальше, тем больше казалась Ингри безосновательной.

Ингри поднялся в свои покои, где Теско сменил повязку на его руке и помог снять закапанную кровью одежду. Шов, наложенный лекарем островитян, не разошёлся, рана начала затягиваться. Однако постоянные кровотечения начали смущать Ингри; хотя каждый раз существовало вполне разумное их объяснение — по большей части собственной

неосторожностью Ингри, — его взбудораженное воображение рисовало ему картину нечестивого возлияния... «И если мелкая магия требует небольших кровавых жертвоприношений, то что случится, если прибегнуть к магии огромной?»

Постель манила Ингри, и он растянулся на кровати. Мысль о еде всё ещё вызывала отвращение, но сон, возможно, поможет его ранам зажить. Однако стоило Ингри лечь, как его охватило новое беспокойство. Он с самого начала предполагал, что стремление таинственного злоумышленника разделаться с Йядой имеет исключительно политические причины или рождено желанием отомстить за Болесо. Может быть, подобный взгляд — просто следствие того, что Ингри так долго сотрудничает с хранителем печати? Однако попытка взглянуть на события более широко привела лишь к неопределённости и растерянности.

«Я с каждым днём знаю всё меньше и меньше».

Так что же ждёт его в конце: унылая жизнь деревенского идиота? Наконец физическая усталость разогнала абсурдные образы, и Ингри провалился в беспокойный сон.

Проснулся он позже, чем намеревался, умирая от жажды, но с таким ощущением, будто выплатил своему телу некоторую часть накопившихся долгов. Воодушевлённый этим обстоятельством, он через Теско передал на кухню распоряжение о том, чтобы ужин ему и пленнице был подан в столовой на первом этаже. Ингри снова оделся, причёсал волосы, огорчился тому, что не располагает лавандовой водой, и решил завтра же велеть Теско её купить, почистил зубы, побрился второй раз за день и, наконец, в стужающихся сумерках, сделав глубокий вдох, спустился вниз.

Йяда уже ждала его; сияние свечей в канделябрах заставляло её саму в её светлом платье походить на горящую свечу. Она обернулась при звуке шагов Ингри, и от улыбки, осветившей её лицо, у Ингри перехватило дыхание.

Он не мог накинуться на неё, как голодный волк, хотя бы потому, что рядом стояла дуэнья, сжав губы и сложив руки перед собой. Стол, как к своему ужасу обнаружил Ингри, слуги без размышлений накрыли на троих. Служанка принцессы, без сомнения, была шпионкой Хорсривера, так что отослать её означало бы навлечь на себя бог знает какие неприятности.

Как бы ни менялись его взгляды на то, кто может оказаться союзником, а кто — врагом, он должен, решил Ингри, заботиться не только о репутации Йяды, но и о своей собственной, иначе охрану пленницы могут поручить кому-нибудь другому. Однако позволить себе улыбнуться он мог — и улыбнулся. Он мог позволить себе коснуться руки Йяды, с официальной вежливостью поднося её к губам. Аромат кожи Йяды, казалось, обострил все его чувства. Близость девушки была столь ослепительна, что Ингри с трудом сохранил самообладание.

Отчаянное ответное пожатие, такое крепкое, что ногти её впились в кожу Ингри, было единственным способом, которым Йяда могла сообщить: «Я тоже это чувствую». Она пригасила улыбку, ограничившись любезным кивком высокородной дамы, и позволила Ингри отодвинуть для неё кресло. Лакеи начали подавать на стол.

— По-моему, я впервые вижу вас не в кожаном дорожном костюме, лорд Ингри. — По тону Йяды было ясно, что ей нравится то, что она видит.

Ингри коснулся тонкой чёрной ткани своего камзола.

— Леди Хетвар заботится о том, чтобы свита её мужа не посрамила чести их дома.

— Значит, у неё хороший вкус.

— Вот как? Прекрасно. — Ингри удалось отхлебнуть вина, не поперхнувшись. Его мысли бежали по слишком многим дорожкам одновременно: возбуждение, которое испытывает его тело, политические сложности, смертельная опасность, нависшая над ними с Йядой, незабываемое потрясение от того мистического поцелуя. Ингри уронил кусочек мяса с вилки и попытался незаметно поднять его.

— Просвещённый Льюко не появился.

— Ох... Да, он прислал записку: он собирается прийти завтра, после похорон.
— Есть ли какие-нибудь новости о вашем белом медведе? Или о вашем пирате?
— Пока нет, хотя слухи уже долетели до милорда Хетвара.
— Как прошла ваша встреча с хранителем печати?

Ингри склонил голову набок.

— Как, по-вашему, могла она пройти? — «Разве ты не чувствуешь, где я и что происходит со мной, как чувствую это в отношении тебя я?»

Йяда слегка кивнула и медленно проговорила:

— Напряжённо... в противоречиях. И ещё было... происшествие. — Взгляд Йяды, казалось, проникал Ингри под кожу. Девушка мельком посмотрела на дуэнью; та продолжала жевать и слушать.

— Верно. — Ингри сделал глубокий вдох. — Полагаю, что хранителю печати Хетвару можно доверять. Впрочем, его заботы — исключительно политические, а я всё меньше и меньше считаю ваши неприятности связанными с политикой. Там присутствовал принц-маршал Биаст, чего я не ожидал. Он не загорелся сразу идеей платы за кровь, но по крайней мере у меня был шанс заронить эту мысль ему в голову.

Йяда погоняла вилок по тарелке лапшу.

— Думаю, боги мало интересуются политикой. Для них важны только души. Заглядывайте в души, лорд Ингри, если хотите догадаться о желаниях богов. — Лицо девушки, когда она подняла глаза, было серьёзным.

Помня о присутствии мрачной дуэньи, Ингри перевёл разговор на менее важную тему: стал расспрашивать Йяду о том, как она провела день. Девушка подхватила его лёгкий тон и с юмором рассказала об увлекательной книге по домоводству — по-видимому, единственной книге, которая нашлась в доме. После этого темы для разговора иссякли, и воцарилось молчание. Ингри, конечно, надеялся на большее, но по крайней мере они были в одной комнате, живые и здоровые.

«Мне, пожалуй, стоит пересмотреть свои представления о флирте».

Резкий стук в дверь, беготня слуг, голоса... Ингри напрягся, вспомнив, что оставил меч в своей комнате и вооружён всего лишь кинжалом на поясе, потом успокоился, узнав голос Венсела. Граф-выборщик вошёл в столовую; Ингри поднялся ему навстречу, а дуэнья испуганно вскочила и сделала реверанс.

— Добрый вечер, Ингри, леди Йяда, — кивнул им Венсел. Он был одет в придворный траурный наряд, покрытый дорожной пылью, и выглядел смертельно усталым. Таящаяся в нём темнота казалась неподвижной, словно её что-то сдерживало или подавляло. Венсел обвёл взглядом столовую.

— Вы можете быть свободны, — сказал он дуэнье. — Заберите с собой свою тарелку.

Женщина снова присела и поспешно удалилась. Слуги графа были хорошо вымуштрованы: она не забыла плотно прикрыть за собой дверь.

— Вы ужинали? — вежливо поинтересовалась Йяда.

— Что-то ел, — отмахнулся Венсел. — Только налейте мне вина, пожалуйста.

Йяда наполнила кубок из графина, и Венсел, взяв его, опустил в кресло, вытянул ноги и откинул голову на спинку.

— У вас всё хорошо, миледи? Мои слуги заботятся о вас должным образом?

— Да, благодарю вас. Мои физические потребности вполне удовлетворены. Мне не хватает новостей.

Венсел склонил голову.

— Нет никаких новостей, по крайней мере тех, которые касались бы вашего положения. Болесо привезли в храм, и там его тело пробудет ночь. К этому времени завтра по крайней мере балаган закончится. — Венсел поморщился.

«И начнётся другой — судилище над Йядой?»

— Я тут подумал, Венсел... — Ингри вкратце ещё раз изложил свою идею насчёт платы за кровь. — Если ты в самом деле стремишься восстановить честь своего дома, кузен,

это могло бы оказаться подходящим средством, если, конечно, удастся уговорить Стагхорнов и Баджербанка. Хотел бы подчеркнуть, что это в твоих силах.

Венсел бросил на Ингри проницательный взгляд.

— Ты, как я посмотрю, не такой уж бесстрастный тюремщик.

— Если тебе был нужен именно такой тюремщик, не сомневаюсь, что ты нашёл бы подходящего человека, — сухо ответил Ингри.

Венсел поднял свой бокал в приветствии, которое лишь отчасти было шутливым, и осушил его до дна. Через несколько мгновений он произнёс:

— Если говорить о косвенных доказательствах, судя по тому факту, что я до сих пор не арестован за гнусную магию, ты сохранил наши секреты.

— Да, мне до сих пор удавалось не упоминать о тебе в своих разговорах. Не знаю, насколько долго я смогу это продолжать. К несчастью, я привлёк к себе некоторое внимание жрецов. Ты ещё не слышал о белом медведе?

Губы Венсела скривились.

— Сегодняшняя не слишком благочестивая похоронная процессия только сплетнями и занималась. Рассказы, которые я слышал, были весьма красочны, но противоречивы. Я, наверное, был единственным человеком, слышавшим их, для кого всё случившееся было совершенно ясно. Поздравляю тебя с открытием... Я не ожидал, что ты так быстро освоишь эти умения.

— Мой волк никогда раньше не говорил таким голосом.

— Священные животные бессловесны. Подобная власть исходит от человека. Впрочем, целое отличается от каждой из составных частей: они изменяют друг друга, по мере того как сливаются.

Ингри несколько мгновений обдумывал услышанное; слова Венсела показались ему не слишком обнадеживающими и дразняще уклончивыми. О том, втором голосе, слышанном им в храме, он решил не упоминать.

— К тому же, — добавил Венсел, — твой волк раньше и в самом деле был связан, отделён от тебя, хоть и заключён у тебя внутри. Уверяю тебя: ни жрецы, ни я на этот счёт не заблуждались. Тайной для меня остаётся другое: как ему удалось освободиться. — Венсел поднял брови, приглашая Ингри к откровенному признанию.

Ингри не обратил внимания на намёк.

— На что ещё он... я... мы способны?

— Колдовской голос — великая и загадочная сила, гораздо более определяющая твою сущность, чем ты думаешь.

— Поскольку мне практически ничего не известно, это не такое уж откровение, Венсел.

Граф пожал плечами.

— Действительно, шаманы лесных племён обладали и другой властью. Видения, которые не обманывали... Они могли исцелять недуги тела и души, раны, лихорадку. Иногда им удавалось следовать за человеком, чей разум погрузился во тьму, и возвращать его. Бывало, что они использовали свою силу для обратного: погружали жертву во тьму, насылали болезнь, даже смерть. Некромантия, требовавшая человеческих жертвоприношений...

«Наложение заклятий?» — молча задался вопросом Ингри.

— Да, они были могущественны, — продолжал Венсел медленно, — и всё же даже в дни величайшей славы Древнего Вилда могущественны недостаточно. Их врагов — безжалостных врагов шаманов и воинов, в которых жили духи животных — оказалось слишком много. Пусть это послужит нам уроком, Ингри. Мы одиноки, и тайна — наша единственная надежда на спасение.

Йяда глубоко вздохнула и прошептала:

— Мне говорили, что великий Аудар победил магию Вилда одним мечом — мечом и храбростью.

Венсел фыркнул.

— Дартаканская ложь. Аудар собрал всех святых и волшебников из храмов Дартаки. Для нашего поражения в долине Священного древа потребовалось предательство богов.

Ингри догадался, куда клонит Йяда, и подхватил:

— И какие же записи о сражении при Кровавом Поле хранятся в твоей библиотеке в замке Хорсриверов — ведь дартаканские летописи о многом умалчивают?

Губы Венсела скривились в странной полуулыбке.

— Их достаточно много, чтобы понять: всё, чему тебя учили в дни теперешнего упадка Вилда, — подтасовка.

— Какие бы нечестивые обряды ни совершали шаманы, Аудар победил. В этом нет лжи, — сказал Ингри.

Венсел раздражённо дёрнул плечом.

— Не нечестивые обряды, а великое, пусть и рождённое отчаянием, деяние. Вилд подвергался ужасному давлению. За время жизни одного поколения мы лишились половины наших земель. Цвет нашей молодёжи умирал от дартаканских копий.

— Описания сражений, которые я читал, — возразил Ингри, — единодушно говорят о том, что армия Аудара была лучше организована и обучена, она лучше управлялась и снабжалась. Некоторые вещи для того времени кажутся просто чудом: дартаканцы строили дороги сквозь леса почти с такой же скоростью, как наступали.

— Ну, не с такой же, конечно, но действительно, захват ими владений любого племени приводил к полному опустошению. Против всех ресурсов Дартаки и половины богатств наших земель одной храбрости было недостаточно. Священный король — последний истинный правитель нашего народа и, кстати, один из моих предков Хорсриверов — собрал шаманов всех племён, каких только мог найти, и все вместе они начали великий ритуал, который должен был сделать воинов — носителей духов неуязвимыми. Могучие бойцы, которых нельзя было ни ранить, ни убить, должны были встать на пути дартаканцев и отбросить их за реку Лур навеки. Тела и души этих мужей должны были соединиться с самой священной землёй Вилда, и она обновляла бы их силы, чтобы даровать победу. Священные гимны, которые обеспечили бы такую связь, должны были звучать в течение трёх дней; голоса должны были слиться в хор неслыханного никогда ранее величия. Обряд наделил бы людей силой самого леса.

Йяда, слушавшая затаив дыхание, прошептала:

— Так что же помешало этому?

Венсел покачал головой и так стиснул губы, что они побелели.

— Всё бы получилось, если бы Аудар, которому помогали и волшебники, и сами боги, не напал слишком быстро. С невероятной скоростью его армия прошла сквозь леса и холмы, вместо того чтобы остановиться на отдых и двинуться дальше с рассветом, дартаканцы нанесли удар в темноте. Это была вторая ночь великого обряда, мы были не готовы, мы были уязвимы... племенные шаманы устали и растратили силу. Король уже получил священную связь с землёй, но воины — ещё не совсем.

— Вы... мы ведь всё равно сражались? — настойчиво спросила Йяда.

— О, яростно! Но у Аудара было в три раза больше войска. Я... никто не думал, что он соберёт такую огромную армию и двинет её так далеко и так быстро.

— И всё-таки победить воинов, раны которых магически исцеляются, трудно. Так что же случилось?

— Когда тела погребены в одном рву, а головы — в другом, в полумиле от первого, даже такие наделённые сверхъестественной силой воины умирают... со временем. Дартаканцы первым делом убили священного короля, без которого обряд не мог быть закончен, хотя его и не обезглавили... Ему переломали руки и ноги, бросили в ров, завалив телами его соратников. Он ещё многие часы оставался жив... пока не утонул в крови своих любимых товарищей. — Глаза Венсела блеснули.

— Люди Аудара работали всю ночь и весь день, — продолжал он, — обагрённые кровью по пояс и почти обезумевшие от того, что им пришлось делать. Некоторые не

выдерживали ужаса, они садились на землю, раскачивались и рыдали... Дартаканцы перебили всех, кого нашли поблизости от Священного древа: и тех, кто сдался, и тех, кто продолжал сопротивляться, шаманов, воинов, женщин, детей. Они не хотели рисковать. Они уничтожили все святилища, убили всех попавшихся им животных, спилили и сожгли Древо жертвоприношений. Старший сын и наследник священного короля был казнён последним, под конец дня, после того, как стал свидетелем всего этого. Когда в священных пределах не осталось ничего живого, кроме деревьев, дартаканцы ушли оттуда и запретили кому-либо там бывать. Они словно хотели похоронить вместе с нами свои собственные грехи. Проливались дожди, выпадали снега многих зим, люди умирали, и Священное древо было забыто, как была забыта древняя слава Вилда.

Ингри поймал себя на том, что слушает страстный рассказ Венсела о тех древних событиях затаив дыхание. На какие ещё откровения можно вызвать кузена?

— Говорят, Аудара привело в ярость нарушение племенами заключённого договора, а впоследствии он жалел о кровопролитии. Ради спасения своей души он принёс огромные дары в храм.

— Свой собственный храм! — фыркнул Венсел. — Он жертвовал правой рукой то, что нагабил левой. А договор, заключённый насильно, — это не договор, а разбой. Проникновение дартаканцев на наши земли было постоянным, а так называемые договоры служили им только для оправдания.

— Ну, не знаю, — с сомнением протянул Ингри. — Из хроник следует, что сначала дартаканцы намерения воевать не имели. Они начали завоёвывать Вилд, после того как на протяжении жизни двух поколений отбивались от набегов. Как только они устанавливали границу, им только и приходилось, что её защищать: неуправляемые кланы постоянно нападали на укрепления дартаканцев, так что тем приходилось выдвигать крепости вперёд... и всё начиналось сначала.

— Ты ведь и сам наполовину дартаканец, Ингри. — Тон Венсела снова стал сухим.

— Теперь это можно сказать о большинстве из нас.

— Да. Я знаю.

— Однако некоторым воинам кланов удалось бежать, — сказала Йяда, пристально глядя на Венсела. Ингри заметил, как крепко она стиснула лежащие на коленях руки. — Они, наши предки, продолжали бороться. Мы сопротивлялись, и со временем мы победили. Появился новый Вилд.

Венсел фыркнул.

— Империя Аудара пала из-за склок и глупости его внуков, а вовсе не из-за героизма уцелевших кланов. То, что возникло через полтора столетия, — это просто тень прежнего величия, насмешка над Древним Вилдом, лишившимся своей сущности и своей красоты, скованным дартаканской квинтарианской ортодоксальностью. Те, кто посадил на трон эту пародию священного короля, думали, будто возрождают что-то, но они были слишком невежественны, чтобы даже представлять себе, как много было утрачено. Дни великой свободы, дни жизни в единении с лесом миновали, были погребены под сетью дорог и мельниц, городов и ферм, под тяжким камнем храмов Аудара. Полтора века слёз, страданий, кровопролитий не дали ничего. Новые владыки кланов, все эти гордящиеся своим богатством графы-выборщики — вкупе с настоятелями-выборщиками, что за насмешка! — самодовольно поздравляли друг друга с победой, но воздвигнутый ими роскошный трон служит опорой лишь ягодицам слабого человека. Им следовало бы рыдать на пепелище, оплакивать то древнее предательство.

Венсел наконец заметил, какими глазами смотрят на него оба его слушателя.

— Ух! Урок окончен, дети. — Венсел с усилием втянул воздух. — Я становлюсь болтлив. Сегодня был отвратительный и слишком долгий день. Мне следует отправиться домой. — Он стиснул зубы. — К моей супруге.

— Как она переносит всё это? — напряжённым голосом поинтересовалась Йяда.

— Не слишком хорошо.

Ингри внезапно забеспокоился: какое давление на судей Йяды может исходить от принцессы? Из всех Стагхорнов принцесса Фара в наибольшей степени могла жаждать крови: ей было необходимо смыть собственную вину. И к словам Фары наверняка прислушается не только её муж, но и брат, принц Биаст.

Венсел отодвинул кресло, потёр переносицу и поднялся на ноги. Его окружённые тёмными кругами глаза, подумал Ингри, слишком стары для лица молодого человека.

Ингри проводил графа до крыльца, потом проскользнул обратно в столовую и закрыл дверь, прежде чем снова появилась дуэнья. Йяда хмурилась, чем-то явно озабоченная.

— Интересно, — медленно проговорила она, — какие сны снились Венселу?

— М-м?..

Йяда побарабанила пальцами по столу.

— Он говорил о Кровавом Поле не так, как рассказывал бы человек, знакомый с историей только по записям или рассказам. Он произвёл на меня впечатление очевидца.

— Как это случилось с тобой, да? Только вам снились разные времена.

— Мой сон касался настоящего времени, мне кажется. Почему ему снилось прошлое? И почему вообще ему могли сниться мои воины?

Ингри обратил внимание на собственническую нотку в голосе девушки.

— Он, по-видимому, считает, что это были его люди. — Ингри помедлил. — Его отец был знаменит своей одержимостью историей. То же самое говорили о его деде, насколько я помню рассказы моего отца и тётки. Венсел не разделял этой страсти в детстве, я точно знаю, но, возможно, заразился ею позднее, когда прочёл их труды. Должно быть, он отчаянно стремился найти объяснение тому, что с ним случилось. Не снился ли тебе снова Израненный лес, — добавил Ингри, — уже после того как ты оказалась в столице?

Йяда покачала головой.

— В этом не было... нужды. Задание, каково бы оно ни было, я уже получила. Ничто для меня с тех пор не изменилось и не потускнело. — Девушка взглянула в лицо Ингри. — Так было до тех пор, пока не появился ты, хочу я сказать.

Понимая, что наедине они побудут недолго, Ингри разрывался между желанием снова поцеловать Йяду и страхом. Что ещё мог бы открыть им поцелуй? Его забинтованная рука стиснула пальцы Йяды, и на её сводящих его с ума губах мелькнула благодарная улыбка.

Глаза Йяды сузились.

— Шаман клана... Воин, обладающий духом животного... Знаменосец... Священное древо... Почему все эти символы ожили здесь и сейчас? Мы все трое связаны друг с другом — вы с Венселом родством и той старой трагедией, мы с Венселом... недавними событиями, мы с тобой... — Йяда сделала глубокий вдох. — Нам следовало бы попытаться всё это понять.

— Нам следует попытаться остаться в живых, Йяда.

— Я не так уж уверена, — тихо ответила девушка, — что речь идёт именно о наших жизнях.

Рука Ингри крепче сжала руку Йяды, несмотря на пронизавшую её боль.

— Ты не должна чувствовать себя обречённой!

— Почему же? Или ты считаешь, что обречённость — только твоя участь? — Брови Йяды насмешливо поднялись. — Она очень тебе идёт, должна признаться. Только это несправедливо. — Она наклонилась к Ингри, и он замер от ужаса и наслаждения, когда её губы коснулись его губ. Однако на этот раз не произошло ничего, кроме нежного прикосновения плоти к плоти.

Прежде чем Ингри смог припасть к губам Йяды в поисках того священного огня, что опалил их накануне, дверь открылась и вошла дуэнья. Ингри неохотно выпустил руку Йяды. Он хорошо понимал, что женщина не может не заметить его учащённого дыхания.

Дуэнья без улыбки обвела взглядом Ингри и Йяду и присела в реверансе.

— Прошу прощения, милорд. Граф велел мне быть всё время рядом с госпожой.

— Я очень признательна ему за заботу, — проговорила Йяда голосом настолько

невыразительным, что Ингри не смог понять, было ли это насмешкой или искренней благодарностью. Йяда взяла свой кубок, осушила его и поставила на стол. — Не следует ли нам теперь удалиться в ту унылую комнату?

— Если вам угодно, миледи... Так граф и сказал.

Под тупым упрямством женщины Ингри ощутил искреннее беспокойство. Власти графа-выборщика было достаточно, чтобы держать слуг в страхе, но не чувствовали ли они... или не испытывали ли — чего-то ещё?

— Может быть, и лучше пораньше лечь, — неохотно согласился Ингри. — Мне предстоит сопровождать лорда Хетвара на траурной церемонии завтра утром.

Йяда кивнула и поднялась на ноги.

— Я буду признательна, если потом вы посетите меня и обо всём расскажете.

— Непременно, леди Йяда.

Ингри смотрел вслед Йяде... было ли это капризом его воображения или и в самом деле с её уходом в комнате стало темнее?

Глава 14

Площадь перед храмом была уже запружена толпой придворных в траурных одеждах и зевак, когда Ингри утром туда прибыл. Он заметил у ворот храма нескольких гвардейцев Гески, из чего следовало, что хранитель печати уже внутри. Ингри ускорил шаги и протолкался к воротам. Люди, узнававшие его, торопились убраться с дороги.

Яркая синева неба говорила о том, что день может оказаться не по-осеннему жарким, и Ингри с облегчением вступил в тень, отбрасываемую портиком. Его парадная одежда была тяжёлой и неудобной: длинный траурный плащ мешал идти и цеплялся за меч. Солнечные лучи заливали центральный двор храма, в середине которого на каменных плитах очага пылал священный огонь, и Ингри заморгал, войдя в тень и тут же снова выйдя на свет. Высмотрев леди Хетвар, которую сопровождали Геска и её старший сын, Ингри подошёл к ней и поклонился. Дама кивнула в ответ, одобрительно оглядела траурный наряд Ингри и немного подвинулась, чтобы освободить ему место позади себя, рядом с Геской. Лейтенант нервно покосился на Ингри, но ничем больше не обнаружил последствий их последнего странного приключения, и Ингри начал надеяться, что Геска не стал распространяться о сверхъестественном инциденте.

По другую сторону от священного огня Ингри заметил рыцаря Улькру и нескольких слуг Болесо; это было хорошо — значит, они прибыли в Истхом, как им и было велено. Улькра вежливо поклонился Ингри, хотя те придворные Болесо, которые сопровождали его гроб, постарались не встречаться с Ингри глазами — то ли помня о его неприязни, то ли просто побаиваясь его.

Из каменного коридора, ведущего внутрь храма, донеслось пение хора; эхо заставляло слитные голоса звучать подобающе далёкими и печальными. Поющие аколиты медленно выступили во двор: пять раз по пять, квинтет для каждого из богов, — одетые в голубые, зелёные, красные, серые и белые одежды. Позади них шестеро вельмож — Хетвар, близнецы Боарфорды и ещё три графа-выборщика — несли носилки с телом принца.

Тело Болесо было туго обёрнуто пахучими травами под роскошной одеждой, однако распухшее лицо оставалось на виду. Задержка, связанная с путешествием в столицу, привела к такой степени разложения, когда следовало бы хоронить тело в закрытом гробу, но погребение столь высокородного человека требовало присутствия свидетелей, и чем больше, тем лучше, чтобы предотвратить возможность появления самозванцев в будущем.

Следом за носилками шли ближайшие родственники покойного. Биаста, роскошно одетого, но выглядящего очень усталым, сопровождал Симарк со штандартом принца-маршала, в знак траура свёрнутым вокруг древка. Граф Хорсривер поддерживал под руку принцессу Фару в строгом чёрном платье. Тёмные волосы принцессы, стянутые в узел и не украшенные ни драгоценностями, ни лентами, подчёркивали смертельную бледность её

лица. Фара в отличие от братьев не была высокой, и длинный подбородок Стагхорнов у неё не был так заметен; она не была красавицей, но гордая осанка и умение держаться обычно скрадывали недостатки. Сегодня же принцесса выглядела осунувшейся и больной.

Присутствие духа жеребца в Хорсривере казалось так хорошо скрытым, что могло быть принято просто за мрачность.

«Нужно узнать у Венсела, как он это делает».

Ингри начал догадываться, каким образом кузену удаётся избегать разоблачения жрецами, но цена его ужаснула.

Ингри с облегчением обнаружил, что священный король не покинул ради похорон своей постели и не был принесён в храм на носилках. Уж очень походило бы на то, что одни носилки следуют за другими...

Ингри направился за леди Хетвар, когда она заняла положенное место у входа в увенчанный куполом зал Сына. Огромное пространство заполнилось толпой; менее знатные придворные заглядывали в арку, ведущую во двор. Вельможи опустили носилки перед алтарём Сына, хор затянул новый гимн, а верховный настоятель Фритин вышел вперёд, чтобы совершить церемонию проводов принца. Ингри пошире расставил ноги, заложил руки за спину и приготовился вытерпеть скучный обряд. К счастью, речи оказались формальными и краткими и никто не упомянул странных обстоятельств смерти Болесо. Даже Хетвар ограничился несколькими банальностями о трагически оборвавшейся молодой жизни.

Из центрального двора донёсся шорох: толпа раздвинулась, освобождая дорогу процессии со священными животными. Вели их другие служители, чем накануне, а Фафу, грозного белого медведя, заменила миниатюрная пушистая кошечка, уютно свернувшаяся в руках женщины в белых одеждах Бастарда. Мальчик, который вёл рыжего жеребёнка, оказался тем же самым; поскольку на этот раз его подопечного не приходилось успокаивать, паренёк глазел по сторонам и, встретившись глазами с Ингри, испуганно вздрогнул, узнав его.

Группы проявляли чрезвычайную осторожность, подводя животных к носилкам, чтобы они смогли сообщить, забирает ли душу Болесо соответствующий бог. Никто из присутствующих особенно не ожидал, что голубая сойка Дочери или зелёный попугай Матери проявят какой-нибудь интерес, но толпа заволновалась, когда к носилкам подвели рыжего жеребёнка. Животное проявило полное равнодушие, так же как серый пёс и белая кошечка. Служители растерянно переглянулись. Биаст мрачно нахмурился, а принцесса Фара была, казалось, готова упасть в обморок.

Неужели душа Болесо проклята, отвергнута Сыном Осени, на которого, казалось бы, была самая большая надежда, и не востребована даже Бастардом? Неужели Болесо обречён стать истаивающим со временем призраком? Или он был так осквернён духами животных, принесённых им в жертву, что оказался в ловушке между миром материи и миром душ и был обречён на те самые муки, которые Ингри когда-то описывал Йяде?

Верховный настоятель поманил к себе Биаста, Хетвара и просвещённого Лююко, который держался так незаметно, что Ингри даже не сразу его увидел. После того как они тихо посовещались, группы начали заново подводить священных животных к носилкам.

Жара и напряжение неожиданно оказали на Ингри странное действие. Зал поплыл у него перед глазами, правая рука начала болеть. Ингри незаметно попятился к стене, надеясь найти опору в её прохладном камне. Этого оказалось недостаточно. Как раз в тот момент, когда к носилкам подвели рыжего жеребёнка, Ингри рухнул на пол бесформенной грудой; только тихо звякнул о камни его меч.

И тут неожиданно оказалось, что Ингри стоит в том, другом месте, в безграничном пространстве, где он однажды уже бывал, но только теперь, похоже, схватки не предвиделось: Ингри по-прежнему был в парадной одежде, и лицо его оставалось человеческим.

Из рощи по-осеннему пахнущих опадающей листвой деревьев вышел рыжеволосый

молодой человек. Он был высок, одет в кожаный охотничий костюм и леггинсы, за плечом висели лук и колчан. Его блестящие глаза сверкали, как лесной поток, нос осыпали веснушки, широкий рот смеялся. Голову молодого человека венчала корона из осенних листьев — бурых дубовых, красных кленовых, жёлтых берёзовых. Широко шагая, он вытянул губы и свистнул, и резкий высокий звук пронзил душу Ингри, как стрела.

Из тумана появился огромный тёмный волк с отливающим серебром мехом; он подбежал к молодому человеку, приоткрыв пасть и вывалив язык, припал к земле, лизнул ногу охотника и перекатился на бок. Рыжеволосый юноша присел на корточки и почесал зверю живот. Шею волка, примяв густую шерсть, охватывал ошейник из осенних листьев — таких же, как корона на голове охотника. Волк, казалось, смеялся... Молодой человек выпрямился и широко расставил ноги.

Из чащи с большим достоинством, но так же нетерпеливо выбежал пятнистый леопард. Рядом с ним с растерянным видом шла Йяда. Шея леопарда была обвита гирляндой лиловых и жёлтых осенних цветов, Йяда держала её, как поводок, но трудно было понять, кто из них кого ведёт. Йяда была в том же запятнанном жёлтом платье, в котором Ингри увидел её в первый раз, — том самом, что она носила во время трагической схватки с Болесо, и капли крови на нём казались свежими и сверкали, как рубины. На лице Йяды, когда она увидела весёлое лицо рыжеволосого охотника, растерянность сменилась изумлением и ужасом. Леопард потёрся о ногу молодого человека, едва не опрокинув его, и его раскатистое мурлыканье прозвучало как прерывистая песня.

Юноша взмахнул рукой; Ингри и Йяда тут же повернулись к нему.

Перед ними в мучительной неподвижности застыл Болесо. Он тоже выглядел так, как в ночь своей смерти: на нём была короткая мантия, под которой виднелись нанесённые краской на восковую кожу узоры. Их тусклые цвета вызвали у Ингри головную боль: они были неправильны, противоречили друг другу. Ингри пришёл на ум невежда, который, услышав незнакомый язык, начинает ему подражать, или ребёнок, ещё не умеющий писать, но усердно, глядя на старшего брата, покрывающий лист бумаги бессмысленными каракулями.

Для Ингри кожа Болесо была прозрачна. В клетке его рёбер вихрились лающие и скулящие, рычащие и воющие сгустки тьмы. Кабан, пёс, волк, олень, бобёр, лис, сокол, даже перепуганный кот...

«Результаты давних экспериментов?»

Да, сила в этом сборище была, но она тонула в хаосе, в оглушительном шуме. Ингри вспомнил слова Йяды: «Сам его ум был похож на зверинец».

Бог мягко произнёс:

— Он не может войти в мои врата, пока не избавится от этих духов.

Йяда сделала шаг вперёд и умоляюще протянула руки к Сыну Осени.

— Чего ты хочешь от нас, господин?

Взгляд бога охватил всех стоящих перед ним.

— Освободите его, если будет на то ваша воля, чтобы он смог войти в царство богов.

— Ты желаешь, чтобы мы определили судьбу другого человека? — прошептала Йяда. — Не только в земной жизни, но в вечности?

Сын Осени склонил набок украшенную венком голову.

— Ты же однажды сделала для него выбор, не так ли?

Губы Йяды приоткрылись, потом сжались — не то от страха, не то от благоговения.

Он тоже должен был испытывать благоговение, подумал Ингри. Должен был бы упасть на колени... Вместо этого он чувствовал головокружение и гнев. Преклонение Йяды перед богом вызывало у него одновременно острую зависть и отвращение: как будто он смотрит на солнце в маленькую дырочку, в то время как Йяда свободно любит светилу.

«Но если бы мои глаза видели всё шире, не ослепил бы меня этот свет?»

— Ты готов... готов взять его на свои небеса, господин? — с изумлением и яростью спросил Ингри. — Он убивал — не ради защиты собственной жизни, а из-за безумия и

злости. Он пытался украсть власть, по праву ему не принадлежащую. Если я правильно догадываюсь, он покушался на жизнь собственного брата. Он был готов изнасиловать Йяду, если бы смог, и продолжать убивать — для собственного развлечения!

Сын Осени поднял руки. Они сияли, словно на них падал свет осеннего солнца, отражённый лесным потоком.

— Мои руки изливают милосердие, как полноводную реку, воин-волк. Разве ты хотел бы, чтобы я отмеривал его в соответствии с заслугами человека, как аптекарь из пипетки? Хотел бы ты стоять по пояс в чистой воде, оделяя по капле людей, умирающих от жажды на иссушенном берегу?

Ингри растерянно молчал, но Йяда решительно ответила:

— Нет, господин, я этого не хотела бы. Допусти его к своей реке, пусть он погрузится в её бурное течение. Его потери — не выигрыш для меня, заслуженное им наказание меня не порадует.

Бог ослепительно улыбнулся девушке. По её лицу текли серебряные слёзы — они казались благословением.

— Это несправедливо, — прошептал Ингри. — Несправедливо по отношению ко всем тем, кто... кто пытался не свернуть с пути.

— Ах, но я же не бог правосудия, — протянул Сын. — Разве вы оба предпочли бы предстать перед Отцом?

Ингри судорожно сглотнул: он совершенно не был уверен, что этот вопрос — риторический; не был он уверен и в том, что случится, если он скажет «да».

— Пусть выбирает Йяда. Я подчинюсь.

— Увы, от тебя требуется большее, чем просто отойти в сторону, воин-волк. — Бог показал на Болесо. — Он не сможет войти в моё царство, отягчённый всеми этими изуверченными духами. Эта дверь — не для них. Изгони их из него, Ингри.

Ингри оглядел животных, заточенных за рёбрами Болесо.

— Выпустить их из этой клетки?

— Если ты предпочитаешь такую метафору, то да. — Медные брови бога сошлись на переносице, но в глазах сверкало веселье. Волк и леопард теперь сидели с обеих сторон от стройных обутых в охотничьи сапоги ног и не мигая смотрели на Ингри.

Ингри прочистил горло.

— Как это сделать?

— Позови их.

— Я... я не понимаю...

— Соверши то, что делали твои предки друг для друга, творя последние очистительные обряды Древнего Вилда. Разве ты не знал? Когда они обмывали тело и заворачивали в саван, шаманы занимались душой усопшего. Каждый должен был помогать товарищу, был ли он просто воином, владевшим духом животного, или великим магом, пройти сквозь врата в конце жизни, и каждый мог рассчитывать на такую помощь. Великая цепь — рука в руке, голос за голосом, прошедшие очищение души, возносящиеся непрерывным потоком... — Голос бога смягчился. — Отзови эти несчастные создания, Ингри кин Волфклиф. Спой песнь, которая дарует им покой.

Ингри стоял, глядя на Болесо. Широко раскрытые глаза принца смотрели на него с мольбой.

«Думаю, глаза Йяды тоже были широко раскрыты и умоляли той ночью. Разве проявил ты к ней милосердие, мой никчёмный принц? И к тому же я совершенно не умею петь».

Ингри заметил, что Йяда пристально и с надеждой смотрит на него.

«Во мне нет милосердия, леди. Придётся мне позаимствовать его у тебя».

Ингри сделал глубокий вдох и потянулся в глубь собственного существа. Потом проследил взглядом за одним выходящим в клетку из рёбер духом и протянул руку.

— Выйди на свободу!

Первый дух пролетел у него между пальцев, испуганный и растерянный, и исчез вдали.

Ингри взглянул на бога.

— Куда?..

Взмах сияющей руки обнадёжил его.

— Всё хорошо. Продолжай.

— Выйди...

Один за другим тёмные вихри вырывались из Болесо и рассеивались в ночи... или в лучах рассвета. Что бы это ни было, все духи уплывали в какое-то «сейчас» вне времени, как казалось Ингри. Наконец Болесо, всё ещё безмолвный, был освобождён от всех пятен тьмы.

Ингри увидел перед собой юного бога, сидящего на рыжем жеребёнке и протягивающего руку принцу. Болесо с сомнением и страхом смотрел на него снизу вверх, и Ингри услышал, как Йяда судорожно втянула воздух. Но тут Болесо вскарабкался на спину жеребёнка позади бога. На лице принца было написано изумление, хотя и не радость.

— Думаю, что его душа всё ещё ранена, господин, — сказал Ингри с непонятно откуда взявшейся уверенностью.

— Ах, но я знаю великолепного целителя там, куда мы отправляемся, — ликуя, рассмеялся бог.

— Господин... — прошептал Ингри, глядя, как бог без помощи узды разворачивает своего скакуна.

— Да?

— Если каждый племенной шаман освобождал своего товарища, а тот — своего... — Ингри с трудом сглотнул. — Что случится с самым последним шаманом?

Взгляд Сына Осени был загадочным. Он протянул руку, почти коснувшись сияющим пальцем лба Ингри. На мгновение Ингри показалось, что бог ничего ему не ответит, но потом Сын Осени пробормотал:

— Это нам ещё предстоит выяснить.

Он ударил пятками рыжего жеребёнка, и они исчезли.

Ингри заморгал.

Он наполовину лежал на жёстком камне, наполовину сидел, привалившись к стене, глядя вверх, на купол храма Сына. Его окружало кольцо обеспокоенных людей — Геска, встревоженная леди Хетвар, двое-трое незнакомцев.

— Что случилось? — прошептал Ингри.

— Вы потеряли сознание, — хмурясь, ответил Геска.

— Нет... Что случилось у катафалка? Только что?

— Сын Осени забрал душу принца Болесо, — сказала леди Хетвар, оглянувшись через плечо. — Этот милый рыженький жеребёночек буквально уткнулся в него носом — тут уж сомневаться не приходится. Все испытали облегчение.

— Да. Половина моих солдат билась об заклад, что он отправится к Бастарду. — На лице Гески промелькнула кривая улыбка.

Леди Хетвар неодобрительно покачала головой.

— Это неподходящая тема для пари, Геска.

— Конечно, миледи, — послушно кивнул Геска, стирая с лица улыбку.

Ингри приподнялся и сел, опираясь на стену. Движение заставило зал начать медленно кружиться, и он крепко зажмурился, потом осторожно открыл глаза. В то время, пока длилось его видение, Ингри казался себе невесомым, лишённым тела, но теперь его сотрясал озноб, рождающийся где-то в животе, хотя холодно ему не было, — словно тело приходило в себя после шока, отрицаемого рассудком.

Леди Хетвар наклонилась вперёд и положила матерински заботливую руку на влажный лоб Ингри.

— Не заболели ли вы, лорд Ингри? Вы ужасно горячий.

— Я... — Ингри хотел было решительно отвергнуть такое предположение, но передумал. Ему ничего так страстно не хотелось, как немедленно оказаться подальше от

этого полного странных событий места. — Боюсь, что заболел. Умоляю меня простить, и передайте мои извинения вашему супругу. — «Нужно повидаться с Йядой». Ингри поднялся, опираясь на стену, и начал продвигаться к выходу. — Нехорошо было бы, если бы я вывалил свой завтрак на пол посреди церемонии.

— Безусловно, — горячо поддержала его леди Хетвар. — Уходите скорее. Геска, помогите ему. — Дама проследила, как Геска подхватил Ингри, и только после этого снова повернулась к сыну.

У алтаря снова запел хор, и жрецы двинулись к выходу из зала. Люди зашевелились, готовясь последовать за процессией. Ингри был благодарен шуму, который заглушил его собственные шаги. Ему показалось, что на другом конце зала просвещённый Льюко вытягивает шею, пытаясь высмотреть его, и Ингри постарался не встречаться глазами со жрецом. Держась за стену — отчасти ради опоры, отчасти чтобы не позволить толпе себя увлечь, — Ингри вышел из зала. К тому времени, когда они добрались до портика, Геска уже стал для него обузой.

— Оставь меня, — выдохнул Ингри, стряхивая руку лейтенанта.

— Но, Ингри, леди Хетвар сказала...

Ингри даже не понадобился его колдовской голос: Геска отшатнулся от одного его мрачного взгляда. Он остался стоять, растерянно глядя вслед пробирающемуся сквозь толпу Ингри.

К тому времени, когда Ингри добрался до лестницы, ведущей в Королевский город, он уже почти бежал. Он перепрыгивал через бесконечные ступени по две, по три зараз, рискуя покатиться вниз и сломать шею, а когда добрался до скрытого под строениями ручья, мчался так, что полы длинного плаща буквально вихрем взвивались вокруг сапог. Постучавшись в дверь дома, он был вынужден наклониться и опереться руками о колени, чтобы отдышаться, и едва не оправдал сказанное леди Хетвар: его желудок бунтовал так же бурно, как и лёгкие. Когда изумлённый привратник открыл дверь, Ингри не удержался на ногах и ввалился в холл.

— Леди Йяда... Где она?

Прежде чем привратник успел открыть рот, ответ на вопрос Ингри дали быстрые шаги на лестнице. Йяда летела вниз под отчаянные вопли дуэньи:

— Госпожа! Вам нельзя! Вернитесь и лягте в постель!

Ингри выпрямился и стиснул руки девушки.

— Как вы...

— Я видела...

— Пойдёмте! — Ингри потащил Йяду за собой в гостиную, бросив через плечо слугам: «Прочь!»; всех их — привратника, мальчика-слугу, дуэнью и горничную — как ветром сдуло. Ингри захлопнул за собой дверь.

Ингри и Йяда больше не держались за руки; теперь они приникли друг к другу, но это объятие ничего романтического в себе не имело: оно было выражением ужаса. Ингри не мог бы сказать, кто из них дрожит сильнее.

— Что ты видела?

— Я видела *Его*, Ингри. И слышала. И это был не сон, не благоухание в темноте — ясное видение при свете дня. — Йяда отстранилась, чтобы посмотреть в лицо Ингри. — И тебя я тоже видела. — Йяда смотрела так, будто не верила собственным глазам, хотя её недоверие относилось явно не к видению. — Ты стоял лицом к лицу с богом и не придумал ничего лучше, как спорить с ним! — Она схватила Ингри за плечи и встряхнула.

— Он забрал Болесо...

— Я видела! Ох, благодаря милости Сына с меня снят мой грех! — Слёзы текли по лицу реальной Йяды так же, как это было в видении. — Благодаря тебе тоже, Ингри... О, что за деяние! — Йяда покрывала поцелуями лицо Ингри, её прохладные губы скользили по его покрытому потом лбу, щекам, векам.

Ингри слегка отстранился и сквозь стиснутые зубы прошипел:

— Я ничего такого не делал. Подобные вещи со мной просто не случаются!

Йяда вытаращила на него глаза.

— Я сказала бы, что они очень часто с тобой случаются.

— Нет! Да! О боги! Я чувствую себя так, словно превратился в какой-то проклятый громоотвод во время грозы. Чудеса... Я должен держаться подальше от всех этих похоронных чудес, а они минуют цель и наваливаются на меня! Я не хочу, я не могу...

Левая рука Йяды стиснула правую руку Ингри, и девушка опустила глаза.

— Ох!

Повязка снова была насквозь пропитана кровью. Йяда, ничего не говоря, подошла к комоду, порылась в ящике и нашла льняное полотенце.

— Иди сюда и сядь. — Йяда подвела Ингри к стулу, сняла повязку и туго перевязала рану чистой тканью. Дыхание у них обоих наконец стало ровным. Йяде не пришлось бегом пересечь половину Истхома, но Ингри не удивился тому, что она запыхалась.

— Твою руку нужно показать лекарю. Что-то с ней не так, — сказала Йяда, завязывая узелок.

— Не стану спорить.

Йяда наклонилась и отвела потную прядь со лба Ингри. Её глаза что-то искали в его лице — что именно, он не знал. Взгляд Йяды смягчился.

— Может быть, я и прикончила Болесо...

— Нет, всего лишь убила.

— ...Но благодаря тебе я не обрекла его душу на проклятие богов. Это кое-что... это много!

— Да. Если ты так считаешь. — Значит, то, что он сделал, он сделал для неё. Если его поступки порадовали Йяду, может быть, оно того стоило. Йяда и Сын...

— Так вот в чём дело... вот для чего мы были направлены сюда. Ради избавления недостойной души Болесо. Мы выполнили волю бога, и теперь, когда всё кончилось, нас можно бросить на произвол нашей собственной судьбы.

Уголки губ Йяды поползли вверх.

— Как это типично для тебя, Ингри: всегда видеть во всём тёмную сторону.

— Кто-то же должен оставаться реалистом посреди всего этого безумия!

Теперь и брови Йяды поползли вверх. Она подсмеивалась над Ингри.

— Сплошная тьма и уныние — ещё не реализм. Все прочие цвета тоже реальны. Ведь и я была избавлена, хоть и недостойна...

Ингри мог бы почувствовать обиду, если бы смех Йяды не был так похож на пузырьки, щекочущие кожу при купании в горячем источнике.

Йяда втянула воздух.

— Ингри! Если единственная душа, прикованная к миру материи духами животных, причиняет богам такое страдание, что ради её избавления они совершают чудеса руками таких неподходящих помощников, как мы, что же должны значить для них четыре тысячи душ?

— Ты думаешь об Израненном лесе? О своём сне?

— Сомневаюсь, что всё уже закончено. По-моему, мы ещё даже и не начали!

Ингри облизнул губы. Он видел, куда ведёт её озарение, и только сожалел о том, что это так очевидно. Если освобождение единственной души сопровождалось для него таким смутным ужасом...

— И не начнём, если меня сожгут, а тебя повесят. Я не говорю, что ты не права, но сначала лучше заняться тем, что важнее.

Йяда в страстном отрицании замотала головой.

— Я всё ещё не понимаю, что от меня требуется. Но что требуется от тебя — это я видела. Если твой огромный волк превратил тебя в шамана Древнего Вилда, последнего шамана — а так сказал сам бог, — то ты и в самом деле последняя надежда тех воинов. Очищение... те, кто пал при Кровавом Поле, так и не получили очищения, не были

освобождены. Мы должны туда отправиться. — Йяда подпрыгнула на стуле, словно готовая немедленно пешком отправиться в путь.

Руки Ингри стиснули запястья Йяды — и не только для того, чтобы удержать её на месте.

— Должен напомнить, что для этого имеются препятствия. Ты под арестом и ждёшь суда, а я — твой тюремщик.

— Ты уже предлагал раньше помочь мне бежать. И теперь я знаю куда! Разве ты не понимаешь? — Глаза Йяды горели.

— И что потом? За нами пошлют погоню и вернут обратно, может быть, даже ещё до того, как мы сумеем что-нибудь предпринять, и обвинения против тебя станут ещё более суровыми, а меня уберут от тебя подальше. Давай сначала разрешим все проблемы в Истхоме — таков логический порядок, — а уж потом отправимся. Если твои воины ждали четыреста лет, они наверняка могут подождать ещё немножко.

— Могут ли? — Йяда нахмурила брови. — Ты уверен? Откуда ты знаешь?

— Нам нужно сосредоточиться на одной проблеме зараз — самой срочной.

Рука Йяды коснулась сердца.

— Мне именно эта проблема представляется наиболее срочной.

Ингри стиснул зубы. Йяда была прекрасной, любящей, страстной, её коснулся бог — но всё это не означало, что она всегда права.

«Бог не просто коснулся её — он лично даровал ей искупление, совершив ради этого чудо!»

Что же удивляться, что она так пылает! Ингри чувствовал, что может растаять в её сиянии.

Однако искупление коснулось лишь её души, её прегрешения. Тело Йяды, её преступление всё ещё были подвластны миру материи, политике Истхома. Ингри не знал, ради чего призвал его бог, но ведь не для того же, чтобы вместе с Йядой совершить явную глупость.

Ингри сделал глубокий вдох.

— Мне не снился твой сон об Израненном лесе. Я могу полагаться лишь на твоё — хоть и очень живое — его описание. Призраки тают, лишённые пищи, которую раньше получали от своих тел. Почему же с этими такого не произошло? Не думаешь же ты, что они четыре столетия были замурованы в искалеченных деревьях?

Ингри хотел пошутить, но Йяда восприняла его слова совершенно серьёзно.

— Мне так кажется. Что-то в этом роде... Нечто живое поддерживало их в мире материи. Помнишь, Венсел говорил, что Аудар прервал великий обряд?

— Я не доверяю ничему, что говорит Венсел.

Йяда с сомнением взглянула на Ингри.

— Он же твой кузен!

Ингри не мог понять, считает ли она этот аргумент доводом в пользу Венсела или наоборот.

— Я не понимаю Венсела, — продолжала Йяда, — но эти слова показались мне правдивыми — они словно отдались в глубине моей души. Великий обряд, который даровал воинам силу самой земли Вилда, чтобы они смогли победить. — На лице Йяды отразилась тревога. — Но победить им не удалось, верно? И Вилд, который возник снова, был совсем не тем, который они потеряли. Венсел говорит, что новый Вилд — предательство по отношению к прошлому, хотя я не понимаю почему. Древние воины больше не могли выбирать, каким быть миру.

В дверь дома кто-то постучал, заставив Ингри недовольно поморщиться. До него донеслись шаги привратника, потом голоса. Слов Ингри разобрать не мог, но, судя по тону, привратник против чего-то возражал. Ингри раздражённо стиснул зубы — таким несвоевременным было это вмешательство.

«Что ещё?»

Глава 15

Раздался небрежный стук, и дверь тут же распахнулась. Из холла донёлся голос привратника:

— Нет, просвещённый, не смейте туда входить! Лорд-волк приказал...

Просвещённый Льюко решительно вошёл в комнату и закрыл за собой дверь; испуганных причитаний привратника не стало слышно. Жрец был в той же одежде, в которой Ингри видел его утром, — в белой мантии своего ордена, более новой и чистой, чем накануне в рабочей комнате, но по-прежнему лишённой всяких знаков ранга. Скромный и незаметный человек, в суе Храмowego города наверняка почти невидимый... Нельзя было бы утверждать, что Льюко запыхался, но лицо его горело, как если бы жрецу пришлось быстро идти под лучами полуденного солнца. Жрец остановился, чтобы поправить мантию и отдышаться, не отводя от Ингри и Йяды пронзительного тревожного взгляда.

— Я всего лишь второстепенный святой, — наконец сказал он, осеняя себя знаком Пятёрки и задерживая руку на сердце, — но ошибиться в том, что произошло, было невозможно.

Ингри облизнул губы.

— Вам известно, сколько ещё людей видели... то, что видели вы?

— Насколько я знаю, из наделённых Взглядом присутствовал только я. — Льюко склонил голову набок. — Вы имеете иные сведения?

«Венсел».

Если появление бога было замечено Льюко, Венсел, как казалось Ингри, тоже не мог остаться в неведении.

— Я не уверен...

Льюко с подозрением сморщил нос.

— Ингри... — нерешительно вмешалась в разговор Йяда.

— Ох... — Ингри вскочил на ноги, чтобы представить священнослужителя Йяде, благодарный за ту передышку, которую дали ему эти формальности. — Леди Йяда, это просвещённый Льюко. Я каждому из вас рассказывал... о другом. Не угодно ли сесть, просвещённый? — Он придвинул третье кресло. — Мы вас ждали.

— А вот о вас я не могу сказать, чтобы вы вели себя ожидаемо, — ответил Льюко, со вздохом опускаясь в кресло и вытирая с лица пот. — Напротив, с каждым часом вы ведёте себя всё более неожиданно.

Уголки губ Ингри дрогнули в ответ на замечание жреца. Он вновь уселся рядом с Йядой.

— Для меня самого тоже. Я не знал... Я не собирался... Но что именно вы видели? Со своей стороны? — Ингри, конечно, не имел в виду сторону зала и по выражению лица Льюко понял, что пояснять это не нужно.

Льюко глубоко втянул воздух.

— Когда животных в первый раз подвели к катафалку принца, я испугался, что результат окажется неясным. Мы всегда стараемся избегать подобных ситуаций: они очень огорчают родственников. А в данном случае вообще могла произойти катастрофа... Группы обычно получают указания поощрить действия своих животных — чтобы не возникло сомнений. Подчёркиваю: поощрить, а не подделать или скрыть. Боюсь, что подобная политика навела некоторых аколитов на неподобающие мысли, что и закончилось вчерашним жульничеством. Мы провели расследование, и все ордена выразили возмущение, когда выяснилось, что это не единственный случай — некоторые наши служители и раньше не могли устоять перед посулами и взятками. Подобные преступления, оставшись безнаказанными, оказываются привлекательными для слабых душ.

— Разве они не боялись гнева своих богов? — спросила Йяда.

— Даже гнев богов нуждается в помощи человека, чтобы проявить себя. — Льюко со

значением посмотрел на Ингри. — Если уж говорить о гневе богов, то ваши действия позавчера оказались замечательно эффективными, лорд Ингри. Я ещё никогда не видел, чтобы преступление было раскрыто, а виновник покаялся настолько быстро.

— Счастлив был услужить, — проворчал Ингри и, колебавшись, добавил: — Сегодня утром это случилось во второй раз. Я за три дня повстречал двух богов. Случай с белым медведем теперь выглядит как прелюдия — тогда, в этом страшном звере, себя явил ваш бог.

— Так это и должно было быть — чтобы во время похорон случилось чудо.

— У меня в голове, когда я стоял перед медведем, прозвучал голос...

Льюко напрягся.

— Что он сказал? Вы можете вспомнить точно?

— Едва ли я мог бы забыть! «Как я посмотрю, у зверёныша Брата шкурка стала погуще. Это хорошо. Пожалуйста, продолжайте...» И ещё он смеялся, — раздражённо сказал Ингри. — Это не очень мне тогда помогло. — Немного успокоившись, Ингри добавил: — Голос меня испугал. Теперь я думаю, что испугался тогда недостаточно.

Льюко откинулся в кресле и надул губы.

— Как вы думаете, это ваш бог вселился в медведя? — настойчиво спросил его Ингри.

— О, — махнул рукой Льюко, — без сомнения. Знаки священного присутствия Бастарда те, кто его знает, узнают безошибочно. Вопли, неразбериха, люди, бегающие кругами, — единственно, чего не хватало, так это пожара, и я даже на минуту подумал, что вы и это обеспечите. — Льюко сочувственно кивнул Ингри. — Ожоги, которые получил аколит, через несколько дней заживут. Он не смеет жаловаться на то, насколько суровым было наказание.

Йяда удивлённо подняла брови.

Ингри откашлялся и пробормотал:

— Ну а сегодня утром явился не ваш бог.

— Нет. Может быть, это и к счастью. Это был Сын Осени, да? Я заметил лишь какую-то рябь у стены, ощутил Присутствие и увидел вспышку оранжевого света, когда жеребёнок наконец подошёл к телу Болесо. Увидел, — добавил Льюко, — не глазами, знаете ли.

— Теперь знаю, — вздохнул Ингри. — Йяда тоже там была. В моём видении.

Льюко резко повернул голову.

— Пусть она вам расскажет, — продолжал Ингри. — Это было её... её чудо, мне кажется.

«А вовсе не моё».

— Вы вдвоём разделили видение? — изумлённо спросил Льюко. — Расскажите!

Йяда кивнула и мгновение оценивающе смотрела на жреца, словно решала, можно ли ему доверять, потом оглянулась на Ингри и начала:

— Это была для меня полная неожиданность. Я была в этом доме, в своей комнате наверху. На меня вдруг обрушилось странное ощущение, жар, и я почувствовала, что опускаюсь на пол. Моя дуэнья решила, что я упала в обморок, и перетащила меня на постель. В тот первый раз, в Реддайке, я в большей мере осознавала то, что меня на самом деле окружало, но теперь... Я целиком погрузилась в видение. Первое, что я разглядела, был Ингри в своём придворном траурном одеянии — в том, которое на нём сейчас, но раньше я его никогда не видела. — Йяда помолчала, глядя на одежду Ингри, словно хотела добавить что-то ещё, но покачала головой и продолжала: — Рядом с ним бежал его волк — огромный, тёмный, но такой великолепный! Я была соединена цветочной гирляндой с моим леопардом, и он тянул меня вперёд. И потом из-за деревьев вышел бог...

Ровный голос Йяды описывал события именно так, как всё происходило с Ингри, хоть и с иной точки зрения. Голос девушки дрогнул только один раз — когда она повторяла слова бога: дословно, насколько помнил Ингри. По-видимому, Йяда испытывала то же, что и он: сказанное богом отпечаталось в памяти буквами неугасимого огня. Ингри отвёл глаза, когда Йяда процитировала и его собственные не слишком любезные возражения, и стиснул зубы.

К концу рассказа в глазах Йяды блеснули слёзы.

— ...И Ингри спросил бога, что случится с последним шаманом, раз не останется уже никого, кто мог бы даровать ему очищение, но бог не ответил. Мне показалось, что он этого не знал. — Йяда с трудом сглотнула.

Льюко оперся локтями о стол и устало потёр глаза.

— Осложнения... — недовольно пробормотал он. — Теперь я понимаю, почему всегда боюсь получать письма от Халланы.

— Может всё это отразиться на участи Йяды, как вы думаете? — спросил Ингри. — Если она даст соответствующие показания? Как идёт подготовка к суду? Думаю... можно предположить, что такие новости вы узнаете одним из первых. — Если, конечно, сходство Льюко с Хетваром не ограничивается возрастом и стилем разговора.

— О да. Сплетни в храме разносятся даже быстрее, чем при дворе, могу поклясться. — Льюко пососал нижнюю губу. — По-моему, орден Отца назначил пятерых судей для предварительного расследования.

Это была существенная новость: мелкие преступления или те, которые было решено считать таковыми, рассматривались всего тремя судьями, а иногда и одним, а если обвиняемому особенно не везло, то младшим служителем, ещё только обучающимся судейскому ремеслу.

— Вы что-нибудь о них знаете?

«Что-нибудь, что плохо о них говорит?»

Услышав этот вопрос, Льюко поднял бровь.

— Все они — высокородные придворные, опытные в расследованиях серьёзных преступлений. Ответственно относящиеся к делу... Допрашивать свидетелей они могут начать уже завтра.

— Угу, — кивнул Ингри, — я видел рыцаря Улькру, а значит, и все слуги Болесо тоже прибыли в столицу. Таким образом, ничто больше не задерживает расследования. Меня вызовут как свидетеля?

— Поскольку вас там не было в момент смерти принца, то вряд ли. А вы желали бы что-то сообщить?

— Может быть... а может быть, и нет. Насколько опытны эти ответственно относящиеся к делу судьи в вопросах сверхъестественного?

Льюко хмыкнул и откинулся в кресле.

— Ну, это всегда представляет проблему.

Йяда нахмурила брови.

— Почему?

Льюко оценивающе взглянул на девушку.

— Так много того, что относится к сверхъестественному, да и к священному тоже, представляет собой внутренний, душевный опыт... А поэтому любые свидетельства неизбежно оказываются сомнительными. Люди лгут. Люди обманываются. Людей можно убедить или запугать, и они поверят, будто видели то, чего на самом деле не видели. Откровенно говоря, люди иногда просто бывают безумны. Каждый начинающий судья из ордена Отца очень быстро убеждается в том, что если будет сразу же отметить все подобные свидетельства, то не только избавит себя от бесконечных тягостных препирательств, но и будет прав в девяти случаях из десяти. По этой причине условия, при которых подобные заявления принимаются к рассмотрению, законом очень строго ограничиваются. Как правило, трое сенситивов храма с безупречной репутацией должны поручиться друг за друга и за свидетеля.

— Вы ведь храмовый сенситив, не так ли? — спросила Йяда.

— Я лишь один из нескольких.

— В этой комнате находятся трое сенситивов!

— М-м... может быть, присутствующие и сенситивы, но, боюсь, им не хватает таких качеств, как принадлежность к храму и безупречная репутация. — Скептический взгляд Льюко скользнул от Йяды к Ингри.

Халлана, подумал Ингри, могла бы оказаться свидетельницей, чьим словам судьи поверят. Однако сейчас её трудно привлечь... Впрочем, если понадобится прибегнуть к тактике проволок, можно будет потребовать, чтобы за ней послали в Сатлиф. Ингри отложил эту мысль на будущее.

Йяда потёрла лоб и жалобно спросила:

— Вы не верите нам, просвещённый?

Льюко плотно сжал губы.

— Верю. Да, я вам верю, да поможет мне Бастард. Однако доверия достаточно для действий частного лица, а доказательства, убедительные с точки зрения закона, — это совсем другое дело.

— Действий частного лица? — переспросил Ингри. — Разве вы действуете не от имени храма, просвещённый?

Льюко сделал неопределённый жест.

— Я занимаю пост в храме и слежу за соблюдением порядка... и в то же время бог слегка коснулся меня — этого мне достаточно, чтобы понимать: к большему стремиться не следует. Я никогда не могу быть уверен, чем являются мои случайные озарения — следствием моей неспособности принять или нежелания бога дать. — Льюко вздохнул. — Ваш господин Хетвар не желает этого понять. Он требует от меня помощи в самых неподходящих делах и бывает недоволен отказом. Волшебники моего ордена в его распоряжении; боги — нет.

— Так вы ему отказываете? — Твёрдость жреца произвела на Ингри впечатление.

— Достаточно часто, — поморщился Льюко. — Что же касается великих святых, им никто не может приказывать. Мудрые священнослужители лишь следуют за ними и ждут, что случится.

Льюко на мгновение погрузился в воспоминания, а Ингри задумался о том, каков может быть опыт жреца в этом отношении. Что-то, несомненно, драгоценное и мучительное.

— Я-то ни в какой мере не святой.

— И я тоже, — горячо сказала Йяда. — И всё же...

Льюко обвёл их взглядом.

— Вот именно: и всё же. Вас обоих бог коснулся сильнее, чем можно было бы ожидать для людей с такой сильной волей. Ведь только отказ от собственной воли позволяет святому оказаться той дверью, через которую бог входит в мир. Легенды о том, что благодаря духам животных воины Древнего Вилда оказывались более открыты для своих богов и передавали их волю, как делают это священные животные у нас на похоронах, неожиданно стали казаться мне более убедительными.

«Так, значит, прощение, которое я получил от храма, действительно под угрозой, как утверждает Венсел?»

Ингри решил, что должен иносказательно задать этот вопрос.

— Йяда не более ответственна за получение духа леопарда, чем я — духа волка. Ей его навязали другие. Разве не может храм даровать ей прощение подобно тому, как оно было даровано мне? Бессмысленно оправдать её в одном тяжёлом преступлении и тут же обвинить в другом.

— Интересный вопрос, — сказал Льюко. — Что на этот счёт говорит хранитель печати?

— Я пока не сообщал лорду Хетвару о леопарде.

Брови Льюко поползли вверх.

— Он не любит осложнений, — уныло пробормотал Ингри.

— Какую игру ведёте вы, лорд Ингри?

— Я не стал бы говорить об этом и вам, если бы письмо Халланы не вынудило меня.

— Вы могли бы потерять письмо Халланы по дороге, — мягко — уж не с сожалением ли? — сказал Льюко.

— Я думал об этом, — признался Ингри. — Только подобная мера дала бы лишь небольшую отсрочку. Простите меня, просвещённый, — добавил Ингри, — но я мог бы

задать тот же вопрос вам. Мне представляется, что ваша верность правилам оказывается очень гибкой.

Льюко поднял руку и растопырил пальцы.

— Говорят, большой палец потому символ Бастарда, что именно им бог нажимает на чашу весов правосудия, чтобы склонить их в нужную ему сторону. В этой шутке больше правды, чем кажется. И всё же каждое правило создаётся в ответ на какое-то давнее несчастье. Именно так возникли правила моего ордена, лорд Ингри. Мы вооружаемся тем, что оказывается нужно в данный момент.

Ингри с огорчением осознал, что это обстоятельство делает Льюко равно непредсказуемым и в качестве друга, и в качестве врага.

Йяда оглянулась, когда в дверь снова постучали. Ингри затаил дыхание от внезапного страха, что это может оказаться Венсел, сделавший выводы из утренних событий так же быстро, как и Льюко. Однако судя по возражениям привратника, донёсшимся из холла, это не мог быть граф... Наконец дверь комнаты приоткрылась, и привратник испуганно доложил:

— Посланец к просвещённому Льюко, милорд.

— Хорошо, — кивнул Ингри, и привратник, с облегчением вздохнув, впустил посетителя.

Вошёл человек в ливрее принца Болесо, судя по отсутствию меча и нерешительности — слуга. Это был немолодой сутулый человек с клочковатой бородой.

— Прошу прощения, просвещённый, мне срочно нужно... — Глаза человека расширились, когда он взглянул на Ингри: он его, несомненно, узнал, и голос его неожиданно стих. — Ох...

Сначала Ингри непонимающе смотрел на него, но тут кровь словно кинулась ему в голову кипящим потоком: он понял, что чувствует демона, отчётливо ощущает грозовой запах, окружающий этого человека. Один из волшебников Льюко, явившийся на доклад к своему господину? Нет, не похоже: Льюко явно не узнавал пришедшего, хотя тело его напряглось... «Он тоже чувствует демона или как-то иначе его чувствует!»

Воспоминание о голосе сказалось Ингри больше, чем внешность... если убрать с лица слуги бороду и одиннадцать прошедших лет...

— Ты!

Слуга начал хватать ртом воздух.

Ингри вскочил с такой поспешностью, что его кресло отлетело в сторону и ударилось в стену. Слуга попятился, взвизгнул, развернулся и вылетел в дверь, захлопнув её за собой.

— Ингри, что?.. — начала Йяда.

— Это Камрил! — бросил через плечо Ингри, устремляясь в погоню.

К тому времени, когда он миновал обе двери и выбежал на улицу, человек в ливрее Болесо уже свернул за угол, но звук шагов и изумлённый взгляд прохожего указали Ингри, куда скрылся беглец. Ингри откинул плащ, стиснул рукоять меча и кинулся следом. Он успел добежать до поворота как раз вовремя, чтобы увидеть, как Камрил, испуганно оглянувшись, нырнул в переулок. Ингри ускорил шаги. Смогут ли ярость и молодость состязаться с ужасом и годами?

«Он же волшебник! О пятеро богов, что мне делать, если я его поймаю?» Ингри стиснул зубы, выбросил вопрос из головы и бросился на беглеца, протянув руку к его воротнику. Вцепившись в ткань, он рванул Камрила так, что тот развернулся, впечатал его в ближайшую стену и навалился всем телом...

— Нет, нет, помогите! — заскулил, ловя ртом воздух, Камрил.

— Ну так наложу на меня заклятие, что же ты? — прорычал Ингри. Волшебники и шаманы, говорил Венсел, давно соперничают... Где-то на окраине сознания Ингри промелькнула мысль: кто же из них оказывался сильнее и не предстоит ли ему выяснить это на собственном опыте?

— Я не смею! Он явится и снова поработит меня!

Ответ был настолько странный, что Ингри на мгновение замер; его рука, стискивавшая горло Камрила, немного ослабила хватку.

— Что?

— Демон с-нова захватит меня, если я п-попытаюсь его вызвать, — заикаясь, пробормотал Камрил. — Вам незачем, незачем бояться меня, лорд Ингри!

— Не могу обещать тебе того же со своей стороны — стоит только вспомнить о мучениях моего отца!

Камрил сглотнул и отвёл глаза.

— Я знаю...

Ингри немного отодвинулся.

— Что тебе здесь нужно?

— Я шёл за священнослужителем... от самого храма. Я увидел его в толпе... Я хочу... мне нужно... я собирался сдать его ему. Я никак не ожидал встретить вас.

Ингри сделал шаг назад, его брови поползли вверх.

— Ну, против этого я не возражаю. Пошли.

На всякий случай не выпуская руки Камрила, Ингри отвёл его обратно в дом. Волшебник был бледен и дрожал, но постепенно отдышался и, когда Ингри втолкнул его в гостиную и закрыл дверь, даже бросил на него возмущённый взгляд, поправляя ливрею.

— Просвещённый... благословенный... я...

Взгляд Льюко сделался пронизывающим. Он указал на кресло, которое Йяда подняла с пола.

— Сядь. Так ты Камрил, верно?

— Да, просвещённый. — Камрил рухнул в кресло. Йяда вернулась на прежнее место, а Ингри, скрестив руки на груди, прислонился к стене.

Льюко положил ладонь на лоб Камрила. Ингри не имел представления о том, что произошло, но Камрил ещё больше обмяк в кресле, а запах демона сделался слабее. Дыхание Камрила выровнялось, а судя по взгляду, устремлённому в никуда, он освободился от невидимой ноши.

— Ты и в самом деле из слуг Болесо? — спросил Ингри, кивнув на ливрею Камрила.

Глаза Камрила обратились на Ингри.

— Да. Точнее, был. Он... он... Болесо выдавал меня за своего личного прислужника.

— Значит, это ты был тем незаконным волшебником, который помогал ему в запретных обрядах. Я... Высказывалось предположение, что таковой должен иметься. Но я ни разу не видел тебя в замке.

— Я очень, очень старался не попадаться вам на глаза. — Камрил сглотнул. — Рыцарь Улькра и остальные добрались до столицы вчера поздно ночью. Я только с ними мог попасть в Истхом. Приехать раньше я никак не мог. — Последние слова Камрила явно предназначались Льюко.

— Кто-нибудь из свиты Болесо знал, кто ты такой на самом деле? — продолжал допрашивать Камрила Ингри.

— Нет, знал только принц. Я... мой демон требовал соблюдения тайны... ему иногда удавалось подчинить себе волю Болесо.

— Пожалуй, — мягко вмешался Льюко, — тебе следовало бы начать с самого начала, Камрил.

Камрил съёжился.

— Как это — с начала?

— Ну, например, с того, как ты сжёл одно важное признание.

Камрил испуганно вскинул глаза.

— Откуда вы об этом знаете?

— Мне пришлось восстанавливать его для расследования. С огромным трудом.

— Ещё бы! — Ужас, который Камрил испытывал перед Льюко, уступил место чему-то вроде профессионального преклонения.

Льюко предостерегающе поднял палец.

— Я предположил, что уничтожение того документа означало, что ты утратил контроль над своей силой.

Камрил повесил голову.

— Так и было, просвещённый. Тогда и началось моё... моё рабство.

— Ага... — Лёгкая удовлетворённая улыбка тронула губы Льюко, когда его предположение подтвердилось.

— Не могу сказать, чтобы это было началом моего кошмара — всё было ужасно ещё и до того, — продолжал Камрил. — Но демон воспользовался моим отчаянием после несчастья, случившегося в Бирчгрове, и захватил власть над моим телом и моим рассудком. Я... мы... он бежал вместе с моим телом, власть над которым так его радовала, и началось странное существование. Изгнание... Первой заботой демона было держаться подальше от храмов, а в остальном... мы предавались тем странным удовольствиям материального мира, которых эта тварь жаждала. Ну, я-то не назвал бы это удовольствиями... Хуже всего были те месяцы, когда демон решил поэкспериментировать с болью. — От одного воспоминания Камрила передёрнуло. — Потом, как и все прочие его увлечения, это прошло... к счастью. Клянусь, у него сообразительности, что у майского жука. А когда Болесо нашёл... нас и заставил себе служить, демон начал бунтовать от скуки, но восстать против принца не посмел. У Болесо были способы заставить себя слушаться.

Льюко облизнул губы и наклонился вперёд.

— Как тебе удалось вновь вернуть себе контроль? Такое очень редко случается — после того как демон вырвался из-под власти волшебника.

Камрил кивнул и с опаской взглянул на Йяду.

— Это из-за неё.

Йяда изумлённо раскрыла глаза.

— Что?!

— В ночь, когда Болесо умер, я находился в соседней комнате. Я должен был помочь ему наложить заклятие на леопарда. В стене было отверстие, через которое мы могли всё видеть и слышать.

Взгляд Йяды стал ледяным, и Камрил поёжился. Так, значит, подвластный демону или нет, этот мерзавец собирался, облизываясь, смотреть, как её будут насиловать? Рука Ингри, празднично лежавшая на рукояти меча, стиснула её.

Камрил стойко выдержал угрожающие взгляды и продолжал:

— Болесо полагал, что духи животных, которых он захватил, позволят ему привязать к себе все кланы. По его теории леопард был животным вашего клана, леди Йяда, из-за шалионского происхождения вашего отца. Болесо намеревался использовать его для того, чтобы подчинить себе ваш разум и волю, чтобы сделать из вас идеальную любовницу. Дело было отчасти в вожделении, отчасти в желании испытать свои силы перед тем, как выйти на политическую арену, отчасти в подозрениях, которое его безумие заставляло его питать ко всем вокруг, — он боялся без такого полного контроля над ней приблизиться к любой женщине.

— Неудивительно, — сказала Йяда, и голос её дрогнул, — что он даже и не пытался за мной ухаживать.

— Это ужасный грех и святотатство, — тихо сказал Льюко, — пытаться подчинить своей власти волю другого человека. Свободная воля священна и неприкосновенна даже для богов.

— Так дух леопарда должен был войти в Йяду? — озадаченно спросил Ингри. — Это ты вселил его в неё?

«Как когда-то вселил в меня волка?»

— Нет! — Камрил растерянно посмотрел на Ингри, потом снова взял себя в руки. — Его захватил Болесо — только-только захватил, когда леди Йяда вырвалась, и тут... случилось что-то, чего никто не ожидал. Не знаю, как ей хватило смелости схватить боевой

молот и ударить Болесо, но смерть... смерть открывает для богов дверь в наш мир. Всё случилось так быстро... Я всё ещё возился с духом леопарда, когда душа Болесо была вырвана из его тела, и бог... Для нас это был ужасный шок... мой демон... Болесо отчаянно сопротивлялся, но не мог освободиться от осквернения духами животных и скрыться от бога.

Леопард, ещё не успевший закрепиться в Болесо, был вырван и случайно попал... нет, ему было приказано вселиться в леди. Я услышал музыку — словно далёкие звуки охотничьего рога на рассвете, — и моё сердце едва не разорвалось. А мой демон завопил от страха, ослабил хватку в моём разуме и обратился в бегство — скрылся в единственном доступном ему месте: глубоко в моей душе, — и свернулся в комочек. Он всё ещё там прячется, — Камрил коснулся груди, — но я не знаю, долго ли это будет продолжаться. — Помолчав, Камрил добавил: — После гибели Болесо я убежал и спрятался в своей комнате. Я рыдал так, что некоторое время не мог дышать. — Теперь он тоже заплакал, тихо всхлипывая и раскачиваясь в кресле.

Льюко шумно выдохнул воздух и потёр шею.

С того места, где он стоял, прислонившись к стене, Ингри прорычал:

— Мне известно другое, более раннее начало, Камрил.

Камрил взглянул на него с ещё большим страхом, но согласно кивнул головой.

Ингри был полон возбуждения, хоть и не ожидал услышать ничего для себя приятного. Наконец-то он что-то узнает! Он пристально смотрел на жалкого волшебника.

«Может быть, что-то прояснится...»

— Как ты познакомился с моим отцом? Или как он познакомился с тобой?

— Лорд Ингалеф сам пришёл ко мне, милорд.

Ингри нахмурился; Льюко кивнул.

— Его сестра, леди Хорсривер, примчалась к нему в ужасном страхе и молила о помощи. Она рассказала ему какую-то отчаянную историю о том, что её сын Венсел одержим злым духом Древнего Вилда.

Льюко резко поднял голову.

— Венсел!

Ингри с трудом сдержал готовое вырваться проклятие. Достаточно оказалось одной фразы, чтобы на столе оказались выложены совсем другие карты — и к тому же в присутствии Льюко!

— Подожди... Он стал одержим до смерти своей матери? Не после?

— Конечно, до. Она думала, что это случилось, когда умер его отец, примерно за четыре месяца до её приезда в Бирчгров. Мальчик тогда очень странно переменялся.

Значит, Венсел ему солгал. Или лгал Камрил? Впрочем, могли лгать и оба, напомнил себе Ингри. Вот только оба говорить правду никак не могли.

— Продолжай.

— Ваш отец и его сестра составили план спасения её сына, как они считали. Леди Хорсривер боялась открыто обратиться в храм, отчасти боясь, что её сына могут сжечь, если жрецам не удастся избавить его от одержимости... — Камрил сглотнул. — Она хотела бороться с магией Древнего Вилда с помощью магии Древнего Вилда.

Действительно, ведь храмовым волшебникам не удалось изгнать волка из Ингри; матушка Венсела не так уж ошибалась, выбрав иной путь для помощи сыну. Ингри сквозь зубы прорычал:

— Мне прекрасно известно, к каким ужасным последствиям привёл этот план! Бешеный волк, который убил моего отца, — несчастье оказалось случайностью или так и было замыслено?

— Я... я... я до сих пор этого не знаю. Егерь на смертном одре говорил со мной, но он к этому времени был уже наполовину безумен. Он не был подкуплен, чтобы так сделать, в этом я уверен. Он не догадывался, что пойманные им животные больны, иначе он обращался бы с ними с большей осторожностью.

— Где находился юный Венсел, когда всё это случилось? — с любопытством спросила

Йяда.

— Мать оставила его в замке Хорсриверов, насколько я знаю. Она хотела сохранить свои действия от него в тайне до тех пор, пока не сможет обеспечить ему помощь.

Так какие же выводы из этого следуют?

— Она его боялась? Не только боялась за него? — спросил Ингри.

Камрил заколебался, потом склонил голову.

— Да.

Значит... если на человека может быть наложено заклятие, которое заставит его совершить убийство по воле того, кто его наложил, насколько же легче сделать такое с волком... или с жеребцом? Была ли смерть леди Хорсривер, которую затоптал её конь, случайностью?

«Ну вот, теперь ты подозреваешь Венсела в том, что он убил собственную мать!»

Ингри почувствовал, как кровь стучит у него в висках, вызывая мучительную головную боль.

Но все вопросы, связанные с его волком, получили наконец ответы. Смертельная смесь семейной преданности, добрых намерений, ошибочных суждений... и тайной сверхъестественной злобы? А может быть, последняя составляющая была менее зловещей — просто намерением, которое не удалось осуществить? Хотел ли невидимый противник убить лорда Ингалефа или только приготовленных для обряда животных?

— Мой волк... Что ты можешь сказать насчёт моего волка, который появился так таинственно?

Камрил беспомощно пожал плечами.

— Когда его воздействие на вас оказалось таким тяжёлым, я подумал, что его прислали с той же целью, что и бешеных животных.

Так, может быть, его послал Венсел?

«И не держит ли он меня на невидимом поводке? Который тянется туда — в Бирчгров?»

Ингри с усилием разжал зубы и расправил плечи, чтобы справиться с мучительным напряжением. Йяда заметила это и с беспокойством посмотрела на Ингри.

Льюко, крепко зажмурив глаза, тёр переносицу.

— Лорд Ингри, леди Йяда, вы оба недавно виделись с графом Хорсривером и имели возможность взглянуть на него не только взглядом смертных. Что вы можете сказать по поводу этого обвинения?

— Вы ведь тоже его видели, — осторожно ответил Ингри. — Что вы почувствовали?

Льюко раздражённо взглянул на него, и Ингри решил, что тот сейчас рывкнет: «Я первый спросил!», но вместо этого жрец глубоко вздохнул, чтобы взять себя в руки, и сказал:

— Мне его душа представляется тёмной, но не более тёмной, чем у многих, играющих со смертью, не боясь её. Мне приходило в голову, что его следует пожалеть — и тех, кто рядом с ним, тоже. Но не в таком смысле!

— Ингри! — заговорила Йяда таким тоном, что было ясно: она хочет спросить: «Не лучше ли промолчать?»

Венсел был прав: стоит храму начать копать, конца этому не будет, пока вся правда не выйдет наружу. Единственный надёжный путь к безопасности — молчание. Конечно, было бы гораздо лучше, если бы удалось найти и расспросить Камрила до того, как это сделают жрецы... Ингри мрачно гадал: в чём же ещё Венсел окажется прав?

— Венсел несёт в себе дух животного, да. Я не могу судить о том, добрый это дух или злой. Я предполагал, что это Камрил вселил в него духа во время того же нечестивого обряда, который наградил меня волком, однако теперь выясняется, похоже, что это не так.

— Нет, нет, — продолжая раскачиваться, пробормотал Камрил. — Я этого не делал.

— Вы раньше ничего об этом не говорили, — обратился к Ингри Льюко; его тон внезапно стал очень сухим.

— Нет, не говорил, — точно таким же тоном ответил ему Ингри.

— Безумные обвинения, — протянул Льюко, — ненадёжный свидетель, ни намёка на доказательства — и третий по знатности и влиянию вельможа... Какие ещё радости принесёт мне сегодняшний день? Нет, не отвечайте, очень вас прошу.

— Боги, — сказала Йяда. — О них вы не забыли?

Льюко бросил на неё мрачный взгляд.

У Ингри рассказ Камрила вызвал новые вопросы. Зачем жертвовать одним ребёнком, чтобы спасти другого? Что можно было выиграть, осквернив наследников обоих родов? Радость Ингри от того, что старые загадки разрешились, померкла.

— Как превращение нас с отцом в обладающих духами животных воинов могло помочь Венселу?

— Этого леди Хорсривер мне не говорила.

— Как, ты даже не спросил? Мне это представляется странным пренебрежением знаменитой храмовой дисциплиной, волшебник: отбросить все правила по одному слову женщины.

Глядя в пол, Камрил неохотно ответил:

— Она была... Её коснулись боги. К прискорбию.

Новая мысль заставила Ингри похолодеть. Если обладание духом животного закрывает дорогу к богам, как это случилось с Болесо, что случилось с душой лорда Ингалефа? К тому времени, когда Ингри поправился достаточно, чтобы быть в силах задавать вопросы, похороны отца давно состоялись. Никто не сказал ему, что лорд Ингалеф отвергнут богами.

«Но ведь никто не сказал мне и обратного».

Последний путь отца Ингри был окружён глухим молчанием...

«Должно быть, он остался отверженным! В Бирчгрове не было шамана, который мог бы очистить его душу!»

Ох... нет... Шаман там был. По крайней мере потенциально... На сердце Ингри стало легче.

«Не мог ли я спасти...»

Ингри загнал в глубь души мучительные вопросы и уставился на Камрила в горестном враждебном молчании. Молчание Льюко было не таким красноречивым, но всё же, когда их взгляды встретились, это было похоже на столкновение мечей. Ингри заподозрил, что не только он предпочитает получить все возможные сведения и только потом выдавать информацию точно отмеренными порциями. Жрец резким движением поднялся на ноги.

— Тебе лучше отправиться со мной в храм, Камрил, пока я не смогу лучше позаботиться о твоей безопасности. Нам с тобой ещё есть что обсудить. — «Наедине» сказано не было, но явно подразумевалось.

Камрил понятливо кивнул и тоже встал. Ингри стиснул зубы. О какой безопасности шла речь? О том, чтобы не дать демону Камрила снова его поработить? Или о том, чтобы оградить его от Венсела? Или от пронырливых храмовых следователей? Или от Ингри?

«О да, уж пусть Льюко постарается защитить Камрила от меня!»

Ингри проводил пастыря и заблудшую овцу до двери; Льюко простился с ним и с Йядой, пообещав — или то была угроза? — скоро снова увидеться с ними. Теперь, когда разговор со священнослужителем закончился, дуэнья сочла своим законным правом утащить подопечную в её комнату. Йяда, лицо которой было затуманено печальными размышлениями, не противилась.

Ингри тоже поднялся к себе, прыгая через две ступеньки, сбросил придворный наряд и натянул одежду, в которой ему было бы легче двигаться и которая не цеплялась бы за ножны меча. Ему предстояло кое с кем увидаться, и увидаться без промедления.

Глава 16

В ранних сумерках осеннего дня Ингри шёл по кривым улочкам Королевского города. Он миновал древний Рыбачий храм, построенный для матросов и грузчиков с причалов,

обогнул городскую ратушу и рынок на площади позади неё. Рынок уже закрывался; лишь несколько торговцев ещё не убрали свои товары из-под навесов или с циновок на земле: печальные остатки нераспроданных овощей и фруктов, увядающие цветы, никому не приглянувшаяся сбруя, перерытые груды одежды, новой и поношенной. Ингри поднялся на холм и оказался в квартале богатых домов, окружающих королевский дворец; он предусмотрительно обошёл стороной ту улицу, где находилась резиденция Хетвара и где шанс встретить людей, которые его знали, был особенно велик.

Дворец графа-выборщика Хорсривера был свадебным подарком принцессы Фары; его фасад из тёсаного камня украшал карниз с изображениями скачущих оленей. Флаг над дверью с гербом древнего клана Хорсриверов — бегущий жеребец над волнами реки — говорил о том, что граф находится в своей резиденции.

В резиденции, да, но, как сообщили Ингри одетые в ливреи стражники у дверей, домой он ещё не вернулся: вместе с принцессой Фарой граф отправился после похорон на поминальный пир в королевском дворце. Ингри не стал разубеждать привратников в предположении, будто он принёс какое-то важное сообщение от хранителя печати, и позволил проводить себя в кабинет графа, любезно снабдить стаканом вина и оставить дожидаться хозяина.

Не притронувшись к вину, Ингри принялся беспокойно бродить по комнате. Лучи заката лежали на толстых коврах и полупустых книжных шкафах. Пыльные тома на полках, должно быть, были получены по наследству вместе с домом. На огромном резном письменном столе не было ни неоконченной работы, ни писем, а многообещающий ящик оказался заперт. Ингри решил, что это и к лучшему: не успел он различить тихие шаги в холле, как дверь распахнулась и вошёл Венсел. Предстоящий разговор обещал и так быть нелёгким, и совсем ни к чему было бы попадаться за чтением чужих писем. Впрочем, Ингри сомневался в том, что это удивило бы его кузена.

Граф всё ещё был облачён в тёмные придворные одежды, в которых Ингри видел его в храме. Входя в кабинет, он как раз снимал длинный плащ. Закрыв за собой дверь, он перекинул плащ через руку и обошёл вокруг Ингри, который проделал такой же манёвр; они настороженно кружили по комнате, словно соединённые невидимой верёвкой. Наконец Венсел бросил плащ на кресло и остановился, прислонившись к письменному столу, однако эта поза вовсе не говорила о том, что напряжение покинуло его или что граф позволит Ингри воспользоваться преимуществом, которое давал тому более высокий рост. Взгляд, который он бросил на кузена, был откровенно оценивающим; в качестве приветствия Венсел только пробормотал:

— Ну-ну...

Ингри занял стратегическую позицию у книжного шкафа, сложив руки на груди.

— Итак, что ты видел?

— Мои чувства были загнаны вглубь, как это всегда бывает, когда мне грозит общение со жрецами храма. Однако они едва ли мне понадобились бы: всё и так было ясно. Сын Осени не мог забрать Болесо, пока тот не прошёл очищения, но в конце концов всё-таки забрал. Из присутствующих лишь двое могли совершить необходимые действия, и я точно знал, что я тут ни при чём. Значит... Твои умения быстро совершенствуются, шаман. — Ингри не понял, был лёгкий поклон Венсела насмешкой или нет. — Если бы Фара знала достаточно и была способна понять, что произошло, она поблагодарила бы тебя, лорд-волк.

Ингри поклонился с тем же слегка насмешливым выражением.

— Похоже на то, что ты — не единственный источник, из которого я могу почерпнуть умения, лорд-конь.

— О, у тебя появились чудесные новые друзья — до тех пор, пока им не вздумается тебя предать. Если богам вздумалось поиграть с тобой, кузен, они делают это ради собственных интересов, а не твоих, кузен.

— И всё же, возможно, мне дарована возможность спасти не только Болесо. Я мог бы избавить тебя от твоей тайной ноши, от опасности быть сожжённым заживо жрецами. Как ты

посмотришь на то, чтобы я освободил тебя от духа коня? — Делая такое предложение, Ингри ничем не рисковал: он не сомневался, что Венсел скорее согласится на то, чтобы с него живого содрали кожу.

Уголки губ Венсела дрогнули.

— Увы, тут имеется небольшое препятствие. Я ещё не умер. Души, всё ещё привязанные к материи, не расстанутся со своими верными спутниками — ты ведь не смог бы лишиться меня жизни священными песнопениями. — Ингри не знал, что прочёл Венсел у него на лице, но граф добавил: — Не веришь? Тогда попробуй.

Ингри облизнул губы, прикрыл глаза и потянулся в глубь себя. На этот раз отсутствовало яркое великолепие поддержки бога, но Ингри мог с уверенностью положиться на уже обрётённый опыт — один раз ему всё удалось. Он нащупал тёмный комок внутри Венсела, протянул руку и пророкотал:

— Выйди!

Это было всё равно что попытаться опрокинуть гору.

Тёмная тень немного пошевелилась, но не тронулась с места. Венсел удивлённо поднял брови и быстро втянул воздух.

— Ты силён! — признал он.

— Но недостаточно силён, — в свою очередь, признал Ингри.

— Увы.

— Значит, и ты не сможешь меня очистить, — сделал вывод Ингри.

— Не смогу, пока ты жив.

Ингри почувствовал, что его старательно намеченный путь между Венселом и храмом опасно сужается. И если он не сделает выбор до того, как полностью лишится свободы манёвра, он рискует вызвать недовольство их обоих. Несомненно, гораздо лучше иметь одного могущественного врага и одного могущественного друга, чем двух жаждущих его крови врагов. Но кто из них кем окажется? Ингри глубоко вздохнул.

— Я сегодня неожиданно повстречал старого знакомого. Мы с ним долго беседовали. — Венсел вопросительно взглянул на Ингри. — Камрила. Помнишь его?

Ноздри Венсела раздулись, он со свистом втянул воздух.

— Ах...

— Кстати, он оказался именно тем человеком, которого ты искал. Помнишь, ты настаивал, что Болесо наверняка привлёк к своим делишкам незаконного волшебника? Камрил как раз им и оказался. Мне не удалось обнаружить его в замке, потому что он узнал меня и спрятался.

Глаза Венсела заинтересованно заблестели.

— Не такое уж это совпадение. Незаконных волшебников не так много, а храм прилагает все усилия к тому, чтобы их стало ещё меньше. О Камриле Болесо мог по крайней мере слышать, а потом втайне разыскать. — Венсел помолчал. — Должно быть, у вас был любопытный разговор. Камрил выжил?

— Временно.

— Где он сейчас?

— Не могу сказать.

«В точном смысле слова...»

— Знаешь, я вот-вот устану шутить с тобой. У меня сегодня был долгий и трудный день.

— Что ж, хорошо. Перейдём к делу: у меня есть вопрос, Венсел. Почему ты старался заставить меня убить Йяду? — Не то чтобы это был выстрел совсем наугад, но всё же Ингри затаил дыхание, ожидая результата.

Венсел замер, как готовая к броску змея; лишь глаза его слегка блеснули.

— Откуда у тебя такие сведения? Не от Камрила ли? Это не тот обвинитель, которому следовало бы верить.

— Нет. — Ингри повторил собственные слова Венсела: — Из присутствующих лишь

двое могли совершить необходимые действия, и я точно знал, что я тут ни при чём. Значит... — Помолчав, он добавил: — Мне нужно узнать, каким образом ты наложил заклятие. Подозреваю, что с помощью некромантии.

Венсел долго молчал, словно взвешивая многие возможности.

— В определённом смысле, — со вздохом, словно придя к нелёгкому решению, ответил он. — Не стану называть это ошибкой, потому что если бы мой замысел удался, он неизмеримо облегчил бы мне жизнь. Назову это неудачным ходом — из-за непредвиденных последствий. Хочу только подчеркнуть: я не играю против тебя.

— Против кого же ты тогда играешь? — Ингри оттолкнулся от стены и начал кружить по комнате. — Сначала я думал, что всё дело в политике.

— Не напрямую.

Ингри решительно отказался обращать внимание на холодный комочек в животе, на гул в ушах, на собственную растерянность.

— Что на самом деле здесь происходит, Венсел?

— А как ты думаешь?

— Думаю, ты готов на всё, чтобы защитить свои секреты.

Венсел склонил голову к плечу.

— Когда-то так и было. Хотя, — тихо добавил он, — теперь это уже недолго будет играть роль.

Ингри чувствовал себя сжавшейся пружиной. Его рука поглаживала рукоять кинжала. Этот жест не остался незамеченным Венселем.

— Что, если я освобожу твою душу? — так же тихо проговорил Ингри. — Каковы бы ни были твои силы, сомневаюсь, что они сохранятся, если я отрежу тебе голову и швырну её в Сторк.

По крайней мере Венсел соблаговолит принять угрозу всерьёз: он стоял совершенно неподвижно.

— Ты даже и представить себе не можешь, как будешь жалеть о подобном поступке. Если ты стремишься избавиться от меня, то это был бы совершенно неподходящий способ, мой наследник.

Ингри растерянно моргнул.

— Я не наследник главы клана Хорсривер.

— Что касается титула и владений — нет. По законам же Древнего Вилда племянник — следующий ближайший родственник после сына. И поскольку, похоже, моё бессильное тело не способно дать Фаре сына, ты — наследник моей крови, если будешь в живых, когда я в следующий раз умру. Это не мой выбор, и он меня не радует, пойми. Так действует магия.

Разговор повернул слишком неожиданно и в совершенно непредвиденном направлении: Венсел ответил на удар Ингри мощной контратакой; несомненно, именно поэтому Ингри чувствовал себя так, словно висит вниз головой над пропастью, ничего перед собой не видя. Рука его соскользнула с рукояти кинжала.

— *В следующий раз умрёшь?*

— Помнишь, я рассказывал тебе, как создавались духи животных для шаманов, благодаря накоплению одной жизни за другой, одной смерти за другой? Что-то подобное было проделано и с человеческими душами. Один раз.

— О боги, Венсел, это что, ещё одна из твоих страшилок?

— Эта страшилка не даст тебе уснуть ночью, обещаю. — Венсел сделал глубокий вдох. — На протяжении шестнадцати поколений моя душа передавалась от отца к сыну, кроме тех случаев, когда она переходила от брата к брату. Это ужасное наследство, Ингри. Смерть плоти не освободит меня из мира материи, она только отправит меня в тело следующего мужчины моей крови. В настоящий момент это твоё тело. Моя кровь передана тебе и со стороны матери, и со стороны отца, хоть непутёвый клан Волфклифов и подарил тебе твою знаменитую угрюмость. — Венсел поморщился.

Ингри с ужасом представил себе: не великое священное животное, а такой же

человек... И если духи, нагромождённые в теле одного животного, сливались и превращались в нечто сверхъестественное, каким же странным должно стать объединение человеческих душ?

— Ты часто лгал мне, Венсел. Почему я должен верить этой твоей истории?

Расхаживая по комнате, Ингри всё ближе подходил к столу, словно притягиваемый привязью. Венсел откинул голову, чтобы взглянуть на угрожающе склонившегося к нему Ингри, и его глаза сверкнули смесью чувств, показавшихся Ингри слишком странными, чтобы в них разобраться: гнев и презрение, страдание и жестокость, любопытство и враждебность.

— Хочешь, я тебе покажу? Это, пожалуй, будет подходящим наказанием твоей самонадеянности.

— Ах, Венсел, — выдохнул Ингри, — хоть раз скажи мне правду!

— Ну, раз ты просишь так настойчиво... — Венсел развернулся так, что их лица оказались на расстоянии всего нескольких дюймов друг от друга, и положил ладони на виски Ингри. — Я — последний священный король Вилда... или Древнего Вилда, чтобы отличить его от современной карикатуры.

Письменный стол не позволил Ингри отстраниться.

— Но ты говорил, что последний настоящий священный король погиб при Кровавом Поле.

— Ничего подобного... или погиб дважды — как смотреть на вещи. — Пальцы графа ласкали виски Ингри, выводя круги на потной коже. Он тихо продолжал: — Я был юношей, наследником великого рода, охотившимся на прибрежных лугах Лура ещё до того, как Аудар родился и начал пачкать пелёнки. Дартаканцы постоянно давили на наше племя, захватывали наши земли, вырубали наши леса, посылали миссионеров, которые оскверняли наши святыни, а потом солдат, которые отбивали тела миссионеров. Мой народ сражался и погибал, я видел смерть моего отца, смерть священного короля.

По мере того как Венсел говорил, перед внутренним взором Ингри представляли картины, слишком яркие, чтобы быть плодом его воображения.

«Вот это — настоящий колдовской голос: заставляет меня вспомнить то, чего я никогда не видел».

Тёмные леса, зелёные долины, частоколы, окружающие деревенские дома-мазанки, горький дым, поднимающийся над соломенными крышами... Всадники в кожаных доспехах, выезжающие из ворот, отправляясь на битву, — или возвращающиеся, окровавленные и поникшие, под траурный звон оружия в холодном воздухе... Голоса измученных воинов в зимнем тумане... слова на языке, непонятном Ингри, но очень напоминающем раскатистую поэзию Джокола.

— Следующие выборы сделали меня священным королём, потому что я к тому времени был признанным вождём своего несчастного народа, и за мной следовали мои сыновья. Воины превратили меня в свой факел, и я горел для них в сгущающихся тенях. Наши сердца были горячи, но боги отвергли наши жертвы и отвернулись от нас.

Смуглый юноша, взволнованный и решительный, с магическими знаками на нагом теле, стоял на высокой ветке дуба, освещённый колеблющимся светом факелов. Его шею охватывала петля из свитой из волокон крапивы верёвки, из многочисленных порезов текала кровь. Юноша простёр руки и заговорил; его громкий голос дрожал. Потом он кинулся вниз, как мог бы нырнуть с высокой скалы в озеро... и у самой земли его полёт был остановлен рывком, сломавшим ему шею.

Веки Венсела затрепетали.

«Был ли то один из его принцев-сыновей, отправленный священным королём посланцем к богам?»

Это было похоже на то, что Ингри испытал у реки, когда его голову держали под водой до тех пор, пока ему не стало казаться, что череп его лопнет. Видения, рождённые произнесёнными шёпотом словами, текли полноводным потоком.

— Мы сделали Священное древо частью заклинания, которое должно было дать нам неуязвимость, и я, священный король, был его осью.

Поющие в ночи голоса взмывали ввысь. Деревья шелестели, словно их коснулся порыв ветра. Глубокие звуки заставили волосы Ингри зашевелиться.

— Однако мы не могли рисковать тем, что в битве нарушится преемственность власти священного короля: если бы я пал, заклинание утратило бы силу, и все, кто был им связан, в тот же миг были побеждены. Поэтому мой старший сын...

Светловолосый бородатый мужчина, на лице которого были написаны вера и напряжённое ожидание... И черты лица, и его выражение напоминали юношу на ветке дуба — не были ли они братьями или кузенами?

— ...и я наложили на себя нерасторжимые узы, чтобы королевская власть, душа, живущий во мне дух коня — всё это вместе без промедления перешло бы к другому, независимо от того, где и как встретят смерть наши тела. Так должно было продолжаться, пока победа не будет нашей. — Венсел помолчал. — Теперь ты начинаешь видеть, к чему это ведёт?

Ингри издал слабый звук — полустон, полувздых. Венсел повернулся так, чтобы смотреть прямо ему в глаза. Когда он снова заговорил, его дыхание коснулось лица Ингри.

— Войско Аудара захватило меня в первые же часы битвы. Моё израненное тело они завернули в моё королевское знамя и кинули меня в первый из выкопанных ими рвов. Расправу они начали, не дожидаясь окончания битвы. Я умер со ртом, полным чёрной крови и земли...

Зловоние — жуткая смесь запаха крови и мочи, которое ощутил Ингри, едва не вывернуло его наизнанку.

— ...и проснулся в теле моего сына... к тому времени пленника. Не было такого ужаса, на который нас не заставили бы смотреть. Под конец удар топора по шее был как долгожданный поцелуй возлюбленной... Я думал, этим всё кончится. Вкус поражения был как горький пепел у меня на языке.

Холодные щепки пня, уже орошённые кровью, впились в шею Ингри. Краем глаза он увидел блестящий полукруг, описанный топором, услышал, как устало крикнул его палач, с хрустом перерубив ему хребет.

— ...Потом я проснулся в теле моего второго сына, в нескольких милях от поля битвы, на границе. Бойню на Кровавом Поле я покинул страшным путём — на крыльях нашего колдовства. Разум сына не был подготовлен к моему появлению. Мне пришлось бороться с ним за власть над голосом, движением, зрением. Все мы трое, попавшие в ловушку в его черепе, были какое-то время безумны. Но сначала я завоевал тело сына, а потом начал войну за освобождение Вилда.

Ингри сглотнул, стараясь вернуть себе контроль над собственным голосом — ему был нужен его звук, чтобы удостовериться: он всё ещё хозяин своего рассудка.

— Я слышал об этом принце. Он был знаменитым военачальником, сражался с Аударом на протяжении двадцати лет — до поражения и смерти.

— До поражения — да. Что же касается смерти... Сыну моего сына было всего двадцать, когда я отнял у него его тело. Долина Священного древа к тому времени была покинута...

Мокрый лес, окутанный ледяным туманом, лишённые листвы деревья, тянущиеся из чёрной трясины... Корявые стволы, из трещин которых сочится смола, как гной из старческих глаз...

— Все воины, соединённые обрядом, были мертвы — погибли в битве или умерли от старости, — как те немногие, кто избег резни на Кровавом Поле. Все, кроме одного.

Глаза Венсела, как теперь казалось Ингри, тоже снились ему. Эти зрочки всасывали в себя видения... «Видения, которые не лгут», — однажды сказал Венсел. Возможно... Однако Ингри тоже знал, как лгать, говоря правду, знал, как обманчива истина и своевременное молчание.

«Тому, что я вижу, я верю. Но чего я не вижу?»

— Сопротивляться нам не удавалось. Многие смерти последовали быстро друг за другом — среди изгнанных членов клана Хорсривер, среди тех, в ком текла кровь древних королей. Я оказался заперт в бесполезном для меня теле ребёнка, и моё нетерпение пожирало его — родственники сочли нас безумными. Потребовалось ещё тридцать лет и новые смерти, прежде чем я снова обрёл власть. Однако клана, который был бы готов сражаться за нас, больше не было. Я занялся политикой в попытке завоевать Вилд изнутри. Я копил богатства, обретал влияние, я научился сгибать тех людей, кого не мог сломать. Я высматривал трещины в королевском доме Дартаки и расширял их.

Видения тускнели, словно бессильные призраки, когда породившая их страсть начала остывать.

— Одного из графов Хорсриверов называли делателем королей, — слабым голосом пробормотал Ингри. — Это тоже был ты?

— Да, и его сыном, и сыном его сына. Я перепрыгивал из тела в тело, и во мне жизнь обретала невиданную густоту. Но мои сыновья больше не были добровольными жертвами. Боги, говорят, собирают души, не разрушая их, — это и есть доказательство, если бы таковое требовалось, что я не бог. Чтобы завоёванные умы не поглотило безумие, власть должна была принадлежать только одному... К тому времени вопроса о том, чьему, уже не возникало.

Полтораэта лет я боролся, рассчитывал, истекал кровью и умирал, осквернив свою душу той давней фатальной ошибкой, из-за которой я пожирал души детей моих детей. И в один восхитительный момент я уже решил, что добился своего, что обновлённый Вилд возродился. Однако новый король не обладал колдовской силой, в нём не звучала песнь этой земли, он не слышал зова древнего леса. Боги сжульничали. Я не был избавлен от своей вечной пытки. Моя война закончилась, но не была выиграна.

Вот так и появились странные, знаменитые своей нелюдимостью графы Хорсриверы...

— Разве ты не можешь освободиться от того заклатья? — прошептал Ингри. — Как-нибудь?

Лицо Венсела исказилось, голос загремел:

— Неужели ты думаешь, что я не пытался?

Крик заставил Ингри поморщиться.

— Для этого нужно чудо, я думаю.

— О, боги давно охотятся за мной. — Улыбка Венсела была злобной. — Теперь они ужасно меня изводят. Они меня хотят, но я их не хочу, Ингри.

Ингри пришлось сделать усилие, чтобы его голос можно было расслышать.

— Чего же ты хочешь?

Выражение лица Венсела сделалось далёким, как будто горе, так долго сдерживаемое, превратило его в камень.

— Чего я хочу? За прошедшие столетия я очень многого хотел, но теперь мои желания сделались совсем простыми, как и подобает беспомощной старости. Такие простые вещи... Я хочу вернуть себе свою первую жену, и своих сыновей на рассвете их жизни...

Видение снова вспыхнуло перед глазами Ингри, слепя яркими цветами: смеющаяся женщина, стайка детей, скачущих на конях по топкому берегу Лура и восхищённо следящих за серой цаплей, взлетевшей в золото рассвета.

Мгновение Ингри мог прочесть в глазах Хорсривера: «Будь ты проклят за то, что заставил меня вспомнить!» Картины смерти в потоке крови, отчаяние поражения несли в себе менее пронзительную боль. Дрожащие пальцы Венсела сильнее сжали голову Ингри.

— Я хочу получить обратно свой мир.

«Ах... этот образ ты показал мне против воли... Он у тебя вырвался невольно».

Ингри облизнул губы.

— Но ты не можешь его получить. Это никому не удалось бы.

Красочная картина сменилась сухой, абсолютной тьмой, и Ингри понял, что больше

видений не будет.

— Я знаю. Такое не по силам всем богам вместе, какое бы чудо они ни совершили. Моё желание несбыточно.

— Ты боишься, что боги уничтожат тебя?

На лице Венсела снова промелькнула странная улыбка.

— Я не боюсь — я об этом молю.

— Или... ты боишься наказания, которое тебя ждёт? Боишься, что они обрекут твою душу на вечные мучения?

Венсел поднялся на носки и прошептал прямо в ухо Ингри:

— Это было бы лишним. — К бесконечному облегчению Ингри, граф отпустил его и сделал шаг назад. Склонив голову набок, он пристально взглянул в лицо Ингри. — Но ты всё об этом узнаешь на собственном опыте, если тебе не повезёт.

Если бы не поток обжигающих образов, которые Венсел обрушил на него, Ингри счёл бы слова кузена бредом сумасшедшего. Какие бы откровения он ни намеревался вытряхнуть из Венсела, ничего подобного он не ожидал. Он был поражён до глубины души, и Венсел, несомненно, понял это по тому, как бессильно Ингри привалился к столу, хоть он и старался не выдать себя дрожью. Не поверить увиденному... хотел бы Ингри, чтобы такое оказалось возможно.

Ингри попытался найти прорехи в рассказе Венсела. Их оказалось достаточно — в описании и давних событий, и относительно недавних, — но самым странным было то, что Венсел даже не упомянул об армии призраков в Израненном лесу Йяды. Как мог Хорсривер скорбеть о Кровавом Поле и даже не вспомнить о своих покинутых, проклятых товарищах? Венсел признал, что наложил убийственное заклятие, пытаясь расправиться с Йядой, когда не мог уже больше отпираться, но причину этого он по-прежнему скрывал. Не были ли эти умолчания связаны друг с другом?

В дверь комнаты постучали, и оба мужчины вздрогнули.

— Что там? — крикнул граф; его резкий тон должен был отбить всякое желание его тревожить.

— Милорд, — раздался голос дворецкого, — её милость готова отправляться и умоляет вас присоединиться.

Венсел раздражённо сжал губы, но сдержался и ответил:

— Передай ей, что я сейчас приду. — Шаги удалились, и Венсел со вздохом повернулся к Ингри. — Мы должны посетить её отца. Не слишком приятный вечер нас ожидает. Нам с тобой предстоит продолжить наш разговор.

— Я тоже хотел бы продолжить, — кивнул Ингри, задумался над своими словами и решил, что не станет прояснять двусмысленность — продолжать ли разговор или продолжать оставаться в живых.

Венсел всё ещё настороженно оглядел его с ног до головы.

— Понимаешь ли, наше семейное проклятие асимметрично. Если моя смерть принесёт тебе несчастье, то противоположного сказать нельзя.

— Тогда почему ты не убьёшь меня на месте? — Несмотря на всё своё воинское искусство, Ингри не сомневался, что граф смог бы это сделать. Каким-нибудь образом...

— Это вызвало бы осложнения, которых, пожалуй, лучше избежать. Заклятие просто заменит тебя кем-то другим, возможно, менее подходящим. Скорее всего твоим кузеном Бирчгровом... если только ты не обзавёлся каким-нибудь отпрыском в Дартаке, о котором я ничего не знаю.

— Я... я тоже о таком не знаю. Неужели тебе неизвестно, кто станет твоим наследником после меня?

— Ситуация со временем меняется, и контролировать события я не могу. Ты мог погибнуть в Дартаке. У Фары мог родиться сын. — Губы Венсела скривились. — Другие люди могли родиться или умереть. Я уже давно научился не тратить силы понапрасну, пытаясь разрешить проблемы, которые смоем поток времени. — Венсел прошёлся по

кабинету, словно пытаюсь сбросить напряжение, сковывавшее его тело. Ингри пожалел, что не может позволить себе того же.

Снова повернувшись к Ингри, Венсел бросил:

— Похоже, мы на некоторое время оказываемся связаны друг с другом, хотим мы того или нет. Как насчёт того, чтобы поступить ко мне на службу?

Ингри покачулся. У него имелась тысяча вопросов, на которые никто, кроме Венсела, скорее всего не мог бы ответить. Близкое общение с графом могло кое-что ему открыть.

«А если я скажу „нет“, долго ли я проживу?»

Ингри решил протянуть время.

— Я многим обязан лорду Хетвару. Думаю, мне нелегко будет оставить его службу, а ему — нелегко меня отпустить.

Венсел пожал плечами.

— А если я попрошу его уступить тебя мне? Едва ли он откажет в такой услуге супругу принцессы Фары.

«Конечно, но я могу попросить Хетвара ответить уклончиво или затянуть дело».

— Если Хетвар согласится, не возражаю.

— Похвальная лояльность. Я не могу упрекнуть тебя за неё — я и сам рассчитываю на такое же твоё отношение.

— Должен признать, что твоё предложение меня заинтересовало.

Венсел сухо улыбнулся, давая понять, что уловил всю уклончивость ответа Ингри.

— Не сомневаюсь. — Он вздохнул и направился к двери, показав тем самым, что разговор закончен. Ингри послушно последовал за ним.

— Скажи мне ещё одно, — попросил Ингри, прежде чем уйти.

Граф Хорсривер поднял брови, с любопытством взглянул на Ингри и кивнул.

— Что случилось с Венселом? Тем пареньком, которого я знал?

Хорсривер коснулся лба.

— Его воспоминания всё ещё существуют — в море других.

— Но не сам Венсел? Он уничтожен?

Граф пожал плечами.

— Где находится четырнадцатилетний Ингри, кроме как здесь? — Он показал на голову Ингри. — Может быть, он тоже уничтожен? Они оба оказались жертвами одного и того же врага. Если есть что-нибудь, что я ненавижу сильнее, чем богов, — это время. — Хорсривер жестом предложил Ингри выйти из кабинета. — Прощай. Будь добр, найди меня завтра.

В рассуждениях Венсела была какая-то ужасная ошибка, но в своём ошалелом состоянии Ингри никак не мог её нащупать. Оказавшись снова на улице, он заморгал от ярких лучей заката. Его удивило, что Истхом всё ещё стоит: разве не должен был город рассыпаться в прах за ту небольшую вечность, что Ингри провёл в доме Хорсривера? От него не должно было остаться камня на камне.

«Как это случилось со мной?»

Умолчания... Умолчания... События, оставшиеся неупомянутыми. Почему, испытывая такое отвращение к течению времени, Венсел теперь так торопится? Что заставило его отказаться от привычного уединения и проявлять такую активность? Ингри не сомневался: Хорсривер испытывает сильное давление, и это вызывает у него безмолвную ярость.

Покачив раскалывающейся головой, Ингри двинулся в сторону дворца хранителя печати.

Глава 17

Ингри прошёл полпути до резиденции Хетвара, прежде чем реакция на случившееся проявилась в полной мере, заставив его колени подогнуться. Низкий выступ стены дома вполне подошёл в качестве скамейки, и Ингри упал на него, обхватив руками голову и

прижавшись спиной ко всё ещё тёплому камню. Его ощущения странным образом напоминали те, что он испытывал, когда его волк пытался вырваться наружу: он погрузился в закруживший его поток времени, а потом словно упал на землю после приснившегося полёта. Только на этот раз не тело, а рассудок оказался в состоянии, когда защитная реакция опережает мысль в отчаянном стремлении выжить.

Проходившая мимо почтенная дама помедлила и пристально взглянула на раскачивающегося, обхватив себя руками, Ингри, но потом, отдав должное его возрасту, полу и вооружению, предпочла не интересоваться его самочувствием. Через некоторое время дрожь унялась, и разум Ингри вновь начал функционировать.

«Рассказ Венсела правдив... О пятеро богов!»

Не Венсела, а Хорсривера, поправил себя Ингри. Много ли от Венсела уцелело в этом щуплом кособоком теле, сказать было невозможно.

Вторая его мысль была окрашена завистью. Жить вечно! Как мог человек не стать счастливым, имея столько возможностей исправить старые ошибки, накопить богатства, власть, знания? Однако размышления развеяли зависть. За свои многие жизни Хорсривер заплатил многими смертями; заклятие не давало ему никакой защиты от всех сопряжённых с этим ужасов. «Быть сожжённым заживо — весьма мучительная смерть. Не рекомендую», — сказал однажды Венсел, и Ингри тогда счёл эти слова шуткой. Теперь, оглядываясь назад, он предположил, что скорее тот поделился пережитым.

Сделает ли человека уверенность в собственном выживании более смелым в битве? Действительно, многие из предков Венсела... нет, иначе — Хорсривера... умирали не в своей постели. А может быть, знание того, какие страдания несёт смерть, делает человека более трусливым? Ингри только что пережил, по милости Хорсривера, две самые чудовищные кончины, и одного воспоминания о них было достаточно, чтобы его чуть не вырвало. Призрачные образы других смертей множились, как отражения в двух стоящих напротив зеркалах, и от осознания их бесчисленности желудок Ингри снова судорожно сжался.

Потом Ингри осознал, что показанное ему Хорсривером было не единственной ценой, заплаченной за вечную жизнь. У Ингри не было детей, он даже никогда не задумывался о том, что значит иметь сына, но перспектива, нарисованная Хорсривером, вызвала в нём смутное, но тем не менее яростное желание защитить... Может быть, оно коренилось в его собственном детском стремлении заслужить одобрение отца, в светлых воспоминаниях о лорде Ингалефе, благодаря которым Ингри представлял себе, каким должен быть настоящий отец.

Что должен был чувствовать Хорсривер, глядя, как растут сыновья его сыновей, и зная, какая их ждёт участь? Каково было зачинать ребёнка, всё предвидя наперёд? Открывал ли он им ожидающий их кошмар, как открыл его Ингри? Или он нападал без предупреждения? Или бывало и так, и иначе? В каком возрасте овладевал он телами своих потомков? И какая разница была Хорсриверу — вторгаться ли в душу испуганного ребёнка, растерянного юноши или взрослого мужчины, прожившего собственную жизнь, делавшего собственный выбор, возможно, имеющего жену и детей? Какова бы ни была разница, у Хорсривера было достаточно времени, чтобы перепробовать все варианты...

И дело не только в разных телах и разных жёнах. Куда девались души всех захваченных заклятием сыновей? Связанные вместе, поглощённые, но полностью не уничтоженные... Заклятие, похоже, украло у несчастных не только жизни, но саму вечность. Хорсривер тащил обломки душ через следующие поколения, через следующие века, весь этот перепутанный клубок истаивающих призраков. Не приходилось ли Хорсриверу — эта мысль поразила Ингри больше остальных, — не приходилось ли Хорсриверу своей рукой убивать любимого сына, зная о приближении собственной кончины, чтобы избавить его душу от погружения в этот ужас?

«Думаю, что такое могло случаться раз или два».

За четыре столетия, когда насилие часто безвременно обрывало жизни, наверняка

возникали самые разные ситуации.

Опасный, могущественный, владеющий магией, бессмертный... и безумный. Оглядываясь назад, Ингри по-иному оценил едкую разговорчивость Венсела. Его странное поведение, вспышки энергии, перемежающиеся отшельничеством, всё ещё удивляли Ингри, но теперь он не искал им объяснений, подходящих обычному человеку. Ингри по-прежнему не понимал Венсела, но ему наконец открылась вся глубина этого непонимания. «Смотри на души», — сказала ему Йяда. Вот уж действительно...

Сколько ещё повторений потребуется, прежде чем Венсел утратит свой даже уже теперь хрупкий рассудок и станет настолько невменяемым, что уже не сможет считаться нормальным человеком? Продолжающее действие заклятия на посторонний взгляд станет, возможно, казаться какой-то семейной болезнью, когда одного кровного родственника за другим поражает безумие — кого в юности, кого в зрелом возрасте...

«Только одно повторение, мне кажется».

Следующий переход будет отличаться от прежних, если Ингри проживёт дольше Венсела. Об этом позаботится его волк. Будет отличаться, но совершенно не обязательно в лучшую сторону.

«Нет, не в лучшую...»

Если не считать того момента, когда Ингри получил дух волка, сегодняшний день стал самым ошеломляющим в его жизни — он начался со встречи лицом к лицу с богом, а кончился ужасными откровениями Венсела. Ингри ничего так не хотел, как дотащиться до дому, прижать к себе Йяду и выплакать новости, уткнувшись ей в плечо. До дому? Здание, где содержалась Йяда, домом Ингри не было.

«Но где бы ни была Йяда, там место и мне».

В хаосе и неразберихе битвы знамя, высоко поднятое над сражающимися и умирающими, было местом, где собирались растерянные и потерявшие командиров воины, местом, где можно перегруппировать силы, найти надёжного товарища, спиной к окровавленной спине которого можно продолжать биться.

«И нужно предупредить её об опасности трансформации».

Ингри с ужасом осознал, что жуткое наследие Венсела висело над его головой многие годы, а он ничего не подозревал. Выбор времени, когда его тело будет захвачено, был полностью во власти Венсела. Граф в любой момент мог перерезать себе горло, по своей воле совершив сверхъестественное переселение. Впрочем... поразмыслив, Ингри решил, что Йяда может оказаться единственным человеком во всём Вилде, способным с одного взгляда определить подделку. Определить, но не обязательно понять, что произошло, а лживые измышления Венсела, произнесённые ртом Ингри и голосом Ингри, наверняка окажутся искусными и убедительными.

Ингри заставил себя подняться на ноги и снова пошёл по улице, стараясь не шататься, как пьяный. Движение несколько взбодрило его тело и освежило ум. Дойдя до жёлтого каменного фасада дворца Хетвара, который был ему домом последние четыре года, Ингри помедлил, вспомнив о своём первом паническом порыве кинуться к патрону. Он внезапно почувствовал, что совершенно не представляет, что сказать Хетвару, однако хранитель печати ведь велел ему явиться. По крайней мере нужно узнать, не ждут ли его новые распоряжения. Ингри свернул к двери.

— У милорда посетители, — предупредил его привратник.

Ингри едва не удрал, но вместо этого скромно сказал:

— Передай, что я подожду, и узнай, что милорду угодно мне приказать.

Привратник отправил пажа, который тут же вернулся с известием:

— Господин желает, чтобы вы явились в его кабинет, лорд Ингри.

Ингри кивнул, поднялся по широкой лестнице и свернул в знакомый коридор. Наступали сумерки, и слуга зажигал свечи в настенных подсвечниках. На стук в дверь раздался ответ Хетвара:

— Войдите.

Ингри повернул ручку и проскользнул внутрь, но тут же с трудом подавил импульс сбежать. Вокруг письменного стола Хетвара сидели принц Биаст, просвещённый Льюко и сам настоятель-выборщик, Фритин кин Боарфорд. У стены стоял Геска; напряжённая поза лейтенанта выдавала в нём человека, которому нелегко даётся отчёт перед начальством. Глаза всех присутствующих обратились на Ингри.

— Вот и хорошо, — сказал Хетвар. — Мы как раз обсуждали вас, Ингри. Оправились ли вы после утреннего нездоровья?

Выражение лица хранителя печати было откровенно насмешливым. Быстро перебрав в уме возможные варианты, Ингри решил, что ответа на этот вопрос не существует; поэтому он просто кивнул и стал всматриваться в своих неожиданных слушателей.

Настоятель Фритин приходился дядей графам-близнецам Боарфордам; это был представитель предыдущего поколения, избравший служение храму, поскольку слишком большое число старших братьев лишало его надежды унаследовать родовые земли. Его долгая карьера была типичной для священнослужителя и вполне достойной: если он и покровительствовал своим родичам, то всегда заботился о том, чтобы они ревностно служили храму. Его назначение в Истхом, сопровождавшееся важным постом выборщика, произошло около семи лет назад, ознаменовав кульминацию карьеры и возможности оказывать покровительство.

По наблюдениям Ингри, Фритин и Хетвар вполне уживались: оба они были прежде всего людьми практичными. Благодаря им Храмовый город и Королевский город чаще действовали сообща, чем противостояли друг другу, хотя бывали и исключения. В настоящий момент некоторая напряжённость была вызвана приближающимися выборами, поскольку Хетвар полагал, что Фритин ещё не определился с тем, кому отдаст голос: настоятель по матери был в родстве и с Хокмурами, и с Фоксбриарами. Фритин сумел использовать своё положение главы храма для того, чтобы пока что не пообещать свой голос никому. Не приходилось сомневаться, что он собирался извлечь пользу из такого положения вещей.

Ингри никогда не был уверен, что верховный настоятель снисходительно смотрит на его волка. Прощение Ингри даровал его предшественник; бумага с его подписью была единственной собственностью Ингри, которую он берёт все последние десять лет; сейчас она хранилась в комнате Ингри в этом самом дворце. Ингри не было известно, является ли отвращение Фритина ко всему сверхъестественному следствием его теологических взглядов или личного отношения: настоятель так же не жаловал мистику, как и Хетвар.

«Так зачем же, интересно, он привёл Льюко?»

Льюко как раз грыз палец и пристально смотрел на Ингри, что вызвало у того новый приступ беспокойства. Вежливо кивнув жрецу, Ингри стал ждать, когда кто-нибудь заговорит.

«Кто угодно, только не я. Пятеро богов, я недостаточно сообразителен для такой опасной компании».

Верховный настоятель сразу перешёл к делу.

— Просвещённый Льюко сообщил нам, что вы утверждаете, будто пережили чудо сегодня утром в храме.

На мгновение Ингри задумался о том, как бы прореагировал Фритин, если бы он ответил: «Нет, я совершил чудо. Мне очень не хотелось, но бог так меня упрашивал...» Вместо этого Ингри ответил:

— Со мной не случилось ничего, что я мог бы доказать в суде, милорд. По крайней мере так мне сказали.

Льюко смущённо поёжился под спокойным взглядом Ингри.

— Я там был, — холодно сказал настоятель.

— Да, милорд.

— Я не видел ничего. — К чести Фритина, хоть в его голосе мешались подозрение и тревога, тревога всё-таки преобладала.

Ингри склонил голову, сохранив ничего не говорящее выражение лица. Если это кого-то и злит... Пусть сначала *они* выскажутся.

Принц-маршал Биаст с надеждой проговорил:

— Можно считать, что раз Сын Осени забрал душу Болесо, это свидетельствует против обвинений в звериной магии.

— Считать можно всё что угодно, — добродушно кивнул Ингри. — И как только единственного свидетеля Камрила обнаружат утонувшим в Сторке, некому будет опровергнуть такое заключение. Я, во всяком случае, предпочту промолчать.

Верховный настоятель дёрнулся, уловив замаскированное оскорбление. Или совет? А может быть, угрозу? Ингри надеялся, что определить это точно окажется нелегко. Проницательные глаза Льюко блеснули вновь пробудившимся любопытством.

— Такого не случится, — сказал настоятель. — Камрил находится под стражей. Его ждёт правосудие.

— Это хорошо. Тогда каким бы способом ни была спасена душа Болесо, по крайней мере его поступки получают оценку, которой заслуживают.

Биаст поморщился.

Хетвар решительно вмешался:

— Так скажите нам, лорд Ингри, когда вы обнаружили, что леди Йяда также заражена духом животного? — Ах, значит, они сравнивали то, что каждому из них говорил Ингри... Что ж, теперь этому не поможешь.

— В первый день после отъезда из замка.

С обычным своим обманчивым спокойствием Хетвар поинтересовался:

— И вы не сочли нужным сообщить об этом мне?

Стоящий у стены Геска, изо всех сил старавшийся сделаться невидимым, поёжился.

«А кому же, как не Хетвару, ты писал свои доносы, Геска?»

Похоже, Хорсриверу, судя по тому, как своевременно тот их встретил. А если так, то остаётся ли и сейчас Геска его агентом?

— При первой же возможности, — ответил Ингри, — я сообщил о проблеме храму в лице просвещённой Халланы. Она направила меня к просвещённому Льюко. — «Ну, в определённом смысле...» — Я ожидал указаний священнослужителей, поскольку дело явно попадает в ведение храма, однако, увы, из-за переполоха с белым медведем вовремя их не получил. К тому времени, когда у меня появился шанс всё рассказать, другие события заслонили это. — Другие события? Или то же самое, только с другой точки зрения? Кто, кроме богов, может заглядывать за все углы одновременно? Эта новая мысль не успокаивала. Ладно, переложим вину на святого — Льюко как раз со своего рода сухим одобрением смотрел, как Ингри выкручивается — и посмотрим, кто осмелится отчитывать *его*.

Ну конечно, не Хетвар: хранитель печати нахмурился, но переменял тему:

— Понятно. С девицей мы разберёмся в своё время. До нас дошло более недавнее обвинение. Что вы скажете об утверждении Камрила, будто Венсел кин Хорсривер также скрывает в себе дух животного?

Ингри сделал глубокий вдох.

— Я скажу, что такое тяжкое обвинение, несомненно, заслуживает тщательного разбирательства со стороны храма.

— И что это разбирательство обнаружит?

Насколько умело способен Венсел скрывать свою тайну? Несомненно, лучше, чем Ингри — свою...

— Полагаю, что это будет зависеть от компетентности следователей.

— Ингри! — Особый тон Хетвара, шипение сквозь зубы, заставил и Геску, и Биаста поморщиться, но на этот раз Ингри не поддался.

— Этот человек — граф-выборщик, а мы накануне выборов. Я полагал, что Хорсривер — верный приверженец законного наследника.

Ингри поклонился Биасту, и тот ответил ему благодарным кивком. Фритин заморгал,

но ничего не сказал.

— Если с ним всё в порядке, — продолжал Хетвар, — мне нужно об этом знать! Я не могу позволить себе лишиться его поддержки из-за несвоевременного ареста.

— Что ж, — равнодушно ответил Ингри, — тогда решение очень простое: дождитесь, пока он проголосует, а потом схватите его.

Биаст сморщился так, словно, откусив кусок яблока, обнаружил половинку червяка. Выражение лица Хетвара показало, что на мгновение он допустил такую возможность. Фритин не позволил себе никакой реакции, и Ингри снова задал себе вопрос: кому настоятель обещал свой голос?

Не увеличился ли только что шанс Камрила поцеловаться с водами Сторка?

«Разве мне есть до этого дело? — Ингри вздохнул. — Пожалуй... — Ингри пришёл к мрачному выводу: в этой комнате не было никого, кому он достаточно доверял бы, чтобы сообщить о последних открытиях насчёт Хорсривера. — Мне необходима Йяда».

Ингри стиснул руки за спиной. «Моя очередь».

— Верховный настоятель, — обратился он к Фритину, — вы — и теолог, и выборщик. Если хоть кто-нибудь может ответить на мой вопрос, то это вы. Можете ли вы сказать мне, в чём в точности заключается теологическое различие между священной властью короля Древнего Вилда и её современной формой, одобряемой квинтарианской ортодоксией?

Хетвар вытаращил глаза. На его лице явно читался вопрос: «Откуда, во имя пяти богов, взялся этот вопрос, Ингри?» Однако хранитель печати откинулся в кресле и знаком предложил настоятелю отвечать: ему явно было очень любопытно узнать, куда их заведёт неожиданный поворот разговора.

Фритин побарабанил пальцами по подлокотнику кресла.

— В древности священный король избирался главами тринадцати сильнейших племенных кланов. Теперь выборщиками являются представители восьми великих домов и пятеро священнослужителей. Правам крови и первородства отдаётся предпочтение, — Фритин бросил взгляд в сторону Биаста, — по образцу Дартаки. Поскольку выборы священного короля в Древнем Вилде чаще всего бывали прелюдией к войне между племенами, более мирная передача власти от поколения к поколению, несомненно, знаменует собой благословение богов. — Новый поклон в сторону Биаста содержал явный намёк: «И пусть это так и останется».

— Это политический ответ, — проговорил Ингри, — а я спрашивал о другом. Был ли в древности священный король всегда воином, в котором жил дух животного, или... шаманом? — Вот теперь и выяснится, безопасно ли было упоминать именно этот термин.

Льюко выпрямился в кресле; разговор явно интересовал его всё больше.

— Я слышал о чём-то подобном. Древний священный король был центральной фигурой многих межплеменных обрядов. На самом деле он был скорее магом, чем святым.

Ингри попытался представить хоть кого-нибудь из последних священных королей в роли мага, но это ему не удалось.

«Не были они, по правде сказать, и святыми».

— Так какая... сверхъестественная сила покинула современных священных королей?

— Да? — пробормотал Льюко, и Ингри не понял, что означала вопросительная интонация — предостережение или одобрение.

— И что осталось? Что теперь делает священного короля священным?

Верховный настоятель поднял брови.

— Благословение пяти богов.

— Простите меня, просвещённый, но благословение пяти богов я получаю на каждом праздничном богослужении. Это же не делает меня священным.

— Совершенно верно, — почти неслышно буркнул Хетвар.

Ингри, не обращая на него внимания, продолжал гнуть своё:

— Может быть, в благословении, которое получает король, есть что-то ещё, кроме благочестивых добрых пожеланий?

Настоятель высокопарно ответил:

— Есть ещё молитва. Пятеро настоятелей-выборщиков молятся о том, чтобы боги направили их выбор, и каждый просит своего бога о знамении.

Ингри подумал, что ему случалось доставлять парочку таких *знамений* — в позвякивающих кошельках. Не делало же это его посланцем богов!

— Что ещё? Есть ли ещё какие-то отличия? Должно же быть что-то большее! — Ингри почувствовал, что напряжение, прозвучавшее в его голосе, может выдать, как важен для него ответ, и постарался взять себя в руки. Из компании выборщиков теперь выпали пять древних кланов: три перестали существовать, два утратили влияние. Их незаметно заменили священнослужители, и кто мог бы сказать, что они — менее истинные представители народа? Однако выборы когда-то превратили Хорсривера в короля-мага, превратили его в нечто выдающееся.

«Да он и так никогда не перестал быть таким, разве не так?»

Не пуст ли современный священный король в какой-то своей части, потому что Хорсривер благодаря своему бессмертию удерживает нечто, что ему следовало бы отдать?

Биаст, который во время этого разговора беспокойно ёрзал в кресле, перебил Ингри:

— Если обвинение против Венсела соответствует истине, я очень тревожусь о безопасности своей сестры.

Ингри не испытывал к Фаре пламенной любви после того, что она сделала с Йядой, но, вспомнив об участии предыдущей жены-матери Хорсривера, не мог не согласиться с принцем.

— Ваша тревога кажется мне обоснованной, милорд.

Это признание заставило Хетвара выпрямиться в кресле.

— Слова принца напомнили мне, милорд хранитель печати, — добавил Ингри, — что граф Хорсривер намекал: он желал бы взять меня к себе на службу. Умоляю вас: если он попросит, откажитесь отпустить меня. Я опасюсь отказать ему сам: мне не хотелось бы вызвать его враждебность.

Хетвар нахмурил брови, лихорадочно оценивая варианты. Настоятель пристально взглянул на Ингри и процедил:

— Два осквернённых духами человека под одной крышей? Почему он стремится к этому?

— Вы торопитесь с выводами, настоятель, — возразил Ингри. — Граф обвинён, но ещё не осуждён.

Фритин повернулся к Льюко.

— Просвещённый...

Льюко развёл руками.

— Мне нужно присмотреться к графу и получить помощь моего бога... которого я не могу заставить.

Фритин, нахмурившись, снова взглянул на Ингри.

— Я хотел бы, чтобы вы высказались более ясно, лорд Ингри.

Ингри пожал плечами.

— Подумайте, настоятель, чего вы от меня требуете. Если вы желаете, чтобы я свидетельствовал о невидимом и сверхъестественном, вы не можете быть особенно разборчивы. Вы должны верить или всему, или ничему. И я сомневаюсь, что вы захотите видеть во мне посланца богов, передающего вам их приказание. — Предоставив Фритину переваривать это своё замечание, Ингри продолжал: — Что же касается желания Венсела взять меня на службу — он говорит, что вспомнил о нашем родстве. С опозданием, надо отметить. — Что ж, это в определённом смысле было правдой.

— Вы готовы оставить мою сестру без защиты в доме, куда боитесь отправиться сами, — возмутился Биаст. Наморщив лоб, он медленно протянул: — Вы ведь преданны лорду Хетвару, не так ли?

«Он ни разу не предал меня... до сих пор».

Ингри молча поклонился.

— И если обвинение не ложно, — продолжал Биаст, — кто лучше вас защитит принцессу от... от любого магического нападения её супруга или поможет ей бежать в случае необходимости? И вы могли бы наблюдать и сообщать...

— Шпионить? — заинтересованно спросил Фритин. — Как вы думаете, Хетвар, он сумеет это сделать?

Ингри поднял брови.

— Вы желаете, чтобы я принёс ложную присягу господину? — любезно поинтересовался он.

— Прекратите, Ингри, — рявкнул Хетвар. — Ваши кладбищенские шутки неуместны на этом совете.

— Так это была шутка? — пробормотал Биаст.

— Насколько он вообще умеет шутить.

— Удивляюсь, как вы такое терпите.

— Его странный стиль бывает полезен. Время от времени. Ингри ходит собственными кривыми путями и приносит находки, о которых логически мыслящий человек и не догадался бы. Я никогда не мог решить, талант это или проклятие. — Хетвар откинулся в кресле и бросил на Ингри острый взгляд. — Так могли бы вы это сделать?

Ингри поколебался. Согласие превратило бы в официальное поручение то, что он и так уже делал: подбирался с двух концов к середине в отчаянной надежде, что собранные им осколки наконец образуют какой-то узор. И он сам будет решать, что предпринять лучше...

Он мог бы отказаться. Мог бы. Вместо этого Ингри медленно произнёс:

— Признаюсь, мне тоже хотелось бы лучше понять Венсела. — Взглянув на Биаста, он добавил: — И почему вы вдруг задумались о безопасности сестры, если это не беспокоило вас все четыре года её замужества?

Биаст смутился.

— Последние четыре года меня это мало занимало. Мы встретились всего один раз после её свадьбы, да и переписывались редко. Я полагал... полагал, что о ней хорошо позаботился отец и она довольна жизнью. У меня были собственные обязанности. Только когда мы с ней поговорили вчера... точнее, когда я начал её выпрашивать, я узнал, какой несчастной она себя чувствует.

— Что вам сказала принцесса? — спросил Хетвар.

— Она не думала, что... э-э... события в замке окончатся так плачевно. Да, она знала, что Болесо сделался слишком буйным, но рассчитывала, что он и леди Йяда... э-э... будут удовлетворены друг другом. Эта девица могла бы успокоить Болесо. Фара остро переживает то, что у неё нет детей, хотя, должен сказать, мне неясно, чья тут вина — его или её. Фаре показалось, что её супруг положил глаз на её новую фрейлину, потому что именно он представил её супруге.

«Это что-то новенькое», — подумал Ингри. Йяда считала, что предложение сделать её фрейлиной Фары исходило от тётки Баджербанк, но, может быть, кто-то побудил старую даму вспомнить о племяннице? Не подумывал ли Венсел о наследнике, который встал бы между ним и Ингри? Или у него были другие причины желать, чтобы Йяда оказалась в его власти?

«Совсем другие, пожалуй. Он не стал бы так затрудняться без веских оснований, вот только то, что для него — веские основания, другим людям и в голову не пришло бы».

— Леди Йяда говорит, что граф обращался с ней достойно, — вставил Ингри. — Несомненно, вы можете сказать, что она настолько наивна, что не поняла бы непристойных поползновений, только таковые не в привычках Венсела. Я склонен думать, что вина за всё случившееся лежит в основном на Фаре, хотя и признаю: Болесо уже далеко зашёл по своему тёмному пути, и рано или поздно его нужно было остановить. — Быстрый взгляд Хетвара напомнил Ингри о необходимости соблюдать приличия, и Ингри добавил ради опечаленного Биаста: — Мне очень жаль, что это произошло столь трагически.

Принц-маршал печально хмыкнул, но это не было выражением несогласия.

Верховный настоятель прочистил горло.

— Должен заметить, лорд Ингри, что на основании ваших признаний просвещённому Льюко... и некоторых других признаков можно заключить, что ваш волк больше не скован. Вы можете лишиться прощения храма.

В ровном голосе священнослужителя не было угрозы или страха перед сверхъестественными способностями Ингри; он просто хотел оказать на него давление. Что ж, Ингри знал, как отвечать на подобные действия.

— Это произошло не по моей воле, милорд. — Такое утверждение было вполне безопасным: ведь проверить его невозможно. — Произошёл несчастный случай, когда просвещённая Халлана снимала с меня заклятие. Таким образом, в определённом смысле это деяние самого храма. — «Да, возложим вину на отсутствующих». — Хотя я не могу сказать, что случившееся произошло по воле богов, два бога уже поспешили воспользоваться моим новым состоянием. — Уж не передёрнуло ли при этих словах настоятеля Фритина? Ингри перевёл дыхание. — А теперь и вы желаете им воспользоваться, посылая меня охранять принцессу Фару. Мне представляется, что вы поручаете мне — человеку, которому вы не доверяете — очень важное дело. Или вы намерены сначала воспользоваться мной, а потом разделаться? Предупреждаю: плавать я умею.

Фритин долго размышлял, но потом решил не хватать приманку:

— Тогда в ваших интересах продолжать оставаться полезным, не так ли?

— Я понял. — Ингри отвесил Фритину преувеличенно глубокий поклон. — Я к вашим услугам, настоятель.

Перепадка заставила Хетвара смущённо хмыкнуть. Не то чтобы он сам никогда не прибегал к угрозам, но всё-таки обычно хранитель печати находил более мягкие способы заставить Ингри выполнять свою волю, — обстоятельство, которое Ингри ценил хотя бы из эстетических соображений.

— Поскольку вы приводите столь убедительные доводы, — продолжал Ингри, — я буду шпионить для вас. — Теперь уже Хетвар откровенно морщился, как краем глаза заметил Ингри. — И охранять принцессу. — Ингри поклонился Биасту; тому хватило сообразительности ответить на поклон.

— Теперь встанет вопрос о том, что нам делать с пленницей, — сказал Хетвар. — Раз Венсел под подозрением, сомнительным кажется и его любезное предоставление своего дома леди Йяде. Может быть, пора перевести её в более надёжное место.

Ингри замер. Ему не дадут охранять Йяду? Он сказал, осторожно подбирая слова:

— Не откроет ли это ваших подозрений Венселу преждевременно?

— Никоим образом, — бросил верховный настоятель. — Сразу было ясно, что такая перемена после похорон неизбежна.

— Мне кажется, теперешнее место не стоит менять, — возразил Ингри. — Оттуда Йяда не сделает попытки убежать, доверяя правосудию храма. Я ведь говорил: девушка наивна, — не удержался от шпильки в адрес Фритина Ингри.

— Да, но вы же не можете охранять два места одновременно, — вполне логично указал Биаст.

Хетвар, наконец заметивший, как напрягся Ингри при обсуждении перемещения Йяды, поднял руку, кладя конец спору:

— Это мы можем обсудить позднее. Благодарю вас, лорд Ингри, за то, что вы добровольно берётесь за столь трудное дело. Когда, как вы думаете, вы смогли бы поселиться в резиденции Хорсривера?

— Сегодня вечером! — потребовал Биаст.

«Нет! Сначала мне нужно увидеться с Йядой!»

— Боюсь, это выглядело бы странно, если бы я явился туда прежде, чем он попросит вас об этом, лорд Хетвар. Да вам и не следует слишком легко давать согласие. К тому же я нуждаюсь в еде и отдыхе. — Последнее утверждение по крайней мере было чистой правдой.

— Я хочу, чтобы моя сестра уже теперь имела охрану, — настаивал Биаст.

— Тогда, может быть, вы сами могли бы её посетить.

— Но у меня нет сверхъестественной силы, которую я мог бы противопоставить Венселу!

«Похоже, вы начинаете понимать, что я пригожусь вам несожженным? Что ж, хорошо!»

— Может быть, храм мог бы пока поставить на стражу волшебника?

— Тех, кто мог бы справиться с заданием, сейчас нет в столице, — ответил Льюко. — Я пошлю кому-нибудь из них срочный вызов, если позволите, — поклонился он Фритину. Тот кивнул.

— Успокойтесь, принц, — обратился Хетвар к Биасту, который уже открыл рот, чтобы возразить. — Думаю, сегодня мы всё равно не сможем ничего предпринять. — Он с усталым кряхтением поднялся из-за стола. — Ингри, пойдёмте со мной.

Ингри извинился перед остающимися сидеть в кабинете вельможами, не забыв специально поклониться и Геске — просто чтобы тот не переставал дрожать. Если Геска — шпион Венсела, как граф отнесётся к сообщению об этом совещании? Впрочем, Хорсривер должен был предвидеть, что Камрилу предъявят обвинение. По крайней мере Геска сможет подтвердить, что подозрение на графа бросил не Ингри.

«Да. Пусть пока Геска побеждает. А мы пойдём по следу и посмотрим, куда он приведёт».

Ингри последовал за Хетваром по устланному ковром скупо освещённому коридору. Наконец они отошли достаточно далеко от двери в кабинет, чтобы оставшиеся там не могли их услышать.

— Милорд!

Хетвар обернулся и остановился под одним из настенных подсвечников. Теперь стало видно, каким встревоженным стало лицо хранителя печати.

— До сих пор я полагал, что острый интерес Венсела к приближающимся выборам вызван заботой об интересах его шурина. Поэтому я с ним говорил обо всём откровенно. Теперь у меня появились основания гадать, не движет ли Хорсривером, как Болесо, совсем другое желание.

— Он предпринял какие-то новые шаги, если не считать его странного интереса к Йяде?

— Скорее его прежние действия теперь выглядят в ином свете. — Хетвар потёр лоб и на мгновение зажмурил глаза. — Охраняя Фару, держите уши на макушке: меня интересуют... скажем так, признаки нездорового личного интереса Венсела к тому, кто станет следующим священным королём.

— Я совершенно уверен, что Венсела не интересует просто политическая власть, — сказал Ингри.

— Ваши слова не успокаивают меня, Ингри, особенно после того как один лорд-волк на одном дыхании произнёс «королевская власть» и «магия». Я очень хорошо понимаю, что вы не обо всём там, в кабинете, рассказали.

— Безумные догадки таят собственные опасности.

— Несомненно. Мне нужны факты. Я не хочу терять влиятельного союзника из-за обидных ложных обвинений, но не хочу и оказаться беззащитным перед опасным врагом.

— Моё любопытство в этом вопросе не уступает вашему, милорд.

— Хорошо. — Хетвар хлопнул Ингри по плечу. — Отправляйтесь и позаботьтесь о еде и отдыхе: они вам необходимы. Вы, знаете ли, выглядите как покойник. Вы уверены, что утром упали в обморок не потому, что больны?

— Я от души предпочёл бы, чтобы это было так. Льюко рассказал о моих признаниях?

— Насчёт вашего так называемого видения? О да, и это была очень красочная история. — Хетвар помолчал. — Впрочем, она, похоже, утешила Биаста.

— Вы поверили рассказу?

— А вы верите в случившееся? — Хетвар склонил голову к плечу.

— О да, — выдохнул Ингри, — да.
Хетвар взглянул Ингри в глаза, потом смущённо отвёл взгляд.
— Мне жаль, что я пропустил это зрелище. Так что вы и бог на самом деле сказали друг другу?
— Мы... спорили.
На лице Хетвара расплылась искренняя, хоть и невесёлая улыбка.
— И почему это меня не удивляет? Могу только пожелать богам удачи, когда дело касается вас. Да получают они от вас более вразумительные ответы, чем это когда-либо удавалось мне. — Хетвар повернулся, собираясь уйти.
— Милорд!
Хетвар снова взглянул на Ингри.
— Да?
— Если... — Ингри сглотнул. — Я прошу о милости. Если случится так, что мой кузен Хорсривер в ближайшие дни неожиданно умрёт, умоляю вас распорядиться, чтобы в отношении меня немедленно было предпринято храмовое расследование. Пусть Льюко привлечёт лучших волшебников, каких только сможет найти.
Хетвар нахмурился, пристально глядя на Ингри. Он начал что-то говорить, но тут же сжал губы.
— Как я понимаю, — сказал он наконец, — вы решили, что можете просто сказать мне такую вещь и уйти прочь, а?
— Если вы поклянетесь исполнить мою просьбу...
— Вы, кажется, путаете клятву и проклятие.
— Поклянитесь!
— Что ж... Хорошо.
Ингри поклонился и двинулся к выходу. Хетвар не позвал его обратно, хотя сказанное шёпотом проклятие и в самом деле долетело до его ушей.

Глава 18

Когда привратник распахнул перед Ингри дверь дома-тюрьмы, Йяда сидела на нижней ступеньке лестницы, сгорбившись и тесно обхватив себя руками. Дуэнья сидела на несколько ступенек выше, с беспокойством поглядывая на свою подопечную. Увидев Ингри, Йяда вскочила на ноги; её глаза искали в его лице что-то, о чём он не мог догадаться, — однако она, похоже, нашла то, что искала, потому что кинулась вперёд, схватила его за руку, потащила в боковую комнатку и захлопнула дверь перед недовольной, но не посмевшей возражать дуэньей.

— Что это было? — потребовала ответа Йяда. — Что с тобой случилось?
— А что ты... Ты тоже что-то видела?
— Видения, Ингри, ужасные видения. Посланные не богом, в этом я поклянусь. Вскоре после того как ты ушёл, на меня нашло... колени подкосились. Мир вокруг на этот раз не исчез полностью, но картины, которые я видела, были ярче воспоминаний, хотя и не такие, как галлюцинации. Ингри, я видела Кровавое Поле! Я видела моих воинов! Не израненных и обессиленных, какие мне приснились в Израненном лесу, но из более ранних времён, когда они ещё были живы... — Йяда запнулась. — И умирали.
— Ты ощутила присутствие Венсела? Ты его видела, слышала его голос?
— Нет... не такого, как он сейчас. Эти видения рождались в твоём рассудке, мне кажется. Разве не так?
— Да. Картины из древних времён, да. Древний Вилд. Резня при Кровавом Поле.
Йяду передёрнуло, и она поднесла руку к лицу. В памяти Ингри вновь прозвучал жуткий звук, с каким топор перерубает кость.
«Она тоже всё это ощутила».
— Почему мы разделяем подобные видения? Что произошло между нами? — спросила

Йяда.

— Эти картины, эти видения... Мне их показал Венсел. Он не просто воин, владеющий духом животного, как ты, и не просто шаман вроде меня. Он гораздо больше. Заблудившийся во времени, наделённый страшной силой и испытывающий чудовищную боль. Он думает... он утверждает, что он — священный король.

— Но священный король — это старый лорд Стагхорн, он стал им ещё до моего рождения. Как может быть два священных короля?

— Мне кажется, тут какая-то тайна, до сути которой я ещё не докопался. Я отправился к Венселу, чтобы выбить, если понадобится, из него правду. Вместо этого он вбил в меня...

Ингри подвёл Йяду к креслу и сам сел рядом, не выпуская её рук. Медленно и запинаясь он рассказал девушке о своём устрашающем разговоре с графом. Йяда, по-видимому, разделяла с Ингри только мистические видения, не улавливая их смысла, и он подумал, что последние часы Йяде пришлось провести в растерянности и беспокойстве: даже сейчас её зрачки были расширены, а тело сотрясал озноб.

— Венсел утверждает, что я — наследник его души, и моё тело будет захвачено после его смерти силой того древнего заклинания независимо от его или моей воли. Как давно мне грозит такая опасность, я не знаю. Может быть, раньше был какой-то другой родич между ним и мной, который потом умер, но... но, возможно, моим предшественником был мой отец, и только после его смерти... Это поднимает ещё один вопрос, на который я не знаю ответа: чего отец хотел добиться при помощи волчьего обряда.

— Другой мой сон... — выдохнула Йяда. — О пылающем всаднике, держащем на поводке волка... скачущем по пеплу... Это был ты! Ты в двух своих обличьях!

— Ты думаешь? Может быть...

— Ингри, я узнала долину Священного древа! Я узнала своих воинов! Я была связана с ними так же, как я связана с тобой, хоть я и не знаю — как именно. И если Венсел сказал правду, он связан с ними тоже.

— В рассказе Венсела много прорех, но об этом он не лгал, — с уверенностью сказал Ингри. — Наложённые древним закланием узы — основа всего этого кошмара.

— Тогда круг замкнулся. Ты привязан ко мне, я — к моим призракам, они — к Венселу, а Венсел, похоже, к тебе. Не пытается ли Венсел совершить какое-то магическое действие, раз мы все оказались здесь?

— Не уверен. Заклятие касается не одного Венсела. Во-первых, он не может избрать своего наследника, иначе он наверняка выбрал бы кого-нибудь другого, а не меня. В этом есть смысл: заклание должно было работать в хаосе битвы, когда священный король и его наследник могли пасть в один и тот же час, как и случилось при Кровавом Pole. Перемещение души должно было происходить без участия и без желания связанных обрядом лиц королевской крови. Поэтому отчасти заклание зависит от тех мёртвых воинов из Израненного леса, владевших духами животных, — сама земля Древнего Вилда, то, что осталось от силы населявших её кланов, выбирает наследника. Венсел — только сосуд, в который эта сила вливается. — Ингри в этом рассуждении чудилась загадочная и дразнящая истина.

Глаза Йяды сузились.

— Так что же, нам всем троим следует отправиться на Кровавое Pole? И если так, что мы должны сделать, оказавшись там?

— И кто — уж не боги ли? — подталкивает нас к этому? — пробормотал Ингри. Он, хмурясь, откинулся в кресле. — До сих пор заклание касалось меньшего числа участников — только Хорсриверов и мёртвых воинов, по замкнутому кругу на протяжении шестнадцати поколений. Ты... ты вломила в него снаружи. Заклятие распространилось на меня. Границы заклания теперь не такие, как были раньше, — границы между жизнью и смертью, между духом и материей, между кровными родичами... между Вилдом и другими землями. Перемены, в первый раз за столетия начались перемены.

Йяда потёрла лоб.

— Какую роль играю во всём этом я? Наполовину внутри, наполовину снаружи... где моё место? Я жива, они — мертвы. Я женщина, они, мне кажется, по большей части мужчины. Мой леопард даже не из зверей Вилда! Я ничем не помогла душе Болесо — только наблюдала разинув рот. Это ты нужен богам, Ингри: ты мог бы освободить души тех древних призраков! — Уверенный взгляд Йяды сделался требовательным.

— Дверь в стене одновременно и внутри здания, и снаружи, — медленно проговорил Ингри. — Две половины, как и у тебя, благодаря крови твоего отца. И ты тоже востребована, хотя, я думаю, против воли Венсела. Разве призраки не выбрали тебя — из всех, кто той ночью спал и видел сны в Израненном лесу?

Йяда заколебалась, потом гордо выпрямилась.

— Да, меня.

— Ну, тогда... — А что тогда? Измученный мозг Ингри не мог найти ответа. — После видений дела приняли новый оборот. Венсел очень хочет держать меня с собой рядом. Он соблазнял меня высоким положением среди своих приближённых. Даже не соблазнял — принуждал.

Новая тревога заставила Йяду нахмуриться.

— А Хетвар, — продолжал Ингри, — вместо того чтобы меня защитить, пожелал, чтобы я шпионил за Венселом. Камрил посеял у жрецов подозрение насчёт того, что Венсел владеет духом животного; ни храм, ни хранитель печати ещё не знают, насколько больше всего таится в Хорсривере. Я ничего им не рассказал. Не знаю, к чему привело бы разоблачение или долго ли Венселу удастся хранить свои тёмные секреты. Я даже не представляю, насколько я сам опутан этой паутиной. В дополнение ко всему Биаст теперь боится своего шурина и желает, чтобы я охранял Фару, — поморщился Ингри.

— Биаст, может быть, боится не напрасно, — медленно сказала Йяда. — Я определённо не хотела бы, чтобы к моим несчастьям прибавилась смерть ещё кого-то из Стагхорнов.

— Ты не понимаешь. Если меня отправят к Хорсриверу, я больше не буду тебя охранять, тебя передадут другому тюремщику, и возможно, переведут в другое место, куда мне не так легко будет проникнуть... и откуда трудно будет бежать.

Йяда напряглась.

— Я не должна быть... не должна быть ограничена в своих передвижениях, когда всё закончится. Когда будет пора отправляться.

— Когда что закончится?

Йяда беспомощно развела руками.

— Всё это, чем бы оно ни было. Когда бог-охотник загонит ту дичь, на которую охотится. Разве ты не чувствуешь этого, Ингри?

— Чувствую, да. От напряжения меня просто лихорадит, но ясно я ничего не вижу.

— Что затевает Венсел?

Ингри покачал головой.

— Я всё меньше уверен в том, что он что-то затевает, помимо того, что охраняет свои старые секреты. Его разум настолько переполнен, что иногда кажется, что ему трудно сосредоточиться на настоящем. Не то чтобы от этого он становился менее опасным... Чего он на самом деле боится? Ведь убить его, похоже, нельзя. — Казнь не остановит графа, да и из темницы он, если захочет, может исчезнуть — тем же ужасным способом, — как бы его ни охраняли и в какую глубокую камеру ни запрятали бы. Ингри решил, что совсем не хочет, чтобы Венсела заточили.

Губы Йяды дрогнули, когда ей пришла новая озадачивающая мысль:

— И как же на протяжении всех этих столетий происходят похороны графа, если его душа никогда не устремляется к богам?

Ингри задумался: действительно, ведь никакие слухи не ходили... Потом он махнул рукой:

— Он же занимал тело следующего наследника, который обычно и организовывал все обряды. Держу пари: он давно наловчился устраивать всё так, как ему хочется. Ну а если раз-

другой ему это не удалось... что ж, некоторые люди ведь превращаются в призраков.

Странность всей этой ситуации вновь завладела воображением Ингри. Каково было Хорсриверу смотреть, как его тело хоронят, снова и снова? Каково было прилюдно скорбеть, зная, что оплакивать следует не отца, а сына?

Йяда кивнула: подобные же размышления заставили её погрузнеть.

— Если бы древним закланием занялся храм, что смогли бы сделать священнослужители?

— Не уверен... Ничего, мне кажется, если только не при помощи колдовства или чуда.

— Боги уже по колено увязли во всей этой истории — и без особого почтения к храму.

— Похоже на то, — вздохнул Ингри.

— Так что же нам делать?

Ингри потёр болевшую шею.

— Ждать, пожалуй. Пока. Я отправлюсь к Хорсриверу и буду шпионить, но вовсе не только ради Хетвара. Может быть, мне удастся узнать что-то, что прояснит ситуацию, найти недостающий кусочек головоломки.

— Но какой ты подвергнешься опасности! — забеспокоилась Йяда. Ингри только пожал плечами. Девушку такой ответ не устроил: — В твоём молчании мне чудится какая-то ужасная неопределённость.

— Неопределённость? — фыркнул Ингри. — Сегодняшний неласковый денёк едва не заставил меня развалиться на части.

Йяда снова всплеснула руками.

— Пока я тут прохлаждалась в этом доме!

Ингри наклонился к Йяде, мгновение поколебался, всё ещё опасаясь того, что сделал с ним тот первый поцелуй, но всё же приник к губам девушки. Йяда не отстранилась. На этот раз не было внезапного шока, ни для него, ни для неё мир не померк, — но только потому, что теперь их соединяла нерасторжимая связь. Ингри отчётливо её ощущал — словно текущий сквозь них могучий поток. Телесное возбуждение приглушила усталость, а сладость губ Йяды заслонило отчаянное беспокойство. Девушка прижалась к Ингри не из-за вожделения или любви, а в страстном стремлении найти опору — не в его сомнительных дарованиях, а в Ингри целиком, включая волка. Это чудо согрело сердце Ингри.

Йяда немного отодвинулась и откинула волосы со лба Ингри, всё ещё встревоженная, но уже улыбаясь.

— Ты сегодня ел? — практически поинтересовалась она.

— Когда-то давно.

— Ты выглядишь ужасно усталым. Нужно поесть.

— Хетвар тоже так говорил.

— Значит, так оно и есть. — Йяда поднялась. — Я распоряжусь, чтобы на кухне занялись твоим ужином.

Ингри прижал прохладную руку девушки к своему лбу, прежде чем неохотно выпустил её.

На полпути к двери Йяда оглянулась через плечо.

— Ингри...

— М-м? — Ингри поднял голову, которая уже успела опуститься на скрещённые на столе руки.

— Если Венсел в самом деле в каком-то мистическом смысле священный король, а ты в самом деле его наследник... что это для тебя значит?

«Страшную угрозу».

— Ничего хорошего мне это не сулит.

— Ха! — Йяда покачала головой и вышла.

На следующее утро Ингри проснулся позже, чем намеревался, а распоряжения — принесённые Геской — прибыли раньше, чем он ожидал.

Поправляя только что надетые камзол и пояс с ножнами, Ингри спустился по лестнице и увидел в холле бывшего своего лейтенанта. Геска наклонился к уху Ингри, бросил недовольный взгляд на привратника, который мешкал у двери в кухню, что-то говоря мальчишке-слуге.

— Вы должны явиться к графу Хорсриверу.

— Уже? Быстро сделано. А что насчёт пленницы?

— Я должен занять ваше место и сторожить её здесь.

Ингри напрягся.

— От чьего имени — Хетвара или Хорсривера?

— Хетвара и верховного настоятеля.

— Они не намерены перевести её куда-то в другое место?

— Никто мне об этом не говорил.

Глаза Ингри, изучавшие нервничающего лейтенанта, сузились.

— И кому ты докладывал о собрании у Хетвара прошлым вечером?

— С чего это мне кому-то докладывать?

Ингри небрежно — ничуть не обманув этим Геску — сделал шаг вперёд, так что лейтенанту пришлось попятиться к стене, и заставил Геску посмотреть ему в глаза.

— Можешь признаться, что ходил к Хорсриверу. Раз уж мне предстоит служить ему, как я служил Хетвару, не сомневайся: я скоро стану его доверенным лицом.

Геска открыл рот, но сумел только, не выдавив из себя ни слова, покачать головой.

— Отпереться не получится, Геска. Я знаю о твоих письмах Венселу. — Это был ещё один выстрел наобум, но по тому, как дёрнулся лейтенант, Ингри понял, что попал в цель.

— Откуда вы... Я не думал, что это принесёт вред! Ведь он — союзник лорда Хетвара. Я просто решил услужить другу хозяина.

— Почему-то мне кажется, что не задаром.

— Н-ну... я ведь небогатый человек. А граф — не скряга. — Геска нахмурился, снова насторожившись. — Так откуда вы узнали? Готов поклясться: вы ничего не видели.

— Благодаря такому своевременному прибытию Венсела в Миддлтаун. Ну и по другим признакам тоже.

— Ох... — Геска, скривившись, поник.

Так что же так огорчило лейтенанта: то, что он не устоял перед соблазном и предал господина, или просто то обстоятельство, что его разоблачили?

— Катишься по наклонной плоскости, а? Человек попадает в зависимость, не только когда пользуется милостями, но и когда оказывает услуги. Поэтому я, например, избегаю и того, и другого. — Ингри улыбнулся своей самой волчьей улыбкой, чтобы иллюзия его неуязвимости не вызвала у Гески сомнений.

Голос Гески сделался еле слышным:

— Вы собираетесь меня выдать?

— Разве я тебя в чём-нибудь обвинил?

— Это не ответ — особенно от вас.

— Верно, — вздохнул Ингри. — Если бы ты признался Хетвару, не дожидаясь обвинения, дело скорее всего кончилось выговором, и он тебя не выгнал бы. Хетвар не рассчитывает, что ему будут служить безупречно честные люди, но предпочитает точно знать пределы их стойкости. Это, наверное, даёт ему приятную уверенность.

— А каковы пределы вашей стойкости? И какова его уверенность в вас?

— Мы не позволяем друг другу терять бдительность. — Ингри осмотрел Геску с головы до ног. — Что же, бывают и худшие тюремщики.

— Ага, и не такие красотки пленницы.

Ингри сменил шутливый тон на откровенно угрожающий:

— Пока леди Йяда под твоим присмотром, ты будешь обращаться с ней со всей доступной тебе вежливостью, Геска. В противном случае тебе придётся беспокоиться о большем, чем гнев лорда Хетвара, жрецов, Хорсривера и самих богов.

Под свирепым взглядом Ингри Геска съёжился.

— Да бросьте, Ингри! Я же не чудовище.

— А вот обо мне этого сказать нельзя, — выдохнул Ингри. — Понятно?

Геска едва осмеливался дышать.

— Вполне.

— Вот и прекрасно. — Ингри сделал шаг назад, и хотя во время разговора он не тронул Геску и пальцем, тот поник, как человек, только что избавленный от железной хватки на горле, и принялся ощупывать шею, словно размышляя, появятся ли на ней синяки... или отметины клыков.

Ингри поднялся в свою комнату и растолкал Теско, чтобы слуга снова собрал его немногочисленное имущество для отправки во дворец Хорсриверов. Тем временем Ингри размышлял о том, какое воздействие на Венсела может оказать информация о собрании у Хетвара в изложении Гески. Поскольку сам Ингри не собирался делать глупости и пытаться что-то скрыть от графа, он сомневался, что того особенно взволнует полученный Ингри приказ шпионить за ним. К тому же Венсел наверняка узнал от Гески о том факте, что Ингри не раскрыл самых тёмных его тайн. В целом, решил Ингри, мелкое предательство Гески принесло больше пользы, чем вреда.

По лестнице, согнувшись под грузом хозяйских вещей, спустился Теско; Ингри двинулся ему навстречу, поднялся ещё на этаж и постучал в дверь Йяды. К его удовлетворению, прежде чем дверь приоткрылась и из неё выглянула полная подозрительности дуэнья, раздался скрежет засова: женщины выполнили его совет держать дверь на запоре.

— Мне нужна леди Йяда.

Девушка протиснулась мимо дуэньи на лестничную площадку и вопросительно посмотрела на Ингри.

Ингри поклонился.

— Меня уже вызывают к графу Хорсриверу. Моё место здесь на некоторое время займёт Геска.

Знакомое имя заставило лицо Йяды просветлеть.

— Не так плохо!

— Может быть. Я постараюсь вернуться и сообщить, если мне... э-э... удастся приблизиться к пониманию событий.

Йяда кивнула. Выражение её лица было скорее задумчивым, чем испуганным, хотя догадаться о её мыслях Ингри не мог. Она знала не больше, чем он, но Ингри уже оценил её талант задавать очень тревожные вопросы. Он подумал, что очень скоро ему станет не хватать её проницательности.

Вместо прощального поцелуя под бдительным взглядом дуэньи Ингри ограничился тем, что стиснул девушке руку. Странное течение, соединяющее их, было ощутимо даже в этом кратком пожатии.

— Мне будет известно, если вас куда-то переведут.

Йяда кивнула и выпустила его руку.

— Я тоже буду прислушиваться.

Коротко поклонившись, Ингри заставил себя уйти.

Как и накануне, Ингри двинулся вверх по извилистым улицам Королевского города; на этот раз за ним тащился пытящий Теско, нагруженный его имуществом. Привратник резиденции Хорсриверов явно был уже предупреждён, потому что их сразу же проводили в новую комнату Ингри. В отличие от каморки под самой крышей, отведённой ему в Миддлтауне, это оказалась просторная комната на третьем этаже, где обычно размещали высородных гостей, с альковом для Теско. Оставив слугу раскладывать его немногочисленную одежду, Ингри отправился осматривать здание, размышляя о том, ожидает ли Венсел, что он заберёт из дворца Хетвара и остальное своё имущество, и к

какому заключению придёт, если он этого не сделает.

Проходя мимо гостиной на втором этаже, двери которой украшала изящная резьба, Ингри заглянул внутрь и увидел Фару и одну из её дам. Почтенная матрона склонилась над шитьём, а принцесса стояла у окна, мрачно глядя наружу. Серебристый утренний свет подчёркивал напряжение, написанное на её квадратном бледном лице. Фара была невысокой и плотной; к старости она станет сутулой, подумал Ингри. Какой-то шорох привлёк внимание принцессы, она обернулась, и глаза её широко раскрылись, когда она узнала Ингри.

— Вы — лорд Ингри?

— Да, принцесса. — Ингри поклонился, коснувшись рукой сердца.

Фара, хмурясь, оглядела его.

— Биаст сказал мне вчера вечером, что вы должны поступить на службу к моему мужу.

— А также... к вам.

— Да. Это он мне сказал тоже. — Фара оглянулась на свою фрейлину. — Оставьте нас. Пусть дверь будет открыта. — Дама поднялась, сделала реверанс и проскользнула мимо Ингри. Фара поманила его в гостиную.

Она ещё раз настороженно оглядела Ингри и тихо сказала:

— Брат сказал мне, что вы будете меня охранять.

Так же тихо и невыразительно Ингри поинтересовался:

— Вы ощущаете потребность в том, чтобы вас охраняли, принцесса?

Фара неуверенно пожала плечами.

— Биаст сказал, что на Венсела падает серьёзное подозрение. Что вы об этом думаете?

— Можете ли вы сказать, обосновано ли оно, миледи?

Фара покачала головой — жест не был отрицанием — и решительно подняла свой длинный подбородок.

— А вы разве не можете?

— Обладание духом животного не оскверняет человека; оскверняет его то, для чего он духом пользуется. По крайней мере мне хотелось бы в это верить. Прощение, дарованное мне храмом, подтверждает это. Возникало ли у вас подозрение, что ваш супруг обладает сверхъестественной силой?

Этот уклончивый ответ заставил Фару нахмурить её густые чёрные брови.

— Нет... да. Не знаю. Венсел был странным с самого начала, но я считала его просто нелюдимым. Я пыталась развеселить его, и иногда... иногда мне это удавалось, однако потом он снова впадал в свою чёрную меланхолию. Я молила Мать просветить меня, я... я старалась быть хорошей женой, как нас учит храм. — Голос Фары дрогнул, но она продолжала говорить, ещё больше нахмурившись: — А потом он привёз эту девушку.

— Леди Йяду? Разве она вам не понравилась — сначала?

— О, сначала! — Фара гневно тряхнула головой. — Сначала — да, пожалуй. Но ведь Венсел... ухаживал за ней.

— И как она отвечала на эти знаки внимания? Вы делали ей замечания?

— Она притворялась, что это её смешит. Мне смешно не было. Я следила за ним, следила за ней. Венсел со времени нашей свадьбы даже не смотрел на других женщин... да и до свадьбы тоже, но с ней он не сводил глаз.

Ингри попытался придумать вопрос, который позволил бы ему услышать версию Фары насчёт событий в охотничьем замке, хотя надобности в этом, пожалуй, не было. Фара не обладала ни выдающимся интеллектом, ни изворотливой хитростью, ни сверхъестественными способностями — дело было просто в оскорблённых чувствах женщины. И никаких следов магии Ингри не чувствовал тоже — Венсел не взял на себя труд наложить на жену заклятие. Только вот почему?

Однако мысли Фары текли в другом направлении.

— То, в чём обвиняет Венсела Биаст... — пробормотала она, остро взглянув на Ингри, — может быть, всё так и есть. В конце концов я же ничего не могу различить, глядя

на вас. Если вы действительно скрываете в себе волка, он так же невидим, как грехи любого мужчины. Насчёт Венсела это объяснило бы... многое. — Фара втянула воздух и резко бросила: — Каким образом вы получили прощение храма?

Брови Ингри поползли вверх.

— Думаю, мне попался особенно милосердный храмовый следователь. Он пожалел больного сироту. Постепенно мне удалось дать некоторые доказательства того, что я способен контролировать своего зверя, и они удовлетворили занимавшихся моим делом жрецов... не настолько, конечно, чтобы передать в мои юные руки управление замком. А потом... потом мне оказал поддержку Хетвар.

— Если Венсел так хорошо управляется со своим зверем, что даже я не заметила его присутствия, разве этого недостаточно, чтобы он получил такое же прощение? — спросила Фара, и в её голосе прозвучала умоляющая нота.

Ингри облизнул губы.

— Об этом вам следует спросить верховного настоятеля. Я тут ничего решить не могу. — Не думала ли Фара о том, как ей защитить супруга? Сможет ли Венсел выдержать такое же расследование, как то, от которого так долго страдал Ингри? Хорсриверу нужно было скрыть гораздо больше, однако, похоже, и могущество его неизмеримо превосходило силы подростка-Ингри. Если он того пожелает... Возможно, он окажется вынужден благодаря частичному разоблачению прибегнуть к какой-то уловке.

Да, можно было бы ожидать, что такая задача целиком поглотит его внимание...

«Он отчаянно стремится к чему-то другому».

К чему?

Фара, как только смогла представить себе такую возможность, явно сочла обвинение Венсела в обладании духом животного пугающе правдоподобным. Она выглядела так, словно наконец справилась с давно мучившей её головомолкой; последние кусочки мозаики всё быстрее и быстрее занимали свои места. Да, конечно, она боялась: и за мужа, и за себя.

— Почему бы вам самой не задать эти вопросы Венселу? — сказал Ингри.

— Прошлой ночью он не приходил ко мне. — Фара потёрла глаза, словно желая этим жестом объяснить, почему они так покраснели. — Он теперь приходит редко... Биаст велел мне ничего ему не говорить, но я не знаю...

— Венселу уже известно о том, что ему грозит обвинение. Вы не выдадите ничьего секрета, если спросите его.

Фара робко взглянула на Ингри.

— Значит, он уже так вам доверяет?

— Я его ближайший родич. — «На некоторое время». — В таком опасном положении он стремится получить поддержку человека из своего клана. — «Так сказать...»

Фара стиснула руки.

— Тогда я рада, что вы здесь.

«Ну, это ещё как посмотреть».

К несчастью, Ингри не мог откровенно высказать Фаре своё мнение о её поступке с леди Йядой и одновременно сохранить её расположение. Ингри застыл на месте: обострившиеся чувства предупредили его о приближении Венсела ещё до того, как в коридоре послышались лёгкие шаги и кто-то откашлялся за дверью.

— Лорд Ингри, — сердечно приветствовал его Венсел, — мне доложили, что вы уже прибыли.

Ингри поклонился.

— Доброе утро, милорд.

— Надеюсь, вы нашли свою комнату удобной?

— Да, благодарю вас. Мой слуга Теско полагает, что наше положение в свете улучшилось.

— Так и должно случиться. — Поклон, которым Хорсривер приветствовал жену, был вежлив, но довольно небрежен. — Пойдёмте со мной, Ингри. Леди, прошу нас извинить.

Ответный поклон Фары был в равной мере безразличным, и только лёгкая скованность выдала её взбудораженные чувства.

Ингри последовал за Венселом в его кабинет. Венсел решительно закрыл за ними дверь, и Ингри повернулся так, чтобы не оказаться к хозяину спиной. У Хорсривера было вполне достаточно времени, чтобы подготовить магический удар, если бы у него возникло такое желание, однако опасения Ингри оказались напрасны: Венсел просто указал ему на кресло, а сам присел на край письменного стола. Покачивая ногой, он разглядывал Ингри сузившимися глазами.

— Хетвар очень быстро отпустил тебя, — заметил он.

— Геска сообщил тебе почему?

— О да.

— Биаст очень беспокоится за сестру, а Фара, как я понимаю, мечтает тебя спасти. Как тебе удалось завоевать любовь жены, я и представить себе не могу.

— Я тоже. — Хорсривер поморщился и принялся нервным жестом тереть прядь своих подёрнутых сединой светлых волос. — Подозреваю, что её гувернантки перед свадьбой отравили её слишком большой дозой придворной поэзии. Я похоронил десятки жён и теперь не позволяю себе привязываться к ним. Я не могу объяснить тебе, чем все эти женщины мне кажутся. Это одна из самых изощрённых пыток моего теперешнего состояния.

— Словно целуешь труп?

— Словно ты труп, который целуют.

— Мне показалось, что она об этом не догадывается.

Граф пожал плечами.

— Я по привычке, которая теперь кажется мне бессмысленной, вступил в этот союз ради того, чтобы зачать ещё одного сына, а для этого тело следует каким-то образом возбудить. К счастью, данное тело ещё молодо, и простачок Венсел был бы вполне увлечён своей принцессой, мне кажется.

Позволяет ли Хорсривер этой полупереваренной душе всплывать на поверхность, когда он притворяется любящим мужем? И в какую растерянность должна повергать Фару внезапная замена растерянного влюблённого мальчика её ночей холодным как лёд незнакомцем за завтраком? Может ли Хорсривер давать волю другим своим прежним душам, когда того требует дело? У бедной принцессы голова должна идти кругом, если ей приходится следить за столькими личинами супруга.

По какой-то причине на Венсела напала разговорчивость, и Ингри решил воспользоваться представившейся возможностью.

— Зачем ты привёз леди Йяду? Учитывая последствия, это кажется ошибкой.

— Возможно, — поморщился Венсел. — Некоторые вещи видишь, только оглядываясь назад.

— Фара сочла её новой кобылкой для жеребца-Хорсривера.

Граф нахмурился ещё сильнее.

— Ну конечно — я же говорю, Фара романтична.

— Если не ради этого, то из-за чего же? Из-за Израненного леса? И не только потому, что Йяда унаследовала уголья? — Ингри не привык делиться информацией, но в данном случае она могла оказаться приманкой. — Йяда рассказывала мне о своём сне.

— Да, — мрачно кивнул Венсел. — Значит, тебе и в самом деле известно... Я не был уверен.

— Тебе она тоже рассказала?

— Нет, но я видел этот сон одновременно с нею, хотя и с другой точки зрения. Это ведь был больше чем сон: это было событие. Даже будучи всего лишь марионеткой богов, она не могла не взволновать моих вод так, чтобы рябь не добежала до меня. — Венсел вздохнул. — С тех пор она представляет для меня огромную загадку. Я взял её к своему двору, чтобы понаблюдать, но не смог обнаружить ничего необычного. Если боги предназначили её на роль наживки, я на неё не клюнул. Йяда, несомненно, оказалась связана заклятием во время

того ночлега на Кровавом Поле, но она осталась слепой и бессильной, как самая обычная девушка.

— До тех пор, пока в охотничьем замке не случилось неожиданного несчастья.

— Да, действительно.

— Неужели всё это произошло по воле богов? Включая смерть Болесо?

Венсел задумчиво скривил губы.

— Противиться богам — всё равно что играть в шахматы с партнёром, который всегда видит на несколько ходов дальше, чем ты. Однако даже боги не в силах заглядывать в бесконечность. Наша свободная воля затуманивает их взгляд, хоть их глаза и зорче наших. Боги не столько планируют, сколько пользуются представившейся возможностью.

— Зачем тогда ты послал меня убить Йяду? Простая предосторожность? — Ингри постарался, чтобы голос его прозвучал равнодушно, как если бы вопрос имел для него лишь теоретическое значение.

— Вовсе нет. Поскольку она расправилась с Болесо, её наверняка ожидает виселица, а я не могу даже представить себе более точного воспроизведения обряда Древнего Вилда — символического жертвоприношения посланца к богам, — чем казнь невинной девицы под песнопения жрецов. Смерть открывает богам дверь в этот мир. Её смерть при подобных обстоятельствах дала бы им доступ к долине Священного древа, закрытой для них вот уже на протяжении четырёх столетий.

— А убийство Йяды такой роли не сыграло бы? В чём разница?

Венсел просто пожал плечами и отвернулся.

— Если только, — продолжил свою мысль Ингри, — заклятие не предусматривало чего-то большего, чем просто убийство.

Венсел снова взглянул на Ингри. На его лице была написана ирония, которая, как заметил Ингри, маскировала явное раздражение: похоже, Ингри удалось докопаться до чего-то существенного.

— С помощью заклатья её душа после убийства была бы привязана к твоей, а потом истаяла бы, как призрак. Благодаря этому Йяда и её связь со Священным древом оказались бы недоступны богам. Это вариант очень, очень древнего обряда, и я пролил ради него слишком много своей крови — приходилось спешить.

— Прелестно! — Ингри не удалось на этот раз сохранить равнодушный тон. — Убийство заодно с уничтожением души!

Венсел развёл руками, словно говоря: «А что оставалось делать?»

— Гораздо хуже: излишняя трата сил. Обрётённый ею дух леопарда сделал бы то же самое. Если бы я знал заранее... Это был мастерский ход, нужно отдать должное богам — моим противникам. Впрочем, может быть, всё было и не так: то ли мы с ними, отражая выпады друг друга, загнали себя в тупик, то ли оказались жертвами идиотизма Болесо. — Венсел поколебался. — В мои планы не входило связывать ваши души до убийства, однако это случилось, не так ли? — Венсел пристально смотрел на Ингри, и до того дошло, что не только он пытается докопаться до чего-то. Ох, не хочет ли Хорсривер сказать, что возникшая между Йядой и Ингри мысленная связь — его рук дело?

Молчание Ингри заставило Венсела добавить с фальшивым добродушием:

— Уж не решил ли ты, кузен, что влюбился в неё? Или она в тебя? Увы, должен разрушить эту романтическую иллюзию. На самом деле я думал, что ты — хоть, наверное, и не она — достаточно трезво мыслящий человек.

Эту приманку Ингри чуть не схватил.

«Выскочить из воды, в пене и брызгах...»

Но тут он вспомнил, как хитрые инсинуации Венсела едва не заставили его перерезать себе горло.

«Этому ловкачу и магия не требуется, чтобы вить из меня верёвки».

Удивительная связь между Ингри и Йядой и в самом деле могла быть побочным действием разрушенного заклатья Венсела, но Венселу она больше не была подвластна.

«А ему не нравится всё, чего он не может контролировать, особенно когда это так близко касается его дел».

Каковы бы эти дела ни были...

«А теперь нас с Йядой связывает нечто большее, чем то, что было создано тобой, Венсел».

Ингри сумел пожать плечами и переменить тему разговора.

— Как бы то ни было, теперь я служу тебе. Каковы будут мои обязанности, милорд?

Судя по выражению лица Хорсривера, он не очень поверил в спокойствие Ингри, но не стал расспрашивать его дальше.

— По правде сказать, у меня не было времени подумать об этом.

— Изобретаешь на ходу, верно?

— Да, в этом, если и ни в чём другом, я весьма похож на богов. Может быть, стоит подарить тебе коня.

— Хетвар избавлял меня от таких расходов. Я в случае надобности ездил на его лошадях, за корм которым он платил сам.

— О, эти расходы я возьму на себя. Если у тебя будет хороший скакун, это послужит к чести моего дома.

Ингри тут же вспомнил о смерти последней матери-супруги Хорсривера, будто бы погибшей, упав с коня, но вслух сказал только:

— Что ж, благодарю, милорд.

— Этим утром можешь делать что хочешь, но потом тебе предстоит сопровождать меня.

— Я в твоём распоряжении, кузен.

Губы Венсела насмешливо дрогнули.

— Не сомневаюсь.

Ингри счёл, что это можно счесть разрешением удалиться, и покинул кабинет.

Что бы Венсел ни затевал, не всё он изобретал на ходу. У него явно была определённая цель. И если это был титул священного короля, как опасался Хетвар, причины стремиться к нему у Хорсривера были совсем не те, которые мог представить себе хранитель печати.

«Да и я тоже. Пока».

Ингри покачал головой: в ближайшие часы ему было о чём подумать.

Глава 19

В тот день, неустанно бродя по зданию, Ингри заглянул в каждый уголок резиденции Хорсриверов, но мало что из этого почерпнул. Венсел прибыл в столицу — к постели умирающего священного короля — всего несколько недель назад, а Фара, несмотря на свою фатальную задержку в охотничьем замке, почти сразу присоединилась к нему. Городская резиденция не производила впечатления обжитого дома, словно супруги остановились в ней проездом. Здесь не было скрыто никаких древних тайн, хотя только Пятёрка богов знала, что Ингри удалось бы раскопать в замке Хорсриверов; однако оплот клана лежал в двухстах милях на север, в среднем течении Лура, и Ингри сомневался, что попадёт туда прежде, чем события завершатся.

Как и обещал — или пригрозил — граф Хорсривер, в середине дня он взял Ингри с собой в конюшню, каменное строение, расположенное ниже по склону холма. Главы великих кланов, живя в столице, держали своих коней на пастбищах за городской стеной, выше по течению Сторка, за стеклодувными и кожевенными мастерскими. Так же поступал и Хорсривер, но несколько лошадей для нужд графа и графини, а также для гонцов находились в конюшне, которая в соответствии с высоким положением владельца была роскошной: центральный проход вымощен цветным камнем, перегородки между стойлами — из полированного дуба, железная решётка ворот украшена переплетающимися бронзовыми листьями. Ингри, к своему изумлению, в одном из стойл заметил красивую гнедую кобылу

Йяды.

Кобыла беспокойно мотала головой, и Ингри не стал подходить к ней, опасаясь удара копытом.

— Эту красотку я знаю. Я так и думал, что она — одна из ваших.

— Да, — рассеянно кивнул Венсел. — Для Фары она оказалась слишком горячей. Я порадовался, когда нашёлся кто-то, кто смог на ней ездить.

Он остановился у стойла на противоположной стороне коридора; тёмно-серый мерин потянулся к нему, но фыркнул и попятился, когда подошёл Ингри.

— Его имя Волк, — любезно сообщил Венсел. — Так его называли из-за цвета, но теперь можно предположить, что имело место тайное предназначение. Кто я такой, чтобы спорить с судьбой? Он твой.

Волк был, несомненно, прекрасным скакуном, мускулистым и длинноногим; его шкура стараниями графских конюхов блестела, как начищенное серебро. Ингри предположил, что конь способен скакать очень быстро. На что ещё он мог оказаться способен — на ум Ингри снова пришло смертоносное заклятие, — можно было только гадать. И не рассматривал ли Венсел коня в качестве взятки? Это было вполне возможно. Что ж, дарёному коню в зубы не смотрят — по крайней мере в присутствии дарителя.

— Спасибо, милорд, — так же любезно, как Венсел, ответил Ингри.

— Не желаешь ли испытать его?

— Попозже, пожалуй. Я сейчас не одет для верховой езды. — Со времени обряда в Бирчгрове, наградившего Ингри духом волка, лошади в его присутствии вели себя нервно, и Ингри предпочитал знакомиться с ними без свидетелей и в огороженном загоне, где легче было укрощать испуганное животное и достигать взаимопонимания (или по крайней мере взаимного изнеможения). Этого коня, пожалуй, будет нелегко заставить подчиняться...

— Жаль.

В дальнем стойле Ингри заметил непохожее на коня животное. Хмурясь, он заглянул за загородку и удивлённо отпрянул. Олень с великолепными рогами поднял голову от охапки сена, фыркнул и отбежал в дальний конец стойла, заставив заволноваться коней.

— Думаю, твоё присутствие пугает его, — с сухой насмешкой протянул Венсел.

Сделав несколько кругов по просторному стойлу, благородное животное замерло, но не вернулось к своему сену. Его прекрасные тёмные глаза смотрели на людей настороженно. Ингри решил, что олень находится здесь довольно давно, поскольку он не пытался вырваться из стойла: только что пойманные животные иногда гибли в отчаянных попытках освободиться.

— Что ты собираешься с ним делать? — спросил Ингри Венсела, стараясь не показать своих чувств. — Приготовить на ужин? Подарить шурина? — Олень был изображён на гербе Стагхорнов, но что за магический дар может иметь в виду Венсел?

Граф глянул на нервное животное поверх плеча Ингри, и губы его изогнулись в странной улыбке.

— Когда играешь против таких изобретательных противников, как те, с которыми приходится иметь дело мне, всегда лучше не ограничиваться одним планом. Однако весьма вероятно, что олень попадёт на вертел. А теперь пойдём отсюда.

Уходя из конюшни, Хорсривер не оглянулся, и Ингри спросил:

— Ты часто сейчас едешь верхом ради удовольствия? Насколько я помню, ты очень интересовался лошадьми своего отца. — Это было, пожалуй, единственным, о чём его медлительный подросток-кузен был готов болтать часами.

— В самом деле? — рассеянно отозвался Венсел. — Боюсь, теперь я испытываю к лошадям такие же чувства, как и к жёнам. Они живут так недолго, и я устал избавляться от них.

Не придумав ничего, что можно было бы сказать на это, Ингри молча последовал за Хорсривером.

По дороге он размышлял о том, насколько последователен Венсел в своём безумии.

Основания для попыток убить Йяду и поспешный отказ от них были слишком странными, чтобы оказаться ложью, однако из этого не следовало, что сам Венсел понимает их правильно. Впрочем, эксцентричная тактика, которую использовал Венсел в борьбе с богами, должно быть, раньше бывала успешной. Назвав Йяду приманкой, которую подбросили ему боги, он явно не ошибся, и одной этой угрозы было бы достаточно, чтобы вызвать его злобу. Если Венсел говорит правду, он уже четыре столетия ускользает от охотящихся на него богов.

Богам следовало бы затаиться в каком-нибудь узком проходе и позволить Венселу резвиться до полного удовлетворения, пока не окажется, что обратной дороги ему нет. Однако странная настойчивость Венсела, когда все они встретились на дороге в Истхом, теперь получила объяснение: мысли бедняги, должно быть, бежали в пяти направлениях одновременно.

«Да, но так же бежали мысли и его противников-богов».

Тут Ингри осознал весьма пугающую вещь: возможно, во время той судьбоносной встречи вовсе не Йяда, а он сам был приманкой богов.

«И Венсел заглотил меня целиком».

На следующий день принцессу Фару пригласили свидетельствовать перед судьями, назначенными разбирать обстоятельства смерти Болесо.

Первой реакцией принцессы было гневное возмущение тем, что дочери священного короля приказывают явиться в суд, как простой подданной; Ингри счёл, что оскорблённая гордость просто маскирует её тайные страхи. Однако какой-то умный царедворец — без сомнения, это был Хетвар — устроил так, что вызов Фаре передал Биаст. Поскольку принц-маршал был заинтересован не столько в том, чтобы прикрыть сомнительные поступки сестры, сколько в том, чтобы выяснить правду, его хладнокровные доводы перевесили нервные возражения Фары.

Так и получилось, что Ингри оказался в составе поднимающейся на крутой холм Храмового города процессии: за принцем-маршалом его знаменосец Симарк вёл иноходца, на котором сидела Фара, а следом шли две фрейлины, сопровождавшие принцессу в охотничий замок, и два близнеца-пажа. Когда они добрались до храма, Симарк был отправлен узнать, где находятся судьи, а Фара ненадолго уликнула от брата, отправившись вместе со своими дамами преклонить колени перед алтарём Матери. Ингри не мог догадаться, хочет ли принцесса воззвать к богине, которая в прошлом так явно игнорировала её молитвы, или просто пользуется подходящим предлогом для того, чтобы собраться с мыслями в уединении храма.

Как бы то ни было, Ингри вдвоём с Биастом стоял посреди двора, когда из храма Дочери появилась неожиданная фигура.

— Ингорри!

Радостно махая руками, по каменным плитам мимо священного очага к Ингри спешил князь Джокол. Как обычно, за гигантом-островитянином словно тень следовал верный Оттовин; Ингри подумал, не получил ли молодой человек от своей грозной сестрицы приказание обеспечить благополучное возвращение её жениха из странствий. Джокол, как и раньше, был облачён в яркие одежды, но теперь его левую руку обвивала ещё и ярко-голубая лента — знак обращения с мольбой к леди Весны.

— Что привело тебя сюда, Джокол?

— Эх, — пожал плечами великан, — пытаюсь я всё получить жреца, что обещан мне, но отмахиваются они от меня. Сегодня главаря, верховного настоятеля, я пытаюсь увидеть, вместо тех глупых служителей, кто всегда велит мне уйти и явиться потом.

— Так ты молишься о назначении жреца? — Ингри показал на левый рукав Джокола.

Островитянин прижал правую руку к ленте и расхохотался.

— А ведь стоило бы! Обратиться через голову настоятеля, а?

Ингри подумал, что Джоколу было бы естественно обратиться за покровительством к

Сыну Осени или, учитывая последние события, к Бастарду, хоть молиться этому богу несчастий и не всегда безопасно.

— Леди Весны ведь не является твоей обычной покровительницей?

— О, она много мне дарует! Сегодня я молю у неё поэтического вдохновения.

— Я думал, что богом поэзии является Бастард.

— Он, конечно, тоже — вдохновляет хмельные песни и всё такое. И ещё — великие сказания о том, как стены рушатся и всё кругом горит, — ах, замечательные сказания, от них волосы встают дыбом. — Джокол замахал руками, пытаясь знаками изобразить ужасающие трагедии, пригодные для эпических поэм. — Но не сегодня. Сегодня замыслил я прекрасную песнь для моей возлюбленной Брейги, чтобы знала она, как тоскую я по ней в этом каменном городе.

За спиной Джокола Оттовин закатил глаза; Ингри счёл это безмолвным выражением сомнения в том, что сестра его — подходящий объект для песни, а вовсе не в достоинствах песни как таковой. Ингри вспомнил о том, что леди Весна, будучи богиней девственниц, к тому же покровительствует учёности, общественному порядку и — да, и лирической поэзии.

Биаст снизу вверх смотрел на великана, не в силах скрыть глубокого впечатления, которое тот на него произвёл.

— Это, случайно, не хозяин вашего белого медведя, Ингри? — поинтересовался он.

Несмотря на горячее желание отказаться от всякой связи с белым медведем, отныне и во веки веков, Ингри не мог пренебречь своими светскими обязанностями.

— Простите меня, милорд. Позвольте представить вам князя Джокола из Арффрастпекки, а также его родича Оттовина. Джокол, это — принц-маршал Биаст кин Стагхорн. Сын священного короля, — добавил Ингри на случай, если Джокол нуждался в таком указании, чтобы не заблудиться в дебрях высокой политики Истхома.

Однако островитянин оказался вполне в курсе, хоть и не проявил чрезмерного почтения. Он осенил себя знаком Святого Семейства и поклонился, а Биаст ответил ему тем же — как два равных вождя, не являющихся ни вассалами, ни союзниками друг другу, однако готовых рассматривать определённые перспективы на будущее.

Многообещающее знакомство князя и принца было прервано вернувшимся Симарком, который тащил за руку служителя в серых одеждах. Убедившись, что проводник по лабиринту строений, образующих храмовый комплекс, им обеспечен, Биаст отправился за сестрой к алтарю Матери.

Понятливый Джокол тут же распрощался с Ингри.

— Должен я приложить старания и найти этого типа — настоятеля. Много времени на это уйдёт, так что мне лучше отправляться, а?

— Подожди, — остановил его Ингри. — Я тебе скажу, к кому лучше обратиться. В здании позади этого, на втором этаже... Нет, вот как будет лучше! — Ингри одним прыжком догнал юного дедиката в белых одеждах Бастарда и ухватил его за рукав. — Ты знаешь, как пройти в кабинет просвещённого Льюко?

Паренёк испуганно кивнул.

— Отведи туда князя. — Он вручил рукав дедиката изумлённому Джоколу. — И передай, что лорд Ингри шлёт ему пополнение его коллекции.

— Этот Льюко поможет мне увидеть верховного настоятеля? — с надеждой спросил Джокол.

— Или поможет, или обратится через голову Фритина. Ты только пригрози, что подаришь ему Фафу, — это заставит его потрудиться тебе на пользу. — Ингри ухмыльнулся: его выходка вполне могла сойти за подобающую молитву богу злокозненных шуток.

— Он обладает властью в храме?

Ингри пожал плечами.

— Он представляет власть того бога, который не станет по крайней мере дожидаться помощи священнослужителей.

Джокол надул губы, потом кивнул и улыбнулся.

— Очень хорошо! Благодарю тебя, Ингорри! — Он быстро зашагал следом за дедикатом, сопровождаемый верным Оттовином.

Ингри показалось, что кто-то рассмеялся ему в ухо; но это не был Симарк, который озадаченно смотрел вслед Джоколу. Особенности акустики храма, должно быть... Ингри встряхнул головой и принял позу почтительного внимания: приближался сопровождающий дам Биаст.

Принц, окинув взглядом двор, устремил на Ингри странный взгляд, неуверенный и вопросительный. Ингри подумал о том, что все присутствующие встречались здесь в прошлый раз всего два дня назад, во время похорон Болесо. Может быть, Биаст гадает, верить ли в совершенное Ингри-шаманом чудо освобождения души его брата? Или — это, пожалуй, смутило бы Ингри ещё больше, — поверив в чудо, Биаст теперь размышляет о том, какие последствия могут проистечь из случившегося тогда?

Как бы то ни было, служитель в серых одеждах провёл Фару и её свиту через лабиринт зданий, занятых храмовыми клерками и службами различных орденов; некоторые из них были новыми и выстроенными с определённой целью, но большая часть представляла собой древние приспособленные для новых нужд строения. Дорога вела между двумя бывшими резиденциями кланов — одна из них теперь была приютом для подкидышей, находящихся под присмотром служителей Бастарда, другая — госпиталем Матери, под колоннадой которого суеились целители в зелёных мантиях, а в обширном саду прогуливались выздоравливающие.

На следующей улице располагалось большое трёхэтажное здание из такого же жёлтого камня, что и дворец Хетвара; в нём находилась храмовая библиотека и залы заседаний ордена Отца. Просторный холл огибала лестница; поднявшись по ней, можно было попасть в уединённое, обшитое деревянными панелями помещение.

Разбирательство уже началось: из двери как раз выходили двое слуг, которых, как показалось Ингри, он видел в охотничьем замке; оба явно испытывали облегчение после окончания допроса. Узнав принца-маршала и принцессу, слуги, почтительно кланяясь, поспешили убраться с дороги. Биаст в отличие от Фары, шею которой уязвлённая гордость сделала негнущейся, в ответ вежливо кивнул. Первым же человеком, которого Фара увидела, войдя в дверь, оказался управитель замка рыцарь Улькра, и принцесса фыркнула, как испуганная лошадь. Улькра поклонился с не менее смущённым видом.

В дальнем конце зала стоял длинный стол, и за ним, спинами к задёрнутым занавесями окнам, сидели пятеро судей. Двое из них носили серо-чёрные мантии и красные наплечные шнуры служителей Отца, трое остальных — нагрудные цепи королевских судей. Сбоку за маленьким столиком расположился писец с перьями, чернильницей и стопкой бумаги. Вдоль стен зала тянулись скамьи, и на одной из них сидел ещё один священнослужитель — тощий высокий мужчина с растрёпанными седеющими волосами в серых одеждах. Красный шнур у него на плече был перевит золотой нитью — знак высшей учёности в области юриспруденции. Советник при судьях?

Судьи поднялись на ноги, чтобы выразить своё почтение принцу-маршалу и принцессе; двое дедикатов были посланы за мягкими креслами для благородных телес Стагхорнов. Пока происходила вся эта суматоха, Ингри подошёл к Улькре, который при виде его нервно сглотнул, но вежливо ответил на приветствие.

— Вас уже допрашивали? — любезно поинтересовался Ингри.

— Я должен был быть следующим.

— Вы собираетесь говорить правду, — понизив голос, спросил Ингри, — или лгать? Улькра облизнул губы.

— Чего, по-вашему, желал бы лорд Хетвар?

Не считает ли он Ингри всё ещё человеком Хетвара? То ли Улькра необыкновенно проницателен, то ли не слышал последних сплетен?

— На вашем месте я больше заботился бы о том, чего желает будущий господин Хетвара. — Ингри кивнул в сторону принца Биаста, и Улькра настороженно проследил за его

взглядом. — Он ещё молод, но не останется таким навсегда.

— Можно предположить, — прошептал Улькара, — что он хотел бы защитить сестру от обвинений и упрёков.

— В самом деле? — уклончиво пробормотал Ингри. — Давайте узнаем. — Он поманил Биаста, который с любопытством смотрел на Улькару.

— Да, Ингри?

— Милорд, рыцарь Улькара никак не может решить, предпочли бы вы, чтобы он говорил чистую правду или приукрасил её, чтобы избавить вашу сестру от огорчений. Сами судите, что это говорит о вашей репутации.

— Ш-ш, Ингри! — в ужасе зашипел Улькара, испуганно оглянувшись через плечо на судей.

Биаст растерялся. Ответил он осторожно:

— Я обещал Фаре, что никто здесь не станет её стыдить, но, безусловно, никто не должен нарушать клятву говорить правду перед судьями и перед богами.

— Вы прямо сейчас определяете путь, которым пойдёт ваш суд, принц. Если вы отучите людей говорить в вашем присутствии неприятную правду, вам придётся научиться видеть то, что скрывается за красивой ложью, потому что во всё ваше царствование, сколь бы кратким оно ни оказалось, вы тогда ничего другого не услышите. — Ингри говорил ровным тоном, словно выбор Биаста не имел для него никакого значения: сам он готов и к тому, и к другому.

Губы Биаста дрогнули.

— Как это Хетвар говорил о вас? Что вы бросаете вызов, кому только пожелаете?

— Противлюсь любому нажиму. Это больше всего нравится Хетвару. Он не дурак.

— Совершенно верно. — Глаза Биаста сузились. Потом, к удивлению и радости Ингри, он повернулся к Улькре и коротко бросил: — Говорите чистую правду. — Потом, тяжело вздохнув, добавил: — С Фарой я сам разберусь.

Улькара, широко раскрыв глаза, поклонился и поспешно удалился — должно быть, опасаясь, что иначе Ингри впутает его ещё в какие-нибудь неприятности. В этот момент принесли кресла; Ингри с искренним уважением поклонился Биасту, который ответил ему довольно ироничным кивком, и занял место на задней скамье, откуда ему были виден и весь зал, и все, кто входил в дверь.

Сидя там, Ингри предался бесполезным теперь размышлениям: будь у Болесо друг, которому хватило бы мужества воспротивиться самым опасным затеям принца, свернул бы Болесо на кривую дорожку, приведшую его к смерти? Болесо всегда был самым неуправляемым из королевских детей. Может быть, ничто не могло бы его спасти.

Судьи коротко посоветовались шёпотом и вызвали Улькару; управитель принёс клятву говорить правду и приготовился отвечать на вопросы: он заложил руки за сутулую спину и расставил ноги, словно эта воинская поза придавала ему мужество. Вопросы задавались строго по делу: следователи, похоже, уже имели представление о том, что произошло в охотничьем замке.

Насколько мог судить Ингри, Улькара совершенно точно описал события, приведшие к смерти Болесо, которым он был свидетелем. Он не обошёл вниманием ни леопарда, ни свои подозрения насчёт занятий Болесо запретной магией, хотя и постарался оправдать своё молчаливое пособничество верностью господину. Нет, он не догадывался, что личный слуга Болесо был на самом деле незаконным волшебником Камрилом. (Так, значит, судьи уже слышали о существовании Камрила — уж не от Льюко ли?) В какой-то момент учёный жрец с боковой скамьи молча передал судьям записку, в результате чего управителю было задано несколько особенно точно направленных вопросов.

Неприкрытая мерзость намерений Болесо в отношении Йяды, на взгляд Ингри, была показана совершенно ясно, хоть Улькара и постарался выгородить себя. Судя по тому, как застыло лицо Фары, принцесса впервые услышала точный отчёт о последствиях, к которым привело её решение оставить свою фрейлину в замке. Фара не заплакала от стыда, но её

напряжённая поза говорила о многом.

«Прекрасно!»

После того как судьи отпустили Улькру и тот со всей возможной поспешностью покинул зал, настала очередь Фары. Ингри, играя роль почтительного придворного, помог ей подняться с кресла и воспользовался этим, чтобы шепнуть:

— Я буду знать, если вы солжётё.

Принцесса холодно взглянула на него и прошептала в ответ:

— Какое мне до этого дело?

— Неужели вы пожелаете вложить в мою руку такое оружие, леди?

Поколебавшись, Фара ответила:

— Нет.

— Хорошо. Вы начинаете думать, как подобает принцессе.

Ингри ободряюще пожал Фаре руку, и она с изумлением взглянула на него; изумление сменилось задумчивостью, как будто перед принцессой открылся новый путь, о существовании которого она раньше не подозревала.

Вопросы, заданные Фаре судьями, были краткими и почтительными, насколько это позволяли закон и справедливость. Принцесса отвечала правдиво, хотя, как и Улькра, строила фразы так, чтобы смягчить собственную вину, а описания оснований для своей ревности постаралась избежать, что Ингри счёл вполне удачным. Однако самые важные, на взгляд Ингри, свидетельства — то, что требование оставить Йяду в замке исходило от Болесо и было без раздумий выполнено Фарой, а Йяда не являлась ни соблазнительницей, ни добровольной участницей — прозвучали достаточно ясно. Наконец Фару с дипломатичным выражением благодарности судьи отпустили, и принцесса с облегчением зажмурилась, отворачиваясь.

После того как Фара подала такой пример, две её дамы тоже отвечали откровенно и даже сообщили о нескольких происшествиях, неизвестных Фаре, которые изображали намерения Болесо в ещё более мрачном свете. Биаст выглядел всё более огорчённым, но не сделал попытки вмешаться в допрос, хотя судьи не скрывали того, что не забывают о присутствии принца-маршала и внимательно следят за его реакцией. Учёный жрец, как заметил Ингри, тоже исподтишка бросал на Биаста острые взгляды. Если бы Биаст в нужные моменты хмурился или фыркал, сделались бы вопросы менее пронизательными, а ответы на них — более благоприятными для репутации его покойного брата? Возможно; тем не менее Биаст слушал с настороженной беспристрастностью, как человек, более всего желающий узнать правду. Ингри начал надеяться, что теперь принц более благосклонно отнесётся к идее платы за кровь.

Когда свита принцессы собралась покинуть зал, Ингри отправил пажа за иноходцем принцессы; мальчик поклонился и своим высоким ясным голосом ответил:

— Сейчас, лорд Ингри.

Учёный жрец резко повернул голову и уставился на Ингри, хмурясь, а потом склонился к уху одного из судей. Брови того поползли вверх, судья кивнул и тоже посмотрел на Ингри; подняв руку, он громко обратился к нему:

— Лорд Ингри! Не могли бы вы задержаться?

Несмотря на любезный тон, это, несомненно, был приказ, а не просьба или приглашение. Ингри поклонился и остановился. Биаст, провожавший сестру к дверям, раздражённо нахмурился, разрываясь между необходимостью удовлетворить стремление Фары как можно скорее покинуть зал и желанием услышать, чего судьи хотят от лорда-волка.

— Я догоню вас, милорд, — сказал ему Ингри. Биаст, на лице которого была ясно написана решимость всё потом подробно выспросить, кивнул и последовал за сестрой.

Ингри встал перед судейским столом в такой же позе, как раньше Улькра, и стал ждать, стараясь скрыть острую тревогу. Он полагал, что сегодня — а может быть, и вообще — его допрашивать не будут.

Учёный священнослужитель встал за судьями, сложив руки на груди и пристально глядя на Ингри. Со своим похожим на клюв носом и скошенным подбородком он напоминал цаплю, высматривающую рыбку или лягушку на мелководье.

— Как я понимаю, лорд Ингри, на похоронах Болесо вы испытали нечто, имеющее самое прямое касательство к настоящему разбирательству.

Он наверняка поговорил с Льюко... Много ли служитель Бастарда открыл этому жрецу Отца? Два ордена обычно не стремились к тесному взаимодействию...

— Я потерял сознание из-за духоты. Всё остальное не является тем свидетельством, которое, как мне кажется, можно представить суду.

К удивлению Ингри, учёный священнослужитель одобрительно кивнул, однако тут же возразил:

— Это не суд, а расследование. Как вы заметили, я не потребовал, чтобы вы принесли присягу.

Имело ли это обстоятельство какой-то тонкий юридический смысл? Судя по тому, как закивали судьи, имело... Даже писец отложил перо, явно не собираясь делать записи, хотя смотрел на Ингри с зачарованным интересом. Значит, сейчас разговор носит не столь уж официальный характер... хотя в такой компании Ингри не видел в этом для себя преимуществ.

— Случалось ли вам раньше терять сознание от духоты? — спросил один из судей.

— Э-э... нет.

— Пожалуйста, опишите ваше видение, — сказал учёный священнослужитель.

Ингри медленно моргнул. Если он откажется говорить, какие меры воздействия применят к нему судьи? Они, наверное, заставят его принести присягу, и тогда и ответы, и молчание будут иметь для него гораздо более тяжкие последствия. Лучше уж так...

— Я оказался с леди Йядой и неприкаянной душой Болесо... в каком-то месте — в бескрайнем пространстве. Я мог видеть сквозь плоть принца Болесо. Он был полон мятущихся от страха и боли духов убитых животных. Потом явился Сын Осени... — Ингри облизнул губы и постарался говорить как можно более ровным голосом. — Бог повелел мне вызвать духов животных из Болесо, и леди Йяда поддержала его. Я сделал то, о чём меня просили. Бог забрал душу Болесо и удалился. Я пришёл в себя, лёжа на полу храма. — Что ж, не так плохо: очень похоже на бред сумасшедшего и без упоминания некоторых особенно скользких моментов.

— Как? — с любопытством спросил священнослужитель. — Как вы их вызвали?

— Это было всего лишь видение, просвещённый. Нельзя же ожидать, чтобы во сне события были вполне объяснимы.

— И тем не менее!

— Мне... мне был дарован голос. — Нет нужды уточнять, когда и кем...

— Колдовской голос? Вроде того, каким вы воспользовались, чтобы укротить взбесившегося белого медведя за два дня до того?

При этом вопросе двое судей подняли головы и с интересом посмотрели на Ингри.

«Проклятие!»

— Я слышал, как это так называли.

— Вы могли бы воспользоваться им снова?

Ингри еле удержался от того, чтобы прибегнуть к колдовскому голосу немедленно: погрузить всех в зале в неподвижность и бежать... А может быть, лучше спрятать своего странно освободившегося волка в сердце так, чтобы он стал невидимым?

«Глупец, они и так его не видят».

— Не знаю.

— Если вернуться к рассматриваемому делу, — решительно заговорил священнослужитель, — имеются свидетельства, что леди Йяда осквернена духом умерщвлённого леопарда. Как учит нас храм и как это подтверждает, по-видимому, ваше видение, такое осквернение отлучает душу от богов.

— Душу умершего, — осторожно поправил его Ингри. Оба они с Йядой несли в себе духов животных, и всё же с обоими говорили боги. А вот с Болесо — нет, вдруг понял Ингри. Он собрался было объяснить, как шаманы Древнего Вилда очищали души своих павших товарищей, но вовремя одумался. Не хватало ещё объяснять судьям, откуда он об этом узнал.

— Именно. Поэтому мой вопрос, лорд Ингри, таков: если леди Йяда будет казнена по приговору суда, сможете ли вы удалить оскверняющий её дух животного, как вы это сделали для принца Болесо?

Ингри окаменел. Первое, что ему вспомнилось, были обеспокоенные слова Венсела о том, что Йяда окажется, как это делалось в Древнем Вилде, принесённой в жертву посланницей, которая откроет долину Священного древа богам. Венсел полагал, что эта угроза устранена благодаря поселившемуся в Йяде духу леопарда... Не так уж это надёжно, раз Ингри может разрушить такую защиту.

«А я мог бы».

Пятеро богов, будьте вы прокляты все вместе и поодиночке, уж не таков ли нечестивый план Сына и Бастарда?

«Уж не поэтому ли вы согнали нас всех сюда?»

Мысли Ингри путались, и он попытался потянуть время.

— Почему вы спрашиваете об этом, просвещённый?

— С теологической точки зрения тут есть тонкость, которую мне очень хотелось бы прояснить. Казнь, строго говоря, — это наказание тела за преступления, совершённые в мире материи. Вопрос о спасении души казнённого не должен решаться иначе, чем в случае любой другой смерти; если же душа окажется обречена на отлучение от богов, то это непростительный грех, который ляжет на тех, кого закон обязывает совершить казнь. Казни, следствием которой станет столь ужасное несчастье, надлежит противиться; если же такой опасности не будет — казнь может быть осуществлена. — Ответом на эти слова было общее молчание, и священнослужитель сочувственно спросил: — Вы уследили за моей мыслью, милорд?

Ингри уследил. Скрежеща когтями, его волк сопротивлялся поводку, за который его тянули.

«Если я скажу, что могу очистить душу Йяды, то предоставляю им свободу повесить её с чувством честно исполненного долга».

Если же он скажет, что не может... это будет ложью, но что ему остаётся?

— Это было всего лишь... — прошептал он, прочистил горло и заставил себя громко повторить: — Это было всего лишь видение, просвещённый. Вы ожидаете от него слишком многого.

Тёплый голос, похожий на шелест осенних листьев, пробормотал где-то между ухом Ингри и его рассудком: «Если ты отрекаешься от меня и от себя перед этой маленькой компанией, братец волк, что же ты будешь делать, оказавшись перед компанией гораздо более великой?»

Ингри не знал, покрылось ли его лицо смертельной бледностью, хотя некоторые из судей встревоженно посмотрели на него; он прилагал все усилия, чтобы не пошатнуться или, да не допустит такого Пятёрка, не потерять сознание. Прекрасное было бы подтверждение только что произнесённому им отречению!

— Хм-м, — протянул учёный священнослужитель, глядя на Ингри сузившимися глазами, — это тем не менее очень важный вопрос.

— Может быть, я упрощу его для вас? Если такой способностью я не обладаю, ваши сомнения остаются при вас. Если же обладаю... то использовать её я отказываюсь. — «Вот тебе — съешь!»

— Разве вас нельзя принудить? — В тоне священнослужителя не было угрозы — одно только чистое любопытство.

Губы Ингри раздвинулись в улыбке, которая вовсе не была добродушной; некоторые из

судей инстинктивно отшатнулись назад.

— Вы могли бы попробовать, — выдохнул Ингри. Вот тогда-то, когда мёртвое тело повешенной Йяды окажется у его ног, его волк покажет, на что в действительности он способен... прежде чем самого Ингри убьют.

— Хм-м... — Учёный священнослужитель похлопал рукой по губам. Как ни странно, выражение его лица было скорее удовлетворённым, чем огорчённым. — Очень, очень интересно. — Он оглядел судей. — У вас есть ещё вопросы?

Старший судья, даже не пытаясь скрыть растерянности, ответил:

— Нет... в данный момент нет. Благодарю вас, просвещёнейший, за ваши... всегда заставляющие задуматься комментарии.

— Да, — пробурчал себе под нос другой судья, — уж на вас можно положиться: всегда подкинете какую-нибудь кошмарную мысль, которая никому другому и в голову не придёт.

Блеск в глазах учёного священнослужителя сказал Ингри, что он воспринял эту жалобу скорее как комплимент.

— Тогда мы благодарим вас, лорд Ингри.

Это явно был долгожданный знак того, что Ингри может удалиться. Он поклонился и двинулся к дверям, с трудом удерживаясь от того, чтобы не побежать. Выйдя на галерею, он глубоко втянул воздух, но, прежде чем сумел окончательно прийти в себя, услышал позади шаги. Обернувшись, Ингри обнаружил, что странный священнослужитель вышел из зала следом за ним.

В качестве приветствия тощий жрец осенил себя знаком Пятёрки — быстро, но очень точно, и это явно не было для него простой формальностью. Ингри снова поклонился ему, положил было руку на рукоять меча, но счёл, что этот жест может показаться слишком угрожающим, и заложил руки за спину.

— Могу я чем-нибудь услужить вам, просвещённый?

«Например, перекинуть через перила галереи вниз головой?»

— Прошу прощения, лорд Ингри, но я только что сообразил: меня представили до того, как прибыла принцесса Фара со свитой. Я просвещённый Освин из Сатлифа.

Ингри заморгал; после мгновенного замешательства его мысли потекли в новом, совершенно неожиданном направлении.

— Освин Халланы?

Священнослужитель улыбнулся со странной растерянностью.

— Из всех моих званий это, боюсь, самое истинное. Да, я Освин Халланы, за мои грехи. Она много рассказывала мне о вашей встрече в Реддайке.

— Она хорошо себя чувствует?

— Хорошо, и произвела на свет чудесную девчушку, рад я сообщить. Я молю леди Весны сделать её похожей на мать, а не на меня: иначе, когда она вырастет, ей на многое придётся жаловаться.

— Я рад, что она здорова... что они обе здоровы. Меня беспокоила просвещённая Халлана. — «Во многих смыслах». Он коснулся своей всё ещё забинтованной правой руки, вспомнив, как ему, охваченному кровожадным безумием, почти удалось дотянуться до меча.

— Будь у вас время лучше её узнать, она вас не беспокоила бы.

— А?

— Она повергала бы вас в ужас, как и всех остальных. Впрочем, мы каким-то образом выжили и на этот раз. Понимаете, это она послала меня сюда. Просто выгнала из дома. Многие женщины так делают после родов, но по другим причинам.

— Вы уже говорили с просвещённым Льюко?

— Да, мы долго беседовали с ним после моего приезда вчера вечером.

Ингри постарался тщательно подобрать слова для следующего вопроса.

— И ради кого Халлана прислала вас сюда? — До Ингри с опозданием дошло, что устрашающий теологический экскурс Освина мог иметь целью помешать казни Йяды, а не ускорить её.

— Н-ну... трудно сказать.

— Почему?

В первый раз Освин заколебался, прежде чем ответить. Он взял Ингри под руку и повёл по галерее — подальше от двери зала, куда дедикат в серых одеждах как раз вводил ещё двоих слуг из охотничьего замка. Освин облокотился на перила и задумчиво посмотрел вниз. Ингри встал с ним рядом, ожидая продолжения разговора.

Когда Освин снова заговорил, голос его был странно почтителен.

— Вы, лорд Ингри, человек с большим опытом сверхъестественного, как я понимаю. Боги говорят с вами в видениях наяву, лицом к лицу.

— Нет! — начал Ингри и умолк. Стоит ли снова отрицать? — Ну... в определённом смысле. В последнее время со мной случалось много странного, и с каждым днём всё больше. Но глухим это меня не делает.

Освин вздохнул.

— Не могу себе представить, как в таких обстоятельствах можно оглохнуть. Поймите: я ни разу в жизни не испытал касания бога, хоть и старался служить своему богу как можно лучше в меру своих сил, как учит нас храм. Вот только Халлана... Она — единственное чудо, которое случилось со мной. Эта женщина, похоже, получила сверхъестественного сверх меры. Когда-то я даже обвинял её в том, что она похитила мою часть, а она в ответ обвинила меня в женитьбе на ней только ради усреднения божественного присутствия в семье. Боги разгуливают по её снам, как по собственному саду, а мне снится только, что я заблудился в своей старой семинарии и бегу без всякой одежды, опаздывая на экзамен, о котором совсем позабыл.

— Вы бежите сдавать экзамен или принимать его?

— И то и другое — бывает по-всякому. — Лоб Освина прорезали морщины. — А ещё мне иногда снится, что я брожу по дому, который разваливается на глазах, а у меня нет инструментов, чтобы его восстановить. Ладно... — Освин сделал глубокий вдох и отмахнулся от воспоминаний. — На следующую ночь после того, как родилась наша дочь, мы с Халланой спали рядом и увидели один и тот же знаменательный сон. Я проснулся, крича от страха. Халлана же ничуть не испугалась и сказала, что сон означает необходимость нам обоим немедленно отправиться в Истхом. Я спросил её, не сошла ли она с ума: ей ещё нельзя подниматься, а уж тем более путешествовать. На это она ответила, что если положить в тележку матрац, то она всю дорогу будет отдыхать. Мы спорили целый день, а на следующую ночь нас посетил тот же сон. Халлана заявила, что это решает вопрос. Я напомнил ей, что у неё есть обязанности по отношению к новорождённой и остальным детям: она не может ни бросить их, ни тащить за собой в столицу. Халлана согласилась остаться, если поеду я, и я порадовался победе. В тот же день я отправился верхом в Истхом, и только отъехав на десять миль, понял, как ловко она меня провела.

— Как это?

— Расставшись с Халланой, я лишился возможности остановить её. Не сомневаюсь: в этот самый момент она едет сюда, отстав от меня не больше чем на день. Интересно, взяла ли она с собой детей? Страшно подумать... Если вы увидите её или её слуг раньше меня, передайте, что я снял комнаты для всех в гостинице «Ирис» рядом с госпиталем Матери.

— Она должна... э-э... путешествовать с теми же слугами, которых я видел в Реддайке?

— О да — Бернаном и Херги. Они её без себя не отпустят. Понимаете, Бернан — один из ранних успехов Халланы в целительстве с помощью демона. Херги привезла его, едва не доведённого до самоубийства болями, которые ему причиняли камни в почках, уже отчаявшись спасти его жизнь и рассудок. Халлана разрушила камни прямо в его теле, и они тут же вышли — через день Бернан был как новенький. С тех пор эти супруги следуют за Халланой, какую бы глупость она ни затеяла. — Освин фыркнул. — Я изобретаю самые изощрённые доводы, которые, милостью Отца, позволяют мне найти мой разум и учёность, но всеми моими доказательствами я не могу воздействовать на людей так, как это удаётся

ей, — просто стоя рядом. Это совершенно несправедливо! — Освин попытался придать себе возмущённый вид, но сумел только тоскливо вздохнуть.

— Как насчёт сна? — напомнил ему Ингри.

— Прошу прощения. Обычно я не столь болтлив. Должно быть, на меня повлияли споры с Халланой... Я рассказал свой сон просвещённому Льюко, а теперь вам. Приснились пятеро: Халлана, я сам, Льюко и двое молодых мужчин, которых я никогда не видел — до сегодняшнего дня. Одним из них оказался принц Биаст: я едва не свалился со скамьи, когда он вошёл в зал. Второй был очень странным — рыжеволосым великаном, который говорил на непонятном языке.

— Ах, — сказал Ингри, — это, несомненно, князь Джокол. Попросите его, когда увидите, угостить от моего имени Фафу рыбкой. Вы, если хотите, можете найти его прямо сейчас: я только что отправил его к Льюко. Может быть, он всё ещё там.

Освин вытаращил глаза и сделал движение в сторону, словно собираясь помчаться в указанном направлении, но покачал головой и продолжал рассказ:

— Во сне... Я учёный человек, но мне трудно описать... Всех нас пятерых коснулись боги, и даже хуже: они надели нас и носили как рукавицы. Мы были разбиты вдребезги...

«Боги теперь всё время преследуют меня», — вспомнил Ингри слова Хорсривера. Да, похоже на то...

— Что ж, если вы поймёте, что всё это значило, дайте мне знать. Были ещё какие-то действующие лица в вашем сне? — «Я или Йяда, например?»

Освин покачал головой.

— Нет, только мы пятеро. Пока что — сон не показался мне законченным, что взволновало меня, но ничуть не удивило Халлану. Я и жажду, и боюсь снова уснуть — чтобы узнать больше... только теперь у меня бессонница. Халлана обожает блуждать в темноте, но я предпочитаю знать, куда нужно ступить.

Ингри мрачно улыбнулся.

— Мне недавно один человек, гораздо дольше меня общающийся с богами, сказал, что причина того, что боги не показывают нам наш путь более ясно, заключается просто в том, что они сами этого не знают. Не знаю, смотреть на это как на обнадеживающее обстоятельство или наоборот. По крайней мере отсюда можно сделать вывод, что они не мучают нас исключительно для собственного развлечения.

Освин похлопал рукой по перилам.

— Мы с Халланой много спорили о том, насколько боги провидят будущее. Они же боги. Если кто и может его провидеть, то как раз они.

— Возможно, и никто не может, — пожал плечами Ингри.

Выражение лица Освина было таким, как если бы ему приходилось проглотить мерзкое лекарство, польза от которого сомнительна.

— Я порасспрашиваю Льюко. Может быть, этот Джокол что-нибудь знает.

— Сомневаюсь, но всё равно желаю успеха.

— Думаю, мы скоро снова встретимся.

— Меня теперь ничто не удивит.

— Где я смогу вас найти? Льюко говорил, вас послали шпионить за графом Хорсривером, который, кажется, тоже запутался в этой паутине.

— Мне кажется весьма удачным, — прошипел сквозь зубы Ингри, — что граф Хорсривер уже знает о моём шпионстве — слишком много сплетен об этом ходит.

Освин возмущённо вскинул голову.

— Это не сплетни, и круг тех, кому всё известно, очень узок. Льюко тоже был послан сон, судя по его словам.

Да уж, как всё запутано...

— Держитесь подальше от Хорсривера. Он опасен. Если вам нужно будет со мной увидеться, пошлите в резиденцию записку, но только не сообщайте в ней ничего важного — вполне возможно, что записка будет перехвачена и прочитана врагами прежде, чем попадёт в

мои руки.

Освин нахмурился, но кивнул. Они вместе спустились по лестнице и вышли на улицу. Распрощавшись со священнослужителем, Ингри поспешно направился в Королевский город.

Глава 20

Ингри не испытал особого изумления, когда, спустившись с холма и перейдя бывший ручей, обнаружил, что улицу перегораживает повозка Халланы.

Две коренастые лошадки, пыльные и потные после дальней дороги, уныло стояли, повесив головы; на облучке, упёршись локтями в колени, сидел Бернан, из-за его плеча выглядывала Херги, а из-под навеса высунулась Халлана; прикрыв рукой глаза от солнца, она с сомнением осматривала улицу, явно слишком узкую для повозки.

Херги похлопала Бернана по плечу и, указывая на Ингри, закричала:

— Смотри! Смотри!

Халлана обернулась, и её лицо просветлело.

— Ах! Лорд Ингри! Замечательно! — Она похлопала Бернана по другому плечу. — Вот видишь, разве я не говорила? — Кузнец устало кивнул, то ли соглашаясь, то ли в полной безнадёжности. Халлана перешагнула через него и спустилась из повозки.

Свою поношенную мантию она сменила на изящный дорожный костюм: тёмно-зелёный жакет поверх светлого льняного платья, подчёркивающего талию. Наплечные шнуры отсутствовали — уж не путешествует ли она инкогнито? Халлана оставалась низенькой и пухленькой, но выглядела гораздо более подвижной; её волосы были заплетены в аккуратные косы и уложены вокруг головы. Ни детей, ни других видимых признаков хаоса заметно не было.

Ингри вежливо поклонился Халлане, а она осенила его благословением, хотя знак Пятёрки в её исполнении больше напоминал рассеянное ощупывание тела.

— Я так рада видеть вас, — сказала Халлана. — Я ищу Йяду.

— Каким образом? — не удержался от вопроса Ингри. Как можно было предположить, Халлана теперь снова полностью распоряжалась своим демоном.

— Обычно я просто езжу по городу, пока что-нибудь не случается.

— Такой способ представляется... странным и неэффективным.

— Вы говорите совсем как Освин. Он предпочёл бы нарисовать сетку на карте города и по порядку отмечать осмотренные квадраты. Найти вас мне удалось гораздо быстрее.

Ингри попытался оценить логику Халланы, но отказался от такой затеи.

— Кстати, насчёт просвещённого Освина... Он велел мне сказать вам, что для всех вас снял комнаты в гостинице «Ирис» рядом с госпиталем Матери на Храмовом холме.

Эта новость была встречена тихим стоном Бернана, а Халлана просветлела ещё больше.

— О! Вы уже встречались, как замечательно!

— Вас не удивляет то, что вас ждали?

— Освин временами бывает очень нудным, но он не глуп. Конечно, он должен был догадаться, что мы явимся. Рано или поздно.

— Просвещённый господин будет нами недоволен, — мрачно предсказала Херги. — Раньше он нас ругал.

— Ерунда, — отмахнулась супруга Освина, — вы же выжили. — Она повернулась к Ингри, и её голос сделался серьёзным: — Рассказал он вам о нашем сне?

— Немного.

— И всё-таки: где Йяда?

Пока что все прохожие представлялись Ингри обычными горожанами, но он предпочёл не рисковать.

— Не следует, чтобы кто-нибудь видел меня разговаривающим с вами, а уж тем более подслушал наш разговор.

Халлана показала в сторону повозки, навес над которой скрыл бы их от любопытных

взглядов; Ингри кивнул и последовал за волшебницей в тёмное нутро. С трудом пробравшись между многочисленными узлами, он уселся на скамье, неловко пристроив рядом меч. Халлана, скрестив ноги, уселась на матрац и вопросительно посмотрела на Ингри.

— Йяду содержат в частном доме неподалёку от причалов, — тихо сказал Ингри. — Её тюремщиком стал теперь рыцарь Геска — гвардеец Хетвара, но дом принадлежит графу Хорсриверу. Слуги там — шпионы графа, а на молчание Гески полагаться нельзя. Вы не должны там появляться под своим именем. Пусть вас туда отведёт просвещённый Льюко, может быть, как целительницу, присланную судьями. Это даст вам возможность выгнать слуг и поговорить с Йядой наедине.

Глаза Халланы сузились.

— Интересно. Так муж Фары всё-таки не друг Йяде — или слишком большой друг? А может быть, проблему составляет эта несчастная принцесса?

— Фара — это целый клубок проблем, но интерес Венсела к её фрейлине — не просто вожделение, как она считает. Венсел обладает тайными силами, и цели его непонятны. Хетвар отправил меня шпионить за ним, как раз чтобы попытаться эти цели узнать. Мне не хотелось бы, чтобы воды оказались ещё более взбаламучены.

— Вы считаете его опасным?

— Да.

— Для вас? — Брови Халланы поползли вверх.

Ингри закусил губу.

— Возникли подозрения, что в нём обитает дух животного... вроде моего. И это... ещё не вся правда. — Ингри поколебался. — То заклятие, что было разрушено в Реддайке, — его рук дело.

Халлана шумно вздохнула.

— Так почему он не арестован?

— Нет! — резко бросил Ингри. Когда Халлана вытаращила на него глаза, он продолжал более спокойно: — Нет. Во-первых, я не знаю, как доказать такое обвинение, а во-вторых, преждевременный арест привёл бы к несчастью. — «По крайней мере для меня».

Халлана по-дружески похлопала его по руке.

— Бросьте, лорд Ингри, уж мне-то вы можете рассказать больше.

Ингри испытал огромное искушение так и сделать.

— Думаю... что ещё не время. Я в такой ситуации... ещё не... Я хожу по кругу, ожидая, что что-нибудь случится.

— Ох... — На лице Халланы появилось выражение сочувствия. — Такая ситуация мне хорошо знакома. — После недолгого молчания она добавила: — Мои соболезнования.

Ингри провёл рукой по волосам. Они отрастали вокруг швов, из которых давно пора было вынуть нитки.

— Я не могу задерживаться: мне нужно присоединиться к принцу Биасту и принцессе Фаре. Ваш супруг присутствовал на расследовании событий в замке сегодня утром и, наверное, сможет рассказать вам о нём больше, чем я. Льюко тоже кое-что знает. Я не уверен... — голос Ингри дрогнул, — могу ли вам полностью доверять.

Халлана вскинула голову и сухо ответила:

— Полагаю, вы не хотели меня оскорбить.

Ингри покачал головой.

— Я продираюсь сквозь путаницу лжи и полуправды, странных событий и странных рассказов. Очевидная вещь — применение закона, например, арест Венсела — может оказаться ошибкой, хоть объяснить этого я не могу. Всё неопределённо, как будто сами боги затаили дыхание. Что-то вот-вот случится.

— Что именно?

— Если бы я знал, если бы я только знал... — Ингри услышал напряжение в собственном голосе и заставил себя остановиться.

— Ш-ш, — стала утешать его Халлана, словно успокаивая пугливую лошадь. — Можете вы по крайней мере поверить в то, что я буду двигаться с оглядкой, говорить мало, слушать и ждать?

— А сможете вы?

— Если только мои боги не потребуют от меня иного.

— Ваши боги! Хорошо, что не ваше начальство из храма.

— Что ж, я сказала то, что сказала.

Ингри кивнул и перевёл дыхание.

— Расспросите Йяду. Она — единственная, кому я доверил всё, что мне удалось узнать. Остальным известны лишь части головоломки. Мы с Йядой связаны больше, чем... — Голос Ингри прервался. — Больше, чем привязанностью. Мы с ней разделили два видения наяву. Йяда сможет рассказать вам всё подробно.

— Хорошо. Я проникну к ней незаметно, как вы советуете.

— Не уверен, что боги и я хотим одного и того же. В чём я абсолютно уверен — это что Венсел и боги преследуют разные цели. — Ингри нахмурил брови. — Освин сказал, что вы разбились вдребезги — в вашем сне. Я не понял, что это означает.

— Мы тоже.

— Не уничтожат ли нас боги, используя в своих целях? — Халлана не захватила с собой детей — почему? Ради скорости, для простоты? Или ради безопасности? — «Их, а не собственной?»

— Возможно. — Голос Халланы был абсолютно ровным.

— Не слишком вы обнадеживаете меня, просвещённая.

Кто-нибудь, может быть, назвал бы улыбку Халланы загадочной, но Ингри счёл её сардонической. Он поклонился ей с таким же выражением и выглянул из тележки, высматривая возможных соглядатаев. Через плечо он сообщил Халлане:

— Если вы сразу же отправитесь к Льюко, вы, может быть, ещё застанете там своего мужа, а также рыжеволосого островитянина, чья речь бывает вдохновлена то ли мерзким хмельным пойлом, то ли священным поцелуем леди Весны.

— Ага! — воскликнула Халлана с внезапным энтузиазмом. — Это та часть моего пророческого сна, против которой я не возражаю. Этот островитянин в самом деле такой милый?

— Я... не думаю, что могу ответить на этот вопрос, — сказал Ингри после удивлённой паузы. Он вылез из тележки, обогнул её и кратчайшим путём отправился к резиденции Хорсривера.

* * *

Распахнув перед Ингри дверь, привратник сообщил:

— Миледи и принц-маршал ожидают вас в Берёзовом зале, лорд Ингри.

Намёк был ясен, и Ингри поспешил подняться на второй этаж. Комната оказалась той же самой, в которой он встретил Фару в первый день своей так называемой службы Хорсриверу, — вероятно, приглушённые цвета и простая мебель делали её любимым прибежищем принцессы. Там собралась теперь небольшая компания: Биаст и Симарк о чём-то переговаривались над блюдом с хлебом и сыром, а ко лбу полулежащей на диване Фары одна из её дам прикладывала холодный компресс. В воздухе отчётливо чувствовался острый запах лаванды.

Когда вошёл Ингри, Фара села и встревоженно посмотрела на него. Лицо её было бледно, вокруг глаз лежали серые тени. Ингри вспомнил слова Йяды о мучительных головных болях, которыми страдала принцесса.

— Лорд Ингри, — Биаст любезно указал ему на кресло, — надолго же вас задержал этот жрец.

Ингри в ответ просто кивнул: у него не было никакого желания сообщать о встрече с

Халланой.

Фара не стала дожидаться окончания обмена дипломатическими банальностями.

— О чём он вас спрашивал? Он ещё что-то хотел узнать про меня?

— Он ничего не спрашивал ни о вас, миледи, ни о том, что случилось в замке, — успокоил её Ингри. Фара с очевидным облегчением откинулась на спинку дивана. — Его вопросы... — Ингри поколебался, но всё же закончил: — ...носили в основном теологический характер.

Биаст, похоже, не испытал такого же облегчения, как сестра. Его брови сошлись на переносице.

— Вопросы жреца касались нашего брата?

— Не напрямую, милорд. — Ингри не видел причины скрывать от Биаста сути вопросов Освина, хотя и не собирался открывать другой своей связи с учёным священнослужителем. — Он желал узнать, могу ли я очистить душу леди Йяды от духа её леопарда в случае её смерти, как я, по-видимому, очистил душу покойного принца. Я ответил, что не знаю.

Биаст начал чертить на ковре какой-то узор носком обутой в сапог ноги, потом заметил это и заставил себя остановиться. Голос его, когда принц поднял глаза, прозвучал более спокойно:

— Вы и в самом деле видели бога? Лицом к лицу?

— Он явился мне как молодой знатный охотник необыкновенной красоты. У меня не возникло ощущения... — Ингри помолчал, не зная, как выразить свою мысль. — Вам приходилось видеть, как дети заставляют тени танцевать на стене, шевеля руками? Тень — это не рука, но отбрасывается ею. Молодой человек, которого я видел, был, мне кажется, тенью бога — тем упрощением, которое я был способен воспринять... как будто за тем, что я видел, скрывалось нечто неизмеримо большее и совсем не похожее на обманчивую тень, чего я не мог осознать, не... разбившись вдребезги.

— Дал ли он вам какие-нибудь указания... для меня? — Почтительная надежда в голосе Биаста лишила вопрос всякого высокомерия. Он оглянулся на свою внимательно слушающую сестру. — Или для кого-то ещё из нас?

— Нет, милорд. Разве вы чувствуете надобность в указаниях?

Биаст безрадостно усмехнулся.

— Я ищу хоть какую-то опору в наше неустойчивое время.

— Тогда вы обращаетесь не по адресу, — с горечью ответил Ингри. — Боги ничем не поделились со мной, кроме намёков и сводящих с ума загадок. Что же касается моего видения — наверное, я так должен это называть, — то оно касалось только похорон Болесо. В тот момент бог интересовался исключительно его душой. Когда настанет наш час, мы также можем удостоиться столь же пристального внимания.

Фара, нервно теребившая складку юбки, пристально посмотрела на Ингри. Вертикальные морщины, прорезавшие её лоб между густыми бровями, углубились: она размышляла над этим мрачным утешением с настороженностью обжёгшегося, но всё ещё тянувшегося к огню ребёнка.

— Вчера вечером я довольно долго беседовал с просвещённым Льюко, — начал Биаст и остановился. Взглянув на сестру, он предложил: — Фара, не стоит ли тебе прилечь ненадолго? Ты плохо выглядишь.

Фрейлина принцессы усердно закивала:

— Мы можем задёрнуть занавеси в ваших покоях, миледи, так что там будет темно и тихо.

— Может быть, так и следует сделать. — Фара наклонилась вперёд и несколько мгновений смотрела в пол; фрейлине пришлось помочь ей встать. Биаст также поднялся.

Ингри решил воспользоваться моментом и под предлогом вежливого сочувствия попытаться достичь своих целей:

— Мне очень жаль, что вы нездоровы, миледи. Однако если при расследовании будет

вынесено заключение о самозащите, вам, может быть, больше не будет нужды снова подвергаться таким неприятностям.

— Я в силах сделать то, что должна, — холодно ответила Фара, но на мгновение на её лице промелькнула неуверенность: как будто мысль об отказе от обвинения показалась ей новой и привлекательной. Принцесса достаточно любезно кивнула Ингри, прощаясь, хоть ей тут же пришлось прижать руки к вискам. Взгляд, который подарил Ингри Биаст, показался тому многозначительным. Может быть, ему удастся, подумал Ингри, устранить угрозу суда над Йядой постепенно, распутывая паутину по одной нити зараз, а не в шумной и драматической манере; если получится — прекрасно. Недаром такова излюбленная тактика Венсела...

Биаст проводил сестру до двери, поручил её фрейлине и оглядел коридор, прежде чем закрыть дверь. Хмурясь, он посмотрел на Ингри и своего знаменосца Симарка, словно сравнивая их, хоть Ингри и не мог догадаться, по какому признаку: то ли физической угрозы, то ли личной преданности. Симарк, на несколько лет старше своего господина, был знаменит своей воинской доблестью; возможно, Биаст счёл его достаточной защитой на случай, если лорд-волк вдруг нападёт, или решил, что уж вдвоём с Симарком они с ним справятся. Ингри не стал исправлять эту утешительную ошибку принца-маршала.

— Как я уже говорил, я побеседовал с Льюко, — сказал Биаст. Он снова сел к низкому столу, на котором стоял поднос, жестом пригласив Ингри присоединиться. Ингри придвинул кресло поближе и приготовился слушать. — Руководство ордена Бастарда — сам Льюко и ещё двое могущественных храмовых волшебников — подробно расспросило Камрила.

— Прекрасно. Надеюсь, они поджарили ему пятки над огнём.

— Что-то в этом роде. Как я понял, они не рискнули доводить его до такого состояния, когда его демон мог бы захватить власть. Такая возможность, как заверил меня Льюко, пугает Камрила гораздо больше, чем любая угроза пыток, к которым могли бы прибегнуть следователи. — Биаст с сомнением наморщил лоб.

— Я могу это понять.

— Ну да, вы-то можете. — Биаст откинулся в кресле. — Меня больше смутило признание Камрила в том, что мой брат и в самом деле планировал меня убить, как вы и предположили. Но как вы узнали?

Так вот почему он настоял, чтобы Фара удалилась: эту болезненную тему он предпочёл обсуждать лишь в самом узком кругу. Ингри пожал плечами.

— Я не провидец. Для любого претендента, стремящегося к короне священного короля, не имея той поддержки, которую имеете вы, это был бы логический шаг.

— Да, но мой собственный брат... — Биаст умолк и закусил губу.

Ингри воспользовался возможностью вытянуть ещё одну нить паутины:

— Выходит, леди Йяда спасла вашу жизнь, как и свою собственную, а душу вашего брата — от ужасного преступления и огромного греха. Или это сотворил ваш бог — через неё.

Биаст помолчал, обдумывая слова Ингри, и снова вернулся к прежней теме:

— Не знаю, чем я заслужил ненависть своего брата.

— Мне кажется, под конец он был уже совершенно безумен. Не какие-то ваши поступки, а болезненные фантазии Болесо представляются мне причиной всего этого.

— Я не представлял себе, что он так... так не в себе. Когда случилась та неприятность со слугой, я написал отцу, что мне следовало бы вернуться домой, но он ответил, что приказывает мне оставаться на посту. Усмирение одного замка на границе и уничтожение нескольких банд разбойников теперь представляется мне менее жизненно важным делом по сравнению с теми новостями, которые я мог бы узнать в Истхеме. Думаю, отец хотел, чтобы скандал меня не коснулся.

А возможно, хотел защитить от более опасных вещей... Или отправка Биаста на границу во время такого кризиса была делом рук других заинтересованных лиц? Не виден ли тут отпечаток копыта жеребца Хорсриверов?

Биаст вздохнул.

— Я рассчитывал, когда придёт время, получить корону из собственных рук отца, ещё при его жизни, как бывало со всеми королями-Стагхорнами до меня. Ещё три года назад отец всё уже приготовил для избрания и коронации моего старшего брата Бизы, безвременно почившего. Теперь же я должен сам бороться за корону или позволить ей упасть...

— Биза умер от внезапной болезни, не так ли? — Ингри тогда не было в Истхеме: он выполнял поручение Хетвара в Нижнем порту и опоздал к похоронам принца. Зная принца-маршала, принадлежавшее брату, Биаст получил всего через несколько недель после этого. Не счёл ли больной рассудок Болесо такую замену заманчивым прецедентом?

— От столбняка. — Воспоминание заставило Биаста вздрогнуть. — Я в то время был в свите Бизы в его морском лагере в Хелмхарборе. При спуске на воду новых кораблей несколько человек заболели столбняком. Да избавят меня пятеро богов от такой судьбы! С тех пор я испытываю ужас перед постелью умирающего, и сердце у меня обрывается при мысли, что это снова мне предстоит... Я пять раз на дню молюсь о выздоровлении отца.

Ингри видел умирающего священного короля несколько недель назад, ещё до того, как у него случился удар. Старик уже тогда был совершенно жёлтым и измождённым, двигался с трудом и говорил тихо и неразборчиво.

— Думаю, что нам теперь следует вымаливать для него другое благословение...

Биаст, не споря, отвёл глаза.

— Обвинение против Болесо, если только это не клевета со стороны Камрила, заставляет меня гадать: кому я могу верить. — Взгляд, который принц бросил на Ингри, оставил у того странное ощущение.

— Каждого человека нужно оценивать по достоинству.

— Требуется способность здраво оценивать людей — в этом-то и проблема. Сумели ли вы уже оценить моего зятя?

— Э-э... не вполне.

— Представляет ли он такую же опасность, как Болесо?

— Он... умнее. — То же самое, начал чувствовать Ингри, можно было сказать и о Биасте. — Я не хотел оскорбить... — добавил он в запоздалой попытке проявить такт.

Биаст поморщился.

— По крайней мере я надеюсь, что он не так безумен.

Последовало молчание.

— Приходится ведь кому-то доверять...

— Я не доверяю никому, — буркнул Ингри.

— Даже богам?

— Им — меньше всего.

— М-м-м... — Биаст потёр шею. — Что ж, предстоящее обретение короны в таких обстоятельствах меня не радует, однако я вовсе не собираюсь позволить, чтобы над моим мёртвым телом её возложило на себя чудовище.

— Правильно, милорд, — сказал Ингри. — Этого и держитесь.

Симарк, который слушал разговор, сложив руки на груди, поднялся и подошёл к окну — желая, по-видимому, по высоте солнца определить время. На его вопросительный взгляд Биаст кивнул и устало поднялся. Ингри тоже встал.

Принц провёл рукой по волосам жестом, подумал Ингри, позаимствованным у Хетвара.

— Есть ли у вас для меня ещё какой-нибудь совет, лорд Ингри?

Ингри был всего на год или на два старше Биаста; тот наверняка не мог видеть в нём царедворца, умудрённого жизнью.

— Во всех вопросах политики вам лучший совет даст хранитель печати Хетвар, милорд.

— А в других вопросах?

Ингри заколебался.

— Что касается дел храма, то Фритин разбирается в них лучше всех, но опасайтесь его

приверженности своему клану. Если же говорить о... э-э... практической теологии, лучше обратиться к Льюко.

Биаст некоторое время размышлял над довольно зловещим намёком, содержащимся в этом упоминании «практической теологии».

— Почему?

Ингри растопырил пальцы и коснулся кончиком большого всех остальных — от указательного до мизинца.

— Потому что большой палец дотягивается до всех прочих. — Слова родились словно где-то в другом месте и вылетели изо рта Ингри помимо его воли — он даже вздрогнул от неожиданности.

Биаст тоже, казалось, увидел в них что-то, далеко превосходящее их простой смысл, потому что бросил на Ингри странный взгляд, рассеянно сжав руку в кулак.

— Я буду держать это в уме. Присматривайте за моей сестрой.

— Сделаю всё от меня зависящее, милорд.

Биаст кивнул, жестом велел Симарку следовать за собой и вышел.

* * *

Ингри обошёл дом и удостоверился, что Фара, как и предполагалось, отдыхает в своих покоях, а граф отправился во дворец священного короля. Что же там было такого, что заставило Венсела пренебречь новостями по поводу расследования? Тот факт, что он не стал сопровождать жену на допрос, удивления не вызывал: Венсел давно научился так незаметно избегать окрестностей храма, что это уже даже не вызывало пересудов. Однако какое бы злодеяние Венсел ни замыслил, он уже не одну неделю осуществлял свои планы в отношении тестя, и Ингри не стремился оказаться с ним рядом. Пока не стремился...

В данной ситуации требовалась скорее изворотливость рассудка, чем сила руки, однако если пренебречь нуждами тела, то и ум теряет остроту; поэтому Ингри отправился на кухню, чтобы раздобыть еды. Лакей, накрывавший для него стол, пожаловался Ингри на Теско, поэтому, пообедав, Ингри заставил своего слугу вернуть те деньги, которые тот мошеннически выиграл в кости. Приведя Теско в состояние должного смирения, Ингри велел ему вытащить нитки из шва у него на голове и сменить повязку на правой руке. Длинная рваная рана как будто закрылась, но всё ещё болела, так что Ингри осторожно поправил наложенный Теско бинт.

«Всё могло бы уже и зажить».

В узкие амбразуры окон сочился тусклый свет осенних сумерек; Ингри уселся на свою новую постель и погрузился в размышления. Приближающийся траур положил конец светским развлечениям принцессы; необходимости сопровождать графа тоже не предвиделось. Если новый господин Ингри пожелает отправить его с каким-либо несвоевременным поручением, то как сможет он выполнить просьбу Биаста — охранять Фару — или выбранную им по собственному желанию задачу спасти Йяду? Отправить вместо себя кого-то из гвардейцев Хетвара, а самому остаться в Истхоме и шпионить? Такое решение было бы связано с многочисленными сложностями. Публично взятое им на себя обязательство служить графу оказалось, на взгляд Ингри, опасной ловушкой; похоже, Хетвар плохо продумал свой план.

Сможет ли он противостоять Хорсриверу? Их силы коренились в одной и той же магии; Хорсривер имел гораздо больше опыта, но был ли он сильнее? И что значила сила в том безграничном священном пространстве, где видения обретали действенные формы?

Как, в конце концов, можно свои сверхъестественные силы упражнять и на чём? Безумие, охватывавшее Ингри в битве, нельзя было отрететировать: оно возникало только в момент отчаянной надобности. Что же касается колдовского голоса... можно ли противиться его приказаниям? Отвергать? Разрушать? И ослабевает ли его действие со временем, как колдовство Халланы в отношении вообразившего себя свиньёй гвардейца? Ингри не мог

себе представить, чтобы нашлись добровольцы, на которых можно было бы опробовать его таланты. Впрочем, неожиданно подумал Ингри, Халлана вполне одобрила бы такую попытку, а Освин наверняка стал бы делать подробные записи. Вообразив себе такую картину, Ингри против воли улыбнулся.

«Сколько лет моему волку?»

Вопрос неожиданно озадачил Ингри. Он осторожно заглянул внутрь себя, и ощущение снова напомнило ему попытку увидеть собственные глаза изнутри. Многочисленные волчьи души, как ему показалось, слились в единое целое, словно их границы не были такими уж непроницаемыми; волки превратились в Волка, чего в отношении человеческих душ не сумели добиться на протяжении многих поколений мучительного каннибализма графы Хорсриверы. Ингри просеивал обрывки волчьих воспоминаний, являвшиеся ему в первый ужасный момент инициации и потом, в сновидениях. Положение тела казалось непривычным, запахи вспоминались ярче, чем зрительные образы. Бедную деревушку недавних дней было трудно отличить от лесного поселения древних времён.

Неожиданно в памяти Ингри всплыло очень странное ощущение — вкус кожного панциря на щенячьих зубах... Наказание, когда его поймали на месте преступления, не уменьшило удовольствия для зудящих дёсен. Доспехи были совсем новыми, их удалось утащить в дальний угол тёмного и полного дыма зала... Имевшиеся на нём украшения чувствовались на зуб — особенно выжженный на груди силуэт волчьей головы с оскаленной пастью.

«Мой волк не моложе Древнего Вилда, а то и старше!»

Так же стар, как и конь Венсела? Наверняка старше, потому что волк, постоянно возрождаясь, прожил четыреста с лишним лет до того, как был так кроваво вселён в Ингри. Часть этого времени он прожил в Кантонах, судя по сохранившимся воспоминаниям о ледяных пиках. Это было долгое счастливое время, охватившее жизни нескольких поколений приручённых волков — на крошечном хуторе в забытой долине, где сезоны и жизни совершали вечный неторопливый круговорот... Несчастное стечение обстоятельств грозило оборвать последовательность, но этого не случилось... что означало одно: некто, способный долгое, долгое время направлять события, мог распоряжаться случайностями.

«Должен был распоряжаться», — невесело поправил сам себя Ингри.

Ингри подумал, что если когда-нибудь ещё увидит бога, то может об этом спросить.

«Я мог бы спросить сейчас. Я мог бы помолиться».

Однако такого желания он не испытывал: молиться сейчас было бы всё равно что сунуть руку в огонь священного очага в храме. Ингри на собственном опыте убедился, что обращаться к богам значительно безопаснее, когда нет шанса, что они ответят.

Ингри откинулся на подушки и стал искать в себе то мощное течение, что соединяло его с Йядой. Тихий напев потока сразу же принёс ему успокоение. Йяда сейчас не страдала, не была утомлена, если не считать всё усиливающейся скуки. Отсюда не следовало, конечно, что она в безопасности: привычный комфорт дома-тюрьмы был обманчив. Хорсривер утверждал, будто возникшая между Ингри и Йядой связь оказалась непредвиденным следствием убийственного заклания, и этому можно было поверить. Разве время от времени не случается, что зло порождает добро? Ингри подумал, что должен придумать способ увидеться с Йядой — как можно скорее и тайне. И им нужно обмениваться мыслями. Нельзя ли использовать их странную связь для передачи сообщений?

«Один раз дёрнуть — „да“, два раза — „нет“».

Ну, может быть, и не так, но какой-то способ должен найтись...

Мрачные размышления Ингри были прерваны пажом: постучав в дверь, он передал распоряжение графа явиться к нему. Ингри вооружился, накинул длинный придворный плащ и спустился в холл; Хорсривер, который, должно быть, совсем недавно вернулся, собирался куда-то снова.

Что-то тихо приказав перепуганному груму, граф вежливо кивнул Ингри.

— Куда мы направляемся, милорд?

— Во дворец священного короля.

— Разве вы только что не вернулись оттуда?

Венсел покачал головой.

— Время почти пришло. Думаю, король не проживёт до утра. Есть такой особый восковой оттенок кожи, — граф провёл рукой по лицу, — который предсказывает приближающуюся смерть.

Уж Хорсривер должен знать такие вещи... и с той, и с другой стороны, неожиданно понял Ингри. Они оказались одни в холле — слуги были посланы, чтобы поторопить Фару, — и Ингри, понизив голос, поинтересовался:

— Следует ли мне подозревать тебя в убийстве с помощью сверхъестественных сил?

Венсел пожал плечами, явно ничуть не обиженный таким предположением.

— Его смерть наступит без чьей-либо помощи. Когда-то — давным-давно — я мог попытаться ускорить её или — что труднее — попытаться отсрочить. Теперь же я просто жду. Промелькнёт несколько дней, и всё свершится. — Хорсривер вздохнул.

Смерть, старая знакомая, не смущала Венсела, и всё же его равнодушная усталость казалась Ингри маской. Глубоко внутри таилось какое-то напряжённое предвкушение, проявлявшееся только в нетерпеливых взглядах, которые граф бросал на лестницу, где должна была появиться Фара. Наконец принцесса вышла из своих покоев — бледная, застывшая, в чёрных одеждах.

Ингри с фонарём в руке шёл впереди по тёмным улицам Королевского города: единственный сопровождающий, которого пожелал иметь Хорсривер. Вечерний воздух был холодным и сырым, к полуночи камни мостовой станут скользкими от росы, но в безоблачном небе сияли первые звёзды. Венсел, на руку которого опиралась Фара, вёл себя с неизменной холодной вежливостью. Ингри напряг чувства — все свои чувства, — но не обнаружил в сгущающихся сумерках новой угрозы.

«Ну конечно. Угроза — это мы, Венсел и я».

Факелы у входа во дворец священного короля бросали колеблющиеся отсветы на стены. Теперь уже только воспоминания связывали это строение с брёвнами и дранкой: дворец был каменный, как и все жилища знати в Истхоме, выстроенные в последние годы дартаканского правления. Гвардейцы поспешили распахнуть кованые двери и низко склонились перед дочерью короля и её супругом. Воины казались угнетёнными тем, насколько все их пики и мечи бессильны защитить их господина от охотника, который придёт за ним этой ночью. Хотя спальня короля находилась в дальнем конце здания, голоса слуг, сопровождавших принцессу и её спутников через еле освещённые душевые залы, звучали приглушённо и печально.

Впереди льющийся из открытой двери свет играл на полированных досках пола. Ингри сделал глубокий вдох и следом за графом и принцессой вошёл в спальню короля.

Глава 21

В комнате оказалось менее многолюдно, чем ожидал Ингри. У изголовья постели сидели облачённый в зелёную мантию целитель-дедикат и сопровождающий его аколит; их унылое спокойствие говорило о том, что все ухищрения медицины уже бесполезны. В углу ждал священнослужитель в серых одеждах ордена Отца, демонстрируя невостробованную пока терпеливую готовность выполнить свой долг. В соседней комнате, невидимый и, к счастью, почти неслышимый из-за толстых стен, пел гимны пятиголосый храмовый хор. Голоса певцов казались хрипыми и усталыми; возможно, скоро им представится возможность отдохнуть...

Ингри присмотрелся к лежащему на кровати королю. В нём не было заметно тёмных сил, как в Венселе или самом Ингри; это не был ни шаман, ни волшебник, ни святой; король был обычным человеком, хоть и приковывающим взгляд даже на пороге смерти. Это был уже совсем не тот Стагхорн, о котором трогательно вспоминал Хетвар: юный принц-маршал,

получивший знамя из рук своего царственного отца и прославившийся победой в полузабытой теперь пограничной стычке с Дартакой. Когда Ингри вернулся в Вилд в свите хранителя печати, король был бодр и активен, несмотря на поседевшую голову и все выпавшие ему на долю печали. Тяжёлая болезнь за последние месяцы быстро состарила его, словно беря реванш за потерянное время.

Теперь король был близок к тому, чтобы уснуть последним сном. Ингри искренне надеялся, что Фара успела раньше обменяться с отцом последними словами, потому что больше у неё такой возможности не будет. Тонкая, покрытая пятнами жёлтая кожа и в самом деле имела тот восковой оттенок, который Хорсривер назвал предвестником кончины. Хриплое дыхание короля было неровным, и за каждым вдохом следовала пауза, когда все присутствующие смотрели на умирающего, чтобы при следующем вдохе отвести глаза.

Лицо Фары было бледным, но сосредоточенным; она осенила себя знаком Пятёрки, поцеловала отца в лоб и отошла от постели. Жрец Отца положил руку ей на плечо и пробормотал:

— Он прожил хорошую жизнь, миледи. Не страшитесь.

Взгляд, который бросила на священнослужителя принцесса, был лишён и страха, и надежды, да и вообще какого-нибудь выражения. Ингри отметил, что Фара сохранила самообладание; сам он, услышав подобную банальность в столь трагический момент, испытал бы искушение проткнуть жреца мечом. Фара только прошептала:

— Где мой брат Биаст? Он должен бы быть здесь, и верховный настоятель тоже.

— Он приходил раньше, миледи, пробыл долго и скоро вернётся. Думаю, что верховный настоятель и хранитель печати будут его сопровождать.

Принцесса кивнула и отодвинулась от жреца. Рука священнослужителя повисла в воздухе, словно собираясь снова утешительно похлопать Фару по плечу. К счастью, он вовремя опомнился и отошёл от принцессы в её окаменелой печали.

Хорсривер стоял, немного расставив ноги, глядя на происходящее — образец благородного супруга, поддерживающего безутешную дочь короля. Его лицо не выражало никаких чувств, кроме подходящих опечаленному придворному, и только взгляд Ингри различал: Хорсривер был готов к прыжку, как кот у мышиной норки. Но что ещё должно было случиться в этой комнате, кроме давно ожидаемой смерти старика, пусть это и был король? Хорсривер уже многие недели находился в Истхеме. Чего он ждал, помимо окончания царствования? И если присутствие в столице было столь жизненно важным для его планов, как же должна была его взбесить необходимость покинуть Истхом из-за несвоевременных похорон Болесо!

«В этой комнате два священных короля! Как такое возможно?»

Ингри вспомнил свой вопрос, заданный в кабинете Хетвара: что делает королевскую корону священной? Тогда удовлетворительного ответа он не получил, да и сам мог только догадываться; а вот Хорсривер, как подозревал Ингри, знал это точно.

Ингри внезапно обнаружил, что принадлежащий Хорсриверу дух коня больше не представляет собой тугой комок, а распространился на всё тело графа, хлынул в его кровь. Он был спокоен... нет, насторожен! В этот момент и напряжение, и терпение Хорсривера казались буквально сверхчеловеческими!

Ингри почувствовал, как его собственная кровь забурлила в жилах. Казалось бы, многие наложившиеся друг на друга жизни его волка и жеребца Хорсривера должны были делать каждого из них квинтэссенцией всего волчьего и всего конского, но на самом деле было иначе: такие обретшие мудрость животные чем дольше жили, тем больше приближались к какому-то единому образу.

«Они очень похожи друг на друга, — сказала когда-то Йяда. — Так и есть».

Певцы допели гимн и умолкли; тихие шорохи говорили о том, что у них начался перерыв. Помощник целителя Матери был послан на поиски принца Биаста; сам целитель отошёл к угловому столу и налил себе стакан воды. С постели донёсся хриплый вздох — за которым не последовало другого.

Лицо Фары застыло ещё больше, глаза её блеснули от непролитых слёз. Хорсривер сделал шаг вперёд и протянул ей кружевной носовой платок, который Фара судорожно стиснула в руке. Граф не стал произносить глупых утешений. Он не сказал ничего вообще.

Он немного отодвинулся от постели, потом поднялся на носки и протянул руки, как сокольниковый, подзывающий свою птицу.

Ингри насторожился и вытянул шею. Все его чувства обострились. Он не мог видеть душ, как это способны были, по слухам, делать святые; он заметил отлетевшую душу только потому, что от неё что-то отделилось и разлилось в воздухе, как пряное благоухание. Ингри уже ощущал раньше присутствие бога, и этот опыт помог ему заметить появление чего-то огромного, отчего волосы у него на голове зашевелились, как от холодного дуновения в темноте. Однако этот бог явился не к нему; схватив свою добычу, он исчез прежде, чем зрачки Ингри расширились в бесплодной попытке увидеть невидимое.

Загадочный аромат сохранился, прохладный и свежий, как лес весной: вода, сосны, влажная земля, солнечный свет... имеет ли запах смех? Он возбудил Ингри, заставил напрячься, поднять голову и широко раскрыть глаза. Ингри в полной растерянности втянул воздух. Что он должен сделать? Оттолкнуть Фару в сторону? Напасть на Хорсривера? Не мог же он кинуться с мечом на запах леса, как безумец, рассекая воздух... Зла Ингри не чувствовал; опасность в этом была, было могущество... и красота тоже.

Ингри поймал момент, когда Хорсривер откинул голову, впивая королевскую суть. Граф покачнулся, словно на его протянутую руку — руку сокольника — сел огромный орёл. Хорсривер зажмурился, обхватил себя руками и удовлетворённо вздохнул. Когда его глаза открылись снова, они сияли.

«Священный огонь, — подумал Ингри. — Как быстро всё произошло! И что именно случилось?»

Не мог же Хорсривер... нет, он не напал из засады на отлетающую душу короля, не присоединил её к уже обитающим в нём искалеченным душам. Заклинание бессмертия действовало на тело и душу графа, в этом случае его собственный труп остался бы пустой скорлупой...

Ингри озадаченно шепнул Венселу:

— Уж не украл ли ты благословение богов?

Лёгкое злорадство, прозвучавшее в ответе Хорсривера, заставило сердце Ингри замереть.

— Это, — выдохнул граф, обводя себя рукой, — никогда не принадлежало богам. Мы создали его сами, и оно должно оставаться здесь. Два с половиной столетия назад его отняли у меня, а теперь оно вернулось. На некоторое время.

Жрец Отца, ничего не заметивший, поспешил к постели священного короля, над которым склонился целитель. Они тихо посовещались, священнослужитель осенил мёртвое тело и себя знаком Пятёрки и затянул молитву.

Итак... Венсел уличён в ещё одной лжи или полуправде; Ингри больше ничему не удивлялся. В этой комнате не было двух священных королей, а было два претендента, взаимно изувеченных, каждый из которых препятствовал полноте власти другого. Теперь же появился единственный священный король, наконец обретший целостность. Ингри поёжился под ужасной тяжестью улыбки суверена.

— Сначала позаботимся о главном, — выдохнул Венсел, лизнул палец и приложил его ко лбу Ингри. Ингри отшатнулся, но было слишком поздно. Он ощутил, как его связь с Йядой лопнула, словно струна, и он едва не застонал от горя и гнева. Прежде чем Ингри успел сделать вдох, связь восстановилась, но теперь все его мысли принадлежали не Йяде, а Хорсриверу. Царственная воля оседлала впавшего в панику Ингри, как опытный всадник — необъезженного коня. От неожиданности у Ингри потемнело в глазах, колени подогнулись. Хорсривер, сведя брови, взгляделся ему в лицо, потом удовлетворённо кивнул. — Да. Так годится.

Фара обернулась к мужу, и глаза её широко раскрылись, а дыхание со свистом

вырвалось из груди. Если она могла своими смертными глазами разглядеть хотя бы десятую часть того грозного величия, которое видел Ингри взглядом шамана, то не приходилось удивляться её внезапному преклонению. Хорсривер снова лизнул палец и коснулся лба жены; потом он склонился к ней, что можно было по ошибке счесть проявлением сочувствия и утешения. Когда Хорсривер выпрямился, остекленевшие глаза Фары смотрели прямо перед собой. Ингри подумал, что и его собственные глаза должны выглядеть так же.

Заботливо обвив рукой талию жены, граф повернулся к жрецу Отца.

— Передайте моему шурина, когда он появится, что я отвёз принцессу домой, чтобы она могла прилечь. Боюсь, случившееся несчастье вызвало одну из её ужасных головных болей.

Жрец, неожиданно начавший проявлять необыкновенную услужливость, закивал.

— Конечно, милорд. Я очень сочувствую вашей потере, миледи, но душа вашего отца теперь вознеслась в лучший мир.

Губы Хорсривера скривились.

— Воистину, все люди рождаются, беременные собственной смертью. Опытный взгляд видит, как растёт плод день ото дня.

Жрец поморщился, услышав такую сомнительную метафору, и попробовал возразить:

— Не уверен, что...

Хорсривер поднял руку, и священнослужитель умолк.

— Тихо. Передайте принцу-маршалу, что мы увидимся утром. Не особенно рано... Пусть он начинает приготовления, какие сочтёт нужными.

— Да, милорд, — поклонился жрец. Стоявший по другую сторону постели целитель поклонился тоже.

— Ингри, — повернулся к своему приближённому Хорсривер, и губы его раздвинула издевательская улыбка. Тихий зловещий шёпот отдался в костях Ингри: — К ноге!

В ярости, растерянности и отчаянии Ингри поклонился и последовал за своим господином.

Хорсривер быстро потащил Фару и Ингри по пустым коридорам королевского дворца. Тихо брошенное им слово заставило гвардейцев у входа, не задавая вопросов, отсалютовать и распахнуть двери. Ночные улицы были погружены во мрак и окутаны туманом. Поворачивая за угол, Ингри оглянулся; раскачивающиеся фонари и глухо звучащие в тумане голоса сказали ему о том, что Биаст и его знатные спутники спешат к смертному ложу короля. До Ингри донёсся голос Хетвара, и он подумал о том, что тот, должно быть, несёт дубовый ларец с королевской печатью, которая так долго находилась на его ответственности, и серебряный молоток, чтобы разбить её у постели почившего властителя.

Хорсривер и его спутники не имели при себе фонарей и были одеты в чёрное; Ингри усомнился, что кто-нибудь из сопровождающих Биаста их заметил. Спустившись с холма, Хорсривер не свернул в сторону своей резиденции, как ожидал Ингри, а двинулся в сторону конюшни, ворота которой оказались распахнуты настежь и внутри горело несколько фонарей.

Со скамьи у стены вскочил грум и боязливо поклонился графу.

— Всё готово, милорд. Одежду я отнёс в кладовую.

— Хорошо. Подожди немного.

Хорсривер пропустил Фару и Ингри вперёд; в колеблющихся тенях Ингри разглядел нескольких осёдланных коней — рыжего жеребца Хорсривера, серого Волка и гнедую кобылу; позади сёдел были приторочены сумки. Когда люди проходили мимо стойла, где находился олень, тот фыркнул и замотал рогатой головой; его острые копыта нервно застучали по устилающей пол соломе.

Хорсривер показал Ингри на фонарь, и тот снял его с крюка; потом граф отвёл их к открытой двери кладовой. Там на стенах была развешана сбруя; свет фонаря отразился в начищенном металле пряжек. На пустых подставках для сёдел были разложены три

комплекта одежды. Ингри узнал собственный кожаный костюм для верховой езды, рядом с которым на полу стояли сапоги. На другой подставке оказалась женская амазонка из тёмно-красной материи, отделанная золотой вышивкой.

— Переодевайтесь, — бросил Хорсривер, показав на одежду. — И приготовьтесь к поездке.

Фара с каменным лицом сбросила плащ, который с шорохом упал на каменный пол.

— Мне нужно помочь с пуговицами, милорд, — проговорила она ровным голосом.

— Ах да. — Хорсривер поморщился и умело расстегнул ряд крошечных жемчужных пуговиц на спине бархатного платья принцессы. Ингри сбросил длинный нарядный плащ, лёгкие туфли и вышитый серебром камзол и натянул кожаную одежду; он был полностью готов ещё до того, как на пол соскользнули платье и нижние юбки Фары. Ни одного из них не смутила эта неожиданная интимность: волнение, растерянность и ужас не оставляли места для более мелких чувств. Ингри надел сапоги и выпрямился, застёгивая пояс с ножнами для меча и кинжала. Его ужасный господин всё ещё был занят вознёй с туалетом жены.

Когда граф поднял руки, чтобы помочь Фаре надеть жакет, Ингри заметил блеск новых кожаных ножен у него на поясе. Новые ножны — новый кинжал? Ингри незаметно вышел из кладовой в центральный проход. Не удастся ли ему сбросить с себя оковы? Если он может думать о сопротивлении, может быть, ему удастся воспротивиться и на деле? Нужно только отвлечь внимание Хорсривера...

«Йяда, что с тобой сейчас происходит?»

Судить об этом Ингри больше не мог. События явно были хорошо подготовлены; теперь, когда Ингри надёжно связан, не затеет ли граф фатальное нападение на дом-тюрьму?

Всё ещё пятясь, Ингри открыл запор на воротах стойла, где содержался олень, и распахнул их. Пальцы его онемели.

«Беги!» — прошептал он. Олень дважды подпрыгнул на месте, фыркнул и промчался мимо Ингри, стуча копытами по цветным камням пола. Скорость была так велика, что Ингри не уследил взглядом за растворившимся в темноте снаружи животным. Ингри замер на месте, когда Хорсривер выглянул из кладовой и нахмурился.

«Стоять!» — бросил он, и Ингри ничего не оставалось, как покориться.

Он всё ещё боролся... не столько с неспособностью, сколько с отсутствием желания двигаться, когда граф появился снова, переодетый в кожаный костюм и сапоги, крепко держа за плечо Фару. Бросив искоса взгляд на пустое стойло, он, к разочарованию Ингри, только кисло улынулся.

— Ты меня почти пугаешь, — бросил он, проходя мимо Ингри. — Такое вдохновение и такой правильный поступок. Может быть, мне нужно тоже ткнуться в тебя носом.

Ничего больше не говоря, он подвёл Фару к стойлу, где беспокойно фыркала гнедая кобыла Йяды.

— Я боюсь этой лошади, милорд, — пробормотала Фара.

— Это долго не продлится, обещаю, — ответил Хорсривер. Ингри ничего не было видно за дощатой стенкой и коваными воротами, кроме настороженных ушей лошади и макушек: светлой — Хорсривера и тёмной — Фары, но он слышал скрип новой кожи ножен, когда из них выскользнул кинжал. Тихо произнесённые графом слова, которые Ингри почти понял, заставили волосы у него на голове зашевелиться. Потом раздался влажный удар, резкий визг, рывок, от которого задрожали стенки стойла, — и падение тяжёлого тела, недолго бывшего и наконец затихшего.

Две головы снова проплыли над загородкой. Когда Хорсривер и Фара вышли в проход, принцесса тяжело опиралась на графа; её била дрожь. Если кровь и забрызгала её костюм для верховой езды, в темноте это было незаметно.

— Что вы со мной сделали? — простонала она.

Острый взгляд шамана показал Ингри, что внутри Фары мечется испуганный дух лошади.

— Ш-ш, — стал успокаивать Фару Хорсривер; он снова коснулся её лба пальцем, и

глаза принцессы остекленели. Тень лошади тоже затихла, хотя Ингри показалась, что она не столько успокоилась, сколько одеревенела. — Всё будет хорошо. А теперь пошли.

Снова появился перепуганный грум.

— Милорд, что это было?

— Приведи коней.

Грум вывел трёх осёдланных лошадей в тёмный двор перед конюшней. Хорсривер с помощью грума усадил Фару на её гнедую кобылу; граф самолично проверил подпругу, вдел ноги Фары в стремяна и расправил её юбку, после чего вложил в дрожащие руки принцессы поводья.

— В седло, — приказал Хорсривер Ингри, вручая ему поводья серого мерина. Ингри так и сделал, хотя конь пятился от него, а потом начал брыкаться, пытаясь сбросить всадника. Хорсривер обернулся и снова раздражённо бросил «Тихо!», и конь тут же успокоился, продолжая, впрочем, выкатывать глаза и фыркать. Граф закрыл за ними ворота конюшни, после чего грум помог ему сесть в седло. Хорсривер, не глядя, вдел ноги в стремяна, наклонился и положил руку на лоб грума.

— *Отправляйся домой. Усни. Всё забудь.*

Глаза грума осоловели, и он, зевая, отвернулся.

Подняв руку, Хорсривер крикнул Ингри и Фаре:

— *Следуйте за мной!* — Развернув коня, он шагом поехал по тёмной улице. Копыта скрежетали по мокрому от тумана булыжнику, и звук отдавался от стен домов.

Когда всадники проезжали по пустой рыночной площади, Хорсривер свесился с седла, прижал руку к животу, рывнул и выплюнул что-то на камни мостовой. Проезжая мимо, Ингри принюхался и почуял запах не желчи, а крови.

«Он тоже расплачивается кровью за свой колдовской голос, как и я?»

Граф делал это не так заметно... И сколькими же внутренними сокровищами заплатил он напрасно за убийственное заклятие, наложенное на Ингри, если сказал, что потратил слишком много крови?

Ночная стража у юго-восточных ворот пропустила их по одному слову графа. Ему даже не пришлось прибегать к колдовскому голосу: солдаты почтительно отдали ему честь и сочувственно поклонились Фаре. Оказавшись за городской стеной, Хорсривер пустил своего коня рысью. На первом же перекрёстке путники свернули на дорогу, ведущую к Сторку. Над холмами позади них, разливая бледное сияние, взошла луна, и на дорогу легли длинные расплывчатые тени всадников.

«Куда мы направляемся? И зачем мы ему? Что мы должны будем сделать, оказавшись на месте?»

Ингри заскрипел зубами: ему так и не удалось послать сообщение или оставить весточку... Он попытался представить себе, что подумают слуги, обнаружив утром беспорядок в конюшне: исчезновение трёх коней и оленя, убитую кобылу, придворную одежду, разбросанную по кладовой... Они покинули Истхом быстро и бесшумно, но совсем не тайком. Хотя бы из-за Фары за ними наверняка пошлют погоню.

«Значит, каковы бы ни были планы Хорсривера, он рассчитывает сделать всё быстро, прежде чем нас настигнет погоня. Не следует ли мне попытаться задержать его?»

Ингри было поручено следить за Хорсривером и охранять Фару. До сих пор первое происходило само собой, но второе ему явно не удавалось, хоть он и скакал сейчас рядом с принцессой. Он предпринял попытку разрушить планы Хорсривера, выпустив оленя, но она оказалась напрасной. Его опасение, что жена нужна Хорсриверу для какого-то ужасного кровавого жертвоприношения, было, по-видимому, ни на чём не основанным. Её нельзя было повесить на дереве, отправив с поручением к богам, теперь, когда в ней поселился дух кобылицы, да и девственницей, несмотря на своё бесплодие, она не была. Да и не думал Ингри, что Хорсривер пожелает что-то передать богам, кроме нечестивого их отрицания. А где же они, боги, этой ночью, когда происходят столь странные события?

Олень в гербе Стагхорнов, конь — в гербе Хорсриверов. Фара в замужестве стала

Хорсривер, каким бы неудовлетворительным для неё ни был этот брак; две или три представительницы рода Хорсриверов украсили и её семейное древо, причём совсем недавно. Всё это были сёстры-дочери-внучки графа, как сообразил Ингри. Переплетение семейных нитей поражало воображение, если думать о графе как об одном человеке, а не о дюжине. Клан. Клан... Так что такое клан?

Знаменосец священного короля по традиции бывал его близким родичем. Симарк приходился Биасту двоюродным братом и служил знаменосцем и его старшему брату Бизе. Знаменосец покойного короля служил ему всю жизнь и умер за полгода до своего господина; король всё откладывал новое назначение, возможно, предчувствуя свой конец и не желая видеть на месте старого друга нового человека. А может быть, тут потрудились Хорсривер, преследуя собственные нечестивые цели? Священному королю ради чести короны требовался знаменосец столь же высокородный, как он сам. Это могла оказаться и знаменосица... Ингри искоса взглянул на Фару; принцесса вцепилась в поводья, лицо её было бледным и несчастным. Она не особенно хорошо ездила верхом, и эта ночь могла оказаться для неё нелёгким испытанием.

Хетвар спустит с него шкуру за это... если он останется в живых. Что ж, если он останется в живых, Хетвар может спускать с него шкуру, сколько пожелает. А кроме того, если выживут они оба с Фарой, то для судей Йяды ситуация станет весьма запутанной. Если будет создан прецедент, если Йяда будет наказана за обладание духом леопарда, то, логически рассуждая, тот же приговор судьи должны будут вынести и Фаре с её кобылицей.

«Думаю, что-нибудь тут можно будет выгадать. И если это не удастся мне, то уж Освину удастся, можно держать пари».

Достигнув Сторка, путники свернули на ведущую на север вдоль реки дорогу. Сквозь деревья, росшие вдоль берега, пробивались яркие отсветы лунного света, отражённого водной поверхностью. Стук копыт и скрип кожи не могли заглушить тихого журчания воды и шелеста опавших листьев.

Ингри послал Волка вперёд, чтобы поравняться с рыжим высоким жеребцом Хорсривера.

— Куда мы направляемся, сир?

Хорсривер повернул голову, и его зубы блеснули, когда он улыбнулся, услышав почтительное обращение.

— Разве ты не догадываешься?

На север... Они могли бежать в Кантоны, но почему-то Ингри так не думал. Двухдневная скачка приведёт их к подножию хребта Ворона...

— В Израненный лес, на Кровавое Поле.

— К Священному древу. Молодец, мой сообразительный волчонок.

Ингри подождал, но больше Хорсривер ничего не добавил. Граф дал коню шпоры и поскакал галопом, и его спутникам пришлось последовать его примеру.

Рассудок Ингри оставался, по-видимому, свободен; только его чувства оставались подчинены мистической королевской власти. Что за странное заклятие... нет, тут было что-то другое, совсем не похожее на того ограниченного магического паразита, с которым Ингри боролся и которого победил в Реддайке. Теперь Ингри имел дело с огромной и древней силой. Более древней, чем сам Хорсривер? В ней не чувствовалось зла, хотя все её дары в оскверняющих руках Хорсривера рождали отчаяние и безнадёжность.

Ужасная харизма королей... воины стремились приблизиться к ним, чтобы приобщиться к их благодати, и вовсе не только ради материальных выгод. Соблазн героизма, благословенное самопожертвование могли дарить единственную награду — смерть, и всё же люди стекались под знамя короля. Обманчивое обещание безупречности на службе чему-то высокому и светлому...

Тогда, столетия назад, сияние королевской короны не было заслугой одного Хорсривера. Он получил его по наследству — из незапамятных времён, когда ещё не существовало письменности, чтобы разложить годы по порядку, но племенные кланы жили

на этой земле уже так давно, что казались столь же древними, как сам великий тёмный лес. Какая бы магия ни окружала короля, она создавалась долгое, долгое время.

Члены древних кланов, даже по их собственным признаниям, были надменными, высокомерными, кровожадными жестокими безумцами. Потребовалось нечто столь могущественное, как сияющее величие королевского сана, чтобы подчинить их какому-то подобию общих законов. В последние дни, конечно, их подстёгивал страх перед Аударом, но страх мог с такой же лёгкостью разметать воинов, подобно листьям в бурю, как и собрать их в единую силу. Какой энергией должен был обладать Хорсривер, сколько сил потратить, чтобы добиться даже начала великого обряда у Священного древа, не говоря уже о том, чтобы заставить его принести плоды? И если такова была последняя вспышка его угасающей королевской силы, каков же был этот человек в расцвете могущества?

Вставшая над рекой луна превратила поднимающийся туман в колышущееся море света. Священный король взмахнул рукой и повёл своих спутников по ровной прямой прибрежной дороге. Казалось, они летят меж облаков. Глаза Ингри слезились от ледяного ветра, хлещущего в лицо при отчаянной скачке. Конь его без усилий нёсся вперёд, и Ингри, откинув голову, впивал мчащуюся навстречу ночь. Неудачи остались позади, впереди, возможно, ждала гибель, но в этот серебряный миг он был на вершине славы.

Глава 22

К тому времени, когда луна поднялась высоко, покрытые пеной кони начали спотыкаться. Королевский курьер уже давно остановился бы, чтобы сменить лошадей, и Ингри начал гадать, не собирается ли Хорсривер загнать своих скакунов до смерти. Однако граф наконец позволил своему жеребцу перейти на усталый шаг, а потом свернул с дороги к одинокому крестьянскому дому в деревьях у реки. У крыльца висел фонарь, свет которого казался красноватым и тусклым в голубом сиянии луны.

К забору были привязаны три свежие лошади. К спешившимся путникам подбежал вскочивший с соломенной подстилки грум в ливрее Хорсривера и стал пересёдлывать коней. Хорсривер позволил Ингри и Фаре только съесть по ломтю хлеба с сыром, выпить по кружке эля и посетить уборную за домом, после чего скачка возобновилась. Фара была бледна и понура, но воля священного короля заставила её, вцепившись в поводья, опять скакать галопом.

Даже Ингри качался в седле к тому времени, когда они остановились снова — у ещё одного крестьянского дома, скрытого за холмом; на дороге глубокой ночью им никто не повстречался, а деревни, всё реже попадавшиеся на берегах ставшего узким Сторка, они объезжали стороной. Фара буквально упала на руки подхватившего её супруга.

— Она не сможет больше сегодня скакать, сир, — пробормотал Ингри.

— Ну и ладно. Даже мы с тобой не смогли бы ехать, не делая остановок. Мы здесь передохнем.

Место для отдыха тоже явно было подготовлено заранее: из дома появилась испуганная крестьянская девушка и увела Фару внутрь. Граф направился следом за ещё одним грумом в ливрее Хорсривера — наверняка заблаговременно посланным сюда — вокруг полуразвалившегося дома к дощатому сараю. Оглядев приготовленных для них свежих лошадей, Венсел довольно хмыкнул. Это были не крестьянские клячи — скакунов прислали сюда из графских конюшен.

Бегство из столицы было, похоже, хорошо спланировано. Преследователи стали бы наводить справки в придорожных гостиницах и конюшнях, где торопящийся путник мог бы нанять свежих коней, но не нашли бы никаких следов — ни очевидцев, ни оставленных усталых лошадей. Остановки и расспросы в крестьянских домах на всём протяжении от Истхома до северной границы только отняли бы драгоценное время даже у людей, обладающих такими возможностями, как принц-маршал и хранитель печати. И им пришлось бы тратить силы на обследование ещё полудюжины дорог, ведущих из столицы во всех

направлениях.

«В какой степени я могу сопротивляться этому королевскому закланию?» — в тупом отчаянии гадал Ингри. Если бы ему хоть раз удалось собрать в кулак волю и разум... Может быть, если бы он сумел оказаться там, куда до него не долетал голос Венсела, фальшивый покой, в который был погружён Ингри, рассеялся бы? Или он сумел бы сбросить с себя транс, если бы внимание Венсела отвлеклось? Ингри жаждал королевского одобрения так же страстно, как собака — кости с хозяйского стола или маленький мальчик — улыбки отца, и навязанное ему раболепие заставляло Ингри скрипеть зубами; то, что Хорсривер так небрежно украл сыновнюю преданность, которой лорд Ингалеф не сумел воспользоваться при жизни, зажигало огонь ярости в сердце Ингри. И всё же он тянулся к своему господину, как усталый озябший ребёнок тянется к теплу очага.

Ингри уселся рядом с Венселом на крыльце крестьянского дома, свесив вниз затёкшие от бесконечной скачки ноги, и стал глядеть на речную долину, освещённую заходящей луной. Грум принёс им простую еду — хлеб с ветчиной, хотя на этот раз напитком послужило молодое вино. Виноградику при ферме досталось, должно быть, в изобилии солнца и дождя, потому что вино было сладким и благоуханным; оно лилось в горло, как жидкое золото. Близость господина и накопившаяся усталость сделали голову Ингри лёгкой и пустой, как у пьянчуги, уверенного, что он, если пожелает, сможет подняться на ноги и идти. Ингри снова приложился к кувшину с вином.

— Как красиво, милорд, — сказал он, обводя рукой посеребрённый лунным светом простор.

Губы Венсела искривила странная гримаса.

— Я видел достаточно озарённых луной пейзажей. — Через мгновение он добавил: — Наслаждайся ими, пока можешь.

Двусмысленное замечание, подумал Ингри.

— Почему мы так гоним коней? От какого врага должны мы ускакать? От погони из Истхома?

— И от неё тоже. — Венсел потянулся. — Время мне враг. Благодаря хитрой уловке клана Стагхорнов — когда сыновья становились священными королями при жизни отцов — прошло сто двадцать лет со времени последнего междоусобицы. Усилия, которых потребовало бы создание другой такой ситуации, кажутся мне теперь чрезмерными. Я воспользуюсь этой возможностью. — Хорсривер оскалил зубы. — К данному случаю добавление «или умру» неприменимо.

Итак, подозрения Хетвара, по-видимому, были обоснованы: Хорсривер жаждал избрания и манипулировал голосами выборщиков... а может быть, и жизнью и смертью потенциальных соперников?

— Значит, всё это затеяно ради того, чтобы снова сделать тебя священным королём?

Хорсривер фыркнул.

— Я и есть священный король. Мне не нужно им делаться.

Однако что-то ему было нужно — какая-то недостающая часть, вырванная им у отлетающей души короля-Стагхорна. Нечто... то ли магия, то ли некий фрагмент Вилда — безусловно, не политической природы.

— Ну, стать священным королём по имени и по форме — избранным и торжественно коронованным.

— Если бы я желал получить титул короля этой несчастной земли, я получил бы его многие годы назад, — равнодушно бросил Венсел. — Когда к тому же обитал в лучшем теле.

«Я обладаю лучшим телом», — не мог не подумать Ингри. Но действительно: если бы Венсел желал победить на выборах, им следовало бы скакать к Истхому, а не прочь от него. Хорсривер стремится к чему-то другому, к чему-то большему. Чему-то гораздо более странному... Ингри боролся за ясное понимание, продираясь сквозь туман, рождённый усталостью, вином на пустой желудок и подавляющей аурой Хорсривера.

— Если ты не желаешь выиграть выборы сам, то чего ты хочешь?

— Отсрочить выборы.

Ингри заморгал слипающимися глазами.

— Наше бегство к этому и приведёт?

— Наверняка. Отсутствия одного графа-выборщика, — Хорсривер ткнул себя в грудь, — было бы недостаточно, но Биаст должен будет отвлечься на поиски сестры накануне похорон отца, как только узнает о её исчезновении. Я принял и кое-какие другие меры: противоречивые обещания, которые я дал разным кандидатам, заставят их препираться несколько дней. — Хорсривер невесело усмехнулся.

Ингри не знал, что на это сказать, хотя произнесённое Венселом слово «междоусобица» продолжало грохотать в его уме, обретая всё больший странный вес. Ингри заставил разум пробиться сквозь мягкое сияние навязанной ему преданности и спросил:

— Для чего предназначался олень?

— Как, разве ты не догадался?

— Я полагал, что ты собираешься принести его в жертву и поселить его дух в Фаре, чтобы она смогла забрать что-то у своего отца. Но потом ты предпочёл кобылу...

— Когда играешь против богов, неожиданная уловка иногда даёт лучший результат, чем глубокие планы. Даже они не могут предусмотреть любой поворот событий. Оленя я задумал использовать давно — в нём накопились жизни четырёх поколений, но смерть священного короля наступила раньше, чем животное было готово. Не знаю — может быть, они замедлили первое или ускорили второе.

— Ты собирался сделать шаманкой... Фару? Или кого-то ещё?

— Кого-нибудь. Я ещё не решил кого. Если бы мне не удалось вместо того завладеть тобой, пришлось бы использовать незрелое животное. Твой волк больше мне подходит, хоть он недостаточно... ручной. Он сильнее и умнее.

Ингри с трудом удержался от того, чтобы не завилять хвостом от этой похвалы.

«Больше подходит для чьих целей?»

Его обессиленный ум мучительно пытался сложить целое из кусочков. Шаман, знаменосец, священный король, заповедное Священное древо... И, несомненно, кровь. Кровь непременно должна быть пролита. Если собрать всех этих людей вместе, чего удастся достичь? Целью едва ли была какая-то материальная выгода. Что такого затеял Венсел, что сами боги стремятся проникнуть в мир материи, чтобы воспрепятствовать ему? К чему может стремиться Венсел помимо ослепительного блеска короны священного короля?

Чьё величие превосходит величие короля? Может быть, Венсел возмечтал о чём-то большем, чем власть в мире материи? Четвёрка однажды, в легендарном прошлом, превратилась в Пятёрку; может ли Пятёрка превратиться в Шестёрку?

— Так во что ты хочешь превратиться? В полубога? В бога?

Венсел подавился своим вином.

— Ах, молодость! Какие амбиции! И ты же утверждаешь, что сам видел бога. Отправляйся спать, Ингри. Ты бредишь.

— Так во что? — упрямо повторил Ингри, хотя и поднялся на ноги, чтобы отправиться на покой.

— Я говорил тебе, чего хочу. Ты забыл.

«Я хочу получить обратно свой мир».

Когда-то Венсел в отчаянии выкрикнул эти слова в лицо Ингри. Ингри их не забыл, да и не мог бы забыть, даже если бы хотел.

— Нет, не забыл. Но это же недостижимо.

— Именно. Отправляйся спать. Мы выезжаем рано.

Ингри, спотыкаясь, вошёл в дом и обнаружил, что для него приготовлена койка. Улёгшись, он долго смотрел в темноту, не в силах уснуть, несмотря на усталость. Наверняка его подчинение Хорсриверу было не абсолютным, иначе оно его так не мучило бы. Величие плохо подходило кособокой фигуре Венсела, напоминая золочёные доспехи, выкованные для

юноши в расцвете молодости, надетые на иссохшего старика. Несоответствие проглядывало сквозь образовавшиеся щели...

И всё же, несмотря на несоответствие, образ излучал силу, и Ингри ощущал её, как жар, исходящий от очага. Даже на самого среднего воина Древнего Вилда королевский сан ложился, как мантия, сотканная из света; на что же это бывало похоже, когда случай вручал корону человеку необыкновенных дарований, когда душа изливалась в форму священного долга одним сверкающим потоком, как при отливке безупречного колокола?

«Такой колдовской голос мог бы заставить горы сдвинуться с места».

Ингри мысленно отшатнулся от этого видения.

Возложенные на него обязанности — вызнать секреты Хорсривера и защитить Фару — в любом случае не позволяли ему покинуть Хорсривера. Может быть, попытка бежать была бы преждевременной. Лучше успокоить подозрения Венсела и продолжать наблюдать, выжидая, пока не подвернётся удобный шанс. Положиться на то, что погоня их настигнет? Молиться?

Став взрослым, Ингри перестал молиться перед сном. Однако сон приносил сновидения, а в сновидениях иногда являлись боги. Сны Ингри не были садом для их прогулок, какими, по словам Освина, являлись сны Халланы, но в эту ночь Ингри молился о том, чтобы боги просветили его.

Однако какие бы сны ему ни снились, при пробуждении они исчезли. Ингри подскочил от неожиданности, когда грум потряс его за плечо. Умывание, поспешный завтрак... Хорсривер снова погнал их вперёд, прежде чем песок в часах пересыпался наполовину...

Холмистая равнина становилась всё менее обжитой, но всё же в разгар дня на дороге попадались и люди, и животные: крестьянские телеги, караваны торговцев, всадники, стада овец, коров, свиней. Хорсривер уже не гнал лошадей галопом, как прошлой ночью, чтобы не привлекать излишнего внимания; там, где дорога шла в гору или становилась совсем уж грязной, всадники ехали шагом. Тем не менее Ингри не сомневался: всё было рассчитано так, чтобы заставить коней покрыть как можно большее расстояние за минимум времени. В середине дня ещё в одном ветхом крестьянском доме путников ждала еда и свежие лошади.

Ингри бросал на Фару внимательные взгляды. Всё, что ей пришлось вынести накануне — допрос, смерть отца, потом принуждение к отчаянной скачке, — заставило бы изнемогать любую женщину, да и большинство мужчин. Поселившийся в Фаре дух кобылы, как подозревал Ингри, давал ей выносливость и физическую силу, которых она от себя не ожидала. Что касается другой силы... ею Фара, возможно, обладала и сама.

Ингри гадал, учитывая то воздействие, которое оказывала на него самого королевская аура Хорсривера, как она повлияет на женщину. Поэтому он наблюдал за Фарой, видя в ней своего двойника женского пола: она была ослеплена, поражена переменой, произошедшей в её супруге... но счастлива Фара не была. Она уже обладала тем, о чём другие могли лишь безнадежно мечтать... и в то же время была лишена всего. Лицо Венсела не выражало ничего, кроме холодной настороженности, как если бы она была лошадей сомнительных достоинств, которую ему навязали, и Фара ёжилась под его неодобрительным взглядом. Может быть, Фара и не отличалась блестящим умом и храбростью, но предавать её было небезопасно. Она в прошлом уже восставала против предполагаемой неверности Венсела, хоть и с трагическими последствиями. Так была ли она полностью в его подчинении, как он, по-видимому, думал?

А сам Ингри? Он попытался заглянуть себе в душу. Они с волком были теперь неразделимы, но Ингри показалось, что сверхъестественная составляющая его личности больше подчинялась чарам Венсела, чем рациональная часть. Его рассудок, тот, что мыслил словами, оставался относительно свободным. Ингри удалось однажды, когда он был более молод, испуган и впечатлителен, чем теперь, сковать волка, и если тот и готов лизать руку священного короля, то так ли уж безусловна власть Хорсривера над Ингри в целом?

«Он стремится быстро достичь цели. Нужно сопротивляться. Я должен организовать

задержку».

Хорсривер снова пустил своего коня шагом, глядя налево. Вскоре он свернул по тропе к реке, и лошади заскользили по покрытому опавшей хвоей склону, поросшему редкими соснами. Мягкая почва сменилась у берега галькой; теперь путникам предстояло пересечь Сторк в его верхнем течении не по шаткому мостику, а преодолев брод. С хребта Ворона низвергались многочисленные ручьи, и хотя вода в реке не бурлила так, как это было во время достопамятной переправы кортежа Болесо, поток был широким и глубоким, несмотря на засуху, из-за которой в осеннем воздухе стояла пыльная дымка.

Граф направил своего коня вперёд, выбирая более мелкие места. Фара послушно последовала за ним.

«Если я не буду слишком долго размышлять...»

Ингри въехал в воду выше по течению, дождался, пока лошади оказались по брюхо в воде, которая едва не сбивала их с ног, и рванул поводья, заставив своего коня врезаться в скакуна Фары.

Обе лошади споткнулись, и кобыла Фары упала. Ингри заблаговременно вытащил ноги из стремян, выпрыгнул из седла, проскользнул между брыкающихся ног лошади и вцепился в Фару.

Принцесса успела ухватиться за одно стремя; её нащупавшая дно кобыла вполне могла вытащить её на противоположный берег, но рывок и вес Ингри заставили Фару выпустить стремя. Испуганный крик Фары сменился бульканьем, когда принцесса погрузилась в воду с головой. Хорсривер обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как Ингри пытается вытащить Фару на поверхность; быстрое течение потащило их от брода.

— *Ни с места!* — рывкнул граф, и Ингри дёрнулся в ответ на колдовской окрик, подумав одновременно, что если Хорсривер и обладает сверхъестественной властью над людьми и животными, то над стремительным потоком он не властен. Вода была холодной, но не лишила Ингри сил, и на этот раз он постарался не удариться головой о камень. Однако тут же обнаружилось ещё кое-что: как немедленно убедился Ингри, Фара плавать не умела. Он крепче обхватил бьющуюся женщину, но, вытащив Фару, сам ушёл под воду. Теперь его борьба за жизнь стала такой же неподдельной, как и её.

Всё же Ингри удалось раза три затянуть Фару туда, где течение было самым быстрым: его длинные ноги позволяли ему отталкиваться от камней на дне, но вскоре они оказались в заводи, достаточно мелкой для того, чтобы даже Фара смогла достать до дна. Скользя и падая, Ингри и Фара выбрались на берег.

Ингри оглядел окрестности. Течение протащило их мимо зарослей кустарника и крутых скалистых обрывов, стискивавших реку, а на противоположном берегу густо росли молодые ивы. Венсел, особенно если он задержался, чтобы поймать коней, найдёт их нескоро. Ингри хорошо представлял себе, какую задержку может вызвать подобное происшествие, и надеялся ещё больше затянуть дело.

Фара закашлялась. Её кожа посинела от холода, она дрожала, цепляясь за Ингри. Ей бы, подумал Ингри, следовало поплакать, но к его большому тайному облегчению принцесса не стала лить слёз.

— Вы спасли меня! — выдохнула Фара.

Ингри счёл, что не в его интересах поправлять её.

— Это мой долг, миледи. К тому же я был виноват — мой конь толкнул вашего.

— Я думала... я думала, что мы оба утонем.

«Я тоже».

— Ну что вы, миледи!

— Удалось нам... — Фара заколебалась, и её тёмные глаза вопросительно взглянули на Ингри, — удалось нам скрыться?

Ингри глубоко втянул воздух и медленно выдохнул. Удаление от священного короля, как он и надеялся, произвело отрезвляющий эффект — но недостаточный. Нежеланная связь с Венселом, сменившая его связь с Йядой, всё ещё существовала, всё ещё пронизывала всё

его тело. Граф, находившийся где-то выше по течению, был встревожен, но далёк от паники.

— Не думаю. Однако, может быть, нам удастся его задержать.

— Ради чего?

— За нами будет погоня. Вас будут искать, и может быть, догонят раньше, чем рассчитывает Венсел. Биаст наверняка очень испугался за вас. — Граф, возможно, предполагал, что их не хватятся до утра следующего дня, но ведь Йяда сразу что-то почувствовала... Не сочла ли она, что он убит? Удалось ли ей с кем-нибудь связаться — с Льюко, с Халланой? Прислушался ли Геска к её мольбам обратиться к ним посреди ночи? Слегка припугнув Геску ради Йяды, Ингри теперь жалел, что не напугал его гораздо сильнее.

«Да помогут ей пять богов! И нам тоже.

Если они так заинтересованы в нас, как казалось, тогда где же, будь они прокляты, где они сейчас?»

Фара вышла на солнце, но всё равно продолжала дрожать; плотная одежда облепила её коренастое тело, мокрые волосы, выбившиеся из причёски, жалкими прядями свисали на лицо. Ингри был не в лучшем состоянии — его намокшая кожаная одежда противно скрипела и хлюпала при каждом движении. Отойдя в сторону, он вытащил из ножен свои клинки и предпринял безуспешную попытку вытереть их досуха.

— Куда Венсел меня везёт? — дрогнувшим голосом спросила Фара. — Вам это известно?

— В место, которое раньше именовалось Священным древом, — на Кровавое Поле. В Израненный лес.

— Лес Йяды? Её приданое? — Фара изумлённо вытаращила глаза. — Так это всё каким-то образом связано с ней?

— Всё как раз наоборот. Венсел стремится овладеть лесом, а не наследницей. Это очень, очень древний лес... и проклятый.

Лицо Фары вытянулось, выражая наполовину облегчение, наполовину ещё более сильную тревогу.

— Зачем? Зачем он оторвал меня от смертного одра папы, какое злодеяние он замышляет? Почему он осквернил меня этим... этим... — Фара стала раскачиваться, хватаясь руками за грудь, словно в попытке вырвать из себя нежеланного жильца.

Ингри схватил её за ледяные руки и удержал.

— Перестаньте, леди! Не знаю, зачем вы ему потребовались. Йяда полагала, что мне предстоит очистить призраков Израненного леса от духов животных, как я это сделал в отношении принца Болесо. Если Венсел хочет от меня именно этого, я не понимаю, почему он не скажет обо всём прямо: такое поручение не было бы недостойным.

Фара с мольбой взглянула на Ингри.

— Не могли бы вы изгнать и из меня эту мерзость? Как вы сделали с моим братом? Прямо сейчас!

— Это невозможно, пока вы живы. Похоже, шаманы Древнего Вилда очищали души воинов только после их смерти.

— Тогда нужно, чтобы вы пережили меня, — медленно проговорила Фара.

— Не знаю... не знаю, что с нами случится.

Лицо Фары окаменело, и в голосе прозвучал металл:

— Я могла бы обеспечить нужную последовательность событий.

— Нет, леди! — Ингри крепче стиснул руки Фары. — Мы ещё не в столь отчаянном положении, хотя готов поклясться, что попытаюсь очистить вашу душу, если вы умрёте раньше меня.

Принцесса вцепилась в Ингри, и на мгновение на её лице появилось пугающе собственническое выражение.

— Может быть... этого и окажется достаточно. — Отстранившись, Фара обхватила себя руками.

Ингри подумал о том, что его предположение, будто Венсел отказался от

использования Фары в качестве священного гонца, может оказаться ошибочным: ведь он, Ингри, способен очистить её душу после смерти, как очистил душу её брата. Не ради этого ли тащит его за собой Венсел? Сходятся ли тут концы с концами? Не особенно... но Ингри пока что ни в чём не видел особого смысла.

— Значит, вы и Венсела не могли бы очистить, пока он жив, — продолжала Фара, нахмутив брови.

— Венсел... Видите ли, Венсел не просто обладает духом коня — как это случилось с вами. Он... одержим. Думаю, «одержим» — самое подходящее слово... одержим духом или целой связкой душ... По крайней мере он утверждает, что является воплощением последнего священного короля Древнего Вилда. — «И не только утверждает...» — Ему сохраняет жизнь, хочет он того или нет, могучее заклятие, связывающее его с Кровавым Полем.

Голос Фары прозвучал хрипло:

— Не думаете ли вы, что он безумен?

— Да. Однако он не лжёт, — неохотно добавил Ингри. — По крайней мере в том, что касается того ужасного обряда.

Фара бросила на Ингри долгий взгляд. Он почти ожидал, что она спросит: «А сами вы не безумны?» — ответа на этот вопрос Ингри не знал, — но вместо этого Фара сказала:

— Я почувствовала, что он изменился. Он и в самом деле изменился прошлой ночью, когда умер папа.

— Да. Он вернул себе магию сана священного короля или по крайней мере какую-то недостающую её часть. Теперь он стал... ну, не знаю, кем он стал, но он явно стремится опередить время.

Фара покачала головой.

— Венсел никогда не обращал внимания на время. Эта его особенность ужасно меня раздражала.

— Существо, обитающее в теле Венсела, — на самом деле не Венсел. Нужно всё время помнить об этом.

Фара потёрла виски.

— У вас болит голова? — осторожно поинтересовался Ингри.

— Нет, и это очень странно.

Как им ещё больше задержать Хорсривера? Разделиться, чтобы ему дольше пришлось их искать? Это была бы хитрая уловка: Ингри мог прыгнуть в реку и позволить потоку, который не подчиняется воле священного короля, унести его на многие мили вниз по течению. Ингри попытался вспомнить, проезжали ли они мимо порогов... Но нет: он не мог оставить женщину в одиночестве дрожать на берегу в ожидании, пока её найдёт сверхъестественное чудовище — её супруг.

— Принц-маршал Биаст поручил мне охранять вас. Мы не можем разделиться.

— Хорошо, милорд, — с благодарностью кивнула Фара.

— Венсел в первую очередь будет искать нас вдоль берега. Давайте по крайней мере углубимся подальше в лес.

Этого, конечно, было бы недостаточно для того, чтобы совсем скрыться от Хорсривера: Ингри уже чувствовал его зов, с каждым мгновением становившийся всё более настойчивым. К тому же, сказать по правде, он испытывал ужасное любопытство в отношении Кровавого Поля. Он хотел его увидеть, это было ему необходимо. И самым быстрым способом удовлетворить любопытство было позволить Венселу туда их отвезти.

«Да, но не слишком быстро».

Они с Фарой были, возможно, всем, в чём нуждался Венсел, но Ингри не был уверен, что и ему этого достаточно.

«Мне нужна Йяда — в этом нет сомнений».

Знает ли об этом Хорсривер? Может быть, как раз тут кроется причина его стремления их разлучить?

«Верь в богов, и они всё тебе даруют?»

Ох, едва ли... Ингри неожиданно подумал, что богам, возможно, так же трудно полагаться на него, как и ему — на них, и его вдруг на мгновение охватило отчаянное странное желание показать им, как следует делать дело.

Должно быть, эти безумные мысли придали ему устрашающий вид — Фара отступила на шаг в сторону.

— Я последую за вами, милорд, — сказала она слабым голосом.

Они начали продираться сквозь кустарник, через гниющие стволы поваленных разливом реки деревьев — к каменистому склону, на котором густо росли сосны. Потом они пересекли залитую солнцем лужайку, поросшую высоким чертополохом; головки репейника образовали прерывистые узоры на их влажной одежде. За колючими зарослями ежевики снова начался лес, и летящие тонкие паутинки начали липнуть к лицам Ингри и Фары. Препятствия принесли определённую пользу, решил Ингри: они с Фарой согрелись, а их одежда стала высыхать.

Однако совсем скоро они услышали, как сквозь чащу ломится какое-то крупное животное. Ничего более опасного, чем то, что они уже пережили, ожидать Ингри и Фару не могло, но это не означало, что опасностью можно пренебречь. Ингри замер на месте, стиснув рукоять меча, а Фара съёжилась у него за спиной. Из отбрасываемых деревьями танцующих теней появился, недовольно фыркая, жеребец Хорсривера.

Вздых Венсела, когда он увидел беглецов, выражал и гнев, и облегчение. Всякое желание скрыться покинуло душу Ингри, растаяв от близости повелителя. Ингри вежливо приветствовал графа.

— Благодарю, лорд Ингри, — сказал, подъезжая, Венсел.

— Сир...

— Моя лошадь споткнулась, — сказала Фара, хоть супруг её ни о чём и не спрашивал. — Я чуть не утонула. Лорд Ингри вытащил меня.

Ингри не стал поправлять её: в конце концов, всё зависит от точки зрения, решил он. Его собственная точка зрения находилась по большей части под водой...

— Да, я видел, — отозвался Венсел.

«Не всё видел, иначе не стал бы так искренне меня благодарить».

Взгляд, который бросил на Ингри Хорсривер, был задумчив, но совсем не подозрителен.

— Подсади её, — распорядился граф, протягивая руку Фаре, и Ингри пришлось подставить ладони под покрытый грязью сапог принцессы, помогая ей сесть на коня позади супруга. Сам он устало поплёлся позади всадников, позволяя жеребцу проложить дорогу сквозь заросли и смести всю паутину.

Путникам потребовалось больше часа, чтобы снова выбраться на дорогу; там им пришлось свернуть на восток и пройти ещё полмили к тому месту, где Венсел привязал лошадей. Тут, к тайному удовлетворению Ингри, выяснилось, что кобыла Фары при падении повредила ногу. Венсел снял с неё седельные сумки и отпустил на свободу; Ингри было велено нагрузить своего коня дополнительным грузом, а Фару граф снова усадил на своего жеребца. Теперь они двигались на запад гораздо медленнее, чем раньше.

Потеряно часа четыре, а то и больше... Этого недостаточно.

«Что ж, начало положено».

К тому времени, когда они добрались, свернув с тропы, до маленького нищего селения, едва ли заслуживающего названия хутора, Ингри добавил ещё два часа проволочек. Солнце скрылось за деревьями. Хорсривер, хмурясь, оценил угасающий свет, сочащийся между стволами, и махнул рукой в сторону строений. Забор из гнилых досок служил слабой защитой от диких зверей и уж совсем не мог бы остановить злоумышленников.

— Мы не можем сегодня ехать дальше. Луна встанет только после полуночи. — Лицо графа скривила мрачная гримаса. — И к тому же, даже если мы не застрянем в горах, где нет дорог, нам не удастся выехать после следующей перемены коней раньше рассвета послезавтра. Целые сутки потеряны... Что ж, отдохайте. Силы вам понадобятся.

Венсел совершенно равнодушно оглядел убогое пристанище, вид которого заставил Фару отшатнуться. Вид неряшливой старухи, беззубой и изъясняющейся на неразборчивом диалекте, вызвал у неё такое отвращение, что она прибегла к помощи Ингри в качестве горничной. Сам он в конце концов улёгся на одеяле у порога принцессы, отделённый от неё всего лишь рваной занавеской; Фара сочла это проявлением преданности, и Ингри не стал объяснять, что воспользовался предложением отказаться от кишашего насекомыми соломенного тюфяка, который ему предложили. Если Венсел и спал этой ночью, Ингри не видел, где именно.

Несмотря на неудобства ночлега, оба они — и Фара, и Ингри — на следующее утро проснулись поздно: и физические, и духовные силы их были на исходе. Без особой спешки, но и не допуская задержек, Венсел снова заставил их скакать по сельской дороге, местами превращавшейся в еле заметную тропу, огибавшей подножия хребта Ворона.

Горы были обрывисты, но не особенно высоки; на их зелёно-бурых склонах не лежал снег, хотя сверкающие на солнце отвесные утёсы казались ледником. Местность походила на сбившееся складками одеяло; ручьи проложили глубокие ущелья, за скалами иногда открывались уединённые долины. Осень превратила летнюю зелень в смесь золотых, коричневых, рыжих тонов; кое-где, как раны, нанесённые мечом, пламенели алые листья. Буйство красок подчёркивалось тёмной окраской хвои сосен и елей. Позади ближайших гор сутулые вершины незаметно уходили в голубую дымку на горизонте; казалось, холмы рядами устремляются в бескрайний потусторонний мир.

Как же, во имя Пятёрки богов, удалось Аудару Великому быстрым броском переправить через эти горы армию, гадал Ингри. Несмотря ни на что, его уважение к дартаканцу росло. Пусть он не обладал сверхъестественной харизмой священных королей, с которыми сражался, Аудар, должно быть, был великим полководцем.

Теперь путники находились в графстве Баджербанк. Ингри вспомнил об этом, когда им пришлось огибать Баджербридж — шахтёрский городок, расположенный в неожиданно густонаселённой речной долине, врезающейся в предгорья, как зелёное копье. Столбы дыма, от которого осенняя дымка становилась ещё более плотной, поднимались не только над городом, но и повсюду, отмечая плавильни и кузницы. Ингри подумал, что где-то здесь живёт семья отчима Йяды. Пятиугольный храм, большое бревенчатое строение, видневшееся за городскими стенами, даже на расстоянии впечатлял.

Хорсривер и его подневольные спутники ненадолго выехали на главную дорогу, чтобы переправиться через реку по каменному мосту. Под арками моста скользили плоты: по каменистому руслу ловкие парни с шестами сплавляли лес. Дорога была забита повозками горняков и караванами мулов, везущих слитки металла. Хорсривер, не задерживаясь, миновал оживлённый участок, потом свернул вверх по течению реки по тропе, уводившей в лесные чащи.

Взглянув на солнце, граф пустил коней галопом, но вскоре был вынужден двигаться более осторожно: тропа стала опасной. Лошади с трудом одолевали подъёмы и скользили на спусках. Подниматься по склонам приходилось чаще, чем спускаться, пока наконец, обогнув утёс, путники не оказались в закрытой со всех сторон долине.

Здесь их ждал не крестьянский дом или хутор, а просто разбитый среди деревьев лагерь. Двое грумов подбежали, чтобы увести усталых коней. К деревьям были привязаны три свежие лошади: на этот раз выносливые пони, а не быстрые скакуны, которых Хорсривер предпочитал для скачки по дорогам. Измученная Фара медленно спешила и в ужасе оглядела ожидающее её пристанище: разложенные под ёлками подстилки. Это было ещё хуже, чем убогая хижина, в которой они ночевали накануне. Если принцессе и приходилось останавливаться в лагере во время королевских охот, Ингри не сомневался, что её ждал шёлковый шатёр, услужливые служанки и всевозможные удобства. Здесь же всё явно было принесено в жертву быстроте.

«Мы теперь путешествуем налегке и долго здесь не пробудем».

— Вы привезли его? — требовательно спросил Хорсривер старшего грума.

Тот почтительно поклонился.

— Да, милорд.

— Принеси.

Оставив усталых коней на попечение другого слуги, кривоногий грум заковылял к груде мешков и склонился над одним из них. Хорсривер, Фара и Ингри подошли поближе. Грум выпрямился, сжимая в руках древко футов семи в длину, обёрнутое древним ветхим холстом, перевязанным бечёвкой. Хорсривер удовлетворённо вздохнул, беря шест из рук грума. Пальцы графа нежно скользнули по холсту, потом он упёр древко в землю у своих ног, на мгновение прислонился к нему лбом и зажмурился.

Ингри отвёл обессиленную Фару к одной из подстилок и позаботился о том, чтобы она смогла сесть, не упав. Потом он повернулся к Хорсриверу; грум вернулся к коням и принялся их рассёдлывать.

— Что это, сир? — спросил Ингри, кивнув в сторону древка. Близость странного предмета заставляла волосы шевелиться у него на голове.

Хорсривер невесело усмехнулся.

— Истинный король должен иметь своё священное знамя, Ингри.

— Но это же наверняка не то знамя, которое развевалось над Кровавым Полем?

— Нет, то знамя было изрублено на куски и погребено вместе со мной. Это — знамя, которое было моим, когда я в последний раз был истинным королём, пусть только для остатков преданных мне кланов, когда я из болотных дебрей нападал на гарнизоны Аудара. Оно было свёрнуто после того, как я погиб в битве, и передано, как считалось, моему сыну и наследнику. Немного утешения я получил от этого... но всё равно я был рад иметь знамя. Я спрятал его в башне замка Хорсриверов, и три столетия оно лежало там в ожидании лучших времён. Лучшие времена так и не наступили; вместо этого я поднимаю его сегодня... но всё же поднимаю!

Хорсривер осторожно прислонил древко к стволу огромной ели — так, что ветви дерева поддерживали и прикрывали знамя, — потянулся и опустился на подстилку. Ингри последовал его примеру: он оказался между Хорсривером и принцессой. Ингри не мог оторвать взгляда от свёрнутого знамени.

— Я чувствую... в нём есть колдовская сила, сир. — На самом деле, говоря по правде, знамя заставляло его дрожать.

Хорсривер удовлетворённо облизнул губы.

— Прекрасно, мой умненький волчонок. Раз уж ты такой сообразительный, не догадался ли ты ещё, какую *другую* обязанность имеет знаменосец?

— А? — растерянно переспросил Ингри. Когда Венсел не лгал и не запугивал, он явно развлекался тем, чтобы заставлять его чувствовать себя круглым дураком, мрачно подумал Ингри.

— А ведь ты очистил Болесо — что было не таким уж лёгким делом, — протянул Хорсривер. — Ах, я устал от попыток направить твои мысли в нужное русло, но этот случай искупает все неудобства. — Венсел искоса взглянул на Фару, словно желал убедиться, что она слушает. Ингри насторожился: Венсел старался не смотреть на жену и обращался к ней только с самыми необходимыми распоряжениями.

— Ты говорил, что знаменосцы перерезали горло тем своим раненым товарищам, кого нельзя было унести с поля битвы, — сказал Ингри. Ужасная обязанность... но Ингри внезапно догадался, что этим дело не ограничивалось. Очищение души... души призрака?

Хорсривер заговорил снова:

— Сложи части головоломки. Душа павшего воина, обладавшего духом животного, должна была освободиться от этого спутника, прежде чем она могла отправиться к богам. Однако воин погибал в битве, когда не было времени для должных обрядов, а иногда и возможности унести тело. Когда приходилось бросать даже раненых, до мёртвых руки уж вовсе не доходили. Однако никакая духовная сущность не может существовать в мире

материи без поддержки материального тела: не сомневаюсь, что тебя обучили этому жрецы-ортодоксы. Чтобы душа воина не блуждала, превратившись в призрак и истаяв, знаменосец был обязан привязать её к себе, дать ей убежище и отнести туда, где шаман соответствующего клана мог бы её очистить. Впрочем, в случае необходимости годился любой шаман.

— Пятеро богов! — прошептал Ингри. — Неудивительно, что воины так отчаянно защищали знаменосцев. — Не была ли попытка Венсела связать его с Йядой каким-то вариантом этой древней магии?

— Да, потому что они несли в себе надежды их погибших родичей попасть на небеса. Поэтому-то каждый отряд, который возглавлялся или включал в себя воинов, обладавших духами животных, обязательно имел такого священного знаменосца.

Что же касается собственного знаменосца священного короля... — Хорсривер помолчал, потом, расправив плечи, продолжал: — Он должен был оказать такую же услугу своему господину в том случае, если в нём обитал дух животного. Не все избранные короли удостаивались подобной чести, хотя многие, особенно в тревожные времена, несли в себе таких духов. Однако независимо от этого знаменосец священного короля выполнял ещё одну важнейшую обязанность, и не только в том случае, если его господин погибал в проигранном сражении... хотя можешь не сомневаться: если священный король погибал на поле битвы, надежды на победу не было... Воды! — Венсел облизнул сухие губы и обессиленно сгорбился.

Ингри нашёл в груди сумок полупустой мех с водой и принёс его рассказчику. Венсел запрокинул голову и жадно напился, не обращая внимания на затхлость воды. Вздохнув, он растянулся на подстилке, опираясь на локоть, словно тяжесть событий, о которых он рассказывал, медленно вдавливала его в землю.

— Долгом королевского знаменосца было в случае смерти повелителя поймать и удержать священную сущность королевского сана, а потом вручить избранному наследнику. Эта величайшая магия Древнего Вилда передавалась из поколения в поколение, с незапамятных времён до... до сегодняшнего дня.

— У лорда Стагхорна — покойного короля — в момент смерти не было знаменосца, — неожиданно вспомнил Ингри. — Об этом позаботился ты?

— Да, такова была одна из необходимых, но недостаточных предосторожностей, — пробормотал Хорсривер. — Если бы истинное междоусобие было легко устроить, их случилось бы больше, уверяю тебя... и случайно, и по чьей-то воле.

Хорсривер поморщился и продолжал:

— Королевский знаменосец и по традиции, и в силу глубочайшей необходимости должен был обладать несколькими качествами. Он — или она, — граф бросил острый взгляд на Фару, — принадлежал обычно к тому же клану и был близким кровным родичем короля, хотя не обязательно наследником. Его выбирал король, а наделял необходимыми умениями королевский шаман... это мог делать и сам король, если он был одновременно шаманом. После этого королевского знаменосца представляли всем воинам клана, обладающим духами животных. Так что мы сейчас имеем всё необходимое для избрания знаменосца, хоть и в урезанном виде. Соответствующей церемонии тоже не будет... Не под священные гимны, а в молчании поедет последняя знаменосица Древнего Вилда рядом со своим возлюбленным господином. — Взгляд, который Хорсривер бросил на Фару, был полон мрачной иронии.

Фара, слушавшая всё это, стиснув зубы, открыла рот, чтобы заговорить, но Венсел поднял руку, а его губы сложились в беззвучный приказ, отданный колдовским голосом. На этот раз Ингри смог ощутить, как заклятие — вместе с её собственными страхом и гневом — заткнуло, словно кляп, рот Фаре. Губы женщины дрогнули и сжались в тонкую линию, но глаза горели яростью.

— Ради чего? — прошептал Ингри. «Он же просвещает нас не просто так, в этом я уверен». Теперь, в ретроспективе, Ингри ясно видел, что Хорсривер уже давно готовит его к чему-то.

Венсел заколебался, потом с болезненным кряхтением выпрямился, повернулся и выплюнул в темноту сгусток крови. Металлический запах коснулся ноздрей Ингри. Граф взглянул на почтительно приблизившихся грумов, которые закончили возиться с лошадьми.

— Нужно развести костёр. И приготовить еду, пожалуй. Надеюсь, они захватили достаточно припасов. Ради чего, спрашиваешь ты? Скоро увидишь.

— Могу ли я ожидать, что останусь в живых? — Ингри взглянул на Фару.

«Останемся в живых мы оба...»

Губы Венсела тронула усмешка.

— Можешь. — Поднявшись, он растворился в пахнущей хвоей темноте.

Ингри так и не понял, что означала последняя реплика графа: то ли пророчество, то ли разрешение.

Хорсривер разбудил Ингри в предрассветных сумерках; граф сам подбрасывал в костёр сучья, чтобы развести яркий огонь. Все путники спали, не раздеваясь; грумы, по-видимому, должны были свернуть лагерь и отвести в конюшню усталых лошадей. Ингри и Фаре оставалось только натянуть сапоги и позавтракать чёрствым хлебом с сыром, радуясь тому, что им хотя бы дали по кружке горячего чая.

Как заметил Ингри, предназначенные для них пони были не особенно нагружены. В седельных сумках оказалась еда, которой должно было хватить на день, и овёс для лошадей, но большую часть запасной одежды, в основном принадлежащей Фаре, и всё, что могло бы потребоваться для ночлега, должны были увезти с собой грумы. Это встревожило Ингри, хоть он и не стал делиться своими опасениями со всё ещё лишённой голоса принцессой.

Сквозь ночной туман, оседавший каплями на ветвях деревьев, начали пробиваться серые лучи рассвета. Фара дрожала от холода и сырости, когда Ингри подсаживал её на коренастую вороную лошадку с коротко подстриженной гривой и белыми чулками на ногах. Хорсривер довольно неуклюже привязал древко знамени, расположив его горизонтально, к своему стремени. Вскочив в седло, он взмахом руки велел Ингри и Фаре следовать за собой: как он и распорядился накануне, в полном молчании. Ингри оглянулся на грумов. Старший из них встревоженно смотрел вслед всадникам, а младший уже снова завернулся в одеяло, рассчитывая поспать ещё немного в тепле.

Хорсривер двинулся в ложбину между двумя холмами — сначала путники ехали по дороге, потом по протоптанным оленьими тропам. Ингри, скакавшему последним, всё время приходилось уворачиваться от низко нависших ветвей. Тропа сузилась так, что сучья со скрипом царапали его кожаную одежду, как когти хищника. Копыта лошадей шуршали опавшими листьями, иногда скользя по скрытой ими грязи.

Разгорающийся день заставил мягкий занавес тумана подняться, и стволы берёз стали чётко видны — казалось, они впитали в себя белизну тумана. Бледно-голубая чаша безоблачного неба обещала тёплый день. На всадников и коней напали кусачие чёрные мошки, и лошади принялись взбрыкивать, пытаясь избавиться от мучителей. Когда Хорсривер завёл их в лощину, из которой не оказалось выхода, так что путникам пришлось возвращаться по своим следам, Ингри понял, что как бы хорошо граф ни знал эти места раньше, теперь всё неузнаваемо переменялось.

«Так насколько давно?..»

Выбравшись из лощины, всадники стали подниматься по склону следующего хребта.

Хорсривер продвигался вперёд медленно, но безостановочно. Проведя в дороге несколько часов под палящим солнцем, путники остановились у чистого источника, чтобы напоить и покормить лошадей, дать им отдых и отдохнуть самим. В рассеянном солнечном свете жёлтые листья падали на гладкую, как стекло, поверхность маленького пруда. Не все деревья ещё облетели, и их кроны скрывали окрестности. Хорсривер поднялся на вершину холма и долго смотрел вдаль. То, что он увидел, явно удовлетворило его, поскольку, спустившись, он тут же приказал Фаре и Ингри садиться в сёдла.

«Мы на землях Йяды», — догадался Ингри. Он не был уверен, когда именно они

пересекли границу её владений; может быть, это случилось вблизи их последнего лагеря. Окрестности внезапно вызвали в нём острый интерес, и он даже готов был простить лесу чёрных мошек. Эти земли нельзя было назвать обширным поместьем, хотя, если бы их растянуть на равнине, подумал Ингри, они по площади не уступили бы небольшому графству. Горы и ущелья, дикие и каменистые, были трудны для передвижения; их красота скорее потрясала, чем очаровывала.

«Да, такова и Йяда».

Разум Ингри всё время ощущал отсутствие Йяды, как язык ощупывает болезненную пустоту на месте вырванного зуба. Всё, что Ингри обнаруживал в себе, было пламенным вторжением Хорсривера. Молчаливая свита короля, состоящая всего из двух человек, казалась Ингри позабытой богами.

Солнце клонилось к горизонту, когда, проехав по очередному ущелью и свернув налево, путники неожиданно оказались на открытой возвышенности. Натянув поводья, они стали оглядывать открывшуюся им картину.

Крутые зубчатые отроги окружали долину примерно двух миль в ширину и четырёх — в длину, ограничивая её в дальнем конце скальной стеной. Долина была плоской и ровной, как поверхность озера. Ближе к возвышенности, с которой смотрели Хорсривер и его спутники, росли высокая трава и пожелтевшие камыши — наполовину высохшее болото. Дальше несколько корявых дубов стояли как часовые на опушке тёмного и густого леса. Даже в разгар листопада косые лучи садящегося солнца не могли проникнуть в эту чашу. Несмотря на то что Ингри от деревьев отделяло достаточно большое расстояние, исходящие от них миазмы несчастья заставили его отшатнуться.

Ингри в ужасе резко втянул воздух и с усилием оторвал взгляд от дубов. Только тут он заметил, что Хорсривер пристально смотрит на него.

— Чувствуешь, да? — поинтересовался граф.

— Да. — «Но что? Что я чувствую?» Будь он волком, решил Ингри, шерсть на нём встала бы дыбом.

Хорсривер спешил и отвязал от стремени древко знамени. Он бросил быстрый неодобрительный взгляд на свою жену, и Фара, смотревшая на него широко открытыми глазами, сгорбилась и потупилась. Хорсривер покачал головой; этот жест, будь в нём больше чувства, выражал бы отвращение; сделав несколько шагов вперёд, Хорсривер вручил знамя Ингри.

— Подержи пока. Я не хочу, чтобы оно упало.

Левое стремя Ингри имело металлический упор для копыя; он поднял знамя и вставил древко в предназначенное для него углубление, потом перехватил поводья правой рукой. Его лошадь была слишком усталой, чтобы доставить ему какое-нибудь беспокойство. Хорсривер снова вскочил в седло и знаком приказал Ингри и Фаре следовать за собой.

Тропа зигзагом вела вниз сквозь редкий подлесок. Оказавшись в долине, Ингри был вынужден спешиться, передать знамя Хорсриверу и мечом проложить проход сквозь заросли ежевики высотой в человеческий рост; растения, казалось, обладали не шипами, а острыми клыками. Некоторые из них проткнули даже его кожаную одежду, и продвижение Ингри оказалось отмечено каплями крови из царапин. Добравшись до высохшего болота, Хорсривер снова спешил и развернул знамя.

Древняя бечёвка рассыпалась от первого же прикосновения ножа, и хрупкий холст с шуршанием развернулся. На выпцветшей ткани, сотканной из волокон крапивы, стал виден герб дома Хорсриверов — бегущий белый жеребец на зелёном поле над тремя волнистыми синими линиями; в угасающем свете дня это было скорее похоже на серого коня на сером поле над серой рекой, исчезающей в тумане... На этот раз Хорсривер заставил Фару взять знамя. Он пробормотал несколько слов, которые Ингри едва расслышал и совершенно не понял, однако новый тёмный поток, хлынувший от Хорсривера к Фаре, он ощутил. Спина молчаливой — не по своей воле — Фары выпрямилась, словно закованная в латы, подбородок поднялся; только в глазах всё так же плескался немой ужас.

Хорсривер передал поводья своего коня Ингри, а сам взялся за узду вороной лошадки Фары и повёл её между кочек, осторожно выбирая дорогу. Ингри скоро понял почему: всюду проглядывали обманчивые ровные участки — трясина, из которой всадник не смог бы выбраться. Ингри позаботился о том, чтобы направлять коня в точности след в след за лошадкой Фары. Воздух был ещё тёплым, несмотря на то, что от болота тянуло сыростью; когда же путники вступили в длинные тени дубов, словно выползшие им навстречу, их охватил такой пронизывающий холод, что дыхание стало вырываться клубами пара.

Приблизившись к первому из дубов, Ингри решил, что название «Израженный лес» подходит этому месту как нельзя более: огромное старое дерево казалось больным, листья, всё ещё не опавшие с поникших ветвей, не стали сухими и бурыми, а сделались вялыми почерневшими бесформенными ошмётками. Ствол и сучья были искривлены совершенно несвойственным дубам образом, а из болезненных наростов сочилась чёрная слизь.

Из дерева вышел воин. Не из-за дерева, не из-под него; он вышел из ствола, словно откинув занавес. Его кожаные доспехи сгнили от старости. С его копья, на которое он опирался, как старик — на посох, свешивался клочок какого-то меха. Светлая борода воина была покрыта засохшей кровью, на теле всё ещё виднелись смертельные раны: удары топора раскололи доспехи, отрубленная рука свисала с пояса, привязанная тряпкой. На проржавевший шлем был надет череп барсука, слепо глядящий дырами глаз, а чёрно-белая шкура, лежащая на шее воина, всколыхнулась, когда тот медленно повернулся, чтобы по очереди оглядеть всех пришельцев.

Ингри только теперь осознал, что в какой-то момент, пересекая болото, они перешли из знакомого мира в другой, где подобные встречи стали возможны; его совпадение с миром материи, доступным смертным глазам Ингри, было всего лишь иллюзией. Фара тоже оказалась способна видеть призрака; её тело оставалось всё таким же застывшим, лицо бесстрастным, но по щекам проложили блестящие дорожки слёзы. Ингри решил не привлекать к этому внимания Хорсривера, чтобы тот не отобрал у Фары и способность плакать, как отобрал способность говорить.

Воин выпрямился и обрубком руки сделал знак Пятёрки, коснувшись лба, губ, живота, паха и сердца, хотя растопырить пальцы на сердце, как следовало бы, не мог.

— Священный повелитель, наконец-то ты пришёл, — сказал он Хорсриверу. Его голос звучал как шум холодного ветра в голых ветвях. — Мы ждали долго.

Лицо Хорсривера напоминало вырезанную из дерева маску, но в глазах стояла бесконечная ночь.

— Да, — выдохнул он.

Глава 23

Часовой повёл их в глубь леса, хромая и опираясь на копьё, как на посох. Хорсривер по-прежнему держал под уздцы лошадь Фары. Принцесса крепко сжимала древко знамени, и лишь дрожь её руки и неровный шаг лошади заставляли полотнище колыхаться в неподвижном воздухе сумерек. Конь Ингри фыркал и взбрыкивал, а конь Хорсривера, которого Ингри вёл в поводу, дёргал узду и упирался, выкатив глаза. Ингри не нравилось, что обе его руки заняты поводьями лошадей, поэтому он спешил и отпустил животных. Те сразу же поскакали обратно, но, миновав первые деревья, устало остановились и принялись щипать жёсткую траву на болотных кочках. Ингри повернулся и последовал за знаменем священного короля.

Как только они оказались на опушке, из деревьев начали выходить всё новые воины, изувеченные не меньше, чем встретивший путников часовой: большинство из них были обезглавлены и носили свои головы по-разному — привязанными за волосы или бороду к поясу или перекинутыми через плечо в самодельных тряпичных сумках. Ингри не сразу удалось оторвать ошеломлённый взгляд от чудовищных ран и начать разглядывать оружие или украшения, говорившие о принадлежности к разным кланам или о личности павшего

воина.

«Посмотри на предметы, которые я выбрал; по ним ты меня узнаешь», — безмолвно кричали пояса, ожерелья, черепа и шкуры тех животных, чей дух жил в каждом из воинов и чью силу они надеялись получить. Везде была видна выцветшая вышивка — на воротниках, перевязях, полах плащей. «Это дело рук моей жены, дочери, сестры, матери... Посмотри, какая тонкая работа, как тщательно подобраны цвета. Я был любим когда-то...»

Высокий солдат, чья голова всё ещё держалась на наполовину перерубленной шее, покрытой чёрной запёкшейся кровью, приблизился к Ингри. Он носил на плечах волчью шкуру и смотрел на Ингри с таким изумлением, словно это Ингри был призраком, а сам он — живым человеком. Воин протянул к Ингри руку, и тот сначала отшатнулся, но потом, стиснув зубы, позволил призраку себя коснуться. Это было больше, чем дуновение ветра, но меньше, чем прикосновение плоти; по коже Ингри разлился холод.

Другие воины в волчьих шкурах окружили Ингри; среди них оказалась и женщина — седая, сутулая, в рваном платье, отороченном волчьим мехом; её золотые браслеты были украшены искусно сделанными маленькими волчьими головами с глазами из граната.

«Некоторые из этих людей могут оказаться моими предками», — сообразил Ингри; и не только Волфклифы — благодаря бракам его прадедов в его жилах текла кровь дюжины других кланов. Ингри было неприятно думать о себе как о незваном госте на этом кладбище; мысль о том, что призрачные воины взволнованы тем, что увидели своего потомка, которого не чаяли встретить, разрывала ему сердце.

«Пятеро богов, помогите мне! Помогите! Помогите...» — в чём?

Ингри изумлённо заморгал, когда к шествию присоединилось с полдюжины черноволосых израненных воинов в плащах дартаканских лучников времён Аудара. Они старались держаться подальше от Хорсривера, но жались к Ингри. Другие призрачные воины, казалось, не возражали против их присутствия; равные в смерти, за четыре столетия они, похоже, заключили собственный солдатский мир. Как было известно Ингри, Аудар приказал увезти павших солдат своей армии и не хоронить их в проклятой земле, куда не было доступа ни людям, ни богам; однако битва была жаркая и происходила в темноте, так что не приходилось удивляться, что некоторые тела остались незамеченными.

За королевским знаменем толпа призраков текла, как похоронная процессия, как река печали, сопровождаемая шёпотом молитв.

Вечерний сумрак поглотил все тени в долине, но небо оставалось ещё светлым, и переплетение ветвей дубов выделялось на его фоне, как зловещая чёрная паутина. Хорсривер, по-видимому, стремился попасть в середину леса, но шёл не напрямик — он словно пытался что-то найти. Тихое «Ах!» сказал Ингри, что граф нашёл то, что искал. Лес расступился вокруг длинной низкой насыпи. Хорсривер остановился рядом с ней, помог Фаре слезть с усталого коня, потом подвёл женщину к насыпи и воткнул в землю древко знамени.

Как только лошадка получила свободу, она испуганно потрусила прочь, каким-то образом умудряясь не коснуться ни одного из собравшихся вокруг любопытствующих призраков. Впрочем, как понял Ингри, тут было больше, чем любопытство: воинами двигало лихорадочное возбуждение. Его кровь вскипела в ответ на их волнение. Вокруг теснилось всё больше призраков, и Ингри всей душой ощутил, какое это множество — четыре тысячи погибших. Он попытался сосчитать их, потом начал пересчитывать отряды, но сбился со счёта и отказался от этого занятия. К тому же ему и так трудно было сохранить здравый рассудок...

Хорсривер опустился на колени на насыпи, разгрёб редкую траву, которой она поросла, и запустил пальцы в тёмную землю.

— Это и есть тот ров, в котором я был зарыт, — светским тоном сообщил он Ингри. — И я, и многие другие. Впрочем, моя кровь не пролилась у Священного древа — Аудар был слишком предусмотрителен. Это упущение следует исправить. — Хорсривер устало поднялся на ноги. — Всё будет исправлено, — кивнул он призракам, которые смущённо

переминались вокруг.

По краям толпы те, кто явился последним, пытались протолкаться вперёд; те немногие, кто мог, вытягивали шеи, чтобы увидеть происходящее в центре. Призраки переговаривались друг с другом, но для Ингри их голоса звучали глухо: так человек, находящийся под водой, слышит разговор тех, кто стоит на берегу. Ингри коснулся грязной повязки на правой руке; она защищала от повреждения заживающую рану. Рука по крайней мере не кровоточила.

«Пока».

Ингри с усилием прочистил горло.

— Что мы здесь делаем, сир?

На лице Хорсривера промелькнула слабая улыбка.

— Завершаем, Ингри. Если ты сделаешь своё дело, а моя знаменосица — своё, то мы завершим начатое у Священного древа.

— Тогда не скажешь ли ты нам, как это сделать?

— Да, — вздохнул Хорсривер, — пора. — Он взглянул на небо. — Ни солнце, ни луна, ни звёзды не станут свидетелями в час, когда день ушёл, а ночь не наступила. Какой момент был бы более подходящим? Долгим было приготовление, долгим и трудным, но само свершение... Ах, свершение произойдёт просто и быстро. — Он вытащил кинжал из-за пояса — тот самый, которым воспользовался, чтобы перерезать горло кобыле Йяды, — и Ингри напрягся. Как бы ни действовала на него королевская харизма, если Хорсривер повернётся к Фаре, он должен будет... Ингри попытался положить руку на рукоять меча, но обнаружил, что рука ему не повинуется; сердце его заколотилось в панике из-за этого неожиданного препятствия.

Однако Хорсривер вложил рукоять кинжала в вялую руку Фары, потом взялся за древко знамени и воткнул его глубже в землю, чтобы знамя стояло прямо без посторонней помощи.

— Лучше, пожалуй, сделать это, стоя на коленях, — задумчиво пробормотал он. — Женщина слаба.

Хорсривер снова повернулся к Ингри.

— Фара, — кивнул он в сторону своей жены, — сейчас перережет мне горло. Как моя знаменосица, она короткое время будет удерживать мою королевскую ауру и мою душу. Ты должен, пока силы не оставили её, очистить мою душу от духа коня. Если тебе это не удастся, ты в полной мере станешь моим наследником. Что случится в таком случае, даже я не могу предсказать, хоть и уверен, что ничего хорошего не произойдёт... и это сохранится навеки. Так что не подведи, мой королевский шаман.

Ингри почувствовал, как кровь шумит у него в ушах, а в животе свернулся холодный комок.

— Я думал, что ты не можешь умереть. Ты же говорил, что заклятие удерживает тебя в этом мире.

— Слушай внимательно, Ингри. Эти деревья, вся живая сеть Священного древа прикованы к душам моих воинов и поддерживают их существование в мире материи. Все они, — Хорсривер широким жестом указал на толпящихся вокруг призраков, — создают мою королевскую ауру, привязывающую их ко мне. Дух моего коня, — Хорсривер коснулся своей груди, — моя шаманская сила соединяют деревья с воинами. Я уже говорил тебе, что священный король был осью, вокруг которой закручено заклинание, дарующее неуязвимость. Достаточно разрубить любое звено цепи, и круг распадётся. То, что должен сделать ты, — единственное звено, до которого ты можешь дотянуться.

«А разве ты не можешь?»

Нет, конечно, нет... Хорсривер связан своим собственным заклятием, он как ключ, запертый в шкатулке.

— Значит, всё затеяно только ради этого? Чтобы ты мог совершить изысканное самоубийство? — возмущённо воскликнул Ингри. Он ещё раз попытался сдвинуться с места, заставить своё тело повиноваться, но сумел добиться только того, что его начала бить дрожь.

— Можно, пожалуй, сказать и так.

— Скольких же людей ты убил, чтобы устроить этот спектакль? — «Так же равнодушно, как ты натравил меня на Йяду!»

— Не так много, как ты думаешь. Люди ведь умирают и сами по себе. — Губы Хорсривера скривились. — И сказать, что я скорее умер бы, чем прошёл бы через всё ещё раз, — одновременно было бы и совершенно верно, и не имело бы к истине никакого отношения.

Разум Ингри метался в поисках выхода.

— Но заклятие будет разрушено!

— Тут всё взаимосвязано. Да.

— Что же тогда случится с ними? — Ингри кивнул в сторону окруживших их призраков. — Отправятся ли они к богам тоже?

— К богам, Ингри? Здесь нет богов.

«Так и есть», — понял Ингри. Не это ли так глубоко встревожило его, как только он оказался в долине? Древнее заклятие, поддерживаемое волей этого нечестивого священного короля, создало преграду, непреодолимую для них. Похоже, так было на протяжении столетий... Война Хорсривера с богами зашла в тупик, и его воины постепенно превратились в его заложников.

Хорсривер заставил Фару опуститься на колени и сам встал на колени спиной к ней. Обвинив правой рукой женщины свою шею, он слегка коснулся губами побелевших пальцев Фары. В памяти Ингри всплыло яркое воспоминание: волк, который лизнул его в ухо за мгновение перед тем, как он перерезал зверю горло...

Разрушение извращённого заклятия, на века запоздавшее очищение Кровавого Поля не казалось Ингри непростительным грехом, если не считать самоубийства Венсела. Однако пятеро богов противились этому, и Ингри не понимал почему...

«Не понимал до последнего момента».

Избавившись от тягот мира материи, учили жрецы, люди жаждут вручить свои души богам, как если бы это были объятия их возлюбленных, за исключением тех, кто отворачивается от Пятёрки и предпочитает медленное одинокое разрушение души. Боги испытывают взаимное стремление принять души к себе. Однако между Хорсривером и его воинами, обладающими духами животных, не существовало договора об одновременном самоубийстве. В момент падения своей твердыни Хорсривер замыслил убить вместе с собой и своих бессмертных заложников — свершить вечную месть, своим абсолютным отрицанием призвать смерть, уходящую за пределы смерти.

— Твоя душа истает? погоди! Все эти души будут отлучены от богов?

— Ты задаёшь слишком много вопросов.

«Но недостаточно много!»

Ещё один вопрос с запозданием пришёл на ум Ингри. Йяда, по её словам, отдала этим воинам половину своего сердца. Они всё ещё владели ею, она каким-то образом находилась здесь. Что случится с той частью души Йяды, которую она связала с призрачными воинами, когда они растворятся в дыму? Способна ли жить женщина, имея всего половину сердца?

— Подожди, — прошептал Ингри; потом, потянувшись в глубь собственного существа, выкрикнул: — *Подожди!*

Словно рябь пробежала по рядам призраков, земля дрогнула, и Фара подняла глаза, ловя ртом воздух.

— И споришь ты тоже слишком много, — рывкнул Хорсривер, крепче прижимая кинжал в руке Фары к своему горлу.

Из раны хлынула кровь; Хорсривер сосредоточенно смотрел прямо перед собой, потом его губы облегчённо приоткрылись, и он повалился вперёд, выскользнув из рук Фары. Она вцепилась в древко знамени, чтобы тоже не упасть; губы её раскрылись в беззвучном крике.

Мир магии соскользнул с мира материи, разрывая соединявшие их узы, и Ингри обнаружил, что образы перед его глазами двоятся, как это было в Реддайке. Хорсривер лежал

лицом вниз на могильном холме; Фара, едва не лишившаяся сознания, склонилась над ним, выронив окровавленный нож. Но над могильным холмом поднялся...

Чёрный жеребец, чёрный как уголь, как безлунная ночь в бурю... Его ноздри выдыхали пламя, от хвоста и гривы разлетались оранжевые искры. Жеребец ударил копытом по могильному холму, и отпечаток копыта вспыхнул призрачным огнём, тут же погасшим. На коне сидела человеческая фигура, ноги которой переходили в рёбра жеребца, сливаясь с ними.

Эта жестокая древняя сила ничуть не походила на жалкий зверинец Болесо.

«Я не знаю, что мне делать, и здесь, в этом месте, бога рядом со мной нет».

Ингри охватило бешенство; вырвавшийся у него испуганный стон превратился в вызывающее рычание. Он выпрыгнул из своего окаменевшего тела, приземлившись на все четыре лапы, и взрыл мощными когтями податливую землю. На этот раз превращение было полным; он не остался полуволом-получеловеком, как в Реддаике.

Жеребец фыркнул. Ингри оскалил острые клыки и зарычал. Его чуткий нос уловил в воздухе резкий запах, похожий на вонь палёной гнилой шерсти, и затряс головой, разбрызгивая слюну.

Жеребец спустился с насыпи и стал кружить вокруг Ингри, разбрасывая искры.

«Если я проиграю эту схватку, то, что вернётся в моё тело, не будет мной».

Это окажется обретший новую форму Хорсривер. В предвидении этого он и не стал связывать Ингри новыми заклетами: Ингри сражался теперь за большее, чем просто жизнь.

«Итак...»

Ингри, в свою очередь, обошёл жеребца, низко опустив голову. Шерсть у него на загривке встала дыбом. Лапы его чувствовали влажную прохладу земли. Опавшие листья шуршали, как и в реальном мире, и волчье обоняние Ингри ловило их разнообразные запахи. Жеребец взвился на дыбы и ударил его копытами.

Ингри отскочил, но слишком поздно: одно из копыт тяжело ударило его в бок, и он с визгом покатился по земле. Как возможно, чтобы иллюзия испытывала нехватку воздуха? Ингри понял, что должен сосредоточиться так же, как во время боя на мечах; более того, теперь ему приходилось следить за четырьмя смертоносными орудиями, а не за одним.

«Что нужно сделать, чтобы убить лошадь при помощи клыков?»

Ингри попытался вспомнить собачьи бои, которые ему приходилось видеть, травлю кабанов, завершение охоты на оленя...

«Что угодно — лишь бы удалось».

Он подобрал под себя лапы и прыгнул, целясь в живот коня, вцепился в мягкую плоть и рванул её клыками. На теле жеребца осталась длинная рана, но Ингри еле успел увернуться от грозных копыт. Нечто — не кровь, а какая-то чёрная жидкость — обожгло его пасть, как когда-то обжигали красные щупальца. Нет, гораздо хуже... Из пасти Ингри хлынула обильная пена.

Призраки окружили их со всех сторон, как будто и в самом деле следили за травлей дикого зверя. На кого делали они ставки, кого подбадривали криками? На кон — и не ими — были поставлены не их жизни, а бессмертные души. То, что Хорсривер устремлялся к забвению, к разрушению своей души, было печально, но даже боги не могли спорить с его волей в этом отношении. Гораздо более страшным грехом было то, что он пренебрёг волей своих воинов.

«Йяда наверняка лила бы слёзы», — мелькнула у Ингри неясная мысль. Ему пришлось снова отскочить: зубы жеребца щёлкнули у самого его горла, когда тот, прижав уши, изогнул неожиданно ставшую похожей на змею шею.

«Их пять! Я должен остерегаться пяти орудий!»

«Дело плохо».

Он был слишком мал, а жеребец — слишком велик. Настоящие волки нападали на подобную добычу стаями, а не в одиночку.

«Где мне взять другого меня?»

Никакой дух не может существовать в мире материи без... Ингри взглянул на своё человеческое тело, бессмысленно топчущееся на краю поляны.

«Болван. Глупец. Беспольный сын...»

Что ж, всё или ничего!

Он вытянул силу из своего тела — всю, сколько мог. Пустая оболочка пошатнулась и свалилась на кучу листьев. Всё вокруг словно замедлилось, и чувства Ингри, и без того острые, обрели сверхъестественную восприимчивость. Его волчье тело стало одновременно тяжёлым, как прошлое, и невесомым, как будущее.

«Да. Это состояние мне знакомо. Я уже ходил по этой дорожке раньше».

Неожиданно оказалось, что Ингри всего вдвое меньше жеребца. Тот попятился, но медленно, так медленно, словно воздух сделался густым маслом. Разум Ингри лениво представил себе смертельный удар, который сейчас будет нанесён, наметил дугу прыжка. Однако эта позаимствованная сила скоро истощится.

«Времени нет. Вперёд!»

Ингри прыгнул, вонзил клыки в шею жеребца и отчаянно затряс головой. Он не мог встряхнуть жеребца, как кролика, но под его весом противник упал... что-то сломалось, что-то хлынуло наружу. Столпившиеся вокруг сражающихся призраки отпрянули, словно стремясь укрыться от оскверняющих их брызг.

Тварь, которую сжимали челюсти Ингри, затихла, потом стала таять, как сосулька. Ингри сплюнул и попятился. Жеребец утратил форму, превратился в чёрную лужу, которая впиталась в землю, как пролитые чернила. Всё. Не осталось ничего.

Венсел поднялся на подгибающихся ногах, освобождённый от своего чёрного скакуна. Он снова выглядел как человек, но его лицо...

— Я рад, что мне не пришлось использовать того оленя, — сказал один из нескольких ртов. — Ему не хватило бы силы. — Другой рот ухмыльнулся. — Хорошая собачка Ингри.

Ингри попятился, рыча. На голове Венсела появлялись и исчезали лица, как всплывающие и снова уходящие под воду утопленники в реке. Одно лицо сменяло другое без всякого порядка — это были все графы Хорсриверы, жившие на протяжении четырёх столетий. Юноши, старики, яростные, печальные, бритые, бородатые, покрытые шрамами... безумные. Юный Венсел промелькнул, как растерянный беспризорный ребёнок; его тупой взгляд оживился, когда он узнал Ингри; он посмотрел на него с мольбой, хотя Ингри и не смог бы сказать, о чём тот умоляет...

Ещё ужаснее выглядело тело. Увечья, шрамы, зияющие раны возникали и пропадали; Ингри видел следы всех смертельных ударов, когда-либо полученных Хорсривером. Самыми отвратительными были ожоги — широкие полосы лишившейся кожи плоти, обугленное изжарившееся тело. Они смердели так, что чувствительный волчий нос Ингри невыносимо страдал; чихая и скуля, он попятился ещё дальше и принялся, как собака, тереть нос лапой. Хорсривер выворачивался наизнанку, показывая, каково ему приходилось на самом деле и что скрывала благообразная ироничная маска, едкое остроумие, вспышки гнева, равнодушие. Каждый день, каждый час, рассветы и закаты, падающие, как тяжкий молот, время, не имеющее конца...

Хуже всего были глаза.

Ингри осторожно обошёл поляну, стараясь держаться подальше от могильного холма и от того множества, которое было Хорсривером. Наконец он добрался до своего распростёртого на земле тела. Оно показалось ему пугающе бледным и мёртвым — более бледным и мёртвым, чем толпящиеся вокруг безголовые призраки. Он толкнул себя носом, потрогал лапой и жалобно заскулил, но Ингри-человек не пошевелился. Может быть, он уже и не дышит? Определить этого Ингри не мог. В своём волчьем виде, сообразил Ингри, он не обладает человеческим голосом — а значит, и колдовским голосом тоже. Он лишился важной части своей силы. Может ли он хотя бы проникнуть внутрь себя-человека?

«Пятеро богов, что, если мне это не удастся?»

Не планировал ли этого Хорсривер? Теперь, когда волк и большая часть души Ингри не

могли ему помешать, безмолвное неподвижное тело представляло собой пустой дом, куда можно было вселиться. Если бы разрушить заклинание не удалось, Хорсривер мог бы нуждаться в теле наследника, и теперь оно было готово для него без тех осложнений, которые раньше беспокоили графа. Ингри взглянул на кошмарное существо, которое было Хорсривером. Нет, не такого исхода тот желал, но если он окажется перед перспективой *пройти через всё ещё раз*, что ж, возможно, он представившейся возможностью и воспользуется. Судя по тому спокойствию, с которым Хорсривер наблюдал за Ингри, он это прекрасно осознавал. Чувствуя, как его охватывает дрожь, Ингри снова потрогал лапой своё бесчувственное тело.

Из леса донеслись стук копыт и испуганное ржание. Ингри резко обернулся. Не могло ли случиться, что дух-жеребец ожил? Нет, то была реальная лошадь: Ингри чувствовал дрожь земли под её копытами, чего не было во время его схватки со сверхъестественным противником. Потом стук копыт смолк, а по сухим листьям зашуршали более лёгкие шаги, быстро приближающиеся.

Призраки подались в стороны, освобождая проход, и многие руки поднялись в неуклюжих приветствиях. Воины благословляли и молились, неловко осеняя себя знаком Пятёрки: руки касались лбов и губ висящих на поясе голов, потом животов и гениталий и, наконец, небьющихся сердец. Ингри-волк поднял голову и принюхался, задохнувшись от неожиданной догадки.

«Я знаю этот чудесный запах, запах солнечного света на траве».

Между рядами призраков бежала Йяда. На ней была коричневая амазонка, жакет покрывали пятна пота, на юбке засохли брызги грязи и всюду виднелись прорехи, словно девушка скакала галопом сквозь колючие заросли. На разгорячённое лицо падали пряди тёмных волос. Йяда резко остановилась, и её тяжёлое дыхание сменилось стоном, когда она медленно двинулась к телу Ингри и опустилась перед ним на колени. Лицо девушки покрыла смертельная бледность.

— Нет, о нет... — Она перевернула тело и положила голову Ингри себе на колени, с отчаянием глядя на безжизненные черты и бледные губы. — Я опоздала!

«Она не может меня видеть, — понял Ингри. — Она никого из нас не видит».

За исключением вполне материальной Фары, всё ещё скорчившейся рядом с телом Венсела. Йяда бросила на эту пару короткий изумлённый взгляд и, стиснув зубы, снова занялась Ингри.

— Ох, любимый... — Она склонила залитое слезами лицо и прижалась губами к губам Ингри. Ингри-волк в отчаянии прыгал вокруг неё — он-то не мог ощутить теплоту губ Йяды или вдохнуть её пахнущее мёдом дыхание. Обезумев от горя, Ингри потеревил рукав Йяды лапой, потом лизнул её в ухо.

Йяда резко втянула воздух, потом потёрла ухо и огляделась. Не почувствовала ли она холодное дуновение, как было с Ингри, когда к нему прикоснулась рука призрака? Ингри снова лизнул Йяду в ухо, и девушка издала звук, который в других обстоятельствах мог бы оказаться смехом: ей, по-видимому, стало щекотно. Она положила тело Ингри на спину, ощупала его («Ах, если бы я мог чувствовать это прикосновение!») и нахмурилась.

— Ингри, что с тобой сделали? — На теле не было ран, кости не были переломаны, однако замотанная тряпкой правая рука, как увидел Ингри-волк, кровоточила, так что кожаный камзол стал скользким от крови. Йяда нахмурилась ещё сильнее, прижав к груди его окровавленную руку. «Если бы я только мог пошевелить пальцами...» — Или ты сам?... — проницательно добавила Йяда. — Ты попытался совершить какой-то смелый и глупый поступок, так? — Взгляд Йяды ещё раз скользнул в сторону трупа Венсела и Фары.

Хорсривер фыркнул, и Ингри с рычанием повернулся к нему. На том лице Хорсривера, которое в этот момент обратилось к Йяде, было написано изумление и отвращение.

— Что ж ты вечно являешься туда, где тебе нечего делать, девчонка! — сказал Хорсривер, ни к кому не обращаясь — или, может быть, обращаясь к Ингри; Йяда, во всяком случае, его не слышала. — Ничего не понимаешь, но всё равно суёшься! Что ж, испей тогда

чашу предательства богов! Я уже многие столетия знаком с его вкусом.

Хорсривер отвернулся от Йяды и взглянул на толпу призраков.

— Собрались все, — выдохнул он. В его страшных глазах было равнодушие и безжалостное спокойствие. — Теперь уже недолго, клянусь вам, мои любимые.

Взгляды, которыми ответили ему воины, не говорили о любви, подумал Ингри, — только о настороженности и отчаянии. Вокруг них повисла слабо светящаяся дымка, и Ингри заметил, что фигуры уже начали бледнеть. Душа только что убитого человека, если не уходила сразу же к богам через врата смерти, могла быть избавлена от вечного отлучения благодаря священным ритуалам похорон, как это случилось с Болесо. Однако до определённого предела... Скоро отлучение становилось необратимым, и душа, отвергшая богов, обрекала себя на постепенное разрушение. Для павших у Кровавого Поля воинов время неопределённости продлилось не на дни или недели, но на века. Теперь их связь с Израненным лесом распалась, и они надолго не задержатся, подумал Ингри. Сколько им остаётся? Часы? Минуты?

Йяда попыталась подняться, чтобы подойти к Фаре, но вдруг охнула и снова опустилась на землю. Её рука коснулась сердца, потом — лба; губы Йяды изумлённо приоткрылись, потом сжались от боли. Ингри отчаянно заскулил.

Толпа призраков ещё раз расступилась, и вперёд вышел воин-гигант. Его голова была привязана к широкому золотому поясу за седые косы, в руке он держал древко, увенчанное остриём, со свёрнутым знаменем зелено-бело-голубого цвета. Взгляд из-под седых бровей устремился на Хорсривера, и тот вздрогнул, узнав воина, и поднял руку, словно намереваясь ответить на приветствие — хоть воин и не проявил к нему почтения; рука Хорсривера повисла в воздухе, когда он с опозданием это понял. Воин опустился на колени рядом с Йядой, озабоченно склонился над ней и положил руку девушке на плечо.

Ингри взволнованно прыгал вокруг них, опустив голову так, чтобы оказаться в поле зрения воина. Тот вопросительно взглянул на волка. Спина Йяды согнулась, окровавленная рука Ингри-человека выскользнула из её вялых пальцев, и белая рука Йяды упала рядом. «Ох», — выдохнула девушка; её широко раскрытые глаза потемнели. Йяда была смертельно бледна, и когда Ингри-волк снова лизнул её в лицо, она не прореагировала.

Ингри попятился и поднял голову. Встав на задние лапы, он опёрся передней о плечо воина и принялся; что-то было насажено на тонкий, похожий на лист ивы наконечник древка. Бьющееся сердце... нет, половина сердца. И билось оно всё медленнее.

«Он низко поклонился мне, положил моё сердце на каменный алтарь и рассёк пополам обломком меча, который сжимал в руке. Половину он с великим почтением вернул мне, а вторую половину поместил на остриё древка знамени, и толпа разразилась криками. Я не могла понять, была ли это клятва верности, требование жертвы или выкупа...»

«И то, и другое, и третье», — подумал Ингри.

Он не мог разобраться в том, что может сделать в этом нереальном мире. Пусть обладание волчьей мордой лишило его колдовского голоса, силы он не лишился.

«Я победил жеребца Хорсривера, и он исчез. Может быть, я способен на большее».

Хорсривер явно считал его обессиленным, бесполезным после того, как он сделал то, что должен был сделать; возможно, он намеревался просто бросить его, неспособного воссоединить тело и дух, чтобы он умер в одиночестве, когда призраки воинов и поддерживающая их магия истают. Ингри, одинокий волк, счёл бы, что Хорсривер не ошибается.

«Однако я не один, ведь верно? Теперь не один. Так она сказала, и так оно и есть. Истина... Как случилось, что я превыше всего стал любить истину?»

— Значит, мне суждено умереть от любви? — прошептала Йяда, прикинув к груди Ингри. — Я всегда считала, что это просто фигура речи. Так мы умрём вместе? Нет! О Сын Осени, сейчас ведь твой сезон, так помоги нам!

«Здесь нет богов...»

Но Ингри-то был здесь!

«Нужно попробовать что-то ещё. Хоть что-нибудь!»

Может быть, предводитель призраков обладает какой-то властью: он ведь знаменосец. Знамя — священный символ Древнего Вилда, обещающий спасение, даже если все другие надежды мертвы. Ингри, скуля, потерев лапой обутую в сапог ногу призрака, потом несколько раз ткнулся носом в ножны, висящие на золотом поясе рядом с головой. Поймёт ли воин его мольбу? Призрак развернулся так, чтобы его глаза смогли взглянуть на Ингри. Седые брови удивлённо поднялись. Воин выпрямился и вытащил из ножен обломок меча.

«Да!»

Ингри подтолкнул носом его руку, потом повернулся и вцепился зубами в собственный бок.

Кивнуть воин не мог, но он поклонился Ингри, потом опустился на колени, и Ингри опрокинулся на спину, смешно задрал в воздух лапы и подставив живот.

«Если это её спасёт...»

Острый обломок рассёк ему грудь.

«Йяда не говорила, что это так больно!»

Ингри сдержал вой и не позволил себе конвульсивно отпрянуть в сторону. Призрачная рука погрузилась в его разверстую грудь и вынырнула, окрашенная алым. Обломок меча рассёк пополам скользкий комок на ладони воина, половину которого призрак подбросил вверх. Окровавленная рука опустилась снова и поднялась пустой, и Ингри-волк обрёл способность дышать. Рана на его груди закрылась, и он поднялся с земли.

Высоко на острие древка билось целое сердце, и билось всё сильнее.

Йяда резко втянула воздух, выпрямилась и удивлённо осмотрелась по сторонам. Она встретила глазами с Ингри-волком, узнала его и ошеломлённо воскликнула:

— Так вот ты где! — Она обвела взглядом толпу призраков, сгрудившихся вокруг и наблюдавших за странной операцией. — Вот вы все где! — Йяда поднялась на ноги и поклонилась знаменосцу, осенив себя знаком Пятёрки. — Я искала тебя, милорд маршал, но не могла увидеть.

Призрак с глубоким почтением поклонился Йяде. Рука Йяды легла на загривок Ингри, поглаживая густой мех. Он прижался к ней, наслаждаясь лаской. Йяда опустила глаза — не так уж и опустила, поскольку голова огромного зверя доходила ей почти до груди.

— Как случилось, что вы все порознь? Что вообще здесь происходит? — Взгляд девушки бежал поляну и остановился на многоликом Хорсривере. — Ох... — Она невольно отпрянула, но тут же гордо выпрямилась. — Так вот как ты выглядишь на самом деле, когда не прячешься в тени. Что ты делаешь на моей земле?

Хорсривер старался сохранять полное равнодушие, но последние слова Йяды вызвали у него ярость.

— На твоей земле! Здесь — Священное древо!

— Я знаю, — холодно ответила Йяда. — Это моё наследие. Ведь ты кончил свои дела здесь, не так ли?

Облик Хорсривера на мгновение перестал меняться; насмешливо скривив губы, он бросил:

— Действительно, мы уходим. Жаль, что тебе удастся насладиться своим наследием так... недолго. — Улыбка сделалась издевательской, и Ингри грозно зарычал. Рука Йяды крепче вцепилась ему в шерсть.

— А они? — Йяда оглядела украшенного золотым поясом знаменосца и остальных воинов.

— Я их последний истинный священный король. Они должны следовать за мной.

— В забвение? — возмущённо спросила Йяда. — Им придётся умереть за тебя дважды? Что же ты за король!

— Я ничем тебе не обязан и не обязан ничего объяснять.

— А вот им ты обязан всем!

Хорсривер не мог — со сменяющимися друг друга по всему черепу лицами —

отвернуться, но спиной к Йяде он всё же встал.

— Это в прошлом. Всё давно закончено.

— Нет!

Хорсривер резко повернулся и прорычал:

— Они последуют за мной во тьму, и боги, которые отвергли нас, будут отвергнуты в свою очередь. Забвение и месть! Они создали меня, и ты не можешь этого изменить!

— Я не могу... — Йяда поколебалась, потом посмотрела на знамя, на древко которого опирался маршал, слушая их разговор. Повернувшись к могильному холму, она указала на распростёртое тело Венсела и склонившуюся над ним безмолвную Фару. — Ты умер, как я понимаю. Смерть кладёт конец королевской власти вместе со всем, что происходило на протяжении жизни в мире материи. Мы отправляемся к богам нагими и равными друг другу, как и при рождении; иными оказываются только наши души — вследствие того, что мы с ними сделали. Потом кланы избирают нового короля. — Йяда с вызовом оглядела призрачных воинов. — Не так ли?

По их рядам пробежал странный шорох. На лице знаменосца, опиравшегося на древко, отразилась смесь печали и нечестивой радости. Только теперь Ингри догадался, что это, должно быть, первый знаменосец Хорсривера, павший при Кровавом Поле. Его тело, несомненно, погребено в том же рве: Хорсривер говорил, что королевское знамя было разломано и брошено на его тело, а знаменосец никогда не отдал бы его, пока был жив. Королевскому знаменосцу полагалось быть хранителем королевской власти до собрания кланов и вручить её следующему избранному королю; так бы и произошло, если бы могущественное незавершённое заклятие не задержало события на многие мучительные века.

— Ты умер, — настаивала Йяда. — Это — собрание кланов Древнего Вилда, последнее собрание. Воины могут избрать нового короля, такого, который не предаст их в смерти.

— Другого не существует, — фыркнул Хорсривер.

Шорох становился всё громче, пробегая по толпе, подобно огню. Знаменосец выпрямился и повернулся к Йяде, приветствуя её неуклюжим знаком Пятёрки. Его призрачные губы растянулись в улыбке. Он выпустил древко знамени, и Йяда подхватила его и крепко сжала.

«Как же так, — подумал Ингри, — мы, живые, не можем коснуться этих призрачных предметов, они текут сквозь пальцы, как вода...»

Йяда стиснула древко обеими руками и сильно встряхнула его. Над её головой развернулось и заколыхалось в безветренном воздухе знамя. На красном поле скалила клыки чёрная волчья голова Волфклифов.

Ингри заморгал своими человеческими глазами и с усилием поднялся на ноги. Он снова был в своём теле — ощущение было таким потрясающим! Ингри глубоко втянул воздух. Его волк исчез... Нет. Ингри прижал руку к сердцу.

«Он здесь».

Волк с радостным рычанием мчался по его венам. И было ещё кое-что... Связь между ним и Хорсривером, та, что раньше соединяла его с Йядой, а потом была разорвана Хорсривером, чтобы привязать Ингри к его королевской ауре... Эта связь вибрировала от напряжения, притяжение делалось более мощным.

Хорсривер потянулся к Фаре, рывком поднял её на ноги и сунул ей древко своего знамени.

— *Держи!* — Фара в ужасе взглянула на супруга и вцепилась в древко, словно от этого зависела её жизнь. Сила древней королевской магии, питаемая смертью и муками, скрытыми под могильным холмом, была велика.

Ингри облизнул губы и прочистил горло. Теперь он снова владел колдовским голосом.

— *Что ты можешь сказать, Фара?*

Он явственно ощутил, как заклятие молчания, наложенное на Фару Хорсривером, слетело с неё, как распрямившаяся пружина, кувыркаясь в воздухе. Фара с шумом втянула

воздух.

Хорсривер повернулся к ней — в первый раз на его лице проступили черты Венсела — и протянул к ней руку.

— Жена моя!..

Фара дёрнулась, словно пронзённая стрелой, и зажмурилась от боли. Открыв через несколько секунд глаза, она взглянула на Йяду, потом на Ингри и, наконец, на Хорсривера.

— Я пыталась быть тебе женой, — прошептала она. — Ты же никогда не старался стать мне мужем.

И она склонила знамя; серое полотнище растеклось по земле шёлковой лужицей. Фара поставила ногу на древко, и сухое дерево треснуло, разломившись пополам.

Глава 24

Хорсривер отступил на шаг; половина его лиц, казалось, перекосилась от гнева, а на остальных появилось выражение ироничной безнадёжности и отвращения; только на одном лице промелькнуло покорное достоинство. Руки Хорсривера бессильно упали, и связь, соединявшая его с Ингри, растаяла в воздухе, как гаснут в темноте разлетевшиеся от костра искры. Глаза с невероятной мукой воззрились на Ингри, и на лицах отразилось горькое сожаление.

Ингри обнаружил, что цепляется за древко знамени в руках Йяды, чтобы не упасть. Огромная тяжесть королевской ауры Хорсривера не то чтобы исчезла, но давление, испытываемое Ингри, теперь исходило не из одной точки, а словно со всех сторон. Затем наступил момент затишья, безмолвной неопределённости, и поток королевской магии изменил течение, хлынув наружу. Вместе с этим ощущением к Ингри пришёл неопределённый страх, несравнимый ни с чем, что он испытал за все долгие часы бесконечных потрясений.

— Ты обнаружишь, — прошипел Хорсривер, — что власть священного короля изнутри выглядит иначе. И моё отмщение от этого только удвоится. Что же касается забвения... я всё равно его достигну. — Голос Хорсривера превратился в тихий вздох.

Хотя Хорсривер не сошёл с могильного холма, он словно отдалился, наконец замолк, сделавшись похожим на утопленника под водой. Лишившись обеих поддерживавших его сил — духа жеребца и королевской ауры, — он стал всего лишь одним из призраков среди многих; его отличало от них лишь множество лиц и какая-то странная плотность.

«Да, — подумал Ингри, — он тоже воин Кровавого Поля, павший на этой священной и проклятой земле; он теперь не больше, чем остальные призраки, но и меньшим он стать не может.

Но во что превратился я?»

Ингри чувствовал, как мистическая королевская аура обволакивает его, проникает внутрь. Она не дала ему ощущения огромной гордости и силы, бьющей через край; напротив, Ингри казалось, что из него вытекла вся кровь.

И Йяда, и Фара, обнаружил Ингри, смотрели на него, открыв рты, с одинаковым выражением благоговения, слегка окрашенным физическим желанием, — теми чувствами, которые раньше вызывал Хорсривер. Подобные взгляды должны были бы заставить любого мужчину гордиться собой, но Ингри казалось, что обе женщины готовы съесть его живьём.

Но не Йяда и Фара — «нет, и они тоже» — вызывали у Ингри панику: больше всего его пугали призраки. Они сгрудились вокруг, зачарованно глядя на него и пытаясь прикоснуться; эти холодные руки высасывали из него тепло. Страстное желание заставляло их забыть о всяком порядке: призрачные воины отталкивали друг друга и даже лезли на плечи тех, кто оказался впереди.

«Изголодавшиеся нищие...»

«Никакой дух не может существовать в мире материи без поддержки материального существа», — в растерянности вспомнил Ингри древний закон. Четыре тысячи всё ещё

несущих на себе проклятие призраков толпились на земле Кровавого Поля, которая больше не питала их. Теперь все они были привязаны...

...к нему.

— Йяда... — Его голос прозвучал как стон. — Я не могу поддержать их всех. Мне не справиться.

Тело Ингри становилось всё холоднее и холоднее от прикосновений призраков. Он вцепился в протянутую руку Йяды, как утопающий, и на мгновение её живое тепло хлынуло в него, но тут же девушка охнула, ощутив ужасный ненасытный голод призрачных воинов.

«Они растерзают нас обоих, высосут досуха».

И когда не останется тепла, которым они могли бы делиться, их с Йядой заледеневшие трупы останутся на земле, и от них в ночной воздух поднимется только туман... И все души, попавшие в ловушку Кровавого Поля, истают, брошенные, преданные, отчаявшиеся.

— Йяда! Отпусти! — Ингри попытался отнять у неё руку.

— Нет! — Она вцепилась в него ещё крепче.

— Ты должна! Бери Фару и беги отсюда! Скорее! Призраки пожрут нас обоих, если ты этого не сделаешь.

— Нет, Ингри! Не это было нам предназначено! Ты должен очистить их, как очистил Болесо, чтобы они могли уйти к богам. Ты же можешь это сделать, таково твоё предназначение, клянусь!

— Не могу... Их слишком много. Мне не выдержать, и боги здесь не присутствуют!

— Они ждут у ворот.

— Что?

— Они ждут у ворот — там, в колючем кустарнике. Аудар проклял эту землю, а Хорсривер защищал её от богов в своей ярости и чёрном отчаянии. Но прежних королей нет, и провозглашён новый!

— Я всего лишь король призраков и теней, король мёртвых. — «И скоро присоединюсь к своим подданным».

— Открой границы своих владений Пятёрке. Пятеро смертных принесут их сюда, но ты должен допустить их: позвать богов. — Йяда теперь дрожала так же, как сам Ингри; оглядев толпящихся призраков, она прошептала: — Поторопись, Ингри...

Испуганный так, что почти не сознавал, что делает, Ингри огляделся взглядом волка. Да, он мог ощутить в темноте границы своего осквернённого королевства — неправильный круг, охватывающий большую часть долины, пропитанный древним горем. Граница лежала за болотом, перед самыми зарослями ежевики. Только теперь Ингри осознал тот факт, что его первое действие в качестве последнего из существующих шаманов Древнего Вилда этой ночью осталось незамеченным им самим: это случилось, когда он обнажил меч и проложил дорогу — «дорогу для нас всех» — сквозь непроходимые заросли, разрушая неприкосновенность Кровавого Поля.

У порога тех врат, которые он создал, нетерпеливо, как просители в приёмной короля, ожидали Сущности. Как их впустить сюда? Ингри подумалось, что для этого подошли бы гимны и славословия, песнопения и молитвы великой красоты и сложности — совместные труды поэтов и музыкантов, учёных и священнослужителей.

«Придётся им обойтись мной одним».

Пусть так и будет.

— Войдите, — прошептал Ингри хрипло. «Я могу сделать лучше!» — *Войдите!* — рявкнул он колдовским голосом.

Отзвуки, казалось, разорвали ночь надвое; толпа из четырёх тысяч призрачных воинов всколыхнулась в предчувствии — это было похоже на огромную волну, обрушившуюся на берег. Ингри собрал все силы, чтобы выдержать напор: он чувствовал, как всё его существо всасывается чудовищным водоворотом... однако призраки затихли, не менее голодные, но сдерживаемые теперь поразительной новой надеждой.

Казалось, прошла вечность, прежде чем в тёмном лесу раздался первый звук, говорящий о присутствии человека, и показался тусклый оранжевый огонёк. Кусты затрещали под чьими-то ногами, донеслось приглушённое ругательство, возникший было спор резко пресёк голос Халланы:

— Вон, вон там! Освин, сверни левее!

На поляне появилась самая неожиданная, на взгляд Ингри, процессия. На спотыкающейся лошади ехал просвещённый Освин; позади него, обхватив мужа за талию одной рукой, а другой указывая, куда ехать, сидела Халлана. Следом показался принц Биаст на таком же измученном коне; на его лице появилось растерянное выражение, когда он, разинув рот, оглядел толпу призрачных воинов. Замыкали шествие пешие — просвещённый Льюко и князь Джокол, державший в руках факел. Бывшие когда-то белыми одежды Льюко были пропитаны потом, покрыты дорожной пылью, а с одной стороны заляпаны до бедра болотной грязью.

— Халлана! — Йяда радостно замахала волшебнице рукой, словно с её появлением кончались все неприятности. — Идите сюда, скорее!

— Ты *их* ожидала? — спросил девушку Ингри.

— Мы отправились из столицы все вместе и последние два дня мчались сломя голову. Пятеро богов, что это было за путешествие! Всем распоряжался принц-маршал, я ускакала галопом вперёд уже под конец — мне сердце говорило, что нужно спешить... и я так ужасно боялась!

Просвещённый Льюко дохромал до Ингри и поспешно осенил его знаком Пятёрки; следом топал запыхавшийся Джокол. На его лице расплывалась безумная улыбка, которой, как подумал Ингри, островитянин должен был встречать самые свирепые штормы, когда похожие на горы волны грозили поглотить его утлую ладью и все разумные люди цеплялись за снасти и вопили от ужаса.

— Хо! Ингорри! — радостно воскликнул Джокол, направо и налево кивая призракам, словно это были родичи, с которыми он давно не виделся. — Отличная песня из этого получится!

— Так вы и есть смертные вместилища богов? — спросил Ингри Льюко. — Вы все сделали святыми?

— Я уже был святым, — пропыхтел Льюко, — и тут имеет место что-то другое. Если мне позволительно делать предположения... — Он окинул взглядом запруженную призраками поляну и пристально взглянул на Ингри.

Освин и Халлана слезли со своего загнанного коня и приблизились тоже, поддерживая друг друга и рассматривая призрачных воинов с трепетом и изумлением; однако Ингри мог бы поклясться, что за этим крылось научное любопытство, едва ли менее странное в своём роде, чем безудержный энтузиазм Джокола.

— Если мне позволительно делать предположения, Освин, — повторил Льюко, обращаясь к коллеге, — как догадался Ингри, это было продолжением их старого спора, — я сказал бы, что все мы превратились в священных погребальных животных.

Освин сначала ответил ему несколько обиженным взглядом, но потом задумался. Халлана хихикнула. Для столь усталой женщины она явно была в странно радостном настроении.

— Ингри должен очистить моих призраков, — твёрдо сказала Йяда. — Я ведь говорила вам, что так всё и произойдёт.

Значит, их прибытию предшествовали два дня споров, догадался Ингри, — в этой компании, какой бы она ни казалась странной, спорщики были устрашающе компетентными.

«У богов в этом мире нет других рук, кроме наших».

И если взяться за руки...

Биаст высмотрел сестру, бессильно опустившуюся на низкий могильный холм рядом с телом супруга, и поспешил к ней. Упав на колени, он прижал Фару к себе. Склонив друг к другу головы, брат и сестра о чём-то быстро и тихо заговорили. Фара дрожала, но пока не

плакала.

— Йяда, — пробормотал Ингри, — не думаю, что нам стоит тянуть, раз есть надежда добиться успеха. — Он оглянулся на воинов, которые перестали толкаться и спорить и смотрели на него в напряжённом молчании. «Как если бы я был их последней надеждой попасть на небеса». — Как я... что я... Что мне делать?

Йяда обеими руками стиснула древко знамени с волчьей головой и расправила плечи.

— Ты — король-шаман. Что тебе кажется правильным, то и будет. — Рядом с ней знаменосец с золотым поясом согласно поклонился.

Четыре тысячи, как же их много!

«Не имеет значения, с чего я начну, — лишь бы начать».

Ингри медленно повернулся и заметил высокого воина в плаще из волчьей шкуры, который раньше к нему подходил. Он поманил его к себе, вглядываясь в бледные черты. Призрак улыбнулся и ласково кивнул, словно подбадривая Ингри, потом преклонил колено, стиснул левую руку Ингри и склонил голову. Ингри, как зачарованный, провёл по лбу воина указательным пальцем правой руки, по которому от повязки на запястье текла струйка крови. Ингри очень смутило впечатление, что он коснулся плоти, а не призрачного холода, как раньше, и он задумался о том, что это говорит о его изменившемся статусе.

— *Выйди*, — прошептал Ингри, и дух волка, живший в воине, такой древний и измождённый, что казался всего лишь тёмной тенью, проскользнул у него между пальцев. Воин поднялся с колена и взглянул на ожидающих священнослужителей, потом протянул руку к просвещённому Освину — наполовину в приветствии, наполовину в мольбе. Освин искоса взглянул на Халлану, которая быстро закивала, и взял руку призрака. Воин-волк радостно улыбнулся и растаял в воздухе.

— Ох, — выдохнул Освин. — Ох, Халлана, я не знал... — Голос его дрожал, на глаза навернулись слёзы.

— Ш-ш, — успокоила его она. — Теперь, я думаю, всё будет в порядке. — Волшебница облизнула губы, глядя на Ингри так, словно он был помесью святыни, ради которой она проделала долгое путешествие, и её любимого ребёнка.

Ингри снова огляделся, смущённый необходимостью делать выбор, и поманил к себе ещё одного воина. Тот преклонил колено и неуклюже протянул Ингри голову, которую держал в руках. Ингри повторил кровавое прикосновение, хоть и не знал, какое значение имеет это последнее возлияние, и освободил тёмный дух сокола, исчезнувший в ночной тьме. Воин снова протянул руку Освину, и на этот раз Ингри разглядел, что, прежде чем исчезнуть, обезглавленный воин обрёл целость.

«Значит, Отец торопится забрать тебя...»

Вперёд вышла молодая женщина, в руках которой было знамя с головой рыси Линкслейков — клана, мужская линия которого пресеклась два столетия назад. Коснувшись её руки, Ингри был поражён: за женщину со знаменем цеплялись ещё две души. Рысь знаменосицы оказалась облезлой и грустной, а два других духа — такими израненными, что их невозможно было опознать. Ингри кровью нанёс на лоб женщины три параллельные чёрточки, что, по-видимому, оказалось достаточным, и она радостно направилась к Джоколу, который расцвёл, гордо выпрямился и поцеловал женщину руку и что-то шепнул, прежде чем она исчезла. Ингри мог бы поклясться, что услышал тихий весёлый смех, который звучал ещё мгновение после ухода знаменосицы.

«Ах вот что! Джокол — животное Дочери! Леди Весны знаменита щедростью своих благословений».

Следующим оказался тощий старик, устремившийся к Льюко, который посмотрел на него весьма задумчиво.

«Льюко, естественно, представляет Бастарда».

— Принц Биаст, — тихо позвал Ингри. — Боюсь, мне потребуется ваша помощь. — «Конечно, кому, как не ему, осуществлять выбор Сына».

— Подозреваю, что меньше всего этой ночью потребуюсь я, — пробормотала Халлана,

кинув острый взгляд на могильный холм. — Я посижу с бедняжкой Фарой, пока не понадобится. Ей несладко пришлось.

— Спасибо, просвещённая, — ответил ей Ингри. — Фара терпела издевательства от начала до конца и всё же в самый нужный момент вспомнила о том, что она — принцесса.

Биаст подошёл и встал рядом с Ингри, настороженно посматривая на него. На его лице были написаны смешанные чувства — и растерянность, и вызов. Безуспешно пытаясь помочь себе иронией, он пробормотал:

— Не следует ли мне называть вас здесь «сир»?

— Вам нет надобности как-нибудь меня называть: достаточно выполнить то, что от вас требуется. С Фарой всё в порядке? — Ингри кивнул в сторону всё ещё поникшей принцессы, к которой подходила Халлана.

— Я предлагал отвести её туда, где ждут Симарк и слуги священнослужителей, но она отказалась. Она говорит, что желает быть свидетельницей...

— Она это заслужила. — К тому же она была единственной, кто знал обо всём, что делал Хорсривер, — с момента смерти её отца до... до того, что могла принести с собой эту ночь. Если ему удастся выжить, это могло оказаться важным.

«Если же не выживу, то, возможно, ещё более важным...»

— Воины по большей части окажутся вашими, как я подозреваю, — сказал Ингри Биасту. — У древних королей было две обязанности: вести своих воинов в бой и приводить их обратно, домой. О второй из них Хорсривер в своём безумии и отчаянии забыл. Что касается этих воинов Древнего Вилда, их долг перед королём выполнен; остаётся только долг короля перед ними. Эта ночь, — вздохнул Ингри, — будет долгой.

Биаст сглотнул и коротко кивнул.

— Продолжайте.

Ингри оглядел призрачных воинов, которые снова начали напирать, и обратился к ним, повысив голос, хотя в этом, возможно, и не было надобности: каждое его слово было слышно повсюду на Кровавом Поле:

— Не опасайтесь быть забытыми, родичи. Моя вахта не закончится, пока вы не будете освобождены от вашей.

Перед ним преклонил колено молодой светлородый воин — первый из длинной череды юношей, многие из которых были ужасно изувечены. Ингри выпускал на свободу одного животного за другим — кабанов и медведей, лошадей и волков, оленей и рысей, соколов и барсуков. Биаст присматривался к каждому из тех, кто проходил через его руки, словно видя в них собственное пугающее отражение.

Армии Аудара потребовалось два дня на то, чтобы убить всех, кто остался на Кровавом Поле; Ингри не мог себе представить, как ему удастся очистить их за одну ночь, однако в этом лесу, казалось, со временем творились какие-то странные вещи. Ингри не был уверен: то ли с ним происходило нечто подобное тому, когда его — шамана — охватывало боевое безумие, то ли боги подарили ему кусочек собственного божественного времени, того самого, благодаря которому они одновременно могли заботиться обо всех душах в мире. Ингри знал одно: каждый воин получал от священного короля мгновение полного внимания; и хоть и не Ингри задолжал им, расплачиваться приходилось ему.

«Действительно, вот что значит оказаться наследником!»

Потом он начал думать о том, что кончится раньше: череда воинов или его собственная жизнь. Может быть, они кончатся одновременно, в точном соответствии...

Когда в середине ночи к нему подошли дартаканские лучники, Ингри был озадачен: они не владели духами животных, и освобождать их было не от чего. В какую ловушку магии они угодили, какое сочетание бессилия богов, ночной битвы и кровавого жертвоприношения привело их к столетиям плена, он не мог себе представить. Он всё равно благословил их собственной кровью и прочёл в их глазах благодарность, когда направил души в руки ожидающих богов.

Женщина из клана Волфклифов с золотыми головками волков на браслетах поцеловала

Ингри в лоб, когда он благословил её своей кровью, а потом, для собственного удовлетворения — в губы, прежде чем повернуться к Халлане. Губы Ингри заledenели от её поцелуя, но зато на губах женщины появилась слабая краска, как воспоминание о счастье, так что Ингри счёл, что обмен того стоил.

Небо начало сереть перед рассветом, побледневшие звёзды скрылись за облаками, когда Ингри подошёл к горькому окончанию своего дела. Около двух дюжин призраков держались поодаль, отвернув бледные лица от богов.

Ингри взглянул на Освина.

— Просвещённый, что мне делать с ними? — Он показал на призрачных воинов, которые были не в силах уйти от него, но и не желали приближаться.

Освин сделал глубокий вдох и неохотно ответил, словно вспоминая давно заученный урок:

— Небеса плачут, но свободная воля священна. Без возможности сказать «нет» согласие не имело бы смысла. Как насильственный брак не является браком, но преступлением и насилием, так и боги не желают или не могут подвергать насилию наши души. — Будучи добросовестным учёным, Освин не мог не добавить: — По крайней мере исключения из этого правила мне неизвестны.

«Эти воины тоже пали при Кровавом Поле; мой долг по отношению к ним неизменен. Что бы дальше ни было...»

Ингри прибёг к колдовскому голосу, приказал отчаявшимся призракам по очереди приблизиться, очистил от духов животных, каждому даровал каплю своей крови... И отпустил. Освобождённые от любых уз призраки истаяли даже прежде, чем достигли первых деревьев.

Теперь перед Ингри оставались двое: знаменосец, всю ночь простоявший рядом с Йядой у королевского знамени Волфклифов, и то существо, рядом с которым — и ради которого — он когда-то отдал жизнь при Кровавом Поле. Ингри понадобился весь остаток сил, чтобы позвать к себе Хорсривера; усилие было так велико, что оба они оказались на коленях.

«Этот призрак не то, что другие».

Хорсривер лишился духа коня и королевской ауры, но по-прежнему оставался сгустком душ: поколения Хорсриверов мучительно пытались пробиться к поверхности. Ингри осторожно потянулся к обрывку души Венсела в этой массе и прошептал:

— Приблизься... — потом громче ещё раз: — Приблизься! — Дрожь пробежала по стоящему перед ним существу, но никакая душа не отделилась от спутанного клубка. Ингри подумал, что совершил тактическую ошибку: ему нужно было попытаться разобраться с Хорсривером с первым, до того, как он потратил силы на остальных. Смог бы он справиться с древним проклятием, разъединить то, что оно так долго объединяло? Или подобное деяние было не под силу смертному? Ингри был почти уверен в этом. Почти...

Некоторые из лиц, поочерёдно мелькавших перед Ингри, с тоской смотрели в сторону божественных врат — пятерых свершавших выбор богов людей; те устало опирались друг на друга, измученные почти так же, как сам Ингри. Другие лица отворачивались с горечью и гневом в ужасных глазах...

— Каково ваше совместное желание? — спросил Ингри стоящее перед ним существо. — Я не могу вернуть вам потерянные столетия. Я не дал вам свершить месть, отлучив от богов другие души, ибо это было бы не правом священного короля, а его осквернением. Что же остаётся? Я готов даровать вам помилование, если вы его примете.

«У богов — океаны сострадания».

— Милосердия! — прошептали те голоса Хорсривера, что жаждали приобщения к богам. — Милосердия! — прошептали остальные Хорсриверы, отворачиваясь. Одно и то же слово говорило о противоположных, исключаящих друг друга стремлениях... Мог ли Ингри с помощью физической или магической силы подтащить это раздираемое противоречиями существо к какому-нибудь алтарю? И следовало ли пытаться?

Этой ночью для Ингри время замедлило свой бег, но теперь его оставалось мало. Что произойдёт, если рассвет наступит до того, как будет принято решение? И если Ингри позволит рассвету лишить его выбора, разве это не будет само по себе решением? Ингри был бы не первым человеком — и не первым королём, — суждение которого определялось бы крайней усталостью... Раньше он думал, что самый ужасный долг короля — вести воинов в битву, которую невозможно выиграть, но та новая невозможность, перед которой он оказался, изменила его взгляды. Глядя на Хорсривера, Ингри подумал: «Какой же великой душой должен был он обладать когда-то, чтобы боги до сих пор жаждали получить её, даже теперь, совершенно разрушенную».

Ингри оглянулся на свидетелей: трое храмовых священнослужителей, принц, принцесса, князь, двое королевских знаменосцев — одна живая, другой мёртвый. Вспышка ревности давно погасла в Биасте. Сейчас он даже не хотел власти священного короля. На лице мёртвого воина не было никакого выражения.

Ингри стиснул кровоточащую правую руку так, чтобы кровь потекла струйкой, и щедро оросил все сменяющие друг друга лица призрака Хорсривера. Глубоко втянув полный тумана ночной воздух, он прошептал:

— Милосердия! — и отпустил Хорсривера.

Медленно, словно дым, поднимающийся от погребального костра, Хорсривер начал растворяться в воздухе; скоро колеблющиеся очертания душ уже нельзя было отличить от клубов тумана. Мёртвые глаза знаменосца на мгновение закрылись, словно он не хотел этого видеть. Из всех присутствующих, Ингри был уверен, призрачный воин был единственным, кто понял сделанный Хорсривером выбор... все выборы. На поляне стало очень тихо.

Ингри попытался встать, не сумел, попытался снова. Мгновение он стоял, упираясь руками в колени, чувствуя головокружение и слабость. Он не думал, что потерял этой ночью столько крови, что не выживет, но тем не менее кровавые пятна на земле вокруг и на его одежде были очень впечатляющими.

«Когда столько пятен, всегда кажется, что крови пролито больше, чем в действительности».

Наконец Ингри выпрямил спину, взглянул на последнего оставшегося призрака и на Йяду, всё ещё сжимающую в руках знамя с волчьей головой. Высоко на острие древка всё ещё билось призрачное сердце.

Ингри поклонился знаменосцу.

— Я хотел бы просить вас об ответном даре, милорд знаменосец: ещё одном мгновении вашего времени.

Призрачный воин сделал жест, говоривший о согласии и некотором любопытстве.

— Всё моё время теперь принадлежит вам, сир.

Ингри сделал шаг вперёд и положил руку на плечо Йяды. Девушка устало улыбнулась ему; её бледное и покрытое грязью лицо сияло. Ингри оглянулся на членов священного квинтета.

«Да!»

— Просвещённый Освин, просвещённая Халлана, не подойдёте ли вы сюда?

Супруги переглянулись и приблизились.

— Да, Ингри? — пробормотала Халлана.

— Будьте добры, возьмитесь за концы древка и подержите его горизонтально — не очень высоко.

Халлана и Освин с некоторой опаской протянули руки к знамени, словно сомневаясь, что, будучи материальными, смогут удержать его, и встали так, как просил Ингри. Знамя Волфклифов развернулось и повисло, как будто великий Волк склонил голову к земле.

Ингри повернулся к Йяде.

— Возьми меня за руку.

Девушка нерешительно коснулась его окровавленной правой руки, но Ингри стиснул её пальцы, и она ответила ему более крепким пожатием. Ингри повернул её так, чтобы они оба

оказались лицом к знамени.

— Перепрыгни через древко вместе со мной, если согласна, чтобы мы были союзниками ночами, подобной этой, и любовниками — во все остальные.

— Ингри... — Йяда искоса бросила на него неуверенный взгляд, — ты просишь меня выйти за тебя замуж?

«Более или менее», — хотел он сказать, но вовремя одёрнул себя: на самом деле имело место только «более».

— Да. Тебе следует выйти замуж за короля. Сейчас тебе предоставляется великий шанс. — Он оглянулся: серьёзное лицо Освина озарилось пониманием, а Халлана широко улыбнулась. — Лучших свидетелей не найдёшь: трое добропорядочных священнослужителей, принц, а также князь — поэт, который, несомненно, создаст бессмертную поэму об этом прежде, чем мы продолеем половину пути до Истхома.

Джокол, который подошёл поближе, чтобы лучше видеть и слышать, радостно закивал.

— Ну, Ингорри, молодец! Прыгайте, прыгайте, Йяда! Моей прекрасной Брейге это понравилось бы, да!

— Принцесса. — Ингри немного неуверенно поклонился Фаре, которая скромно сидела на могильном холме; она мрачно, но достаточно доброжелательно ему кивнула. — А также ещё один свидетель. — Ингри поклонился знаменосцу. Он не знал, могут ли призраки удивляться, но озадаченная улыбка воина сказала ему, что тот никак не ожидал такого употребления священного знамени, которое он охранял четыре столетия. — Потом, если захочешь, будут другие церемонии, с более нарядной одеждой или ещё чем-то. Столько, сколько пожелаешь. Только бы свидетели не возражали, — добавил он скромно.

— Одной или двух обычно бывает достаточно, — пророкотал Освин, улыбаясь.

Ингри открыл рот, собираясь продолжать уговоры, но Йяда двумя пальцами коснулась его губ, призывая к молчанию. Ингри покачнулся: ноги едва держали его. Йяда задумчиво взглянула на него, потом повернулась к Халлане и Освину и знаком попросила их опустить древко пониже. Те послушно наклонились: теперь еле живой и бледный священный король наверняка смог бы преодолеть барьер.

Глядя друг на друга, Ингри и Йяда взяли за руки и прыгнули.

Приземлившись, Ингри покачнулся — голова у него кружилась всё сильнее, — но Йяда поддержала его. Они обменялись поцелуем; Ингри легко и быстро коснулся губ Йяды, но девушка обхватила руками его лицо и поцеловала его более крепко. «Да, — подумал Ингри, наслаждаясь нежностью и теплом её губ, — это и есть единственное живое „сейчас“».

Они оторвались друг от друга, смущённо улыбаясь, и Ингри снова поднял знамя. Бьющееся сердце исчезло с острия древка.

«Но какую половину получил каждый из нас?»

Ингри не был уверен, что он это знает.

Знаменосец преклонил колено, отвязал свои седые косы от золотого пояса и обеими руками поднял голову. Ингри тоже опустился на колени и последней каплей крови щедро оросил морщинистый лоб. Древний дух жеребца, отпущенный им на свободу, был совсем измождён, но Ингри подумал, что в своё время это был прекрасный быстрый скакун.

Знаменосец поднялся, став целым; он, словно испытывая облегчение, расправил плечи, серьёзно кивнул Ингри, протянул руку Освину и, не оборачиваясь, исчез.

Настоящая тьма в первый раз за эту ночь коснулась глаз Ингри; только теперь он понял, что уже многие часы видел всё со сверхъестественной ясностью только благодаря призрачному свету. Джокол с криком присел у маленького костра и пошевелил угли; Ингри и не заметил, что князь развёл огонь, чтобы согреть Фару, пока ждал появления подопечных леди Весны. Оранжевое пламя вспыхнуло ярче и бросило золотые отблески на усталые лица собравшихся у костра людей.

Биаст с сомнением взглянул на королевское знамя Волфклифов, на древко которого, как на посох, опирался Ингри.

— Что вы собираетесь с ним делать?

«Действительно, что?»

Ингри выпрямился и растерянно взглянул на знамя. Древко в его руках казалось ничуть не менее материальным, чем сломанное Фарой знамя Хорсривера; однако это знамя было не из мира материи, и Ингри сомневался, что сможет вынести его за пределы Израненного леса. Сомневался он и в том, что знамя переживёт рассвет, о приближении которого говорили первые лучи, заставившие посереть туман, висящий между искривлённых деревьев. Королевская власть Ингри была более ограничена местом, временем и необходимостью, чем, похоже, догадывался Биаст, иначе призрачный знаменосец не смотрел бы на него так печально, подумал Ингри.

Ему не хотелось покорно передавать королевское знамя Биасту, хоть это и могло бы оказаться политически предусмотрительным. Знамя несло на себе герб Волфклифов, а не Стагхорнов, оно принадлежало ночи, а не дню, да и вообще...

«Пусть он заработает своё собственное знамя».

— В Древнем Вилде, — сказал Ингри, — королевский знаменосец охранял штандарт с момента смерти прежнего короля до избрания нового. — «И теперь я знаю почему». — Потом его ломали и сжигали на погребальном костре почившего короля, если события позволяли провести такую церемонию. — Если же нет, как подозревал теперь Ингри, с ним поступали так, как подсказывало озарение, необходимость или неизбежность. Он рассеянно огляделся.

— Йяда, нам нужно очистить и землю тоже, прежде чем мы покинем долину. Очистить огнём, мне кажется. И нам нужно скоро отправляться.

— Прежде, чем поднимется солнце? — спросила Йяда.

— Так представляется правильным.

— Ты должен знать.

— Я и знаю.

Йяда проследила за его взглядом.

— Лесничий моего отчима говорил, что эти деревья больны. Он ещё тогда хотел сжечь лес, но я ему не позволила.

— А мне ты позволишь?

— Это твоё владение.

— Только до рассвета. Завтра оно снова станет твоим. — Ингри искоса посмотрел на Биаста, чтобы убедиться: тот понял намёк.

— Может быть, это и к лучшему, — вздохнула Йяда. — Может быть, это необходимо. Может быть... пришло время. А что... — она облизнула губы, — делать с телом Венсела?

Просвещённый Льюко озабоченно нахмурился.

— Не думаю, что мы сейчас сможем увезти тело с собой. Наши лошади устали, и им предстоит ещё доставить нас обратно к обжитым местам. Придётся кого-нибудь послать за телом потом. Может быть, нам стоит завалить его камнями, чтобы защитить от диких зверей.

— Последний король из рода Хорсриверов так и не удостоился погребального костра, как это подобает воину, — сказал Ингри. — Ни один из павших здесь не удостоился... за исключением немногих, сгоревших той ночью в своих хижинах. Не знаю, была ли идея Аудара похоронить своих врагов во рву теологическим актом, частью его проклятия или просто военной необходимостью. Чем больше я узнаю о Кровавом Поле, тем больше склоняюсь к мысли, что на самом деле даже тогда этого никто не знал. А теперь поздно: нам остаётся один последний час. Мы сожжём этот лес. — «Ради Венсела. Ради всех павших».

Йяда поспешила палец и подняла вверх.

— Ветер дует с запада, и пожар не распространится, даже если не пойдёт дождь.

Ингри кивнул.

— Биаст, господа, не можете ли вы Фаре добраться до опушки? Может ли кто-нибудь привести коней?

— Это могу сделать я, — жизнерадостно сказала Халлана и удивила всех, кроме Освина, вскарабкавшись на могильный холм и громко и довольно по-матерински прокричав

в сложенные ладони:

— Кони! Кони!

Освина это явно смутило, но когда через несколько минут, с треском продираясь сквозь кустарник, появились лошади, волоча по земле поводья и возбуждённо фыркая, неожиданностью для него это, по-видимому, не оказалось. Джокол и Льюко, следуя безмолвному указанию Ингри, собрали хворост и осторожно сложили вокруг тела Хорсривера. Льюко позаботился о том, чтобы забрать кошелек, кольца и прочие представляющие интерес для будущих наследников вещи графа. Йяда положила поверх кучи хвороста обломки знамени Хорсривера. Тем временем Халлана помогла овдовевшей принцессе сесть в седло. Все двинулись сквозь туманные тени леса в сторону болота; Фара ни разу не оглянулась назад.

Оглянувшись Биаст, развернув коня, он спросил Ингри, подкидывавшего ветки в огонь:

— С вами всё будет в порядке?

— Да, — ответил Ингри. — Поезжайте к проходу в зарослях ежевики. Мы с Йядой вас догоним.

Йяда с суровым лицом взялась за древко красно-чёрного знамени, сделала несколько шагов назад и поднесла полотнище к огню; потом она передала древко Ингри. Тот крепко стиснул его обеими руками, зажмурился и подкинул штандарт к небу. Открыв глаза, он схватил Йяду за руку и приготовился увернуться от падающих пылающих клочьев, но этого не понадобилось.

Знамя взлетело высоко вверх и рассыпалось сотнями ярких искр, озаривших всё вокруг.

— Ох, — удивлённо пробормотала Йяда, — а я думала, что нам придётся пробираться по лесу с факелами.

— Я так и знал, что это не понадобится, — ответил Ингри. Схватив Йяду за руку, он повёл её вперёд. Биаст, отставший от остальных, широко раскрыв глаза, смотрел на разгорающееся золотое сияние. — Но идти нам пора. Да, определённо. — Позади них в чаще что-то очень, очень сухое вспыхнуло с рёвом, рассыпая тучи искр. — И побыстрее.

Конь Биаста, несмотря на усталость, рвался подальше от огня, но принц-маршал сдерживал его, не позволяя обогнать Ингри и Йяду, бегущих мимо искривлённых уродливых дубов к болоту. Биаст бросал на Ингри и Йяду задумчивые взгляды, явно решая, кого из них посадить позади себя, чтобы скакать к спасительной прогалине, если ветер переменится. К счастью, на взгляд Ингри — у него уже не оставалось сил на ещё один спор, — слабый ветерок не раздувал пожар, и он распространялся от могильного холма в центре со скоростью пешехода. Биаст, Ингри и Йяда если и не сильно опередили неотвратимо охватывающее дубы пламя, то всё же достигли опушки, не подвергаясь опасности.

Йяда поддерживала Ингри, пока они не добрались до врат в зарослях ежевики; тут Биаст, видя, как спотыкается Ингри, спешился, посадил Ингри в седло, а сам повёл коня под уздцы. Им не потребовалось другого освещения, кроме далёкого зарева, чтобы подняться по извилистой тропе из долины. Когда они достигли открытой возвышенности, оказалось, что все остальные сгруппировались там вокруг небольшого костра, который развели Симарк, Оттовин, Бернан и Херги.

Льюко помог Ингри, которого бил озноб от предрассветного холода, слезть с коня Биаста. Увидев, как священнослужитель перекинул руку Ингри себе через плечо, чтобы довести того до костра, Халлана оставила Фару, вокруг которой хлопотала Херги, и поспешила им навстречу. Ингри решил, что ругательство, которое Халлана пробормотала себе под нос, пугает его больше, чем собственное бессилие.

Жрица, как и подобает целительнице, нахмурилась и принялась отдавать распоряжения.

— Быстро — принесите ему горячее питьё и горячую еду, — бросила она Бернану и Освину. — И все одеяла и плащи, какие только у нас есть.

Ингри опустил на расстеленную на земле попону: оставаться на ногах ему уже было не под силу.

— Не пролил ли он слишком много крови? — встревоженно спросила Халлану Йяда.

Та уклончиво ответила:

— С ним всё будет в порядке, если нам удастся согреть его и накормить.

Тут же рядом появилась Херги со своей кожаной сумкой, и Ингри пришлось вытерпеть обмывание и перевязку своей покрытой заскорузлой кровавой коркой правой руки, хотя рана на ней закрылась — опять, — а синяки пожелтели и побледнели. Остальные суетились вокруг с совсем излишней, на взгляд Ингри, озабоченностью: несли ему еду и одеяла, подкидывали дрова в огонь. Ингри устал, голова у него кружилась, а озноб был таким сильным, что он едва не расплескал странного вкуса травяной чай, приготовленный Херги, прежде чем донёс кружку до онемевших губ. Однако Йяда неумолимо снова и снова подносила ему питьё и заставляла есть, хоть в лагере оказалось и не так много еды. Вот что показалось Ингри удачной мыслью — так это её решение залезть к нему под одеяла, чтобы согреть собственным телом. Девушка сжала ледяные руки Ингри в своих горячих, и постепенно дрожь унялась; теперь Ингри чувствовал только глубокую, глубокую усталость.

— Как вы оказались здесь? — спросил Ингри просвещённого Льюко, который уселся рядом, жуя сушёное яблоко, нашедшееся у кого-то в седельной сумке. — Мне не удалось оставить сообщение, хоть я и хотел это сделать, — после того как мы покинули королевский дворец, Хорсривер наложил на нас с Фарой заклятие.

— Тем вечером я сопровождал Халлану на встречу с Йядой. Мы обсуждали с ней всё случившееся, как вдруг Йяда заволновалась и стала говорить, что с вами случилось что-то ужасное.

— Я больше не чувствовала тебя, — вмешалась Йяда, — и испугалась, что тебя убили. — Она хотела бы придвинуться ещё ближе к Ингри, но их уже и так ничто не разделяло; поэтому она только крепче сжала его руки.

— Нашу связь разрушил Хорсривер.

— Ах... — выдохнула Йяда.

Льюко с любопытством поднял брови, но ограничился тем, что продолжил рассказ:

— Леди Йяда настаивала на том, чтобы мы отправились выяснить, что случилось. Халлана согласилась. Я... предпочёл не спорить. Ваш рыцарь Геска тоже предпочёл не спорить — по крайней мере с Халланой, хотя и последовал за нами, выполняя свой долг стражника. Мы вчетвером явились во дворец Хорсривера, где нам сообщили, что вы отправились к умирающему королю. В королевском дворце Биаст, прощавшийся с почившим отцом, сказал, что вы направились обратно, в резиденцию Хорсриверов. Мы были уверены, что не могли разминуться с вами в темноте. Халлана... воспользовалась своими умениями, как она это иногда делает, и повела нас в графскую конюшню.

— Представляю, какая там была сцена, — пробормотал Ингри.

— Это ещё мягко сказано! До того момента Биаст сомневался, что произошло нечто странное, — помимо обычного недомогания его сестры, — но никто не мог бы превзойти его в организации погони, как только он убедился в похищении принцессы. Халлана поспешила за Освином и Бернаном с Херги с их тележкой и обнаружила, что с Освином беседует князь Джокол — он всё пытался раздобыть жреца, который отправился бы на его остров, — так что она привела их всех. Я не был уверен, что следует брать с собой всю эту разношёрстную компанию, но... но считать до пяти я умею. По крайней мере, — вздохнул Льюко, — Джокол не захватил с собой своего белого медведя.

— А он хотел? — растерянно спросил Ингри.

— Да, — ответила Йяда, — но я его отговорила. Он очень славный парень.

Ингри предпочёл не комментировать это заявление.

— Вот тут я и решил, — продолжал Льюко, — что боги на нашей стороне... Я бы сказал: «Да помогут им боги» — вы только представьте себе, что за путешествие ожидало бы нас — и их — с участием белого медведя, — только разве можно так сказать, когда дело касается Их самих? — Льюко передёрнуло. — Фафе пришлось бы ехать в тележке, хотя этот зверь достаточно велик, чтобы можно было ехать на нём самом. — Льюко задумчиво

поморгал. — Интересно, не было ли это путешествие островитян за жрецом просто уловкой прекрасной Брейги, чтобы избавиться от медведя, прежде чем у него появится привычка спать в ногах супружеской постели?

Глаза Йяды загорелись, и она хихикнула.

— Могло быть и хуже — супругам не осталось бы места на ложе. Судя по всему, прекрасная Брейга — решительная девица. Только, ради пятерых богов, не говорите об этом в присутствии Джокола.

— Мне такое и в голову бы не пришло. — Льюко потёр лицо, чтобы скрыть ухмылку, и продолжал: — Биаст взвалил все дела в Истхоме на плечи Хетвара — достаточно крепкие, на мой взгляд, чтобы это выдержать, — и мы уже мчались по дороге вдоль реки на север всего через четыре часа после того, как вы покинули столицу. Мы воспользовались возможностью получать свежих лошадей на курьерских станциях храма и станциях королевской почты и по очереди спали в тележке, пока не добрались до Баджербриджа.

— Вы ехали по главной дороге до самого шахтёрского городка? — спросил Ингри, мысленно представив себе карту. — Это должно было сэкономить вам время. Мы свернули на запад по заброшенному просёлку — ради секретности, как я думаю.

— Да. Никакого сомнения в том, куда вы направляетесь, у нас не было. Такое обилие сновидений! Я не понимал почему, пока... ну, теперь я знаю, почему их было так много. После Баджербриджа мы сменили тележку на верховых лошадей и опередили эскорт принца; гвардейцы, наверное, нас ещё догонят, если не заблудились в лесах Йяды.

Йяда задумчиво кивнула, оценивая такую возможность.

— С ними лесничий моего отчима. Рано или поздно они дорогу найдут — только, может быть, через другой перевал. — Она взглянула в сторону долины. — Да и дым им покажет, куда ехать.

Халлана, которая отошла в другой конец лагеря, поманила Йяду к себе, и та поднялась, чтобы узнать, чего хочет волшебница. Ингри потянулся; теперь он согрелся и чувствовал себя вполне прилично, несмотря на головную боль. Выбравшись из-под одеял, он прошёл к краю возвышенности и оглядел чашеобразную долину Кровавого Поля — Священного древа — Израненного леса.

«Моё королевство — всё-что-когда-то-было...»

Ингри расстелил на земле одеяло и уселся на него, обхватив руками колени и не сводя глаз с серой пелены дыма и тумана. Горячее золотое сияние, рассекавшее тьму, превратилось в тлеющее багровое кольцо; его тёмная сердцевина всё росла. Кровавый свет отражался от низко нависших угольно-чёрных туч; издалека, из-за гряды холмов донеслось ворчание грома, и Ингри ощутил влажный запах приближающегося дождя, мешавшийся с вонью дыма. Ингри подумал о том, не таким ли было утро после резни и не смотрел ли сам Аудар на долину с того же места, где сейчас находился он, размышляя о последствиях столкновения королей.

Биаст подошёл и встал рядом с Ингри, сложив руки на груди и глядя на долину. Принц-маршал казался слишком напряжённым для того, чтобы стремиться к беседе, но Ингри всё равно протянул ему руку, и Биаст принял приглашение — опустил рядом с Ингри на одеяло и усталое вздохнул.

— Что вы теперь будете делать? — спросил он Ингри.

— Отсыпаться, надеюсь... прежде чем придётся ехать обратно.

— Я имел в виду более общую перспективу.

«Я знаю».

Ингри вздохнул и слегка улыбнулся.

— Потом я стану стремиться к тому, о чём только может мечтать придворный... — Ингри сделал паузу, чтобы дать Биасту время насторожиться, и закончил: — Жениться на богатой наследнице и вести праздную жизнь в её сельских владениях.

— Праздную жизнь? В этой глуши?

— Ну, может быть, супруга найдёт мне одно или два дела.

— Она может. — Биаст от неожиданности и облегчения засмеялся.

— Если только её не повесят.

Принц поморщился и отмахнулся от подобного опасения.

— Такого не случится — уж по крайней мере после всего, что тут произошло. Если вы не полагаетесь на меня и Хетвара, что ж, не сомневаюсь, что Льюко и Освин найдут что сказать в защиту леди Йяды. При такой поддержке правосудие проявит разумный подход и... — голос Биаста дрогнул — не от сомнения, а от смущения, — и милосердие.

— Хорошо, — вздохнул Ингри.

— Благодарю вас за то, что вы спасли жизнь Фары — и не единожды, насколько можно судить по её словам. Привлечь к её охране лорда-волка было одним из моих самых удачных решений... если только тут можно говорить об удаче.

Ингри пожал плечами.

— Я сделал не больше, чем мне диктовал долг перед вами, но и не меньше, чем потребовала бы совесть от любого человека.

— Любой человек не смог бы совершить того, что я видел этой ночью. — Биаст смотрел в землю, стараясь не встречаться с Ингри глазами. — Если вы захотите стать... если будете претендовать на трон моего отца, не знаю, кто смог бы вам воспротивиться, король-волк. — «Уж точно не я», — казалось, говорили его поникшие плечи.

«Вот и дошло до дела».

Ингри показал на долину.

— Моё королевство имеет размер четыре мили на две, и ни одна живая душа его не населяет, а царствование длилось от заката до рассвета. Павшие и в самом деле наделили меня королевской властью, но под конец я вернул её, как должен делать любой король, например, ваш отец. — Хотя Хорсривер такой обязанностью пренебрёг, и в этом-то и крылся один корень проблемы. — Вы тоже, принц, отдадите корону, когда придёт ваш черёд.

Если подумать, решил Ингри, то его географии не хватало одного измерения. Восемь квадратных миль на четыре столетия — а то и больше, потому что вся история Древнего Вилда сосредоточилась на этом клочке земли в ту кошмарную ночь... и так ужасно исказилась потом. Это было похоже на бездонную пропасть под обманчиво спокойной поверхностью озера, которое эта долина так напоминала; время уходило в невообразимые глубины на этой земле... «Всё глубже и глубже. Моё королевство больше, чем кажется». Ингри решил не тревожить Биаста этими рассуждениями и только сказал:

— Если на мне и остаётся какая-то королевская аура, её удовлетворит это маленькое королевство.

Биаст заметно приободрился, и лицо его прояснилось, когда выяснилось, что лорд-волк с его устрашающей силой не желает играть более заметную роль в политике Истхома. Принц обвёл взглядом горизонт, возможно, в поисках признаков приближения своего отставшего эскорта, ничего не обнаружил, поднял с земли несколько камешков и стал кидать их вниз.

— Скажите мне правду, лорд Ингри, — неожиданно сказал Биаст и едва ли не в первый раз посмотрел тому в лицо. — Что делает власть священного короля священной?

Ингри так долго колебался с ответом, что Биаст уже начал разочарованно подниматься, когда наконец Ингри выдохнул:

— Вера. — Брови Биаста озадаченно поползли вверх, и Ингри уточнил: — Способность сохранять веру.

Губы Биаста беззвучно приоткрылись, словно что-то острое вонзилось ему в сердце. Не говоря ни слова, он вновь опустился на одеяло. Довольно долго ни один из них не нарушал тишины. Они сидели рядом в дружеском молчании, глядя, как мерцающее пламя очищает землю, как исправляет святотатство запоздалый погребальный костёр Священного древа и Кровавого Поля.

Эпилог

В тот день Ингри покинул принадлежащий Йяде лес, судорожно цепляясь за седло; его коня вёл в поводу один из наконец-то прибывших гвардейцев Биаста. Всю следующую неделю он пролежал пластом в доме отчима Йяды в Баджербридже. Однако как только Ингри смог стоять, не падая в обморок, их поженили — или поженили снова — в парадном зале дома, и с этого момента он смог наслаждаться, выздоравливая, обществом Йяды не только все дни, но и все ночи. Для того чтобы совершить некоторые вещи, не обязательно покидать постель.

Принц Биаст и его свита поспешили в Истхом, где их ждали неотложные дела; известие о том, что Биаст избран священным королём, достигло Баджербриджа на следующий день после бракосочетания. Князь Джокол и Оттовин задержались ровно настолько, сколько было нужно, чтобы оживить свадебные торжества и поразить горожан Баджербриджа, а потом вернулись на свой корабль.

Халлана в сопровождении своих верных слуг тоже немедленно вернулась в Сатлиф к детям, но просвещённые Освин и Льюко задержались, чтобы сопровождать в столицу Йяду, которая формально всё ещё оставалась под арестом. Даже под их нажимом колёса храмового и королевского судопроизводства вращались медленно, в результате чего прошло ещё несколько дней, прежде чем судьи вынесли приговор: убийство Болесо было самозащитой. Освин без промедления составил прошение о церковном оправдании Йяды и Фары, приводя в обоих случаях одни и те же аргументы: духи животных были женщинам навязаны против их воли. Закулисное выкручивание рук, в результате которого помилование было немедленно даровано, заставило просвещённого Льюко только криво улыбнуться.

Фара провела траур в уединении, заботливо опекаемая братом. Если обладание духом лошади делало её менее востребованной для какого-нибудь нового политически выгодного брака, то это скорее доставляло ей мрачное удовлетворение, чем вызывало сожаление. Постоянные головные боли принцессе больше не мучили.

Ингри так и не узнал, какими средствами воспользовались Льюко и Освин, чтобы Джокол получил для своего острова вождя священнослужителя. Ингри и Йяда пришли на пристань, чтобы пожелать князю и его спутникам счастливого плавания. Молодой жрец выглядел смущённым и цеплялся за борт ладьи, словно опасался приступа морской болезни уже при плавании по реке, но старался держаться храбро. Кто-то сообразительный предложил подарить Фафу, белого медведя, Биасту в связи с его избранием на престол; теперь зверь обитал на пригородной ферме, где ему был предоставлен собственный пруд.

Так или иначе, к тому времени, когда Ингри и Йяда в сопровождении просвещённого Льюко выехали из Истхома на юго-восток, в долину Лура, в воздухе уже кружились снежинки. Ингри, несмотря на холод, торопил спутников: и так было весьма вероятно, что он безнадежно опоздал, и это казалось ему невыносимым. До слияния Лура и Бирчбека они добрались в день зимнего солнцестояния, День Отца, и это совпадение заставило сердце Ингри забиться новой надеждой, несмотря на собственные предчувствия и предостережения учёного жреца.

— Боюсь, это бесполезная затея, кузен, — покачал головой Ислин Волфклиф, хозяин замка в Бирчгрове. — За все десять лет, что я здесь живу, я ни разу не видел призрака в замке и не слышал ни о чём таком. Но ты, конечно, можешь свободно здесь распоряжаться, если надеешься что-то найти. — Ислин с беспокойством посмотрел на Ингри и его спутников и зевнул. — Когда устанешь бродить в темноте и холоде, знай, что тебя ждёт тёплая перина на постели. Меня она тоже ждёт, так что прошу меня извинить.

— Конечно, — вежливо кивнул Ингри. Ислин поклонился гостям и покинул зал замка.

Ингри огляделся вокруг. Восковые свечи в посеребрённых подсвечниках разливали тёплый медовый свет, огонь, горящий в каменном очаге, разгонял зимний холод по углам. За узкими окнами не было видно ничего, кроме полуночной тьмы, но из-за стены доносилось журчание быстрого Бирчбека, не сдавшегося морозам, хоть вдоль берегов уже образовался

лёд. Здесь почти ничего не изменилось с того дня, когда Ингри и его отец принесли кровавые жертвы, и все же... всё было иным.

«Замок меньше, чем я помнил, и выглядит совсем по-деревенски. Как может каменное строение уменьшиться в размерах?»

Йяда встревоженно сказала:

— Твой кузен за ужином был очень молчалив. Как ты думаешь, может быть, его пугают живущие в нас духи животных?

Губы Ингри тронула лёгкая невесёлая улыбка.

— Может быть, немного и пугают, но я думаю, его больше заботит, не воспользуюсь ли я своим влиянием при дворе, чтобы отобрать у него замок. — Ислин был только немного старше Ингри и унаследовал владения всего три года назад.

— А ты бы этого хотел? — с любопытством спросила Йяда.

Брови Ингри сошлись к переносице.

— Нет. Меня здесь преследовали бы слишком мучительные воспоминания: они перевешивают хорошие... Лучше, пожалуй, оставить позади и те и другие. За исключением одного.

Йяда повернулась к Льюко.

— Так что, святой, открывает вам ваше дарованное богами зрение? Прав ли Ислин? Действительно ли здесь нет призраков?

Льюко, который с момента прибытия в замок по привычке притворялся простоватым, смиренным и незаметным обычным священнослужителем, покачал головой и улыбнулся.

— В здании настолько древнем, обширном и давно обитаемом было бы удивительно не встретить хотя бы нескольких. А что говорит вам ваше восприятие шамана, Ингри?

Ингри поднял голову, закрыл глаза и принял.

— Мне кажется, что время от времени я чувствую в воздухе странные тёмные сгустки. Однако в это время года такое не удивительно. — Он открыл глаза. — А ты, Йяда?

— Боюсь, я слишком плохо обучена, чтобы говорить с уверенностью. Так что дальше, просвещённый?

Льюко пожал плечами.

— Если бог коснётся меня сегодня ночью, все призраки в округе слетятся, привлечённые моей аурой. Мои молитвы тут ни при чём, как вы понимаете: такое просто случается или нет. Я буду молиться, чтобы мне было позволено поделиться с вами вторым зрением: в конце концов боги перед вами, Ингри и Йяда, в долгу. Если вы окажетесь способны принять их дар, я думаю, они вам это даруют. Сосредоточьтесь и сохраняйте спокойствие, и посмотрим, что случится. — Льюко осенил себя знаком Пятёрки и сложил руки на груди. Священнослужитель, казалось, ушёл в себя; губы его шевелились в безмолвной молитве.

Ингри сделал всё, что мог, чтобы изгнать из своего разума все желания и страхи; он подумал, не сойдёт ли за сосредоточенность та глубокая усталость, которую он испытывал.

Наконец Льюко открыл глаза, сделал шаг вперёд и молча поцеловал в лоб сначала Йяду, потом Ингри. Губы его были холодными, но Ингри ощутил странное благодетельное тепло, охватившее его.

— Ох! — воскликнула Йяда, с интересом оглядывая зал. — Просвещённый, это он и есть? — Она показала в угол; Ингри разглядел там плывущий в воздухе еле заметный бледный сгусток, едва ли более материальный, чем клуб пара, вырывающийся изо рта морозной ночью.

— Да, — подтвердил Льюко, проследив за её взглядом. — Бояться тут нечего, хотя пожалуй следует. Эта душа давно отлучена от богов, она бессильна и скоро истает.

Предположение, что Йяда, разделившая с ним и ужас, и триумф в долине Священного древа, может бояться призрака, показалось Ингри абсурдным. Его собственные страхи касались другого.

— Просвещённый, может ли это быть мой отец?

— Вы ощущаете присутствие его волка, как ощущали духов животных в других людях?
— Нет, — был вынужден признать Ингри.
— Тогда это какая-то другая душа, давно заблудившаяся. Умирающая, не найдя смерти. — Льюко осенил призрак знаком Пятёрки, и тот снова исчез в стене.
— Зачем бы богам даровать нам второе зрение, если видеть нечего? — сказал Ингри. — В этом нет смысла. Должны быть и ещё призраки.

Льюко оглядел опустевший зал.

— Давайте обойдём замок дозором и посмотрим, не встретим ли кого. Только, Ингри, не особенно надейтесь. Призраков Кровавого Поля поддерживало могучее заклинание и все живые существа долины. Лорд Ингалеф, боюсь, был всего этого лишён.

— У него оставался его волк, — упрямо возразил Ингри. — Может быть, это что-то изменило. — Слыша в голосе Ингри отчаяние, Йяда сжала его руку; выйдя из зала, они направились в сторону, противоположную той, которую выбрал Льюко, чтобы обойти как можно большую часть замка, пока странный дар не покинул их.

Зимний сумрак сделал замок холодным, сырым и унылым даже без встреч с призраками, но Ингри обнаружил, что видит в темноте даже лучше, чем раньше. Они с Йядой обходили коридоры и комнаты, касаясь руками стен. Выйдя из главной башни, они прошли по внутренней галерее, опоясывающей замковую стену. Оказавшись в тепле конюшни, согретой дыханием коней, Йяда прошептала:

— Смотри, ещё один!

Бледный сгусток тумана словно в тревоге подлетел к ним, но тут же растворился в воздухе снова.

— Это не он? — спросила Йяда.

— Думаю, нет: этот был таким же, как и первый. Пошли дальше.

Пробираясь по снегу, завалившему узкий дворик, Ингри пробормотал:

— Я явился слишком поздно. Нужно было приехать сюда раньше.

Йяда крепче стиснула его руку.

— Перестань! Ты не знал. А даже если бы знал, ты тогда ещё не обрёл необходимой силы.

— Но меня угнетает мысль, что было время, когда можно было его спасти, и оно протекло у меня между пальцами. Уж не знаю, кого в этом винить: себя самого, моего дядю, храм или богов...

— Тогда не вини никого. Мои родители оба умерли, когда их время ещё не пришло. Да, они отправились каждый к своему богу, что послужило мне некоторым утешением, но... недостаточным. Достаточного утешения никогда не бывает. Смерть — это не испытание, которому подвергается человек, так что не нужно себя упрекать.

Ингри, в свою очередь, сжал руку Йяды и наклонился, чтобы в лунном свете поцеловать её волосы.

Они поднялись по лестнице на стену и добрались до самой верхней точки укреплений; там они остановились, глядя на крутые берега Бирчбека. Вода быстрого потока переливалась, как чёрный шёлк, между блестящими стальным блеском ледяными краинами. Снег на склонах казался голубым в свете низко стоящей луны; чёрные ветви деревьев на его фоне выделялись, словно рисунок углём. Лишь кое-где чернела густая хвоя елей, а в ущельях таинственно шептались падубы. Голые стволы берёз сливались со снегом, обманывая глаз.

Ингри и Йяда постояли, оглядывая окрестности; скоро Йяда начала ёжиться, несмотря на тёплую одежду, и Ингри обнял её, чтобы согреть. Она благодарно улыбнулась ему.

«Я согреваю тебя так же, как ты — меня, любимая».

На этот раз Ингри заметил призрака раньше Йяды, хотя она сразу же почувствовала, как он напрягся, и проследила за его взглядом. В нескольких шагах от них в воздухе плавала фигура, словно облако тумана в лунном свете. Этот призрак был более плотным и высоким, чем виденные ими раньше. Внутри напоминающей человека тени виднелась другая, похожая

на клуб дыма в тумане.

Руки Ингри судорожно сжались вокруг Йяды, потом он выпустил жену и подтолкнул к лестнице.

— Приведи просвещённого Льюко, скорее!

Йяда кивнула и убежала.

Ингри стоял молча и неподвижно, едва осмеливаясь дышать: туманный образ мог исчезнуть, как исчезли призраки, встреченные ими ранее. У фигуры, казалось, были голова и ноги, но различить лица Ингри не мог. Его воображение пыталось надеть призрака чертами отца, но тут Ингри с печалью обнаружил, что не может с точностью вспомнить, как выглядел лорд Ингалеф. Внешность отца никогда не имела для Ингри такого уж значения: достаточно было его надёжного присутствия и теплоты, его раскатистого голоса, рокочущего в груди, к которой прижималось детское ухо...

Иллюзия безопасности...

«Я мог бы и сам уже стать отцом, но дать абсолютной безопасности я не могу. Это всегда бывает иллюзией. Простят ли меня мои дети, когда узнают об этом?»

Скрип снега под бегущими ногами и тяжёлое дыхание сообщили Ингри о приближении Йяды с Льюко, торопливо поднимавшихся по крутой лестнице. Льюко помедлил, добравшись до площадки, и взгляделся в смутный образ.

— Ингри, это?..

— Я... — начал отвечать Ингри. Он хотел сказать: «Да, я думаю, это он», но вместо этого выдохнул: — Да, это он, я уверен. Просвещённый, что мне делать? Я хотел бы задать тысячу вопросов, но у него нет рта. Не думаю, что он способен говорить. Я даже не знаю, слышит ли он меня.

— Пожалуй, вы правы. Время для вопросов и ответов давно миновало. Вы можете только очистить эту душу и отпустить. Так ведь и должен поступить шаман, по-моему.

— А когда я очищу и отпущу его, заберёт ли Отец Зимы его душу? Или она безнадежно отлучена от богов? Неужели нет никаких обрядов, которые могли бы помочь?

— Все погребальные обряды давно совершены, Ингри. Вы можете сделать только то, что можете: очистить его душу. Я могу молиться. Однако если времени прошло слишком много, от души вашего отца могло остаться недостаточно, чтобы она могла обратиться к богу, а тогда даже бог будет бессилен. Возможно, вы сумеете только освободить вашего отца из плена.

— Ради исчезновения...

— Да.

— Как Хорсривера. — Ненависть, которую Хорсривер питал к невозвратимому времени, стала теперь Ингри более понятна.

— Более или менее.

— Какая от меня польза, если я могу отправить души четырёх тысяч незнакомцев к их богам, но ничем не могу помочь четыре тысячи первому, который значит для меня так много?

— Я не знаю.

— И это суть всей мудрости храма?

— Такова суть моей мудрости, и такова вся известная мне истина.

Так не была ли мудрость храма, как и безопасность отцовских объятий, иллюзией? И так было всегда?

«Разве я предпочёл бы, чтобы Льюко солгал мне в утешение?»

Ингри не мог вернуться сквозь завесу времени и опыта к детскому восприятию, да и не был уверен, что захотел бы, даже если бы мог. Йяда подошла к нему и положила руку на плечо, утешая своей близостью, раз уж Ингри отказано в утешении благополучным разрешением его проблемы. Он мгновение наслаждался исходящим от неё теплом, потом отстранил её и сделал шаг вперёд.

Из кошелька на поясе Ингри достал острый новый нож, специально купленный в

Истхоме. Тонкое лезвие отразило лунный диск... Йяда одновременно с Ингри стиснула зубы, когда нож вонзился в его правый указательный палец. Ингри выдавил каплю крови и протянул руку к туманной фигуре.

Кровь пролилась сквозь неё на утоптаный снег, разбрызгавшись маленькими чёрными каплями.

Судорожно втянув воздух, Ингри крепче сжал нож. Льюко едва успел удержать его от попытки вонзить клинок в руку глубже.

— Нет, Ингри, — прошептал священнослужитель, — если капля крови не принесла благословения, не принесёт его и ведро.

Ингри медленно выдохнул воздух и, как только Льюко выпустил его руку, спрятал нож в кошель. Какая бы часть королевской ауры ещё ни оставалась у него, над этой душой она, похоже, власти не имела.

«Но я должен был попробовать».

Ингри в последний раз бросил долгий взгляд на призрака, гадая, что сказать. «В добрый путь» показалось бы издёвкой. «Покойся с миром» — пожалуй, немного лучше... Ингри нерешительно облизнул губы в морозном искрящемся воздухе.

— Что бы ты ни собирался совершить, начатое тобой закончено, и закончено хорошо. Принесённая тобой жертва была не напрасной. — Ингри подумал, не сказать ли «Я тебя прощаю», но решил этого не говорить — было бы напыщенно, глупо и не к месту... Через несколько мгновений он просто добавил: — Я люблю тебя, отец. — И закончил колдовским голосом: — *Выйди!*

Тёмное пятно — дух волка — выскользнуло из туманной фигуры и растворилось в воздухе.

Сама туманная фигура исчезла более медленно, с последним голубым лунным лучом.

— Бог не забрал его, — прошептал Ингри.

— Он забрал бы, если бы мог, — ответил ему Льюко. — Отец Зимы тоже оплакивает эту потерю.

У Ингри, по крайней мере пока, слёз не было, хотя все его тело сотрясала дрожь. Он чувствовал, как его покидает второе зрение — дар возвращался к дарителю. Йяда снова приблизилась и перевязала палец Ингри куском чистого полотна. Они ещё какое-то время постояли, обнявшись.

— Что ж... — Просвещённый Льюко осенил их знаком Священного Семейства. — Всё закончено. — Его голос стал более мягким. — Не пора ли нам вернуться в тепло, милорд и миледи?

— Сейчас, — вздохнул Ингри. — Закат луны над Бирчбеком стоит того, чтобы немного помёрзнуть.

— Как пожелаете. — Льюко улыбнулся и, поплотнее запахнув мантию, стал спускаться по лестнице, внимательно глядя под ноги, чтобы не поскользнуться.

Ингри подошёл к Йяде сзади и положил подбородок ей на плечо; оба они смотрели на раскинувшуюся перед ними долину.

— Я знаю, что надеялся ты на другое для лорда Ингалефа, — через некоторое время сказала Йяда. — Мне очень жаль.

— Да, на другое... Но всё равно это лучше, чем ничего, и несравненно лучше, чем вечное сомнение. По крайней мере здесь всё закончено. Я могу уйти и не оборачиваться назад.

— Но здесь — дом твоего детства.

— Он был им, но я больше не ребёнок. — Ингри так крепко обнял Йяду, что она наполовину охнула, наполовину рассмеялась. — Мой дом имеет новое имя, и зовут его Йяда. Вот там я и буду жить.

Теперь уже Йяда рассмеялась так громко, что с её губ слетел клуб пронизанного лунным светом пара.

— Кроме того, — продолжал Ингри, — думаю, что зимой в Баджербридже теплее, чем

в Бирчгрове.

— В долинах теплее, да. На верхних склонах всегда бывает много снега, если ты по нему соскучишься.

— Прекрасно.

Несколько раз медленно втянув морозный воздух, Ингри прошептал:

— По-моему, он не испытывал ни боли, ни страданий. Что ж... Я видел судьбу, которая меня ожидает. Я не буду её бояться.

— Меня и Фару тоже, — задумчиво проговорила Йяда, — если ты не переживёшь нас и не очистишь по очереди наши души.

— Трудно решить, какая очерёдность пугает меня больше. — Ингри повернул Йяду лицом к себе и взглянул в её встревоженные глаза, широко раскрытые, тёмные, с янтарным ободком вокруг радужки. — Я должен молиться о том, чтобы уйти последним, но я не знаю, как я это вынесу.

— Ингри, — Йяда ледяными руками сжала его лицо и повернула так, чтобы смотреть ему в глаза, — год назад разве мог ты даже вообразить, что будешь стоять здесь, сделавшись тем, кем ты стал?

— Нет.

— Я тоже не могла вообразить всего, что со мной произошло. Так что, может быть, нам не следует быть особенно уверенными насчёт своего будущего. То, чего мы не знаем, гораздо больше того, что знаем, и будущее наверняка не перестанет нас удивлять.

Мысли Ингри вернулись к той ночи в Оксмиде, когда в припадке чёрного безумия он едва не перерезал себе горло. Он всё ещё не был уверен в том, была ли в том вина Хорсривера или его собственная.

«Мне будет всего этого не хватать».

— Я неожиданно повстречал четыре тысячи душ, которые согласились бы с тобой, знаменосица.

— Тогда позволь их мнению направлять твои решения.

— Ах... — Унылое полуночное настроение уступило место покою, рождённому теплом Йяды.

— И ты напрасно называешь себя последним шаманом, — добавила Йяда. — Ты сам мог бы создать великих священных животных и магов, населённых духами зверей.

— Я не стал бы делать такого ни с кем, не будучи уверенным, что найдётся способ вывернуться.

— Ну конечно. И разве ты думаешь, что храм вечно будет противиться древней лесной магии? Может быть, они придумают какую-то свежую версию, подходящую к новым временам.

— Это потребует от священнослужителей долгих размышлений. Пятеро богов свидетели: мы видели достаточно несчастий, вызванных прежними порядками.

— Тем не менее храм управляется со своими волшебниками, хотя и не всегда успешно. Посмотри на бедного Камрила... И всё-таки то, чему жрецы научились, позволяет им не отказываться от использования демонов. Мы с тобой оба знаем священнослужителей, способных придумать новшества.

— Ах... — В глазах Ингри вспыхнула новая надежда.

— Ты очень высокомерен, лорд-волк. — Руки Йяды назидательно встряхнули голову Ингри.

— Да? Что ты ещё придумала, милая моя кошка?

— Как можешь ты утверждать, что ещё нерождённые поколения не станут горько тебя оплакивать? Не в твоей власти диктовать их сердцам.

— Ты пророчествуешь, леди? — лукаво поинтересовался Ингри, но в этот момент его охватила дрожь, как будто он слышал колдовской голос.

— Давай примиримся со своей судьбой и посмотрим, что получится.

Губы Йяды были тёплыми, как лучи встающего солнца, разгоняющего лунный холод.

Она потёрлась щекой о щеку Ингри и счастливо вздохнула.

— У тебя холодный нос, волчонок. И ты не такой уж колючий — должно быть, это признак здоровья. Если нам предстоит когда-нибудь стать предками, а не просто потомками, то, пожалуй, стоит вернуться на ту пуховую перину, которую нам обещал твой кузен.

Ингри усмехнулся и разжал объятия.

— В постель так в постель — ради наших потомков.

— И я смогу отогреть ноги о твою спину, — практично решила Йяда.

Ингри взвизгнул в шутливом ужасе и был вознаграждён звонким смехом Йяды. Её смех обрадовал его сердце, как обещание рассвета этой самой длинной ночью года.

Держась за руки, они спустились по заснеженной лестнице.